

Е. Г. Ковалевская

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Допущено

*Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника
для студентов педагогических университетов и институтов по специальности
«Русский язык и литература»*

2-е издание, переработанное

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1992

Рецензент:
*кафедра русского языка Череповецкого государственного
педагогического института (зав. кафедрой Смулаковская Р. Л.)*

Ковалевская Е. Г.

К 56 История русского литературного языка: Учеб. для студентов пед, ун-тов и ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» — 2-е изд., перераб.— М.: Просвещение, 1992.— 303 с.: ил.— ISBN 5-09-001863-4.

Учебник соответствует новой программе по данному курсу для педагогических университетов и институтов. При переиздании существенно переработаны все разделы, внесены изменения и уточнения, связанные с появлением новых исследований по истории русского литературного языка, уточнены тексты примеров из памятников письменности.

1-е издание вышло в 1978 г.

К $\frac{4309000000-569}{103(03)-92}$ 1—92

ББК 81.2Р-923

ISBN 5-09-001863-4

© Ковалевская Е. Г., 1978
© Ковалевская Е. Г., 1992, с изменениями

История русского литературного языка — наука о процессах развития русского литературного языка со времени его зарождения и становления до наших дней. Большинство исследователей выделяет три основных периода в истории русского литературного языка. В связи с этим и в соответствии с действующей ныне программой предлагаемая читателю книга имеет три части: литературный язык донациональной эпохи (X—XVII вв.); литературный язык эпохи формирования русской нации (конец XVII — первая четверть XIX в.); современный русский литературный язык.

В пределах указанных частей выделено 9 глав, где освещаются основные вопросы, встающие при характеристике каждого периода развития русского литературного языка.

Развитие литературного языка обусловлено его внутренними законами, поэтому в учебнике прослеживаются основные изменения в системе русского литературного языка, связанные с изменением диалектной базы живой разговорной речи, на основе которой формируется литературный язык, с изменением отношения русского литературного языка к церковнославянскому языку, живой разговорной речи, с контактами русского языка с другими языками.

Однако на развитие литературного языка оказывают влияние и социальные факторы. История языка тесно связана с историей носителей языка, их культурой, литературой, искусством. Поэтому при рассмотрении некоторых особенностей литературного языка XI—XVII вв., XVIII в. и XIX—XX вв. привлекаются материалы исторического и филологического характера, хотя объем книги не позволяет делать это постоянно.

Источником сведений о русском литературном языке являются тексты различного типа, в том числе тексты художественных произведений XI—XX вв. Но эстетические функции языковых единиц, представленных в этих текстах, специально не изучаются, поскольку это объект исследования стилистики художественной речи. В курсе «История русского литературного языка» речь идет о влиянии на развитие языка тех или иных изменений в поэтической или прозаической речи. Вопросы, связанные с языком писателей, также являются предметом изучения особого раздела филологии — науки о языке художественной литературы. В учебнике специально рассмат-

ривается язык произведений тех писателей, с именами которых реформы русского литературного языка.

Автор стремился не только дать описание наиболее процессов в развитии русского литературного языка, но и

изучения истории русского литературного языка от м. в. до наших дней.

Предлагаемая книга является учебником по истории литературного языка для студентов факультета языка и литературы педагогических университетов и институтов, в котором затронуты вопросы истории русского литературного языка, предусмотренные программой, но с различной степенью полноты.

Цитирование текстов, относящихся к XI—XVII вв., в осуществляется по составленной В. В. Ивановым, Т. А. вой, Н. П. Панкратовой «Хрестоматии по истории русского языка» (М., Просвещение, 1990), где памятники письменности с оригиналами и отражают особенности написания, возможность иллюстрировать соответствующие языковые явления.

В конце каждого раздела пособия помещены списки дополнительной литературы, с которой студент может ознакомиться углубленного изучения того или иного вопроса при курсовых работ, дипломных сочинений, при подготовке для экзамена по истории русского литературного языка в спецсеминаре. В списки литературы не включены учебники и пособия, материалы местных изданий (практически доступные для студентов), а также работы, ставшие редкой учебно-методической редкостью.

Второе издание существенно отличается от первого, вышедшего в 1978 г. Здесь более четко выделены объекты исследования: система литературного языка, его подсистемы, нормы на каждом этапе развития. Заново написаны главы «Роль А. С. Пушкина в развитии русского литературного языка» и «Русский литературный язык в истории», параграфы «Стиль «плетение словес» (глава II), «Славянорусский язык» и «Гражданское посредственное наречие» в Петровскую эпоху» (глава III), «Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева» (глава IV), «Романтизм и развитие русской художественной речи в первой четверти XIX в.» (глава VI). В первой главе дан анализ современной ситуации в диглоссии, вызывающей интерес у студентов при изучении теории и практики в древнерусский период, но сложной для их восприятия. Пересмотрен материал глав, имеющих непосредственное отношение к школьной программе по русской литературе («Язык и стиль «Слова о полку Игореве», «Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву», «Язык и стиль комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», «Работа А. С. Пушкина над языком прозы»).

За годы, прошедшие после выхода в свет первого издания этого учебника, появилось большое количество исследований по истории русского литературного языка и славистике. Положения, высказанные в них, то новое, что в этих трудах и работах изложено, по-

§ 1. ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

История русского литературного языка как самостоятельная научная дисциплина — наука о сущности, происхождении и этапах развития русского литературного языка — сформировалась в первой половине XX в. В ее создании приняли участие крупнейшие филологи: Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский, Ф. П. Филин, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский.

Объектом изучения истории русского литературного языка является русский литературный язык.

Любой развитый язык, в том числе и современный русский язык, имеет две основные функциональные разновидности: литературный язык и живую разговорную речь.

О двух основных функциональных разновидностях языка писали Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин, А. И. Горшков. Ср. у Л. В. Щербы: «Всякое понятие лучше всего выясняется из противоположений, а всем кажется очевидным, что литературный язык прежде всего противопоставляется диалектам. И в общем это верно; однако я думаю, что есть противоположение более глубокое, которое в сущности и обуславливает те, которые кажутся очевидными. Это противоположение литературного и разговорного языков»¹.

Живой разговорной речью носители языка, представители каждой народности или национальности, владеют с детства. Литературный язык, его законы, нормы познаются в период формирования взрослого человека: обучения дома, в школе, институте, общения с лицами, владеющими литературным языком, чтения литературы различных видов и жанров.

Существует много определений понятия «литературный язык». Например, «Литературный язык. Образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются как «правильные» и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию»²; «Литературный язык — форма общенародного языка, понимаемая говорящими на том или ином языке как образцовая. Для на-

¹ Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 115.

² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966. — С. 532.

лучило отражение во втором издании книги (см. исследования А. И. Горшкова, В. В. Колесова, Л. Л. Кутиной, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Сорокина, Н. И. Толстого, Б. А. Успенского, Г. А. Хабургаева и др.). Пересмотрены списки дополнительной литературы (в них учтены осуществленные в последние годы переиздания трудов Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Ю. Н. Тынянова и др. ученых, которыми до последнего времени было трудно пользоваться из-за их недоступности), произведен дополнительный отбор источников.

Автор приносит искреннюю благодарность рецензентам — кафедре Череповецкого государственного педагогического института им. А. В. Луначарского, чьи замечания помогли в работе над вторым изданием книги; сердечно благодарит сотрудников группы «Словарь русского языка XVIII в.» ЛО Института языкознания ~~ИЯ РАН~~, с которыми связан дружескими узами в течение многих лет, за возможность пользоваться материалами картотеки и принимать участие в обсуждении важных вопросов истории русского литературного языка XVIII в.; благодарит за постоянную помощь в работе над учебником В. Л. Гаврилову, Е. А. Зачевского, Л. Г. Фридендлер.

Автор с волнением вспоминает своих учителей: П. Н. Беркова, В. В. Виноградова, Г. А. Гуковского, Б. А. Ларина, без трудов которых не было бы современных исследований по истории русского литературного языка и стилистике, в том числе и этого учебника.

ционального языка... литературный язык — наиболее представительная его форма, играющая ведущую роль среди других его разновидностей (просторечия, территориальных и социальных диалектов)¹; «Литературный язык — это обработанная форма общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закрепленными нормами»².

Однако до сих пор наиболее полным является определение, предложенное В. В. Виноградовым в 1967г.: «Литературный язык — общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов — язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и устной. Вот почему различаются письменно-книжная и устно-разговорная формы литературного языка, возникновение, соотношение и взаимодействие которых подчинены определенным историческим закономерностям»³.

1. Основная характерная особенность литературного языка — его н о р м и р о в а н н о с т ь.

В. В. Виноградов в целом ряде своих трудов рассматривал понятие нормы как основное, центральное в определении национального литературного языка в его письменной и разговорной форме⁴.

Несмотря на принципиальное отличие литературного национального языка от литературного языка донационального периода, нормативность остается основным признаком литературного языка на всех этапах его развития: в донациональный период, в эпоху формирования национального языка (рассмотрение памятников начального периода развития национального языка показывает наличие нескольких норм, уход старых, появление новых, сосуществование новых и старых норм, что не отрицает, однако, нормативность литературного языка как его основного признака даже в переходную эпоху) и особенно в период существования оформившегося литературного языка.

Л. И. Скворцов предлагает следующее определение нормы: «Языковая норма, понимаемая в ее динамическом аспекте, есть обусловленный социально-исторически результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей но-

¹ Бельчиков Ю. А. Литературный язык // Русский язык: Энциклопедия.— М., 1979.— С. 131.

² Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили.— М., 1967.— С. 5.

³ Виноградов В. В. Литературный язык // Избранные труды: История русского литературного языка.— М., 1978.— С. 188.

⁴ Виноградов В. В. Основные этапы истории русского литературного языка // РЯШ.— 1940.— № 3; Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.— М., 1958; Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи.— М., 1963, и др. Почти все указанные работы и подобные им вошли в книгу: Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка.— М., 1978.

вые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами — с другой»¹.

В предисловии к «Русской грамматике» АН СССР, изданной в 1980 г., сказано: «По отношению к высокоразвитому национальному литературному языку в определенный момент его развития норма определяется как такая социально обусловленная и общественно осознанная система правил, которая представляет собою обязательную реализацию языковых законов... Норма регламентируется обществом: носители литературного языка не могут ей не подчиниться»².

2. Вторая особенность литературного языка — его кодифицированность, на что указывают многие исследователи (Р. А. Будагов, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, К. С. Горбачевич, Л. И. Скворцов и др.). Например: «Объективное изменение норм современного русского литературного языка со временем находит отражение в сфере кодификации — нормативных словарях и справочниках»³.

Действительно, нормы литературного языка зафиксированы грамматиками и словарями (например, в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова 1752 г., «Словаре Академии Российской» 1789 г. представлены грамматические и лексические нормы XVIII в.).

А. И. Горшков разграничивает понятие «кодификация» на уровне языковых единиц, представленную в нормативных грамматиках, словарях и справочниках, и на уровне текста и языка как системы подсистем. «Представляется, — пишет он, — что современные исследования и учебные пособия по стилистике, описывающие социальное и функциональное распределение разновидностей языка и характерные лингвистические особенности каждой разновидности, так же являются собой определенный вид кодификации норм на уровне языка как системы подсистем и на уровне текста, как нормативные грамматики и словари являются собой традиционный, «классический» вид кодификации на уровне языковых единиц»⁴.

3. Третья особенность литературного языка — его стилистическое многообразие. Л. В. Щерба писал: «Из всего сказанного ясно, что развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотносенных друг с другом»⁵.

Существует два типа литературного языка: разговорный и книжный.

В литературном языке представлены средства выражения, общие для обоих типов, стилистически нейтральные, межстилевые, и язы-

¹ Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. — М., 1980. — С. 43.

² Русская грамматика. — М., 1980. — С. 10.

³ Скворцов Л. И. Указ. соч. — С. 165.

⁴ Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. — М., 1983. — С. 57.

⁵ Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 159.

ковые элементы, закрепленные за каким-либо одним типом литературного языка: книжные и разговорные.

Прежде всего общестилевыми или межстилевыми следует считать морфологические языковые единицы. Противопоставление по морфологическим признакам двух групп языковых элементов — разговорных и книжных — не имеет четких границ, хотя можно отметить некоторые морфологические приметы разговорного типа литературного языка: эмоционально-экспрессивные суффиксы (*Валька, тоненько*), глаголы многократного способа действия (*бывал, живал*), глаголы усилительного способа действия (*раскудахтался, разворчался*), формы сравнительной степени с приставкой *по-* (*потеплее, получше*) и т. п. и книжные формы слов: аналитические формы сравнительной степени имен прилагательных (*более подробный, более тонкий*), слова с суффиксами *-ени-, -ани-, -ств-* (*опыление, сгорание, устройство*), слова с приставками *контр-* и *анти-* (*контрпредложение, антиобщественный*) и т. п.

Е. А. Земская специфическим явлением разговорной речи считает отсутствие дееспричастий, употребление глаголов, обозначающих мгновенное действие типа *хватать, хлоп*, продуктивность суффикса *-к-* (*летучка, зажигалка, попутка*) и др.

Среди синтаксических конструкций также выделяются две группы языковых единиц — синтаксические конструкции разговорного характера (неполные предложения, бессоюзные сложные предложения, единицы экспрессивного синтаксиса) и книжные синтаксические конструкции (период, некоторые виды сложноподчиненных предложений, осложненных простых предложений, сложное синтаксическое целое).

За каждым из типов литературного языка закреплены особые лексические и фразеологические языковые единицы, т. е. в словарном составе современного литературного языка наряду с нейтральными, межстилевыми, могут быть выделены две группы стилистически окрашенной лексики: разговорная и книжная. Например, в «Словаре русского языка» 1981—1984 гг. АН СССР стилистическую помету «разговорное» имеет слово *брякнуть* (2. С силой бросить, уронить и т. п., вызвав шум, стук), *бухнуть, баловник, болельщик, девчонка, долговязый, реветь* — плакать, помету «книжное» — слово *адепт* (ревностный приверженец, последователь какого-либо учения), *автократ* (лицо с неограниченной верховной властью, самодержец) и т. п.

В «Словаре синонимов русского языка» АН СССР под ред. А. П. Евгеньевой к книжной лексике отнесены слова: *абсолютный, абстрактный, автономия* (самоуправление), *тартар* (ад), *аномалия* (отклонение от чего-л.), *великодушный, рыцарский, вокруг* (вокруг), *алчный* и т. п.

Итак, литературный язык имеет два типа: книжный и разговорный. Помета «разговорное» в грамматиках или словарях русского языка указывает на то, что перед нами слово, форма слова или синтаксическая конструкция, закрепленные за одним из двух основных типов современного русского литературного языка, что рас-

смаатриваемые слова, формы слов или синтаксические модели имеют стилистические синонимы в пределах литературного языка.

При этом следует отметить, что термин «разговорный тип литературного языка» нельзя считать удачным, так как слово «разговорный» вступает в омонимические отношения с лексемой «разговорный» в словосочетании «живая разговорная речь» (живой народный язык, по другой терминологии).

Иначе говоря, мы употребляем наименование «разговорный» и для обозначения одной из двух социально-функциональных разновидностей национального языка (противопоставление: литературный язык — живая разговорная речь), и для обозначения одного из типов литературного языка (противопоставление: разговорный — книжный типы литературного языка).

Большинство лингвистов (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, О. С. Ахманова, А. П. Евгеньева, Е. А. Земская, Т. Г. Винокур и др.) все же рассматривает разговорные средства выражения как определенный пласт стилистически окрашенных языковых средств литературного языка, противопоставленный книжным средствам литературного языка на фоне межстилевых, стилистически нейтральных.

Такое понимание термина «разговорное» представляется закономерным при рассмотрении современных памятников письменности, когда мы обозначаем этим термином слово (*стукнуть* — 'ударить'), форму слова (*картошка*), синтаксическую конструкцию (*Я было пошел, но пришлось вернуться*), закрепленные за одним из двух типов современного русского литературного языка (разговорный — книжный).

При исследовании процессов развития русского литературного языка, при рассмотрении языковых особенностей памятников донационального периода развития русского литературного языка или периода становления национального русского языка нельзя употреблять помету «разговорное» как дифференцирующую средства литературного языка.

История русского литературного языка это история языка письменности, поэтому для первых этапов развития литературного языка наблюдается четкое противопоставление: книжные элементы — средства письменного литературного языка, разговорные элементы — средства устной живой разговорной речи (восточнославянской, великорусской, национальной русской).

Понятия «устная форма речи» и «письменный литературный язык» в этот период относительно четко противопоставлены. Ср. указание неизвестного автора на то, что в середине XVIII в. живая разговорная речь (устная речь) и литературный язык не тождественны: «Язык, которым пишут знающие по-русски, отличен от славянского, а тот, которым говорит Москва и целая почти Россия, отличен от наших писем и от произношения, которое в оных употребляется»¹.

¹ Невинное упражнение.— М., 1763.— Ч. I.— С. 69.

С конца XVIII в. формируется устная литературная речь. Языковые нормы, сложившиеся для памятников письменности, частично переносятся в устную речь, в результате чего создается современное сложное пересечение понятий: устная форма речи — письменная форма речи, разговорный — книжный тип литературного языка.

В современных письменных текстах (художественная литература, публицистика, газетные статьи, мемуары, письма) можно выделить книжные и разговорные элементы и в устной речи — разговорные (бытовая речь) и книжные элементы (доклады, лекции).

Показательно, что разговорный тип литературного языка формируется в период завершения процесса образования любого национального языка¹.

При анализе текстов памятников донациональной поры и периода становления русской нации мы будем употреблять помету «разговорное» для недифференцированного обозначения всех элементов живой разговорной речи, без внимания к различным социальным группам носителей языка, ибо в общее понятие «разговорный язык Московской Руси» входят «и областные диалекты (крестьянские по социальной принадлежности носителей), и городские диалекты средних и «подлых» сословий, и, наконец, разговорная речь высших классов»².

При анализе текстов первой четверти XIX в. и более поздних употребляется помета «разговорное» для наименования стилистически окрашенных средств литературного языка.

I. При выявлении единиц живой разговорной нелитературной речи используются дифференцированные пометы: «жаргонное», «диалектное», «просторечное», ибо современная живая разговорная речь также неоднородна, она имеет две формы: литературную и нелитературную. Диалекты, интердиалекты, жаргоны и просторечие, находящееся на грани литературного языка и живой разговорной внелитературной речи, противостоят понятию «устная литературная речь».

Соотношение различных форм современного русского языка может быть представлено в виде следующей схемы:

¹ Ср. высказывание Р. А. Будагова: «Различия между разговорной и письменной речью являются... основными и наиболее универсальными в системе каждого развитого современного литературного языка» (Указ. соч.— С. 69). В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» отмечается важная роль «упорядоченного» разговорного языка для развития национальной культуры, ибо разговорный тип литературного языка, контактируя постоянно с живой разговорной речью широкого распространения, представляет собой источник оживления книжного языка, в то же время оказывал нормирующее влияние на живую разговорную речь.

² Л а р и н Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования национального языка.— Л., 1961.— С. 32. Ср. суждение И. А. Бодуэна де Куртенэ о необходимости изучения во всей полноте разговорного языка всех слоев общества: «не только тех, которые ходят в сермягах и зипунах, но и тех, что носят сюртуки, не только язык так называемого простонародья, но и разговорный язык так называемого образованного класса» (Некоторые замечания о языковедении и языке // Журнал Министерства народного просвещения.— 1871.— С. 16).

Как показано на схеме, русский литературный язык постоянно контактирует с живой народной речью (некодифицированной разговорной речью), поскольку народная речь — база постоянного развития литературного языка. Важную роль играет в этом контакте просторечие, непосредственно связанное с разговорной формой литературного языка.

Несмотря на то что литературный язык «есть не подлежащая никакому сомнению языковая реальность» (В. В. Виноградов), «непосредственно наблюдать язык можно в текстах»¹, которые и являются этой объективной реальностью, то есть исследователь выводит законы литературного языка, анализируя памятники, тексты того или иного периода в развитии этого языка.

Так, разговорная форма литературного языка представлена в устной речи его носителей при непосредственном контакте с другими носителями языка, она специально не подготовлена, обычно отличается эмоциональностью и экспрессивностью. В книге «Русская разговорная речь» под ред. Е. А. Земской сказано: «Считая, что языковая система характеризуется специфическим набором языковых единиц и специфическими законами их функционирования, мы признаем разговорную речь особой, отличной от кодифицированного литературного языка системой»².

Но отражение особенностей разговорной речи возможно в письмах, публицистике, определенных текстах художественной литературы.

1) *Дорогой Павлик, извини, что отвечаю с опозданием... Ты спрашиваешь, как я живу: очень просто. Всегда работаю, т. е. почти каждый день, но быстро устаю и, чтобы отдохнуть, подолгу гуляю. Сейчас зима, хожу на лыжах. По вечерам читаю Герцена и англичан — главным образом молодых. Много интересного. В городе — два раза в неделю, в среду и субботу. С кем встречаюсь? Так же, как и ты, с соседями (Письмо П. Г. Антокольскому)*³.

2) *Кто мог догадаться, какая компания на трибунах!... Все для этих ребят было еще впереди. Но они уже стояли на трибунах*

¹ Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. — М., 1983. — С. 7.

² Русская разговорная речь. — М., 1973. — С. 5.

³ Каверин В. А. Письменный стол. — М., 1985. — С. 243.

Красной площади. Крепкие парни, небольшого роста... Такими я впервые увидел будущих космонавтов¹.

3) За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!... Но все-таки, что же было дальше-то в Москве после того, как в субботний вечер на закате Воланд покинул столицу, исчезнув вместе со своей свитой с Воробьевых гор? ... Ну, а с теми-то что же случилось? Помилуйте! Ровно ничего не случилось, да и случиться не может (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Книжная форма литературного языка представлена в научных, публицистических текстах, а также в определенных текстах художественной литературы.

1) В отличие от конструкций с союзами недифференцированного значения, где союз не участвует в определении отношения одновременности или очередности, в конструкциях с союзами дифференцированных (специализированных) значений сам союз выполняет функцию квалификатора: он однозначно определяет, какова временная последовательность ситуаций, соотносенных в рамках сложного предложения (Русская грамматика.— Т. II.— С. 548).

2) С развитием науки, стремительным ростом сложной техники, необходимостью новых технологий и просто с появлением жизненной потребности в культурном, грамотном производительном труде становится наглядным и очевидным, что инициатива единиц, опирающихся на бессловесных исполнителей, должна быть заменена инициативой многих думающих, ищущих. И сейчас мы как раз и вступили в такую полосу нашей истории, когда искать и дерзать становится символом нашего времени².

3) В романе В. П. Катаева «Трава забвенья»: В силу своей постоянной житейской занятости мы давно уже перестали удивляться многообразию форм окружающей нас среды. Но стоит отвлечься хотя бы один день от земных забот, как сейчас же к нам возвращается чувство принадлежности ко вселенной, или, другими словами, чувство вечной свежести и новизны бытия. Предметы обновляются и получают новый, высший смысл. Например, тот цветок, который в данный момент попал в поле моего зрения. Я обратил на него особенное внимание неслучайно. Он давно уже тревожил меня своей формой.

В рассказе К. Г. Паустовского «Ручьи, где плещется форель»: Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое. Может быть, это густой снег, падающий всю ночь, или зимние ручьи, где плещется форель. Или это смех и пение и запах старой смолы перед рассветом, когда догорают свечи и звезды прижимаются к стеклам, чтобы блеснуть в глазах у Марии Черни. Кто знает? Может быть, это обнаженная рука на жестком эполете, пальцы, гладящие холодные волосы, заштопанный фрак Баумвейса. Это мужские слезы о том, чего никогда не ожидало сердце: о неж-

¹ Аджубей А. Те десять лет // Знамя.— 1988.— № 7.— С. 81.

² Моисеев Н. Н. Облик руководителя // Новый мир.— 1988.— № 4.— С. 179.

ности, о ласке, несвязном шепоте среди лесных ночей. Может быть, это возвращение детства. Кто знает? И может быть, это отчаяние перед расставанием, когда падает сердце и Мария Черни судорожно гладит рукой обои, столы, створки дверей той комнаты, что была свидетелем ее любви.

II. Наиболее яркие примеры всех типов и форм национального языка можно обнаружить в текстах художественных произведений выдающихся писателей той или иной эпохи. Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов считали возможным выявлять норму литературного языка того или иного периода в его развитии путем анализа текстов художественных произведений. Ср. у Л. В. Щербы: «Лингвисты глубоко правы в том, что, разыскивая норму данного языка, обращаются к произведениям хороших писателей, обладающих, очевидно, в максимальной степени тем оценочным чувством («чутьем языка»), о котором говорилось выше»¹.

Действительно, грамматики Н. И. Греча и А. Х. Востокова или «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г., сыгравшие весьма важную роль в развитии языкознания в России, не дают столь исчерпывающих сведений о нормах русского литературного языка книжного и разговорного типов первой половины XIX в., какие можно извлечь из текстов комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других писателей первой половины XIX в.

Если согласиться с теми лингвистами, которые считают, что аспект нормы — это аспект употребления (использования) языковых единиц, выбор и организация языковых средств², то становится ясной возможность изучения нормы, исследуя тексты художественных произведений. Писатель представляет наиболее совершенные образцы употребления языковых единиц разных уровней, поэтому изучение языковой специфики текстов художественных произведений той или иной эпохи дает возможность определить нормы этой эпохи (ср. иллюстративный материал в толковых словарях русского языка, в грамматиках русского языка).

Представление о возможности лингвистического исследования текстов художественной литературы позволяет выделить два основных лингвистических аспекта такого исследования: 1) отражение нормы литературного языка в текстах художественных произведений; 2) отражение особенностей живой разговорной речи в текстах художественных произведений.

Вопреки скепсису некоторых лингвистов, изучение особенностей живой разговорной речи в диахроническом плане или на синхронных срезах прошлых веков вполне возможно, особенно на уровне морфологии и лексики, хотя общеизвестно, что в письменных памятниках происходит определенная организация, систематизация устной

¹ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. ООИ. 1931. — С. 197.

² Ср. в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «Принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида».

речи, что наиболее характерно для произношения и синтаксических конструкций: «Устная речь в литературе не звучит. Она — письменна. Она олитературена» (В. В. Виноградов).

«Языковое чутье» лингвиста, сопоставление живых явлений современной ему речи, особенностей книжного и разговорного типов литературного языка создают базу для восприятия специфики живой разговорной речи прошлого.

Очень важен при исследовании живой разговорной речи по данным письменных памятников прошлых веков отбор источников, текстов художественных произведений, установка авторов которых на достоверное воспроизведение речевой практики своего времени очевидна.

Т. Г. Винокур справедливо указывает на то, что диалоги и монологи персонажей художественного произведения содержат quintessence типических черт живой разговорной речи, но их сгущение не только не противоречит истинной природе последней, но, наоборот, концентрирует ее функционально-стилистическую специфику¹.

В книге Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису разговорной речи» (М., 1960) выводы о специфике живой разговорной речи делаются в основном на материале текстов художественных произведений. Например, большинство из синтаксических конструкций, которые рассматриваются в этой книге как специфические конструкции современной разговорной речи, представлены в баснях Крылова. К таким единицам разговорной речи относится предложение с сочетанием одинаковых форм одного и того же глагола для усиления экспрессии: *Сапожник бился, бился и наконец за ум хватился* («Откупщик и сапожник»), с сочетанием бесприставочного глагола с однокоренным приставочным глаголом: *Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает* («Лиса»), с сочетанием именной части сказуемого с «творительным усилительным»: *А как засел в него дурак, то идол стал болван болваном* («Оракул»), с сочетанием глагола с глагольной частицей *знай*: *Знай колет: всю испортил шкуру* («Крестьянин и работник»), с сочетанием глагола с частицей *так и*: *Ну, так и кажется, что быть ему в раю!* («Вельможа») и т. п.

В реалистической литературе словоупотребление (а также употребление других языковых единиц) подчинено принципу «соразмерности и сообразности» (А. С. Пушкин), т. е. в зависимости от характера текстов могут преобладать то книжные, то разговорные элементы, о чем речь шла выше.

Однако при описании норм литературного языка нельзя ограничиться текстами художественных произведений по двум причинам.

1) Тексты художественных произведений — это единственный род текстов, где реализуется двуединая диалектическая природа языка, существующего в двух основных разновидностях: литературный язык и живая народная речь, т. е. понятие «язык художественной литературы» шире понятия «литературный язык».

¹ См.: Винокур Т. Г. *Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка.* — М., 1968.

В текстах художественных произведений автор в зависимости от темы, места действия, речевой ситуации, характера персонажа может выходить за пределы литературного языка, воссоздавая социально-типическую речь носителей диалектов, просторечия, жаргонов.

а) *У мостков за лыву — грязную осотистую озерину... Пелагея остановилась отдохнуть* (Ф. А. А б р а м о в. Пелагея); — *Это ведь мати у нас грамотей, на все плевала, а ты-то понимаешь, что к чему* (Ф. А. А б р а м о в. Две зимы, три лета).

б) *А воля волей, если сил невпроворот,*

И я увлекся.

Я на десять тыщ рванул, как на пятьсот,

И испекся.

Подвела меня (ведь я предупреждал)

Дыхалка.

Пробежал всего два круга и упал,

А жалко (В. С. В ы с о ц к и й. Песня о бегуне на короткую дистанцию).

в) *Егор велел остановиться, не доезжая того дома, где должны быть свои люди. Щедро расплатился с шофером... и дворами, сложено, пошел «на хату». Малина была в сборе... К нему подходили, здоровались. Но старались не шуметь.*

— *Привет, Горе.* (Такова была кличка Егора — Горе.)

— *Здорово.*

— *Отпыхтел? ...*

— *А чего вы такие все?*

— *Ларек наши берут,— пояснил один, здороваясь* (В. М. Ш у к ш и н. Калина красная).

2) В текстах художественных произведений языковые единицы, помимо своих основных функций, выполняют функцию эстетическую, служат для создания художественных образов — основных категорий художественного текста, реализации приемов эстетической организации текста, подвергаются контекстуальной трансформации.

При анализе художественных текстов следует помнить о том, что они — продукт «вторичного моделирования» (Ю. М. Лотман) действительности и поэтому имеют двойную причинность: коммуникативную и эстетическую, «хотя лингвостилистический анализ этих текстов не только возможен, но и необходим»¹. Изучением эстетических функций языковых единиц, приемов создания образов, характера трансформации (преобразования) языковых единиц в тексте занимается особая наука — стилистика художественной речи. В курсе «История русского литературного языка» художественные тексты — источник сведений о законах литературного языка или особенностях живой некодифицированной речи, «образцы того или иного типа текстов» (А. И. Горшков).

Хорошо показана возможность различного восприятия текстов художественного произведения в зависимости от аспектов их изу-

¹ В и н о к у р Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц.— М., 1980.— С. 30—31.

чения в предисловии к «Русской грамматике»: «В языке художественной литературы и близких к ней жанров письменности (очерки, фельетоны, мемуары, литературно обработанные дневниковые записки и др.) сложно взаимодействуют письменная и разговорная речь, специальная речь и просторечие. Все они в той или иной степени находят в художественной литературе свое отражение и сливаются в сложное эстетически значимое единство, несущее на себе, к тому же, яркую печать индивидуального писательского мастерства и вкуса. В то же время крупные национальные писатели — это те носители литературного языка, которые знают и чувствуют его лучше других. Именно под их пером прежде всего осуществляется отбор языковых средств из общенационального языка в язык литературный, проверка этих средств на жизненность, точность и выразительность. Поэтому язык художественной литературы, ее классиков, лучших национальных прозаиков и поэтов должен быть признан важнейшим источником для изучения литературного языка»¹.

3. Стилистическая дифференциация литературного языка тесно связана с его полифункциональностью, обслуживанием различных сфер речевого общения носителей языка. В связи с этим существует учение о стилях языка.

Литературный язык представляет собой систему различных функциональных стилей, или жанрово-стилистических разновидностей. Функциональные стили — это языковые подсистемы с однородными в стилистическом отношении словами, устойчивыми словосочетаниями, формами слов и синтаксическими моделями, обслуживающие какую-либо одну из сфер человеческой деятельности в соответствии с основными функциями языка.

В. В. Виноградов выделял следующие стили в зависимости от разных функций языка: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)².

Д. Н. Шмелев соотносит понятия «функциональные стили» и «функциональные типы литературного языка», выделяя устно-разговорную речь, художественную речь и совокупность закрепленных в письменной форме функционально-речевых стилей: официально-деловой, научный и публицистический³.

При рассмотрении функциональных стилей важно не только то, что отбирается для данного стиля, но и то, что не должно в нем употребляться с точки зрения норм этого стиля в каждую историческую эпоху. Для каждого стиля современного русского литературного языка характерна не столько строгая закрепленность за ним каких-либо языковых единиц, сколько концентрация в данном

¹ Русская грамматика.— М., 1980.— С. 13.

² Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика.— М., 1963.— С. 6.

³ Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях.— М., 1977.— С. 38.

стиле языковых средств, менее характерных для других стилей (набор языковых вероятностей).

Существуют эмоционально-экспрессивные речевые стили, реализованные в различных текстах: нейтральный, возвышенный и сниженный (фамильярный, интимный, шутливый и т. п.).

Функциональные стили литературного языка и речевые стили изучает особая наука — стилистика.

В курсе «История русского литературного языка» следует рассматривать тексты, созданные в рамках различных стилей, поскольку одно из типологических свойств литературного языка — его стилевое многообразие, полифункциональность, представленность в текстах разного характера.

Кроме того, стиль — категория историческая, поэтому для каждого периода в истории русского литературного языка характерна своя система стилей, тесно связанная с жанрами литературы, свои нормы для каждого стиля.

§ 2. «ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА» И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ

История русского литературного языка как самостоятельная научная дисциплина возникла в XX в., хотя изучение особенностей русского литературного языка относится к очень ранней поре, так как «смутные и односторонние, но жизненно-действенные, практические представления о процессе исторического развития языка неизменно сопутствуют эволюции русского книжного языка и предшествуют зарождению научной истории русского литературного языка»¹.

Начиная с XVIII в. велись наблюдения над связями русского литературного языка с другими славянскими и европейскими языками, над составом церковнославянского языка², его сходством с русским языком и отличием от него.

Для осознания национальной специфики русского литературного языка было чрезвычайно важно создание в 1755 г. «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, выход в свет «Словаря Академии Российской» (1789—1794), появление учения М. В. Ломоносова о трех стилях русского литературного языка, изложенного в рассуждении «О пользе книг церковных», в «Риторике» и «Российской грамматике», так как создатель теории впервые указал на основные элементы русского литературного национального языка, предвосхищая пушкинскую стилистику.

В XIX в. велась интенсивная работа по определению норм русского литературного языка, что обусловило появление в 1831 г. «Русской грамматики» А. Х. Востокова, в 1827 г. — «Практической русской грамматики» и в 1830 г. «Пространной русской грамматики» Н. И. Греча, в 1858 г. — «Опыта исторической грамматики русского

¹ Виноградов В. В. Русская наука о русском литературном языке // Ученые записки МГУ. — 1946. — Т. III. — Кн. 1. — Вып. 106.

² См.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. — СПб., 1895. — Т. I.

народа» Ф. И. Буслаева, в 1885 г.— «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни; в 1847 г.— «Словаря церковно-славянского и русского языка», в 1863—1866 гг.— «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, в 1891—1895 гг.— «Словаря русского языка» под ред. Я. К. Грота и т. п.

В XVIII—XIX вв. были открыты и изданы древнейшие русские памятники: «Остромирово Евангелие», «Изборник Святослава», 1073 и 1076 гг., «Слово о полку Игореве», «Русская правда», «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и др., положено начало изучения языка этих памятников (работы Н. М. Карамзина, А. А. Бестужева, М. Т. Каченовского, К. Ф. Калайдовича, А. Х. Востокова, М. А. Максимовича, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, П. А. Лавровского, А. А. Шахматова и др.).

Основы будущего курса «История русского литературного языка» были заложены в трудах Н. И. Греча (Чтения о русском языке. СПб., 1840.— Ч. I), К. С. Аксакова (магистерская диссертация «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», 1846), Ф. И. Буслаева («О преподавании отечественного языка», 1844, «Историческая хрестоматия по церковнославянскому и русскому языку»), Я. К. Грота («Филологические разыскания», 1873), И. И. Срезневского (статьи «Договоры с греками X в.», «Древнейшие договорные грамоты Новгорода с немцами 1199 и 1263 гг.», «Чтения о древних русских летописях», 1858—1866, «Исторические чтения о языке и словесности», 1854—1857), А. И. Соболевского («Очерки из истории русского языка», 1884, «Лекции по истории русского языка», 1888)¹, С. К. Булича («Церковнославянские элементы в современном литературном и народном языке», 1893), М. И. Сухомлинова («О древней русской летописи как памятнике литературном», 1908), Н. Н. Дурново («Заметки по истории русского литературного языка», 1918) и др.

Рассуждения о специфике языка художественной литературы находим в работах М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, Н. И. Греча, К. С. Аксакова, Я. К. Грота, А. А. Потебни, Е. Ф. Будде, В. Н. Перетца, А. Н. Веселовского, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского и др.

В начале XX в. появляются общие курсы по истории русского литературного языка, среди которых особенно важную роль в формировании науки «История русского литературного языка» сыграли труды А. А. Шахматова²: статья «Русский язык» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона 1899 г.; «Курс истории русского языка». Ч. I. Литографированное издание, 1910; «Очерк современного русского литературного языка», 1911—1912; «Введение в курс истории русского языка». Ч. I, 1916; «Очерк основных моментов развития русского литературного языка» (в кн.: История русской литературы до XIX в./Под ред. А. С. Грузинского.— Т. I).

¹ В 1980 г. А. А. Алексеев подготовил и опубликовал «Историю русского литературного языка» А. И. Соболевского.

² См. об этом: Виноградов В. В. А. А. Шахматов как исследователь истории русского литературного языка // Вестник АН СССР.— 1964.— № 10.

В 1908 г. выходит в свет «Очерк истории современного литературного русского языка» Е. Ф. Будде, где рассматривается три «языковых стихии» в составе русского литературного языка: народная русская, южнославянская и иностранная на материале текстов художественных произведений XVIII—XIX вв. (от эпохи Петра I до А. С. Пушкина).

В конце XIX — начале XX в. были опубликованы библиографические обзоры, которые подводили итоги изучению истории русского литературного языка (Котляревский А. А. Древнерусская письменность: Опыт библиологического изложения истории ее изучения.— 1881; Булич С. К. Очерк истории языкознания в России.— 1904; Ягич И. В. История славянской филологии.— 1910).

В XX в. история русского литературного языка становится предметом особого внимания.

Если в 1946 г. академик С. П. Обнорский писал: «В разработке истории русского литературного языка в короткий пройденный промежуток времени, естественно, нельзя было достигнуть больших результатов»¹, то сейчас можно утверждать, что существует самостоятельная отрасль языкознания — наука об истории русского литературного языка.

Особенно много сделал для создания науки «История русского литературного языка» В. В. Виноградов, перечень основных трудов которого по истории русского литературного языка и языка писателей насчитывает более двадцати работ: «Очерки по истории русского литературного языка», 1934², «Язык Пушкина», 1935; «Язык Гоголя», «О языке Л. Толстого», 1938; «Основные этапы истории русского языка», 1940; «Стиль прозы Лермонтова», 1941; «Великий русский язык», «Язык и стиль басен Крылова», 1945; «О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв.», «Русская наука о русском литературном языке», 1946; «Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева», «Программа по курсу «История русского литературного языка», 1949; «Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике», 1951; «Вопросы образования русского национального литературного языка», 1954; «Итоги обсуждения вопросов стилистики», «Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР», «О понятии «стили языка» (применительно к истории русского литературного языка)», «Развитие науки о русском языке в Московском университете», «Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы», 1955; «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка», «Наука о языке художественной литературы и ее задачи (На материале русской литературы)», 1958; «Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху», 1963; «Проб-

¹ Обнорский С. П. Итоги изучения русского языка // Ученые записки МГУ.— 1946.— Т. III.— Кн. 1.— Вып. 106.— С. 20.

² Второе изд.— 1938 г., третье изд.— 1982 г.

лемы литературных языков и закономерностей их образования и развития», 1967, и др.¹.

Очень важны для изучения процессов развития русского литературного языка XIX в. два тома трудов Л. А. Булаховского «Русский литературный язык первой половины XIX в.», 1941—1948, а также «Исторический комментарий к русскому литературному языку», 1936.

Целую серию работ посвятил исследованию общих закономерностей русского литературного языка и отдельных вопросов литературного языка и языка писателей С. П. Обнорский: «Русская правда как памятник русского литературного языка», 1934; «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка», 1939; «Ломоносов и русский литературный язык», 1940; «Культура русского языка», 1945; «Пушкин и нормы русского литературного языка», 1946; «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», 1946; «Происхождение русского литературного языка старшей поры», 1947; «Культура русского языка», 1948 и др.

Ценным вкладом в изучение взаимосвязи литературного языка и живой разговорной речи явились работы Б. А. Ларина: «К лингвистической характеристике города», «О лингвистическом изучении города», 1928; «Об образовании русского литературного языка», 1933; «Проект древнерусского словаря», 1936; «Русская грамматика Г. Лудольфа», 1937; «Разговорная речь Московской Руси XV—XVII вв. в записях иностранцев», 1944; «Три иностранных источника по истории русского языка XVI—XVII вв.», 1948; «Начальный этап развития русского литературного языка», 1951; «Разговорный язык Московской Руси XVI—XVII вв.», 1961 и др.².

Оставили глубокий след в разработке истории русского литературного языка труды Г. О. Винокура: «Русский литературный язык в первой половине XVIII в.», 1941; «Русский язык», 1945; «К истории нормирования русского письменного языка в XVIII в.», 1947; «Русский литературный язык во второй половине XVIII в.», 1947 и др.³.

Для решения проблем происхождения русского литературного языка, становления русского национального языка большое значение имели исследования Л. П. Якубинского — «История древнерусского языка», изданная в 1953 г., и «Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка», изданная в 1956 г.

Вопросу о происхождении русского литературного языка, проблемам формирования русского национального языка, истории русского литературного языка старшего периода (Киевского государства) и среднего периода (Московского государства) посвящены работы

¹ В этот перечень не включены работы В. В. Виноградова по языку художественной литературы, по стилистике художественной речи, по изучению стиля писателей XVII—XX вв.

² После смерти Б. А. Ларина его ученики опубликовали лекции, прочитанные им в ЛГУ: «Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.)». — М., 1975.

³ См.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959.

Ф. П. Филина: «Очерк истории русского языка до XIV столетия», 1940; «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи», 1949; «Об образовании восточнославянских национальных литературных языков», 1960; «К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка», 1962; «Об одном важном источнике истории русского языка», 1963; «Происхождение русского, украинского и белорусского языков», 1970; «Об истоках русского литературного языка», 1972.

Современные лингвисты и литературоведы продолжают исследовать общие процессы развития русского литературного языка, языковых закономерностей отдельных периодов русского литературного языка, продолжают вести наблюдения над языком отдельных писателей и языком памятников различных веков.

Проблемами русского литературного языка XI—XVII вв., стилями древнерусского языка, древнерусской поэтикой в течение многих лет занимается Д. С. Лихачев, что нашло отражение в целом ряде его трудов: «Новгородские летописные своды XII в.», 1944; «Культура Руси эпохи образования русского национального государства», 1946; «Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы», 1951; «Возникновение русской литературы», 1952; «Повести русских послов как памятники литературы», 1954; «К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе», 1958; «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России», 1960; «Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого», 1963; «В чем суть различий между древней и новой русской литературой?», 1965; «Поэтика древнерусской литературы», 1967; «Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили», 1973; «Слово о полку Игореве» и культура его времени», 1978 и др.¹

Наука «История русского литературного языка» особенно интенсивно развивается в 40—60-е гг. В 1949—1952 гг. выходят тома 1—5 «Материалов и исследований по истории русского литературного языка». В 1960 г. появилась книга Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи», в 1963 г. — книги Т. А. Дегтяревой «Становление норм литературного языка» и А. П. Евгеньевой «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XIX вв.».

В 1961—1962 гг. опубликованы работы Н. И. Толстого «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян» и «Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв.», в 1988 г. — «История и структура славянских литературных языков».

В 1964 г. изданы «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» (5 выпусков) под ред. В. В. Виногра-

¹ В 1987 г. вышли «Избранные работы» Д. С. Лихачева в 3 томах (Л.). См. также список его трудов в «Исследованиях по древней и новой литературе» (Л., 1987), посвященных 80-летию Д. С. Лихачева.

дова и Н. Ю. Шведовой, сборник статей под ред. И. С. Ильинской «Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху», «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в.» С. И. Коткова и Н. П. Панкратова.

В 1965 г. опубликована монография Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX в.).»

В 1967 г. выходит книга Р. А. Будагова «Литературные языки и языковые стили», в 1977 г.— «Что такое развитие и совершенствование языка», в 1980 г.— «Филология и культура».

В 1968 г. изданы «Избранные труды» А. М. Селищева.

В 1974 г. вышел сборник «Русский язык в современном мире» под ред. Ф. П. Филина, В. Г. Костомарова, Л. И. Скворцова.

С 1974 г. в Москве начинает выходить «Этимологический словарь славянских языков» под ред. О. Н. Трубачева; с 1975 г.— «Словарь русского языка XI—XVII вв.» под ред. С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина, Г. А. Богатовой;

С 1984 г. в Ленинграде создается «Словарь русского языка XVIII в.» под ред. Ю. С. Сорокина и Л. Л. Кутиной. Составители этого словаря в течение двадцати с лишним лет выпустили целый ряд сборников, в статьях которых решаются важные вопросы истории русского литературного языка XVIII века: «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в.» (1965), «Процессы формирования лексики русского литературного языка» (1966), «Проблемы исторической лексикографии» (1978), «Язык русских писателей XVIII в.» (1982), «Функциональные стили и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в.», монографий: Л. Л. Кутина — «Формирование языка русской науки» (1964), «Формирование физической терминологии в России» (1967), Е. Э. Биржакова, Л. А. Воинова, Л. Л. Кутина — «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.» (1972) и др.

В 1982 г. А. И. Горшков публикует книгу «Язык предпушкинской прозы», в 1983 г.— «Теоретические основы истории русского литературного языка».

В 1983 г. выходит в свет книга Б. А. Успенского «Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка», в 1985 г.— «Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.».

Появляется ряд новых учебников и учебных пособий по истории русского литературного языка: «История русского литературного языка» А. И. Ефимова (1954), «Очерки по истории русского литературного языка» И. В. Устинова (1955), «Введение в историю русского литературного языка» Г. И. Шкляревского (Харьков, 1959), «История русского литературного языка» А. И. Горшкова (1961), «История русского литературного языка» А. В. Степанова (1961), «История русского литературного языка (вторая половина XVIII—XIX в.)» (1967), «История русского литературного языка (первая половина XVIII в.)» (1968) Г. И. Шкляревского, «История русского литературного языка» (1981) Н. А. Мещерского, «История

русского литературного языка» (1969), «Теория и история русского литературного языка» (1984) А. И. Горшкова, «История русского литературного языка» (1984) Л. В. Судавичене, Н. Я. Сердобинцева, Ю. Г. Кадькалова.

Работа над проблемами русского литературного языка продолжается. Многие вопросы и проблемы ждут своего разрешения, требуют всестороннего глубокого исследования.

§ 3. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Литературный язык — одна из форм национальной культуры, поэтому изучение становления литературного языка невозможно без учета изменений в общественно-экономической жизни России, вне связи с историей науки, искусства, литературы, историей общественной мысли в нашей стране.

Само понятие «литературный язык» исторически изменчиво. До сих пор шла речь о современном литературном языке, его стилях, соотношении с живой разговорной речью, языком художественной литературы. Однако русский литературный язык прошел сложный путь развития от своего зарождения и становления до наших дней, поэтому необходимо его изучение в историческом аспекте.

Изменение литературного языка на протяжении веков происходило постепенно, путем перехода количественных изменений в качественные. В связи с этим в процессе развития русского литературного языка выделяют различные периоды на основании изменений, происходящих внутри языка.

В то же время наука о литературном языке опирается на исследования о языке и обществе, о развитии различных общественных явлений, о влиянии на развитие языка социально-исторических и культурно-общественных факторов. Учение о внутренних законах развития языка не противоречит учению о развитии языка в связи с историей народа, так как язык — это общественное явление, хотя он развивается по своим внутренним законам.

К вопросу о периодизации обращались исследователи с начала XIX в. (Н. М. Карамзин, А. Х. Востоков, И. П. Тимковский, М. А. Максимович, И. И. Срезневский).

А. А. Шахматов в «Очерке основных моментов развития русского литературного языка до XIX в.» и ряде других работ рассматривает три периода в истории книжного литературного языка: XI—XIV вв. — древнейший, XIV—XVII вв. — переходный и XVII—XIX вв. — новый (завершение процесса русификации церковнославянского языка, сближение книжного литературного языка и «наречия города Москвы»).

В наше время единой, принятой всеми лингвистами периодизации истории русского литературного языка нет, но все исследователи в построении периодизации учитывают социально-исторические и культурно-общественные условия развития языка.

В основе периодизации истории русского литературного языка Л. П. Якубинского, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина,

А. И. Горшкова, Ю. С. Сорокина¹ и других лингвистов лежат наблюдения над нормами русского литературного языка, его отношением к старой литературно-языковой традиции, к общенародному языку и диалектам, учет общественных функций и сфер применения русского литературного языка.

В связи с этим большинство лингвистов выделяет четыре периода в истории русского литературного языка: литературный язык древнерусской народности, или литературный язык Киевского государства (XI—XIII вв.), литературный язык великорусской народности, или литературный язык Московского государства (XIV—XVII вв.), литературный язык периода формирования русской нации (XVII — первая четверть XIX в.), современный русский литературный язык.

В. В. Виноградов на основании принципиальных различий литературных языков в донациональную и национальную эпоху считал необходимым разграничивать два периода (I—XI—XVII в.: русский литературный язык донациональной эпохи; 2—XVII — первая четверть XIX в.: формирование русского литературного национального языка), что нашло отражение в большинстве современных учебных пособий по истории русского литературного языка с сохранением периодизации, предложенной выше, внутри каждого из двух основных периодов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. К вопросам периодизации истории русского языка // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации.— М., 1973.

Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили.— М., 1967.

Виноградов В. В. Литературный язык // Избранные труды: История русского литературного языка.— М., 1978.— С. 288—298.

Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды: История русского литературного языка.— М., 1978.

Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.— С. 229—256.

Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка.— М., 1984.— С. 28—54.

Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи.— М., 1982.

Лотман Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания.— 1963.— № 3.

Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи.— М., 1980.— С. 26—54.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы).— М., 1977.

Шведова Н. Ю. Русская грамматика.— М., 1980.— Т. I.— Предисловие.

¹ См.: Сорокин Ю. С. Вопросы периодизации истории русского литературного языка XVIII—XX вв. // Вестник ЛГУ.— 1952.— № 3; Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка.— М., 1984.— С. 54—57.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

ГЛАВА I

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ (XI—XIII вв.)

§ 1. ВОПРОС ОБ ИСТОКАХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о происхождении русского литературного языка обычно связывают с появлением на Руси письменности, так как литературный язык предполагает наличие письма. После крещения Руси впервые появляются у нас рукописные южнославянские книги, потом рукописные памятники, созданные по образцу южнославянских книг (древнейший из таких сохранившихся памятников — Остромирово евангелие 1056—1057 гг.).

Некоторые исследователи (Л. П. Якубинский, С. П. Обнорский, Б. А. Ларин, П. Я. Черных, А. С. Львов и др.) высказывали предположение о наличии письменности у восточных славян до официального крещения Руси, ссылаясь при этом на высказывания арабских писателей, историков, сообщения путешественников западноевропейских стран.

Действительно, арабский писатель Ибн-Фадлан, путешествовавший по Волге в X в., утверждал, что видел на одной из могил дерево или деревянный столб, на котором были начертаны имена покойного и русского князя: «Насыпали что-то вроде круглого холма, водрузили посередине деревянный столб и написали на нем имя покойника вместе с именем князя Русского»¹.

В «Книге росписей известий об ученых и именах сочиненных ими книг» Ибн-ан-Надима в разделе «Русские письма» речь идет о «царе русов», показавшем арабскому писателю «кусочек белого дерева», где «были изображения». Л. П. Жуковская считает, что «царь русов» продемонстрировал пришельцу берестяные грамоты².

Арабский географ аль-Масуди в сочинении «Золотые луга» (X в.) рассказывал о пророчестве, начертанном на камне, которое ему удалось увидеть у русских. Германский епископ Дитмар Мерзебургский видел русских идолов с начертанными на них знаками.

Исследователи, считающие, что письменность существовала у славян до деятельности первоучителей Кирилла и Мефодия, ссылаются на список XV в. «Жития Константина философа», где сообщается, что Кирилл в середине IX в. был в Корсуни (Херсонес) и нашел там евангелие и псалтырь, написанные по-русски: «обрѣте

¹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка.— СПб., 1882.— С. 3—4.

² Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты.— М., 1959.

же тоу еваѣгеле и фалтырь роуьсьскими писмены писано»¹.

Ряд лингвистов (А. Вайан, Т. А. Иванова, В. Р. Кинарский, Н. И. Толстой) убедительно доказывают, что речь идет о сирийских письменах: в тексте метатеза букв *p* и *c* — «соурьскими писмены писано».

Т. А. Иванова, приведя ряд таких метатез букв в древних текстах: *соури — роуци, по роумьскоу — по роуьсьскомоу, асиреомъ — роу-сомь*, и в том числе: *соурьськимъ — роуьсьскимъ* — определение языка Адама, остроумно замечает: «Если в отношении русских евангелия и псалтыри с большей или меньшей долей вероятия можно предполагать все что угодно, то в отношении языка, на котором говорил Адам, этого сделать нельзя»².

Однако в основу научной гипотезы нельзя безоговорочно положить показания житийной литературы.

Более достоверные сведения о наличии письма на Руси до X века находим в «Договорах русских с греками». В договоре 911 г. есть упоминание о письменных завещаниях русских, живших в Царьграде: «Аще ли сътворитъ обряжение таковыи, възметь уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье его, да наследити е»³. В договоре 945 г. рассказывается о посыльных грамотах русских князей к грекам, которые давали послам и гостям, отправлявшимся в Царьград.

В тексте договоров с греками нет объяснения, что представляли собой завещания и посыльные грамоты, на каком языке они были написаны, каким алфавитом пользовались восточные славяне, если у них была письменность.

Можно предположить, что на заре своей жизни славяне, как и другие народы, пользовались знаковым письмом. В результате археологических раскопок на территории нашей страны было найдено много предметов с непонятными знаками на них. Возможно, это были те черты и резы, о которых сообщается в трактате «О писменахъ» черноризца Храбра, посвященном появлению письменности у славян: «Прѣжде убо словѣне не имѣху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтѣху и гадааху...»⁴.

Возможно, на Руси не существовало единого начала письма. Грамотные люди могли пользоваться и греческим алфавитом, и латинскими буквами (крѣстивше же ся, римьскими и грѣчьскими писмены нуждааху ся словѣнскы рѣчь безъ устройства — «О писменахъ» черноризца Храбра).

Вероятнее всего, на Руси до официального крещения могли знать алфавит, составленный Кириллом и Мефодием, так как знакомство восточных славян с христианской религией произошло в середине X в. Тексты древних русских памятников подтверждают

¹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. — СПб., 1882. — С. 1.

² Иванова Т. А. Еще раз о русских письменах // Советское славяноведение. — 1969. — № 4. — С. 75.

³ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. — С. 3.

⁴ Исследования по русскому языку. Т. I // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. — СПб., 1855. — С. 289.

предположение исследователей. Например, христиане упоминаются в тексте договоров русских с греками 945 г.: «И иже помыслять отъ страны Русьскыя раздрушити таку любовь, и елико ихъ крещение прияли суть, да примуть мсть отъ бога въседържителя, ... а елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ бога, ли отъ Перуна...»¹.

Однако достоверно можно говорить о распространении грамотности на Руси только после принятия христианства, когда восточные славяне воспользовались алфавитом, созданным в IX в. Кириллом и Мефодием. Именно этот алфавит с отдельными изменениями был в употреблении до начала XVIII в. и лег в основу современного русского алфавита.

Как сообщает летописец, уже при князе Ярославе на Руси было много грамотных людей, так как появляются школы, детей отдают «в книжное учение» к священникам и монахам. Берестяные грамоты XI—XV вв., обнаруженные в Новгороде археологической экспедицией во главе с А. В. Арциховским, свидетельствуют о том, что на Руси умели писать и читать люди, различные по социальному положению: торговые, ремесленные жители Новгорода, ростовщики, управляющие хозяйством новгородских землевладельцев и т. п. Были найдены берестяные грамоты в Смоленске, Пскове, Витебске и Твери, Старой Русе.

Эти находки подтвердили истинность сказанного в «Житии Сергия Радонежского» о том, что в Древней Руси в качестве писчего материала использовалась кора.

Содержание берестяных грамот различно. Автор одной из грамот XI в. Жировит требует долг от Стояна: «Како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмь и вевериць ми не присълеши, то девятое лето. А не присълеши ми полоупята гривны, а хоцоу ти вырути въ тя лоуцьшаго новъгорожянина. Посъли же добръмъ» (С тех пор, как ты у меня взял крест и не прислал мне вевериц, пошел уже девятый год. Если не пришлешь мне четыре с половиной гривны, то ославлю тебя, лучшего горожанина. Пошли же добром)².

Дсмьян пишет неизвестному: «А ты продае коне, колико ти водадя. А чето потеряеши, а то помени. А Кузеке соци, абы не истъряле куно. Лихе есте» (А ты продай коня за любую цену. А что на этом потеряешь, то помни. А от Кузьки требуй, чтобы не растерял кун. Ненадежен он)³.

Через восемь веков дошли до нас строки грамоты, рассказывающей о беде Гостяты: «От Гостяты къ Васильви еже ми отьць даяль и роди съдаяли а то за нимъ а нынѣ водая новоую женоу а мнѣ не въдасть ничьто же избивъ роуки поустилъ же мя а иноу ю пояль доѣди добръ сътворя» (От Гостяты к Василию. То, что мне отец дал и родственники дали, осталось за ним. Теперь же, взяв новую

¹ Повесть временных лет.— Пг., 1916.— С. 32.

² Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.).— М., 1963.— С. 69.

³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г.).— М., 1958.— С. 50.

жену, не отдает мне ничего. Избив, он выгнал меня и женился на другой. Приезжай, сделай добро)¹.

Берестяные грамоты представляют интерес для лингвистов, изучающих особенности живой восточнославянской речи, для историков, изучающих быт и нравы древнего Новгорода.

Из приведенного материала ясно, что вопрос о времени появления на Руси письменности до сих пор остается невыясненным.

Проблема происхождения русского литературного языка также не является решенной, хотя ею интересовались лингвисты в течение трех веков.

В одной из статей журнала «Вестник Европы» 1813 г. читаем: «Начало перводревенного языка российского, по примеру большей части иных языков, покрыто завесой тайны, и намереваться рассеять хаос... есть покушение столько же отважное, сколько и бесплодное».

Однако русские лингвисты старались «рассеять хаос»: в трудах одних исследователей мы находим освещение отдельных фактов истории русского литературного языка, в трудах других — стройные и цельные учения о происхождении русского литературного языка.

Большинство филологов XVIII—XX вв. объявляло и объявляет основой русского литературного языка церковнославянский язык, пришедший на Русь вместе с принятием христианства.

Одни исследователи безоговорочно развивали и развивают теорию церковнославянской основы русского литературного языка (А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов, Л. В. Щерба, Н. И. Толстой и др.). Так, А. И. Соболевский писал: «Как известно, из славянских языков первым получил литературное употребление язык церковнославянский», «после Кирилла и Мефодия он сделался литературным языком сперва болгар, потом сербов и русских»².

Наиболее полное отражение и завершение гипотеза о церковнославянской основе русского литературного языка получила в трудах А. А. Шахматова, подчеркивавшего необычайную сложность формирования русского литературного языка: «Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил»³. Ученый решительно возводит современный русский литературный язык к церковнославянскому: «По своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший свое иноземное обличье»⁴.

¹ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. — М., 1955. — С. 195.

² Соболевский А. И. История русского литературного языка. — Л., 1980. — С. 23.

³ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. — М., 1941. — С. 60.

⁴ Там же.

А. А. Шахматов полагал, что древнеболгарский язык не только стал письменным литературным языком Киевского государства, но оказал большое влияние на устную речь «образованных слоев Киева» уже в X в.¹, поэтому в составе современного русского литературного языка много слов и форм слов древнеболгарской книжной речи.

С другой стороны, отмечает исследователь, и живая речь русских людей влияла на книжный письменный язык: «Это был язык древнеболгарский, но древнеболгарский язык, прошедший через живую русскую среду, усвоивший себе русское произношение иноязычных звуков и ассимилировавшийся живому русскому языку также в морфологическом и лексическом отношении»².

Однако многие исследователи XVIII—XX вв. (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, М. А. Максимович, И. И. Срезневский) обращали внимание на сложное взаимодействие церковнославянских книжных и разговорных восточнославянских элементов в составе древнерусских памятников.

Например, М. В. Ломоносов в отзыве о работе Шлецера подчеркивал отличие языка летописи, «Договоров русских с греками», «Русской правды» и других «исторических книг» от языка церковной литературы³.

Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике» четко противопоставлял русские разговорные и книжные церковнославянские элементы в «старинных памятниках»: «В сочинениях духовного содержания, например, в проповедях, в поучениях духовных лиц, в постановлениях церкви и т. п. преобладает язык церковнославянский; в сочинениях светского содержания, например, в летописях, в юридических актах, в древних русских стихотворениях, пословицах и т. п. преобладает язык русский, разговорный»⁴.

В трудах лингвиста второй половины XIX в. М. А. Максимовича прослеживается противоречивость и сложность развития русского литературного языка. В «Истории древней русской словесности» он писал: «С распространением богослужения на сем языке (церковнославянском), он соделался и у нас языком церковным и книжным, и через то более всех имел влияние на язык русский — не только письменный, который развился из него, но и на язык народный. Потому в истории русской словесности он имеет почти такую же значительность, как и наш собственный»⁵; «Но в памятниках законодательных, в летописях и песнотворениях светских наш древний письменный язык представляет частые отступления от церковнославянского. Большая часть сих отступлений состояла в примеси своенародного, разговорного русского языка, непрестанно и не-

¹ См.: Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка.— Ч. 1.— Пг., 1916.— С. 81.

² Шахматов А. А. Указ. соч.— С. 82.

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.— М.; Л., 1952.— Т. 7.— С. 899.

⁴ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка.— М., 1959.— С. 36.

⁵ Максимович М. А. Собр. соч.— Т. III.— Киев, 1880.— С. 427.

вольно входившего в состав принятого книжного языка. Отступления сии весьма замечательны; ибо в них заключаются отрывчатые письменные памятники тогдашнего народного языка Руси, служащие свидетельством, что он в древнем периоде был различен от церковнославянского»¹.

Большое внимание структурной близости древнерусского и церковнославянского языков уделял известный русский лингвист второй половины XIX в. И. И. Срезневский. В работе «Мысли об истории русского языка» он писал: «Когда русский народ обратился к христианству, он нашел уже все книги, необходимые для богослужения... на наречии, отличавшемся от его народного наречия очень немногим. Книги эти послужили основанием письменности русской: она пошла по пути, указанному ими, удерживая постоянно в близком родстве язык свой с языком народа»².

Г. О. Винокур в историческом очерке «Русский язык» (1943) появление письменности у восточных славян также связывает с распространением христианства, что характерно для всего средневекового мира, подчеркивая близость живой восточнославянской речи и церковнославянского языка, ставшего общим «учено-литературным языком» славян.

Как отмечал В. В. Виноградов в докладе на IV Международном съезде славистов, в языкознании XIX—XX вв. «все более широко обрисовывалась проблема древнерусского литературного двуязычия или языкового дуализма, нуждавшаяся в детальном конкретно-историческом изучении»³.

В 1946 г. вышли в свет «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» С. П. Обнорского, где было представлено учение о самобытном развитии русского литературного языка.

С. П. Обнорский считал, что русский литературный язык сложился независимо от древнецерковнославянского языка русской редакции, обслуживавшего нужды церкви и всей религиозной литературы, на базе живой восточнославянской речи. Исследуя тексты «Русской правды», «Слова о полку Игореве», произведений Владимира Мономаха, «Моления Даниила Заточника», ученый пришел к выводу: их язык — общий русский литературный язык старшей поры, все элементы церковнославянского языка, представленные в памятниках, внесены туда переписчиками в более позднее время⁴.

Работа С. П. Обнорского сыграла важную роль в установлении специфики языка древнерусских светских памятников, но его теорию происхождения русского литературного языка нельзя считать аргументированной, на что указывали Е. С. Истрина, Б. А. Ларин,

¹ Максимович М. А. Собр. соч. — Т. III. — Киев, 1880.

² Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. — СПб., 1884. — С. 32.

³ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. — М., 1958. — С. 13.

⁴ См. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. — М.; Л., 1946.

В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. Ср. в рецензии Ф. П. Филина на книгу С. П. Обнорского: «Древнерусские писатели использовали в своем оригинальном творчестве и другой источник — церковнославянский язык, чем и объясняется наличие заметных слоев церковнославянских элементов в таких памятниках, как сочинения Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника» и «Слово о полку Игореве»¹.

Б. А. Ларин говорил по этому поводу: «Если не противопоставлять два языка в Древней Руси — древнерусский и церковнославянский, тогда все просто. Но если различать эти две основы, то придется либо признать, что мы имеем дело со смешанным характером языка в ряде наиболее важных и ценных памятников, либо производить насилие над очевидными фактами, что и допускали некоторые исследователи. Я утверждаю, что именно русский язык сложного состава характерен для памятников XII—XIII вв.»².

Принято отождествлять теорию происхождения русского литературного языка С. П. Обнорского и точку зрения Л. П. Якубинского. Однако Л. П. Якубинский, указывая на родство славянских языков, подчеркивал роль старославянского в образовании всех литературных языков славян: «Возникновение старославянского языка было огромным событием и в мировой истории: на путь цивилизации вступали новые народности, которым предстояло славное будущее, на путь цивилизации вступали и предки нашего великого русского народа»³. Но господствующую роль церковнославянский язык играл лишь в период «империи». «Высший этап развития Киевского государства, правление Ярослава, — это высший этап развития церковнославянского литературного языка как господствующего литературного языка. В дальнейшем он встречает могучего соперника в лице древнерусского литературного языка»⁴.

Современные историки языка также по-разному освещают вопрос об истоках древнерусского литературного языка.

Д. С. Лихачев, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский, Г. А. Хабургаев связывают судьбу древнерусского литературного языка с судьбой языков всех славян, то есть считают, что до принятия христианства, формирования единой культуры славян литературного языка в Киевском государстве не было. Ср., например, высказывания Д. С. Лихачева в статье, посвященной тысячелетию христианства на Руси: «В конце концов та церковная письменность, которая была передана нам Болгарией, — это самое важное, что дало Руси Крещение», «Пушкин так сказал о христианстве...: «История новейшая есть история христианства». И если понять, что под историей Пушкин разумел прежде всего историю культуры, то положение Пушкина в известном смысле правильно и для России.

¹ Вестник ЛГУ. — 1947. — № 10. — С. 115—116.

² Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). — М., 1975. — С. 23.

³ Якубинский Л. П. История древнерусского языка. — М., 1953. — С. 86.

⁴ Там же. — С. 99.

Роль и значение христианства на Руси были очень изменчивы, как изменчиво было на Руси и само православие. Однако, учитывая то, что живопись (иконы, фрески, мозаика.— Е. К.), музыка, в значительной степени архитектура и почти вся литература в древней Руси находились в орбите христианской мысли, христианских споров и христианских тем, совершенно ясно, что Пушкин был прав, если широко понимать его мысль¹.

Н. И. Толстой предложил термин «древнеславянский литературный язык» для обозначения общего литературного языка южных и восточных славян, показывая сложное взаимодействие древнего литературного языка с живой разговорной речью славян, что нашло отражение в схеме, предложенной им².

¹ Лихачев Д. С. Крещение Руси и государство Русь // Новый мир.— 1988.— № 6.— С. 253—258.

² Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. // ВЯ.— 1961.— № 1.— С. 59. См. также: Толстой Н. И. Взгляды В. В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языков // Исследования по славянской филологии.— 1974.— С. 324.

В наши дни многие лингвисты пишут о существовании на Руси двуязычия (или двух типов литературного языка). Некоторые ученые (К. Д. Зеeman, А. В. Исаченко, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский, Г. Хютль-Фольтер и др.) употребляют при этом термин греческого происхождения «диглоссия». Так, в последних работах Н. И. Толстой, выявляя признаки литературного языка в историко-культурном аспекте, противопоставляет гетерогенную диглоссию (двуязычную ситуацию, когда члены данного коллектива пользуются двумя разными языками) и гомогенную (двуязычие, когда члены данного коллектива пользуются двумя близкими языками). В работе «Славянские литературные языки и их отношения к другим языковым идиомам» он пишет: «Почти все славянские литературные языки с самого начала, т. е. со своего возникновения и до национального периода, развивались в условиях двуязычия (или диглоссии), что характерно и для большинства европейских и многих азиатских языков. Гомогенное, генетически и формально однородное двуязычие (или диглоссия) фиксируется в литературных языках макроареала *Slavia Orthodoxa*, в котором повсюду в прошлом функционировал древнеславянский (церковнославянский) язык... В условиях гомогенной диглоссии древнеславянский (церковнославянский) язык мог входить в функциональную парадигму конкретного славянского литературного языка ... а в некоторые периоды он мог четко противопоставляться последнему и функционировать параллельно, создавая ситуацию двуязычия. При этом сама форма и структура конкретного славянского языка обычно была близкой к древнеславянской. Такое соотношение и вхождение в функциональную парадигму языка фактически было невозможно при гетерогенном двуязычии (или диглоссии), которое пережили языки макромира *Slavia Latina*, функционировавшие наряду с латинским, немецким, в некоторых узколокальных зонах в определенный период — с итальянским»¹.

Следовательно, гомогенное двуязычие — это церковнославянско-русское, церковнославянско-чешское, церковнославянско-болгарское (и подобное) двуязычие на территории славян в XI—XIII в.

Б. А. Успенский в докладе на IX Международном съезде славистов в Киеве в 1983 г. употребляет термин «диглоссия» для обозначения определенной разновидности двуязычия, особой диглоссией ситуации на Руси. Под диглоссией он понимает «такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык»². При этом, с его точки зрения, «члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) свойственно в этой ситуации видеть два разных языка» (С. 6). Для диглоссии характерно: 1) недопустимость применения

¹ Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков.— М., 1988.— С. 23—24.

² Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка.— М., 1983.— С. 5.

книжного языка как средства разговорного общения; 2) отсутствие кодификации разговорного языка; 3) отсутствие параллельных текстов с одним и тем же содержанием.

Таким образом, для Б. А. Успенского диглоссия — это такой способ сосуществования «двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной ситуации)»¹.

В работах Б. А. Успенского, как и в работах его оппонентов (А. А. Алексеева, А. И. Горшкова, В. В. Колесова и др.)², читатель найдет много важного и интересного материала для составления собственного суждения о языковой ситуации на Руси в X—XIII вв. Но решить окончательно вопрос о характере литературного языка в этот период невозможно, так как у нас нет подлинников светских памятников, нет полного описания языка всех славянских рукописей и их списков XV—XVII вв., никто не может точно воспроизвести особенности живой восточнославянской речи.

В этом отношении показательно выступление Л. П. Жуковской на VIII Международном съезде славистов, объяснившей, почему медленно идет работа по составлению единого «Словаря церковнославянского языка», постановление о создании которого было принято еще в 1958 г. на IV съезде. «В конечном счете,— утверждала она,— сопоставление лексики той и другой групп (общей для всех списков соответствующего памятника или лексики, различающейся в списках.— Е. К.) позволит либо прекратить, либо, наоборот, мотивировать распространенные в славистике высказывания о наличии у всех православных славян общего средневекового церковнославянского (литературного; литературно-письменного...) языка, или приведет к признанию разных, хотя и похожих языков, которые функционировали в разных славянских странах как свои литературные»³.

Л. П. Жуковская считает, что при настоящем положении дел лучше не прибегать к обобщениям, а исследовать язык памятников письменности. Как показывают работы филологов XVIII—XX вв. и реально существующие древнерусские памятники, в Киевском государстве функционировали три группы таких памятников: церковные, светские деловые, светские неделовые памятники.

§ 2. ЯЗЫК ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

Процесс объединения восточных славян завершился во второй половине X в. В X—XI вв. образовалось обширное древнерусское государство во главе с Киевом, которому Олег, по словам летописца,

¹ Успенский Б. А. Указ. соч.— С. 4—5.

² Литературный язык Древней Руси // Проблемы исторического языкознания.— Л., 1986.— Вып. 3.

³ Жуковская Л. П. Постоянная и варьирующаяся лексика в списках памятника // Славянское языкознание.— М., 1978.— С. 191.

предсказал стать матерью городам русским («Се буди мати градомъ русьскимъ»¹).

Население древнего Киева было смешанным, так как в столицу древнерусского государства прибывали люди со всех концов страны: с северо-запада и с северо-востока, из новгородских, псковских, смоленских и других земель. Вероятно, в первые годы существования Киева разговорный язык жителей города был пестрым, затем местные черты сглаживаются, образуется устойчивое языковое единство, так называемое древнекиевское койне². Многие лингвисты отмечали слабую диалектную окраску языка Киева, который распространяется по другим территориям Древней Руси, становится единым разговорным языком для всего населения Киевского государства, хотя памятники XI—XIII вв. отражают и особенности местных говоров.

В деловых памятниках представлены многие особенности восточно-славянской речи:

- 1) полногласие: *володѣти, городѣ, полонѣ, сорогѣ, борода* и др;
- 2) *ро, ло* в начале слова: *лодья, локоть, роба, розвязати* и др.;
- 3) начальное *о*: *озеро, олень, одинѣ* и др.;
- 4) *ч* на месте древнейших сочетаний **tj*, **kt'*: *хочю, приходячи, дѣчьерь, ночь* и др.;
- 5) *ж* на месте древнейшего сочегания **dj*: *нужа, вожь, промежю, жажа* и др.

Многие исследователи XIX в. (М. А. Максимович, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский) отмечали стойкое написание русскими книжниками слов с фонетическими особенностями живой восточнославянской речи. Сочетание *жд*, свойственное старославянскому языку (одна из южнославянских языковых особенностей), редко употребляется в древнерусских памятниках, и даже в церковной литературе писцы часто писали *ж* вместо *жд*. В письме М. А. Максимовича к М. П. Погодину находим интересные сведения об этом: «Я это сказал ... для объяснения, почему у нас на Руси в древнее время так нелюбимо было это церковнославянское *жд*, пока, наконец, к нему не привыкли. Вспомни, что и в молитве «Отче наш», вместо *даждь намъ дьньсь* (как в «Остромировом Евангелии»), ... писано: *Дажь*, а в списках XIV в. *Дай же*; в древнейшем же списке Екзархова Богословия даже выскоблено *д* после *ж*: *дажь, вожю, нужа*»³;

6) восточнославянская лексика: *клепати* — обвинять, *голова* — убитый, *продажа* — штраф, *мовь* — баня, *гость* — купец, *голважня* — мера соли, *видокъ* — свидетель и др.;

7) синтаксические конструкции устной речи со слабой связью отдельных фрагментов речевого целого, паратаксисом, особой связью частей текста — «цепным нанизыванием предложений», когда в грамматическую связь «однородного следования» вступают предложения, разнородные «по отношению к категории времени, модальности

¹ Полное собрание русских летописей.— М., 1962.— Т. I.— С. 23.

² *Койне* (от греч *κοινὴ* — общее) — общий язык, возникший на основе какого-либо господствующего диалекта (в данном случае — киевского).

³ Максимович М. А. Собр. соч.— Киев, 1880.— Т. III.— С. 204.

и лица»¹. Например, в «Грамоте князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода» 1130 г.²: *Се азъ, Мьстиславъ, Володимиръ сынъ, държа русьску землю въ свое княжение, повелѣлъ ѣсмь сыну своему Всеволоду отдати буицѣ святому Георгиеви съ данию и съ вирами и съ продажами и вено вотское. Даже который князь по моемъ княжении почьнетъ хотѣти отяти у святого Георгия, а богъ буди за тѣмъ и святая богородица, и тѣ святыи Георгии у него то отимаеть. И ты игумене Исаие. и вы братиѣ, донелѣ же ся миръ състоишь, молитѣ бога за мя и за моѣ дѣти. Кто ся изостанеть въ манастыри, то вы тѣмъ дѣлжни есте молити за ны бога и при животѣ и въ сѣмьрти. А язъ далъ рукою своею и осеннее полюдие, дарованное полѣтретия десяте гривнѣ святому же Георгиеви. А се я, Всеволодъ, далъ есмь блюдо серебряно. в 4 гривнѣ серебра, святому же Георгиеви, велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаеть.*

Большинство филологов самым ранним деловым памятником считает «Русскую правду».

«Русская правда» — оригинальный русский юридический памятник XI в. (свод русских законов, составленный Ярославом и его сыновьями), открытый В. Н. Татишевым в 1738 г. в одном из списков Новгородской летописи XIII в. Это была краткая редакция памятника, в дальнейшем нашли списки пространной и сокращенной редакции (всего обнаружено 110 списков, что говорит о широком распространении «Русской правды» в древности).

Многих исследователей привлекает русский облик памятника и особенно его лексический состав. Перечисляя наказания, угрожающие нарушителям закона, авторы юридических документов строго разграничивают виновных и пострадавших по социальным признакам: князь, бояринъ (боярин), купецъ, огнищанинъ (глава, управитель княжеской вотчины), челядь (зависимая от землевладельца и работающая на него масса людей, куда входят холопы — полностью зависимые от землевладельца, рядовичи — заключившие договор с владельцем земли, смерды, имеющие средства производства, вдачи и закупы — должники, обрабатывающие свой долг землевладельцам). Текст «Русской правды» показывает также, что на Руси в XI в. еще не перевелись рабы: *А въ смердѣ и въ холопѣ 5 гривнѣ, аще р о б а...— 12; Аще уведеть чюжь холопѣ или р о б у, платити ему за обиду 2 гривнѣ.*

В тексте «Русской правды» имеется еще один термин, показательный для общественных отношений Древней Руси: *изгой* — человек, вышедший из своего прежнего состояния, социального положения (выкупившийся холоп, разорившийся купец и т. п.): *Аще и з г о и будеть, любо словенинъ, то 40 гривнѣ положити за нь.*

В «Русской правде» употребляются термины, свидетельствующие о существовании общины в Киевском государстве: *миръ* и *вервь*.

¹ Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка.— М., 1956.— С. 486.

² При цитировании графика упрощена: ж, ҃, оу заменены буквой у, ѡ — о, ѡ — я, љ — кси, ѣ — пси, з з — з, і, ї — и, Ѡ — ф; ѡ, ѡ, ѡ сохранены.

Слово *вервь* имеет несколько значений. Первоначально, вероятно, это была мера участков земли (*вервь* — *вервие*, современное *веревка*), затем участок земли, территория, на которой живут люди одной общины: *То в ирвь в ную платити, въ чьей же верви голова лежитъ*. Кроме того, термин *вервь* означал и самое общину: *Которая ли в ервь начнет платити дикую виру, колико лѣтъ запла- тятъ ту виру*.

В тексте много терминов, относящихся к правовому институту Древней Руси: *видокъ, послухъ* — свидетели, *вира* — штраф за убийство, *дикая вира* — собранная заранее членами общины сумма денег, из которой в нужный момент можно брать деньги и платить штраф за убийство.

Бытовая лексика памятника дает полное представление о древне-русском языке, часть словарного состава которого сохранилась до сих пор: *голважня* (*головажня, голважина*) — мера соли; *возъ, копна, сѣно, гумно, дрова, кадь, ведро, горохъ, жердь, жито, конюхъ, поваръ* и др.

Богато представлена в памятнике лексика, обозначающая животный мир: *баранъ, быкъ, вѣкша или вѣверица* (белка), *гусь, коза, козелъ, кобыла, корова, кура, лебедь, овца, свинья, утка* и т. п.

Можно отметить ряд словообразовательных гнезд среди древне-русской терминологической лексики: *вира, вирная, вировная, вирное, вирникъ; городъ, городня* (ограда), *городникъ, городница, горожанинъ, голова* (убитый), *головникъ* (убийца), *головничество* (месть за убийство и само убийство), *рядъ, рядити, рядитися, рядитися, рядовникъ, рядовичь*.

Фонетический облик деловых документов, в том числе и «Русской правды», свидетельствует о преобладании в них элементов живой восточнославянской речи. Прежде всего обращает на себя внимание обилие полногласных форм. В «Русской правде»: *ворота, воротити, голова, городъ, дерево, золото, корова, молоко, солодъ, холопъ* и др.

В тексте «Русской правды» находим сочетания *ро, ло* в начале слов: *лодья, локоть, розвязати, роба, робьи*.

На месте древнейших сочетаний **tj, *kt'* употребляется преимущественно *ч*: *ворочатися, закладаюче, хочю, во обчи*.

Старославянских форм и книжных слов в различных редакциях «Русской правды» мало, но они имеются: *благовѣренъ, благосовѣтникъ, благодаръ* (встречается и в форме *бологодѣлъ*), *владыка, вражда, дщерь, душегубство, златолюбие, паки, нощный, разбои, говѣние, аще* и др.

В грамотах XIII—XV вв. также немного старославянских форм слова и книжной лексики, что объясняется тематикой деловых документов. Старославянские формы в основном характерны для трафаретных зачинов, традиционных формул: *Се азъ Мьстиславъ; Се азъ князь Олександръ* и т. п., но в самом тексте грамот, как и в «Русской правде», преобладают русские формы, используется бытовая, социально-экономическая и общественно-политическая лексика, характеризующая быт и нравы Древней Руси. Например, в гра-

моте князя Мстислава и его сына Всеволода 1130 г.: *вира, продажа* (виды штрафа за преступления), *вено вотское* (выкуп за невесту), *осеньнее полудие* (осенняя дань); в грамоте смоленского князя Мстислава 1229 г.: *голова* — (убитый), *гривна, дружина, купець, послухъ, холопъ*; в грамоте Александра Невского 1262 г.: *посадникъ, тысяцкии, куна*. Фонетический облик большинства слов в грамотах русский: *Володимирь, дерево, сорожъ, хочю, лодья, осень, одинъ, розныи* и т. п.

Таким образом, памятники делового письма хорошо отражают особенности живой восточнославянской речи, что подтверждает мнение многих лингвистов и литературоведов о том, что они представляют собою «литературную обработку норм дописьменного восточнославянского устного языка»¹.

§ 3. ЯЗЫК ДРЕВНЕРУССКИХ ЦЕРКОВНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Церковная литература составляет большую часть книг XI—XIII вв., дошедших до нас. С принятием христианства Киевская Русь приняла и язык христианской книжности — старославянский, в основе которого был солунский диалект болгарской речи (южнославянской). На старославянский язык в IX в. первоучители славян Кирилл и Мефодий перевели греческие библейские и обрядовые книги. Как уже было сказано, это был общелитературный язык славян, но варьировался он в зависимости от контактов с местной речью, в результате чего возникли различные редакции старославянского языка: болгарский, сербский, русский. Старославянский язык «местного извода» принято называть церковнославянским языком.

На церковнославянском языке было очень много книг на Руси, пришедших из Византии, Болгарии, Сербии; церковно-учительных, агиографических, церковно-научных (географических, естественнонаучных, исторических), патриотических, исторических, художественных.

Первый восточнославянский датированный памятник, дошедший до нас, — «Остромирово Евангелие» 1056—1057 гг., переписанное дьяком Григорием для новгородского посадника Остромира, к XII в. относятся «Мстиславово Евангелие» и «Юрьевское Евангелие». Сохранились рукописи псалтырей (тексты богослужений) XI в. и XII в., «Новгородские служебные минеи» 1095—1097 гг., апокрифы (о Данииле, Андрее Первозванном, апостолах Петре и Павле, об Илье Пророке), и в том числе — любимое на Руси «Хождение богородицы по мукам» (XII в.), «Изборник 1073 г.» и «Изборник 1076 г.» (сборники выписок из библейских книг, сочинений византийских богословов и проповедников: Иоанна Златоуста, Григория Нисского и др.), жития («Житие Иоанна Златоуста», «Житие Константина (Кирилла) философа» и др.).

¹ Хабургаев Г. А. Дискуссионные вопросы истории русского литературного языка // Вестник МГУ.— Серия 9.— 1988.— № 2.— С. 59.

Был известен на Руси «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарско-го — мифологическая история сотворения мира, «Физиолог» — сборник статей о свойствах реальных и легендарных животных, камней и деревьев с символично-аллегорическим толкованием, «Христианская топография» Козьмы Индикоплова (космографическое сочинение — сведения об истории и устройстве мира, о животных, растениях и т. п.), «Толковая Палея» — комментарии к библейским книгам, «своеобразная энциклопедия как богословских знаний, так и средневековых представлений об устройстве мироздания»¹.

Переводится не только церковная литература, но и византийские хроники Георгия Амартола, Георгия Синкелла, «Повесть о разорении Иерусалима» («История иудейской войны») Иосифа Флавия; средневековые повести: «Александрия» (роман об Александре Македонском), «Девгениево деяние» (о богатыре-воине Дигенисе Акрите), «Повесть об Акире Премудром».

Уже во времена Ярослава Мудрого существует на Руси много монахов, священников, хорошо знающих греческий и церковнославянский язык, переписывающих и переведивших византийскую и болгарскую литературу.

Появляются оригинальные русские произведения, книга становится предметом уважения и восхищения. В «Изборнике Святослава» 1076 г. читаем: «Узда коневи-правитель есть и въздържание, правьднику же книги. Не съсоставитъ бо ся корабль без гвозднн, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго...» В сборнике «Пчела» XII или XIII вв.: «Умъ безъ книгъ, аки птица опѣшена. Якожъ она взлетети не можетъ, такоже и умъ недомыслитъся совершена разума безъ книгъ».

Появляются первые русские писатели — известные деятели русской церкви: митрополит Иларион, новгородский епископ Лука, игумен Печерского монастыря Феодосий, игумен Сильвестр, киевский митрополит Клемент Смолятич, епископ Кирилл Туровский, епископ Симон, монах Хутынского монастыря Антоний, оставившие нам прекрасные сочинения на церковнославянском языке.

В этих сочинениях представлены следующие особенности церковнославянского языка:

1) ж и љ, обозначающие носовые звуки: *стжденьць, пжть, врѣмљ* и др.;

2) начальное *е*: *есень, езеро, елень, единъ*;

3) начальное *ра, ла*: *рабъ, ладийљ, лакъть* и др.;

4) *шт* на месте древнейших сочетаний* *tj, *kt'*: *свѣшта, аште* (аше), *нощъ, молѣштии* и др.;

5) *жд* на месте **dj*: *межда* (межа), *вождь, нужда, жажда*;

6) неполногласие: *брѣгъ, врата, владети, гладъ, глава* и др.;

7) флексия *-љ* в род. п. ед. ч. и в им.-вин. п. мн. числа существительных первого склонения (*землљ*) и вин. п. мн. ч. существительных

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV вв.). — Л., 1987. — С. 286. См. также: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв. — М., 1980.

второго склонения — *конь* (в древнерусском языке: *ѣ*). Например, *възърите на птица, при Святославѣ князи роуьскии земля*;

8) флексия *тъ* в третьем лице ед. и мн. числа наст. и простого буд. времени глагола (в древнерусском языке: *тъ*). Например: *отвѣщаетъ, въжждетъ, глаголетъ* и т. п.;

9) нестяженная форма имперфекта: *привождаше, раждааше* и др.;

10) лексика, не характерная для живой восточнославянской речи: *абие* (тотчас, внезапно), *брашно* (еда), *алкати, аще, бо* (ведь), *вигати* (обитати), *выя, глаголати, десница, дондеже* (пока не), *крѣпость* (сила), *куща* (хижина, палатка), *мышца* (рука), *перси, пища, предтеча, събор, стогна* (улица, площадь), *тварь* и др.;

11) церковнославянский язык — письменный нормированный язык, представленный в образцовых текстах, где реализуется его синтаксическая система: строгое соотношение частей речевого целого, гипотаксис, развитая система сложноподчиненных предложений, обилие подчинительных союзов с четкой семантикой. Например, в притче Кирилла Туровского «О человекѣстѣи души и о телеси»: *Сладко бо медвенный сотъ и добро сахаръ, обоого же добрѣ книгий разум: сия убо суть скровища вѣчныя жизни. Аще бо сде кто обрѣлъ бы земное скровище, то не бы на се дерзнулъ, но единъ точю честный камень взял бы,— уже бес печали питається, яко до конца богатство имый. Тако обрѣтый божественных книгъ скровище, пророческих же и псаломьских и апостольских и самого спаса Христа спасеных словес истинный с расужениемъ разум,— уже не собѣ единому бысть на спасение, но и инѣмъ многимъ послушающим его. Сему случается еуаγγελская притча глаголющи: «Всяк книжникъ, научися царствию небесному, подобенъ есть мужу домовити, иже износитъ от скровищ своих ветхая и новая» (Ибо сладко — медвяный сот, и хорошо — сахар, обоих же лучше книжное знание: потому что оно — сокровище вечной жизни. Если бы здесь кто нашел земное сокровище, то на все и не посягнул бы, но лишь один драгоценный камень взял бы — и вот уже без печали питається, как до самой смерти богатство имеющий. Так и нашедший сокровище священных книг, а также пророческих, и псаломских, и апостольских, и самого спасителя Христа сохранных речей, ум истинный, размышляющий, — уже не себе одному на спасение, но и многим другим, внимающим ему. Сюда и подходит евангельская притча, говорящая: «Всякий книжник, познавший царство небесное, подобен мужу домовитому, который из сокровищ своих раздает и старое, и новое»).*

Через посредство церковнославянского языка русский язык пополнился греческими словами: *алтарь, ангелъ, икона, дьяволъ, идолъ, киноварь, китъ, келья, кедръ, мраморъ, митрополитъ, монахъ, панихида, попъ, попадья, трапеза* и др. (вероятно, устным путем пришли в русский язык слова: *свекла, огурец, терем, палата, кровать, фонарь, укус, оладья, парус* и др.).

Через посредство церковнославянского языка в русский язык вошли кальки с греческих слов, обычно называющих отвлеченные

понятия: *беззаконие, бездушие, богословие, согласие, предательство* и др.

Из церковнославянского языка в русский также вошло много отвлеченной лексики, целый ряд имен существительных с суффиксами *-ени, -ани, -тель, -ств* и др. были созданы русскими книжниками по словообразовательным моделям церковнославянского языка. Например, в тексте перевода «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: *избиение, изъвлечение, изъискание, падение, почитание, съчение, удаление* и др., в тексте «Поучения» Владимира Мономаха: *крещение, погубление, покаяние, порабощение, смирение* и др., в «Слове на антипасху» Кирилла Туровского: *поновление, удивление, устрашение, обновление, избавление, разрушение, поправление, погубление, спасение, обетцание, порабощение* и др.

В текстах переводной церковной литературы XI—XII вв.: *дѣлатель, всесдръжитель, естество, женьство, искрънство, ислитель, одиночество, расточитель, мужество* и др.

Много было создано сложных слов по греческим словообразовательным моделям: *благоразумие, богобоязливый, богогласный, братоненавистец, добръѣпѣсньный, злопоминание, идоловъѣрие, иностранникъ, иноязычникъ, лихоимцы, мирослужение, правовѣрный, скверноѣдение, народовластие* и др.

Итак, вначале на Руси переписываются церковные книги, привезенные из Болгарии или Византии, затем большое количество греческих и южнославянских книг переводятся русскими книжниками, и, наконец, уже в XII в. «зарождается и быстро развивается оригинальная литература...: агнография, торжественная проповедь. Эта литература, представляющая уже самостоятельный вклад восточных славян в мировой литературный процесс, почти сразу же достигает высоких образцов, в особенности в жанре торжественной проповеди, имевшей в данное время государственное значение»¹ (проповеди Климентия Смолятича, Луки Жидяты, Кирилла Туровского, митрополита Илариона).

Наиболее показательно в этом отношении «Слово о законе и благодати» XII в. митрополита Илариона, свидетельствующее о глубоких познаниях первого русского митрополита в области истории церкви, духовного ораторского искусства, об умении проповедника пользоваться всеми стилистическими богатствами византийской и славянской церковной литературы.

Тема «Слова» — прославление князя Владимира, при котором на Русь пришло христианство, христианской религии, благодаря которой усилилась мощь Киевского государства, установились его связи с другими христианскими странами, гимн просвещению, расцвету культуры на Руси в XII в. Так, восхваляя потомка Владимира Ярослава, митрополит говорит о церкви св. Софии, которую построил в Киеве Ярослав: «дивьна и славьна въсѣмъ округьнымъ странамъ, яко же

¹ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XII вв.— М., 1980.— С. 60.

ина не обрящется въ всемъ полунощи земнѣтъ отъ вѣстока до запада».

Публицистическое содержание памятника обусловило стиль произведения, эмоциональную патетическую манеру письма, широкое использование приемов сопоставления, антитезы, сравнения, повтора.

Противопоставляя христианство язычеству, митрополит Иларион противопоставляет и ряд понятий, характерных для этих религий, с его точки зрения: 1) *благодать, истина, избавление, обновление, пакубытие, нетлѣние, вѣскрѣшение, благовѣрие*, и 2) *мракъ идольскыи, бѣсслужание, леть идольская, идольскыи знои*.

Поэтические ассоциации Илариона многообразны. Ветхий завет он сравнивает с луною, с рождением сына рабыни, Новый завет — с солнцем, рождением свободного человека. Новый завет — роса, благодатный дождь, освещающий землю, источник всеобщего обновления: «Вѣра бо благодатнаа по всей земли распростре ся и до нашего языка русьскаго доиде, и законое езеро пресыще, евангельскыи же источникъ наводнивъ ся, и всю землю покрывъ, и до насъ проливявъ ся».

Лексический и синтаксический повтор — частотный стилистический прием в «Слове» Илариона. Так, он использует в роли приложения слова и словосочетания: *великии, дивныи, благороденъ; сынъ нетлѣниа, сынъ вѣскрѣшенниа*; в роли обращения: *христолюбче, друже правды, милостыни гнѣздо, наставниче благовѣрию*; повторяет предикативные метафоры, наполняя их все новыми и новыми лексическими единицами. Например: *Ты правдою бѣ облѣченъ; крѣпостию прѣпоясанъ, истиною обутъ, съмысломъ вѣнчанъ и милостынею, яко гривною и утварью златою, красуяся. Ты бѣ, о честнаа главо, нагышмъ одѣние; ты бѣ алчьнымъ кѣрмитель; ты бѣ жаждущимъ утробѣ ухлаждение; ты бѣ вдовицамъ помощникъ, ты бѣ страннымъ покоище; ты бѣ бескровнымъ покровъ*.

«Слово о законе благодати» — образец церковнославянского языка. «В своем «Слове», — писал Л. П. Якубинский, — Иларион, по характеру языка, продолжает традицию кирилло-мефодиевых переводов, т. е. «классические» традиции старославянского языка... Иларион, несомненно, учился по византийским образцам... Однако в изложении Илариона отсутствуют синтаксические грецизмы; несмотря на свою греческую выучку, он пишет «чистым церковнославянским языком», прекрасно чувствуя его нормы»¹.

В тексте «Слова» почти нет элементов восточнославянской речи (исключение: *Володимеръ, рожься, тобѣ, собѣ*, но, вероятно, это внесено в текст позднее переписчиком). Ср. употребление слов с *жд* на месте древнейшего сочетания **dj*: *виждь чадо свое Георгия, виждь утробу свою, виждь милааго своего ..., виждь и благовѣрную сноху твою Ерину, виждь вѣнукы твоа и правнукы...*

Н. А. Мещерский, рассматривая стилистические приемы гимнаграфии, в том числе эвфонику (повтор звуков), приводит прекрас-

¹ Якубинский Л. П. История древнерусского языка. — М., 1953. — С. 95.

ный пример из «Канона на бездождие»: *Дажь дождь земли жаждущей, Спасе!*, где также актуализируется церковнославянское *жд*.

В тексте «Слова...» Илариона нет вариантов слов *нощный, свѣщи, дщерь, благо, гладѣ, младости, драгыя, единѣ*. С начальным *ро* представлено лишь одно слово: *робичищ* (сын рабы), только один раз употреблена древнерусская форма существительного вин. п. мн. ч. с флексией *-ѣ*: *Положивыи душу за овцѣ*. Причастия имеют суффиксы *-ущ, -ящ: сѣдящу, растуше, одрѣжащи*, имперфект употребляется в нестяженной форме: *привождаше, оправдааше ся*. В «Слове о законе и благодати» широко используется церковнославянская лексика: *глаголати, грядти, мышца, тещи* (бежать), *послѣжде* (после) и др.; книжные отвлеченные имена существительные: *избавление, служение, дрѣзновение, крещение* и др., сложные слова: *пакыбытие, пакыпорождение, единосущей, единодержець, доброприлюбныя* и др.

Прекрасно владели церковнославянским языком Кирилл Туровский и Климент Смолятич. В произведениях других священнослужителей, особенно местных священников, нормы церковнославянского языка соблюдались не всегда. Однако наличие в церковных древнерусских памятниках восточнославянских элементов не опровергает существования двух языков или двух типов литературного языка на Руси. Церковнославянский язык не был родным для переписчиков, переводчиков и создателей текстов в Киевском государстве, они бессознательно вносили в свои или чужие сочинения элементы родного языка, местных говоров, что дало повод А. И. Соболевскому утверждать, что «славянорусский язык церковнославянских текстов был различен в разных местах Древней Руси XI—XIII вв.»¹. Ср. в «Канонических ответах» митрополита Иоанна: *Дажь не отидуть несвершении, Ясти же с ними нужною суще, Да не явимся, обидячи сихѣ*. В «Вопросах священников Кирика, Ильи и Саввы к новгородскому епископу Нифонту» (1130—1156): *Еже пакы се въ пророцьствши, Иже отричающесе сотоны, ручѣ въздѣвати горѣ, в-уторникѣ* и т. п.

Эти факты не противоречат суждению о том, что церковные памятники создавались на церковнославянском языке, но владели им авторы сочинений, переводчики и переписчики в разной степени. Церковнославянский язык, или книжно-славянский тип древнерусского литературного языка, пользовался большим авторитетом у грамотных людей Киевской Руси, так как это был «язык священного писания, язык, на котором общаются с богом»². Важным является то обстоятельство, что это был родственный язык, близкий по структуре живой восточнославянской речи, понятный древнерусским людям.

§ 4. ЯЗЫК ДРЕВНЕРУССКИХ СВЕТСКИХ ПАМЯТНИКОВ

К сожалению, до нас не дошло ни одного светского древнерусского памятника в оригинале. Однако трехвековая работа иссле-

¹ Соболевский А. И. История русского литературного языка.— Л., 1980. С. 31.

² Чернов В. А. Русский язык в XVII в.— Красноярск, 1984.— С. 13.

дователей (XVIII—XX вв.) позволяет с уверенностью относить древнерусские произведения, сохранившиеся в списках позднего времени, к XI—XIII вв. («Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника»).

Произведения светской древнерусской литературы созданы на древнерусском литературном языке, представлявшем собою сложное единство элементов устной восточнославянской речи и книжных старославянских элементов на фоне общеславянских языковых единиц. Степень употребительности русских и старославянских элементов в оригинальных русских повествовательных произведениях зависела от жанра произведения, темы, преобладания в древнерусском языке восточнославянской или старославянской формы слова из существующих вариантов (например, слова с *ж* на месте **dj*, но с *ц* на месте **ij*, **kl'*), литературных традиций. «Такое синтезирование двух начал в языке есть самое характерное явление истории русского литературного языка в целом. В древнейшую пору наблюдаем его преимущественно в тех явлениях древнерусской письменности, которые могут быть названы собственно литературными»¹.

Основу языка древнерусских памятников составляли общеславянские элементы. Грамматическая структура, почти все грамматические формы совпадали у древнерусского и церковнославянского языков (система имен, падежные формы, система глагола, спрягаемые формы глагола), много общего было и в лексике, унаследованного от индоевропейского и праславянского единства: *небо, солнце, день, два, сто, домъ, мать, море, рѣка, рука, нога, носъ, волкъ, мышь* и др.

На фоне общеславянских единиц употреблялись восточнославянские и старославянские элементы, бессознательно и целенаправленно, то есть не всегда можно определить, почему тот или иной автор употребляет данную языковую единицу, тот или иной вариант. Б. А. Успенский справедливо пишет: «Постоянная смена языкового кода имеет место и в летописях. Вообще в летописях в большей степени, чем в других текстах, отражается языковая ситуация Древней Руси: их особенно характеризует языковая неоднородность... Противопоставление церковнославянского и русского языков проявляется в летописях не только в противопоставленности целых текстов, написанных на том или на другом языке, но и в противопоставленности различных сегментов — от фраз до отдельных форм»².

Например, в «Повести временных лет» в одном и том же фрагменте текста: *володѣющеъ* и *владѣюще*, *единому* и *на озерѣ*, *градъ*, *градокъ*, но в *Новѣгородѣ*, *вдадуче*, но *полунощных*. Ср. в рассказе о единоборстве мужа Владимира и печенега: *И ста Во-*

¹ Винокур Г. О. Русский язык // Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 49.

² Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. — М., 1983. — С. 45.

лодимеръ на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на оную страну, ни они на сию страну.

В отрезке текста о мести Ольги используется восточнославянское слово *воробѣи*, но один раз — его книжный вариант *вработѣе*: *Волга же раздая воемъ по голуби комуждо; а другимъ по воробѣеви, и провелъ коемуждо голуби и къ воробѣеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитѣкою повертывающе къ коемуждо ихъ. И повелъ Ольга, яко смерче ся, пустити голуби и воробѣи воемъ своимъ. Голуби же и воробѣеви полетѣша въ гнѣзда своя, голуби въ голубники, вработѣе же подѣ стрѣхи...*

Уже в древнерусских текстах славянизмы выполняли стилистические функции, использовались для обозначения высоких понятий, создания риторического стиля в пределах микротекста. Например, в рассказе о крещении Ольги преобладают церковнославянизмы: *Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья; и Поклонивши ся патриарху, глаголющи: «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сѣти неприязньны».*

Но в последнем фрагменте текста появляется слово живой восточнославянской речи в реплике царя, женою которого отказалась быть Ольга, хитро мотивируя это: *како хочещи мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя тѣщерею, а въ хрестянехъ того нѣсть закона.* Царь резюмирует: *«Переключала мя еси, Ольга».*

«Повесть временных лет» — историческое сочинение XII в., в основу которого легли предшествующие неизвестные нам летописные своды. Здесь больше, чем в других сочинениях древнерусской литературы, манера письма зависела от характера и темы повествования, производился сознательный отбор языковых средств в зависимости от источника, использованного летописцем (договор, послание, житие, воинские повести, западные хроники, библия, произведения устного народного творчества), от принадлежности отдельных летописных статей к определенному жанру древнерусской литературы.

В повествовательных текстах, лаконичных, лишенных словесных украшений, содержащих большое количество повторяющихся из летописи в летопись формул, рассказывающих о быте, войнах, правовых институтах и социальных отношениях восточных славян, о фактических происшествиях, исторических событиях, много языковых единиц восточнославянской речи. Например, в погодных записях: *В лѣто 6367 (859)... козари имаху на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣи и веверицѣ от дыма; Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами собѣ володѣти...* Ср. в Лаврентьевской летописи под 1240 г.: *Того же лѣта на зиму взяша татарове Мордовскую землю, и Муромъ пожгоша, и по Клязмѣ воеваша... Тогда же бѣ пополохъ золъ по всеи земли, и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжить.*

Передавая какое-либо народно-поэтическое произведение (легенды о трех братьях, смерти Олега, мести Ольги, рассказ о белгородском киселе и т. п.), летописец также широко использовал особенности живой восточнославянской речи, обиходную русскую лек-

сику, имевшую восточнославянский фонетический и грамматический облик. Так, под 912 г. в «Повести временных лет» летописец записал два рассказа: о смерти Олега (легенда устного народного творчества) и о чародействе волхва Аполлонитяника в царстве Доментиановом (Аполлоний Тианский — греческий философ I в., считающийся волшебником) — рассказ, взятый летописцем из переводной литературы. Источники обусловили манеру письма. В легенде о смерти Олега не только используются восточнославянские элементы *осень, одинъ*, но отсутствуют церковнославянские элементы, не используется книжная лексика: *И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свои, и бѣ же поставилъ кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашалъ волѣхвовъ и кудесникъ: «Отъ чего ми есть умрети?». И рече ему кудесникъ одинъ: «Княже! Конь, еже любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети»; И повелѣ оседлати конь: «А то вижду кости его». И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмея ся рече: «Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?». И вѣступи ногою на лобъ, и выикнувши змиа изо лба и уклону в ногу. И с того разболѣся и умре.*

Во втором рассказе — большое количество отвлеченной лексики: *волхование, отвращение, воздержание, тлѣние, побѣжение, знамение, волшебство*; много сложных слов, созданных по греческим словообразовательным моделям: *благодѣтне, благодѣтельствуетъ, законопреступный, чародѣйство*; старославянских форм слова, слов и словосочетаний: *в градѣхъ, шествовати, азъ, пакы* и др.

О немъ же и великши Настасии Божья града рече: «Аполонию же даже и донынкѣ на нѣцѣхъ мѣстѣхъ събываются сътворенаа, стоящаа ова на отгвращение животнѣ четверногъ, пѣтица, могущи вредити человѣкы; другыя же на въздържанье струамъ рѣчьнымъ, невъздържанью текущимъ, нѣ ина нѣкаа на тѣлѣнье и вредѣ человѣкомъ сущаа на побѣжение стоять. И не тѣчью бо за живота его така и таковая сътвориша бѣсове его ради, нѣ и по смърти его, пребывающе у гроба его, знамениа творяху въ имя его на прелщение оканьнымъ человѣкомъ, бѣшею крадомнымъ на таковаа отъ диявола.

В нейтральных текстах, в статьях, испытавших влияние устного народного творчества, много фонетических, грамматических, лексических особенностей живой восточнославянской речи. Эти элементы находим и в речи действующих лиц летописей, диалогической или монологической, так как текст летописей драматизирован. Например, под 980 г. записана история сватовства князя Владимира, который не принял отказа дочери полоцкого князя, взял Полоцк, убил князя, женился на Рогнеде. Летописец, передавая речи Владимира, Рогнеды, Рогволода, оживляет события древности: *И посла ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: «Хочю пояти тѣчерь твою собѣ женѣ». Онѣ же рече тѣчери своей: «Хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Естественно, что здесь много русизмов: *Рогъволодѣ, хочю, Володимерѣ, хочеши, не хочю, розути, робичича* (сына раба).*

Ср. в рассказе об ослеплении Василька: *И рече Святополкъ: «Да заутрокай, брате!; Постѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжу; в*

микротексте «О козарах»: «И рѣша козарѣ: «Платиге намъ дань», И рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову» (вот, новую дань нашли.— Е. К.). Они же рѣша имъ: «Откуда?». Они же рѣша: «Въ лѣсъ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою!» Они же рѣша: «Что суть въдали?» Они же показаша мечь.

Как отмечает В. В. Виноградов, на основе летописи можно составить своеобразный реально-энциклопедический словарь живой народной восточнославянской речи: *дым* (печь, очаг), *рало* (плуг), *вежа* (дом, палаты), *башня*, *стреха*, *село*, *погост* и др.

Стилистическая дифференциация старославянских и восточнославянских единиц характерна и для «Поучения» Владимира Мономаха, дошедшего до нас в составе Лаврентьевской летописи.

1) *И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапно половчскыи князи... и видохоумъ въ городъ, толко семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣх боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи.*

2) *Мы человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хожемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ, а господь наш, владѣя и животомъ, и смертью, согрѣшенъя наша выше главы нашея терпить...*

Сложный состав имеет текст «Моления Даниила Заточника» XIII в. (Известны три сходных произведения XII—XIII вв.: «Слово», «Моление» и «Послание» Даниила Заточника, дошедшие до нас в более поздних списках), хотя здесь иное соотношение языковых единиц.

Книжные языковые единицы преобладают, но им противопоставлена не только древнерусская лексика, но и слова местных говоров. Ср. книжное начало «Моления» и тексты, повествующие о бедствиях автора:

1) *Вѣструбимъ, яко во златокванья трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребренья органы возвитие мудрости своеа. Вѣстани слава моя, вѣстани въ псалтыри и в гуслѣх. Востану рано, исповѣмъ ти ся. Да разверзу въ притчахъ гаданиа моя и провѣщаю въ языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотю и мудростю.*

2) *Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ на немъ сѣдя плачь горкии; и кому ти есть Новгородъ, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя.*

3) *Но егда веселишиися многими брашны, а мене помяни, сухъ хлѣбъ ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мяккихъ постеляхъ под собольими одѣялы, а мене помяни, под единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе.*

В «Молении Даниила Заточника» много слов и словосочетаний, характеризующих занятия русских людей в XII—XIII вв.: *повозъ возити* (доставлять куда-л. груз), *кони паствити*, *желѣзо варити*, *камень долоти*, *орати* (пахать), *сѣяти*, *жати* и т. п.; обиходной русской

лексики: *дубие, дерюга, жерновъ, жито, зерно* (горохово), *коза, липие, лубянь* (сделанный из луба — коры), *лутовяный* (сделанный из лыка), *метла, моклокъ* — большая кость, *потка* — птица, *полстянь* (сделанный из полсти — войлока)¹.

Но самое показательное в этом памятнике то, что бытовые слова служат для создания поэтических образов, являются лексической основой сравнений и метафор. Например: *Ты ли речеши, княже: «Отъ безумия естъ рекль селико слово», то не видель есмь неба полстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумнаго мудрости глаголюща* (Неужели скажешь, князь: от безумия сказал это слово? Но не видел ни неба из войлока, ни звезд из коры, ни безумного, говорящего мудрости), *не ѣдал есмь отъ пѣска масла, ни отъ козла млека, ни безумнаго мудрости глаголаща. Како возглаголетъ, имѣя лубенъ умъ, полстенъ языкъ, мысли, яко отрепи из гребниши* (не ел масла из песка, (не пил) молока от козла, (не видел) безумного, говорящего мудрости. Как заговорит (об умном), имея ум из коры, язык из войлока, мысли, как очесы от гребня?).

Все исследователи памятника обращали внимание на одну грамматическую особенность текста — употребление словосочетаний, свойственных до сих пор местным говорам, в составе которых дополнение после глагола выражено существительным в им. падеже, а не в винительном, как этого требует норма литературного языка (*лучше бы ми видѣти нога своя в лычницы в дому твоємъ, лучше бы ми вода пити в дому твоємъ*).

Но содержание памятника, смысл «Моления» — показ книжной мудрости автора, его начитанности, образованности. Даниил Заточник постоянно цитирует библейские книги, приводит изречения из «Повести об Акире Премудром», сборника «Пчела», «Изборника 1073 г.», «Изборника 1076 г.». Например, из Псалтири: *Языкъ мой — трость книжника скорописца; аки ноцный вранъ на нырищи*; из «Песни песней»: *Яко гласъ твои сладокъ и образъ твои красенъ; бысть выя твоя в буести, аки фарсисъ в монистъ*; из сборника «Пчела»: *ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна; А бояринъ щедръ, аки кладязь сладокъ при пути напаяемъ мимоходящихъ, а бояринъ скупъ, аки кладязь, сланъ; Всякъ бо человекъ у друга видить сучецъ во оцѣ, а у себе бревна не видить*.

Но чаще всего используются библейские образы (обычно после прямого указания: *Яко же бо Соломонъ рече, Глаголетъ бо въ писаниши* и т. п.): *просящему у тебѣ даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будещи царствия небеснаго; и расыпая животъ мой, аки ханаонский царь буестию и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона* и др.

Подобные изречения противостоят «мирским притчам». Б. А. Ларин приводит целый ряд выражений, в составе которых содержится лексика северных говоров: *Не бився о моклякѣ, вологи не видати* (*волога* — жидкая горячая пища, *моклякѣ, моклокъ* — мосол),

¹ См.: Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника.— Л., 1981.

*жена лукава, аки въялица в дому (въялица — метель, вьюга), никто не может соли зобати (зобати — брать по крупинке) и т. п.*¹

В «Слове о полку Игореве» более очевидно влияние устной народной поэзии, но характер словоупотребления и формоупотребления совпадает: в одних текстах «славянизмы» и «русизмы» используются как дублеты, в других — как стилистические варианты.

§ 5. ЯЗЫК И СТИЛЬ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Вершиной творчества древнерусских писателей является «Слово о полку Игореве», с полным правом вошедшее в историю мировой литературы, оставаясь, однако, до сих пор загадкой для исследователей, хотя о нем существует огромная литература².

Имя автора неизвестно, предположительная дата создания памятника: 80—90-е гг. XII в., но сохранилось «Слово» в составе рукописного сборника XV или XVI вв., который находился в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря, а затем был приобретен А. И. Мусиным-Пушкиным, известным собирателем древностей российских. В начале 90-х гг. XVIII в. для Екатерины II была сделана копия, в 1800 г. «Слово» было издано А. И. Мусиным-Пушкиным (в работе над текстом ему помогали А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, Н. М. Карамзин). Но рукопись «Слова...» погибла вместе с другими книгами библиотеки А. И. Мусина-Пушкина во время московского пожара 1812 г.

Первые издатели «Слова...» многое не поняли в тексте, так как в конце XVIII в. не было современных навыков перевода и издания древнерусских рукописных книг. А. И. Мусин-Пушкин писал по этому поводу К. Ф. Калайдовичу: «Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимаясь я разбором и переложением оныя Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды, и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было разобрано; но я не был переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился»³.

Например, в первом издании «Слова...» было напечатано раздельно *къ мети, по скочи, затвори въ Дунаю ворота* вместо *къмети* (воины), *поскочи* (форма аориста), *затворивъ Дунаю ворота*. В течение XIX—XX вв. переводчики расшифровали много темных (неяс-

¹ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка.— М., 1975.— С. 191—192.

² Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований.— М.; Л., 1940; Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований 1938—1954.— М.; Л., 1955; Творогов О. В. Слово о полку Игореве: Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.).— Л., 1987.— С. 436—437.

³ «Слово о полку Игореве».— М.; Л., 1950.— С. 352—353.

ных) мест, но самая большая заслуга в этом принадлежит А. С. Орлову и Д. С. Лихачеву — исследователям, комментаторам «Слова...», авторам объяснительных и ритмических переводов памятника на современный русский язык¹.

После гибели сборника, содержащего текст «Слова...», стали возникать сомнения в подлинности памятника (И. И. Давыдов, М. Т. Каченовский, митрополит Евгений Болховитинов, О. Л. Сенковский). Горячими защитниками подлинности памятника были Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, М. А. Максимович, Р. Ф. Тимковский.

Затем К. Ф. Калайдович в Пскове обнаружил «Апостол» (церковный памятник, включающий в свой состав отрывки библейских книг) 1307 г. с цитатой из «Слова...», был открыт другой памятник древнерусской литературы «Задонщина» (XIV—XV вв.), являющийся явным подражанием «Слову...».

В конце XIX—XX вв. вновь стали раздаваться голоса скептиков, считающих, что «Слово о полку Игореве» — подражание «Задонщине», что оно не является памятником древнерусской литературы XII в., а создано позже (в XV, XVI и даже в XVIII в. — мнения скептиков расходились): зарубежные ученые Л. Леже, А. Мазон, М. Горлин, Б. Унбегаун, современный исследователь А. А. Зимин.

Глубокое изучение текста «Слова...» историками, литературоведами, лингвистами, искусствоведами позволило вновь доказать подлинность «Слова о полку Игореве» (см. работы Н. К. Гудзия, А. С. Орлова, Н. П. Еремина, С. П. Обнорского, Б. А. Ларина, многочисленные исследования Д. С. Лихачева, работы Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова и др.).

В «Слове о полку Игореве» отразилась система древнерусского литературного языка, единого для всех территорий Киевской Руси даже в период их феодальной разобщенности. Например, фонетический облик памятника сохранил в отдельных случаях слабые *ь* и *ѣ* (*Тьмутороканьскыи, мъгла*), в основном правильное употребление *ѣ* и *е* (написание *ѣ* вместо *е*, *е* вместо *ѣ*, *и* вместо *ѣ*, *ѣ* вместо *и* — диалектные черты древнерусских памятников).

В памятнике много слов с русским фонетическим обликом: *болото, соловюю, хороброе, одинѣ, озеро, ночь, посвѣчивая, плачучи, звоняче, лелѣючи* и др.

Морфологическая система памятника дает полное представление о нормах литературного языка XII в. Здесь представлены формы двойственного числа: *...два солнца помѣркаста, оба багряная стлѣпа погасоста и въ морѣ погрузиста и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и*

¹ Эти переводы помещены в сборнике, посвященном «Слову о полку Игореве», под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, где перепечатаны екатерининская копия и первое издание «Слова...», восстановленный Д. С. Лихачевым текст подлинника, различные переводы «Слова...», сделанные в XIX в., в конце сборника указаны разночтения в тексте памятника (Слово о полку Игореве.— М.; Л., 1950). См. также: «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.— М.; Л., 1962; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». — М.; Л., 1966; «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы.— Л., 1976; Исследования «Слова о полку Игореве». — Л., 1986.

Святъславъ, тѣмою ся поволокоста; формы звательного падежа: *О вѣтрѣ вѣтрило! чему, господине, насильно вѣши?*; формы имен существительных с согласными *з, ц, с* на месте задненебных согласных перед *ѣ* и *и* (следы палатализации задненебных согласных): *влѣци, Влѣзѣ, на брезѣ, пороси*; формы дательного, творительного и местного падежей множественного числа имен существительных разных типов склонения: *они же сами княземъ славу рокотаху; мосты мостити по болотомъ; начяти старыми словесы; шизымъ орломъ подѣ облакы; коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ* и др.

В «Слове о полку Игореве» хорошо представлена система глагола древнерусского языка: формы инфинитива с суффиксом *-ти*: *начати, быти, пѣти*; формы второго лица единственного числа настоящего времени глагола с флексией *-ши*: *сидиши, отворяеши, стреляеши*; частое употребление имперфекта: *Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи: которыи дотечаше, та преди пѣсьнь пояше*; аориста: *Тогда Игорьъ вѣзрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тѣмою вся своя воя прикрыты*; перфекта: *Ты пробилъ еси каменные горы..., ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады*; старые формы сослагательного наклонения: *взлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано* и т. п.

Синтаксическая структура памятника также свидетельствует о древности «Слова о полку Игореве». Собирательные имена существительные требуют формы множественного числа глагола: *храбрая дружина рыкаютъ акы тури*; одушевленные имена существительные в винительном падеже не совпадают с формой родительного падежа: *не буя соколы занесе чресъ поля широкая; а всядемъ, братие, на свои брѣзья комони*; употребляются конструкции «дательной принадлежности»: *Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ* и «родительной части»: *да позримъ синего Дону*; употребляются словосочетания с беспредложным управлением: *копие приломити конецъ поля половецкаго, и полетѣ соколомъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ* и предложным управлением, не характерным для словосочетаний современного русского языка: *И рече Игорьъ къ дружинѣ своей; И рече Гзакъ къ Кончакови*.

В области синтаксиса следует отметить большое количество простых предложений: *Длѣго ночь мръкнетъ. Заря свѣтъ запала. Мъгла поля покрыла; О, далече зайде соколъ, птица бья,— къ морю! А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!* Часто автор пользуется сочинительными конструкциями с бессоюзной связью: *Комони ржутъ за Сулою — звенить слава въ Киевѣ; Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,— стоять стязи въ Путивлѣ!* В предложениях с союзной связью широко используются русские союзы *а* *любо*, *аже*, *аже то*, *коли*: *...съ вами, Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону; ...аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а въ соколца опутаевѣ красною дѣвицею*. Все эти конструкции, вероятно, были свойственны живой восточнославянской речи, так как они широко представлены в деловых памятниках XI—XIII вв.

Если иметь в виду не только специфические элементы живой

восточнославянской речи, но также языковые элементы, общие для старославянского и древнерусского языков, составляющие основу памятника, то вполне можно согласиться с С. П. Обнорским в том, что облик «Слова о полку Игореве» русский.

Обращает на себя внимание лексическое богатство памятника. Анализ лексики «Слова о полку Игореве» показывает, что большая часть слов этого памятника сохранилась в словарном составе русского литературного языка до сих пор. В основном это слова, обозначающие явления природы, названия птиц, животных, растений: *небо, земля, солнце, мѣсяць, вѣтръ, буря, гроза, молния, дождь, облако, рѣка, море, озеро, ручей, болото, трава, цвѣты, дерево, ковылье (ковыль), тростие (тростник), волкъ, лисица, дятель, лебедь, воронъ, соколъ, соловей, сорока, галка, чаика, гоголь.*

Содержание произведения обусловило употребление большого количества военной лексики: *полкъ, дружина, рать, вои, стрѣлокъ, лукъ, мечь, сабля, стрѣла, битися, одолѣти, побеждати, стрѣляти, полонити.* Ср. устойчивые словосочетания, относящиеся к военной фразеологии: *копие приломати* — вступить в битву, *главу приложити* — погибнуть в бою, *испити шеломомъ Дону* (выпить воды из реки, текущей по вражеской земле) — одолеть, победить врага, *падоша стязи* — войско потерпело поражение. Д. С. Лихачев показывает, что ряд образов «Слова...» связан с понятием «меч»: *Олегъ мечемъ крамолу коваше; половци... главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужнии; Воззрите свои мечи верезени* — прекратите военные действия¹ и т. п.

В тексте памятника широко представлена сельскохозяйственная лексика: *сѣяти, взойти, вѣяти, молотити, снопъ, токъ, ратаи*; охотничья лексика и фразеология: *соколъ, кречетъ, пардуже гнѣздо* (выводок гепардов) в составе развернутых сравнений и метафор: *О далеке заиде соколъ, птицъ бѣя,— къ морю; Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, високо птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду; По русской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо.*

Важную роль в создании слуховых образов «Слова...» играют глаголы звучания и отглагольные существительные: *речи, мѣвити, аркучи* — причитая, *слышитъ гласъ* (слышится голос); *ржати; свистъ звѣринъ вста; орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ; тогда врани не граахуть, ...сороки не трескоташа; Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ.* Ряд глаголов передает звучание неодушевленных предметов: *Трубы трубятъ въ Новѣградѣ; крычатъ телѣгы полуноцы; гремлеши о шеломи; трещатъ копиа; тои же звонъ слыша... Ярославъ.*

Автор передает звуки боя, восстанавливая его детали, сочувствуя русским воинам, проигравшим сражение: «*Что ми шумитъ, что ми звенитъ давеча рано предѣ зорями?*» — вопрошает он.

¹ См.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени.— Л., 1978.— С. 171—172.

Восприятие событий автором передается читателю: *Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою... Кликну, стукну земля, въшумѣ трава* — мы как бы присутствуем при побеге Игоря из плена.

В тексте хорошо использованы синонимические и деривационные возможности древнерусского языка: *речи* — *глаголати* — *молвити*; *мѣгла* — *тъма*; *туга* — *печаль* — *тоска*; *пѣти* — *пѣснь* — *вѣспѣти*, *городѣ*, *Новѣградѣ*, *прегородиша*, *городеньский* и др. Например, *А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи.*

В лексике «Слова...» много слов, ушедших из языка: *речи*, *потяти* (убить), *полонити* (взять в плен), *комони* (кони), *туга* (печаль), *турѣ* (зубр), *поскепати* (расщепить), *зегзица* (чайка или кукушка), *носады* — речные суда, *котора* — распря, раздор и др.

Современные русские народные говоры служат важным источником для толкования значений лексем, употребляемых в «Слове о полку Игореве», но не представленных в других древнерусских памятниках (см. работы С. И. Коткова, В. В. Немчука).

Так, В. А. Козырев в брянских говорах обнаружил 86 параллелей к лексемам, используемым автором «Слова...»: *не бологомъ* — не добром, *верженъ* — поврежден, *карна* — мука, скорбь, *троскотати* — стрекотать, *трудный* — печальный, скорбный и др.¹

Авторы светской повествовательной литературы хорошо знали родной язык и нормы церковнославянского языка, свободно выбирая из параллельно существующих слов или форм слова восточнославянские и старославянские.

Текст «Слова...», например, показывает, что в древнерусском литературном языке закрепились старославянская форма слова *власть* — *А уже не вижду власти сильнаго и богатаго, и многовои брата моего Ярослава*; встречающаяся в деловых документах форма *волость* (в том же значении, что и *власть*), вероятно, не была фактом литературного языка XII в.

Старославянская форма слова *страна*, употребляемого в двух значениях 'страна' и 'сторона', русской параллельной формы в тексте не имеет (*половцы идуць отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы оступиша; Страны ради, гради весели*).

Иногда автор употребляет только старославянские формы: *вранѣ*, *древо*, *злато* или предпочитает старославянские формы русским. Например, форма *Володимирѣ* встретила в тексте только один раз, в остальных случаях — *Владимирѣ*, существительное *городѣ* употребляется в полногласной форме только один раз — в «Плаче Ярославны» (может быть, здесь можно говорить о стилистической обусловленности русской формы), кроме того, в тексте имеются глагол *прегородиша* и прилагательное *городеньский*, в остальных случаях преобладают неполногласные формы, даже в названиях русских городов: *въ Новѣградѣ*, *къ граду Киеву*, *Бѣлаграда*.

¹ Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы.— Л., 1976.

Некоторые русские и старославянские формы употребляются параллельно: *младъ* — *молодымъ*, *помолодити*; *голова* — *глава*; *гласъ* — *голоси*; *ночь* — *нощъ*; *одинъ* — *единъ*.

В отдельных микротекстах можно говорить о стилистической дифференциации старославянских и восточнославянских элементов. Например, форма числительного *един* находится в книжном контексте: *единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ажерелие*, форма числительного *один* — в контексте, где ощущается влияние устной народной поэзии: *И рече ему Буи Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю»*.

Полногласная форма существительного *голова* встречается в предложении, представляющем собой развернутое сравнение в стиле устного народного творчества: *На Немизѣ снопы стелютъ головами* или в сочетании с прилагательным с отрицательной оценкой: *тамо лежатъ поганья головы Половецкыя...* Форма *глава* используется в составе устойчивых словосочетаний: *главу приложити* и *главу поклонити*.

Автор «Слова...» наряду с лексикой, общей для старославянско-го и древнерусского языков, и восточнославянской лексикой широко использует книжную: *аще*, *вельми*, *буестъ*, *глаголати*, *крамола*, *златокovaný*, *златовръсий*, *заутреня*, *многовый*, *тресвѣтлый*, *христъяны*, *аминь* и др.

Содержание произведения обусловило наличие в нем половецких слов: *орѣтъма* — накидка, плащ, *япончица* — верхнее платье, *чага* — молодая невольница, *кощей* — пленник, слуга.

Все сказанное позволяет сделать вывод о грамматической и лексической неоднородности текста «Слова о полку Игореве», что объясняется стилистической неоднородностью памятника, влиянием различных литературных традиций, не разрушающих гармонического слияния языковых единиц в пределах фрагментов текста. В начале повествования более ощущается влияние книжное.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ; наплѣнився ратнаго духа; наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плѣкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы!

Традиции книжной литературы сказываются и в тексте «мутного сна» Святослава, и в его «золотом слове». Например: *А Святъслав мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече — чръною паполомою на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно, и нѣзуютъ мя (... с вечера накрывали меня, — сказал, — черным покровом, черпали мне синее вино с горечью смешанное; сыпали мне на грудь из пустых колчанов половецких крупный жемчуг и величали меня — И. П. Еремин).*

В середине и конце произведения более заметно влияние устного народного творчества, что обусловило многие художественные образы памятника, стало основой художественных средств, использованных автором, определило систему отбора лексики.

Слова сельскохозяйственной, охотничьей, военной лексики используются автором не только в номинативном значении, но в метафорических контекстах служат для создания поэтических образов битвы, смерти. Слова обиходной речи выполняют в таких контекстах эстетическую функцию, как и в современной художественной литературе. «В этом использовании уже существующих богатств языка, в умении показать их поэтический блеск и значительность и состоит народность поэтической формы «Слова...». Привычные образы получают в «Слове о полку Игореве» новое звучание. Можно смело сказать, что «Слово» приучало любить русскую обыденную речь, давало почувствовать красоту русского языка в целом и вместе с тем в своей поэтической системе выросло на почве русской действительности»¹.

Сопоставление сельскохозяйственных процессов с битвой и гибелью русских воинов (поле жатвы, поле битвы и поле смерти) имеет своим источником фольклор, однако «Слово», в свою очередь, оставило следы в устном народном творчестве, оказало влияние на русские и украинские народные песни. М. А. Максимович писал: «В «Песни Игорю» находится несколько картин битвы и смерти весьма поразительных и совершенно народных. Поле жатвы обратилось в поле брани; вот, кажется, задушевная мысль южно-Русского Певца, с которою он представляет битву на родимой земле своей: ибо он изображает ее красками земледельческого быта — пашнею, посевом, молотью. Не отзывается ли здесь дух древнего земледельца, потом увлеченного на войну и в ней возмужавшего?»².

*Тогда, при Олзѣ Гориславличи, сѣяшеться и растяшеть усобицями, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣщи человекомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче...; Чръна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровию польяна; туюго възидоша по Руской земли. Особенно яркий образ — развернутое сравнение битвы и гибели русских воинов с обмолотом зерна на току — в описании сражения на реке Немиге: *На Немизѣ снопы стелюгъ головами, молотятъ цепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть, посѣяни, посѣяни костью русскихъ сыновѣ.**

М. А. Максимович приводит параллели из украинской народной песни: *Вспахана черная пашня: Засеяна пулями, Взборонена белымъ теломъ, Взмочена кровью*³.

Сравнение гибели воинов Игоря с брачным пиром, в основе которого лежит бытовая лексика, также характерно для народной

¹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» (Историко-литературный очерк) // Слово о полку Игореве.— М.; Л., 1950.— С. 273—274.

² Максимович М. А. Собр. соч.— Т. III.— С. 524.

³ Там же.— С. 525.

поэзии. Например, в «Слове...»: *Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.* В русской народной песне: *Ты скажи моей молодой жене, Что женился я на другой жене — На другой жене, мать сырой земле: Что за ней я взял поле чистое, Нас сосватала сабля острая, Положила спать калена стрела.*

Лексической основой тропов, представленных в «Слове о полку Игореве», как и в произведениях устного народного творчества, являются слова, называющие явления природы, растения, животных.

Например, в тексте «Слова...» широко используется «творительный сравнения»: *А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣврѣжеся на брѣзъ комонь, ... и полетѣ соколомъ подѣ мъглами... Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ влѣкомъ потече...; прием отрицательного параллелизма: *Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пуцаше, нѣ своя вѣщица прѣсты на живая струны вѣскладаше; Не буря соколы занесе чресѣ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому; метафоры: *О Бояне, соловую стараго времени! А бы ты сиа плѣкы ущекоталѣ; Чему, господине, мое веселие по ковылюю развѣя.***

М. Д. Приселков, Н. А. Баскаков, А. Зайончковский и А. Н. Робинсон пишут о скрещивании в «Слове...» символики русско-половецкого происхождения: употребление символов: соколы, галки, волк, тур, лебеди и др.

Как и в фольклоре, природа, животные, растительный мир активно участвуют в том, что происходит в «Слове...». «Она действует или «аккомпанирует» действию людей, она динамична, «события» природы параллельны событиям людской жизни, символичны. Статичного литературного пейзажа, типичного для нового времени, «Слово» не знает»¹. Например: *Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влѣнахѣ, ставишу ему зелѣну траву на своихъ сребренныхъ брезѣхѣ, одѣвавшу его теплыми мъглами подѣ сѣнию зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхѣ, чрѣнядѣми на ветрѣхѣ»; *Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобю, и древо с туюю къ земли прѣклонилось, А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сорокы не троскоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловию веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.**

Однако нельзя отождествлять «Слово...» и произведения устного поэтического творчества. «Слово о полку Игореве» — такой же памятник мировой литературы средневековья, как «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о моем Сиде», поэма Шота

¹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени.— Л., 1978.— С. 34.

Руставели «Витязь в тигровой шкуре»¹, с системой художественно-изобразительных средств, приемами создания образов, присущими этой литературе.

Сопоставим эпическое повествование о победе Игоря в начале похода в Ипатьевской летописи и в «Слове...»:

1) *Половци же побѣгоша божьимъ повеленьемъ, и русь погнаша ѿ, и ту побѣдиша ѿ, и возвратишася восвояси.*

2) *Съ зарания въ пяткъхъ потопташа поганыя плъкы половецкыя... Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!*

Сравним также краткое указание летописца на время основной битвы — сразу после рассвета и поэтическое описание в «Слове» тревожной ночи перед битвой:

1) *Свѣтающи же суботъ, начаша выступати полци половецкии...*

2) *О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!*

Длѣго ночь мръкнетъ. Заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекотъ славий успе, говоръ галичь убудися. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы.

О бегстве Игоря из плена летописец также пишет весьма лаконично, лишь констатируя факт побега, в то время как в «Слове...» этому событию посвящены самые поэтические страницы, не считая «Плача Ярославны».

Автор «Слова о полку Игореве», как и современные поэты, использует приемы цветописи и звукописи.

1) *Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии;*

2) *Трубы трубаты въ Новѣградѣ; Солнце ему тѣмою путь заступаше, ноць стонуци ему грозой птичь убуди, свистъ звѣринъ вѣста, збися Дивъ, кличетъ врѣху древа.*

Обращает на себя внимание символическое использование цветовой лексики. Например, в «вещем сне» Святослава: *чръная паполома, синее вино, бусови врани* — символы беды, несчастья.

Важную роль в «Слове...», как и в других эпических произведениях средневековья, играет солнечная символика, но здесь она занимает особое место, поскольку солнечный Дажь-Бог считался символическим предком рода Ольговичей, к которому принадлежали Игорь, Всеволод, Владимир. В «Слове...» дважды описано затмение солнца как знамение несчастливого исхода похода Игоря, четыре русских князя сравниваются с солнцем, Ярославна обращается к солнцу, в конце произведения находим сопоставление *Солнце свѣтитъся на небесѣ — Игорь Князь въ Руской земли*².

¹ См. об этом: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII в.— М., 1980.— С. 314—332.

² См. об этом: Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // Памятники литературы и искусства XI—XVII вв.— М., 1978.— С. 7—58.

1. До сих пор не решен вопрос об истоках древнерусского литературного языка. В истории отечественного языкознания были высказаны две полярные точки зрения на этот предмет: о церковнославянской основе древнерусского литературного языка и о живой восточнославянской основе древнерусского литературного языка.

2. Большинство современных лингвистов принимает теорию двуязычия на Руси (с различными вариантами), согласно которой в Киевскую эпоху было два литературных языка (церковнославянский и древнерусский), или два типа литературного языка (книжно-славянский и литературно обработанный тип народного языка — термины В. В. Виноградова), применяемые в различных сферах культуры и выполнявшие различные функции.

3. Среди лингвистов различных стран бытует теория диглоссии (двуязычия), согласно которой в славянских странах функционировал единый древнеславянский литературный язык, контактирующий с местной живой народной речью (народно-разговорным субстратом).

4. Среди древнерусских памятников можно выделить три типа: деловые (грамоты, «Русская Правда»), где наиболее полно отразились особенности живой восточнославянской речи X—XVII вв.; церковная письменность — памятники церковнославянского языка (старославянского языка «русского извода», или книжно-славянского типа литературного языка) и светская письменность.

5. Светские памятники не сохранились в подлиннике, число их невелико, но именно в этих памятниках отразился сложный состав древнерусского литературного языка (или литературно обработанного типа народного языка), представляющего собой сложное единство элементов общеславянских, старославянских и восточнославянских.

6. Выбор указанных языковых элементов был обусловлен жанром произведения, темой произведения или его фрагмента, устойчивостью того или иного варианта в письменности киевской поры, литературной традицией, эрудицией автора, образованностью писца и другими причинами.

7. В древнерусских памятниках письменности представлены различные местные диалектные черты, что не нарушало единства литературного языка. После распада Киевского государства и татаро-монгольского нашествия связь между областями нарушается, увеличивается количество диалектных элементов в новгородских, псковских, рязанских, смоленских и других памятниках.

8. Происходит перегруппировка диалектов: Северо-Восточная Русь отделяется от Юго-Западной, создаются предпосылки для образования трех новых языковых единств: южного (язык украинской народности), западного (язык белорусской народности), северо-восточного (язык великорусской народности).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Избранные труды. История русского литературного языка.— М., 1978.— С. 65—113.

Горбачевич К. С. Русский язык: Прошлое. Настоящее. Будущее.— М., 1984.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей.— М., 1975.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси.— Л., 1986.

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык.— Л., 1989.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII в.).— М., 1975.— С. 9—194.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени.— Л., 1974.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVIII в. Эпохи и стили.— Л., 1978.

Мещерский Н. А. Источники и состав древней переводной славяно-русской письменности IX—XV в.— Л., 1978.

Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. (нормативный аспект).— М., 1981.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода.— М.: Л., 1946.

Селищев А. М. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // Избранные труды.— М., 1968.

Срезневский И. И. Мысли по истории русского языка.— М., 1959.

Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // ВЯ.—1961.—№ 1.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка.— М., 1981.

Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика.— 2-е изд., доп.— М., 1985.— Ч. I.— Гл. I (Стили в древней русской литературе).

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка.— М., 1941.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М., 1953.— С. 273—328.

ГЛАВА II

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. ЯЗЫК ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Татаро-монгольское нашествие нанесло тяжелый урон Северо-Восточной Руси. Однако в XIV в. сельское хозяйство, ремесла и торговля начинают возрождаться, налаживается связь между различными областями, растут города, создаются условия для поли-

тического объединения разрозненных русских земель, главная роль в котором выпала на долю Москвы.

В XIV столетии Московское княжество становится одной из самых заселенных территорий, являясь важным военно-пограничным пунктом между старой южной и новой северной Русью, торговым посредником между северо-западом и юго-востоком.

Во второй половине XIV в. оно возглавляет борьбу за свержение татаро-монгольского ига и становится общепризнанным центром Северо-Восточной Руси, в течение XIV—XV вв. присоединяя к себе одно за другим удельные княжества. В XVI в. создается сильное централизованное Русское государство, с образованием которого завершается процесс формирования великорусской народности.

В период XIV—XVI вв. создается язык великорусской народности, который имеет много общего с древнерусским языком, как и родственные ему белорусский и украинский языки.

Можно отметить некоторые общие нормы живой разговорной речи восточных славян, нашедшие отражение в таких памятниках, как Договоры русских с греками, «Русская правда», и живой великорусской речи XIV—XVII вв., зафиксированной деловыми документами Московской Руси: полногласие; начальные *ро, ло*; начальное *о, ж* на месте древнейшего сочетания **dj*; *ч* на месте древнейших сочетаний **tj*, **kt* и т. п.

В памятниках, отражающих особенности живой великорусской речи, имеется много форм слов, совпадающих с древнерусскими формами и не соответствующих грамматическим нормам русского национального языка, например: наличие старых форм имен существительных множественного числа дательного, творительного и предложного падежей.

В челобитной Зверя Корсакова XVI в.: *А нонече, государь, подьячей Субота Микифоровъ съ тѣхъ моихъ пустошей правятъ з губнымъ старостою... на пахотни кѣхъ и на мнѣ, холопѣ твоємъ, за хлѣбъ, за пятой снопъ.* В сообщении Василия Лихачева о поездке во Флоренцию XVII в.: *И икряной де корабль пришолъ къ Архангельскому городу одинъ, и на томъ де кораблѣ вамъ послани и комъ съ людми и съ запасы своими и съ рухлядми не уместитца.*

Обращает на себя внимание «цепное нанизывание предложений» в московских памятниках, типичное для текстов деловых документов XI—XIII вв. Например, в одной из челобитных XVI в.: *Служу я блаженной памяти отцу твоему государеву... и тебѣ государю лѣтъ съ 40 и больше, и на Москвѣ въ осадѣ при царѣ Васильѣ сидѣлъ, и съ Москвы посылалъ царь Василий твоего царева боярина, князя Алексѣя Михайловича Львова, подѣ Арзамасъ, а Арзамасъ въ тѣ поры былъ за воромъ, а я былъ тутъ же, и Арзамасъ взяли, и я въ тѣ поры взялъ трехъ мужиковъ, и какъ воръ пришель въ Коломенское и бой съ нимъ былъ и меня на томъ бою ранили, и какъ въ московское разоренье пришель въ Москву отъ Ярославля твой государевъ бояринъ князь Дмитрий Михайлович*

Пожарский съ Кузною Мининымъ, и какъ подъ Москву приходилъ Ходкевичъ, а у меня убили коня, а я взялъ мужика, и какъ взялъ Китай, а я по лѣстницѣ вшелъ первый человекъ и убилъ двухъ мужиков, и какъ с Москвы пошелъ бояринъ князь Дмитрий Мамстрюковичъ Черкасский подъ Смоленскъ, и я въ тѣ поры подъ Смоленскомъ с прихода и до отхода.

Можно говорить о некоторой общности лексики древнерусского и великорусского языков, например, о наличии в них юридических терминов, не вошедших в словарный состав русского национального языка: *головникъ* (убийца), *видокъ*, *послухъ* (свидетели), *казнь* (наказание), таких слов, как *перстъ* (палец), *око* (глаз), *животъ* (жизнь), *имѣние* (имущество), *гость* (купец) и т. п.

Однако язык великорусской народности и язык древнерусской народности имеют не только сходство, но и отличие. В составе языка великорусской народности отмирают элементы старой языковой системы, разрушение которой началось уже в киевский период, и развиваются новые языковые элементы, что дает основание некоторым исследователям называть эпоху великорусской народности переходной (между периодом существования древнерусской народности и периодом образования русской нации).

1. В московских памятниках заметны следы аканья, однако для многих текстов нормой остается древнерусское оканье. Ср. в письмах стольника А. И. Безобразова XVII в.: *Отъ О н д р ѣ я Илича женѣ моей Иринѣ; Послалъ я с О л е ѡ в е в ы м ѣ члѣкомъ Чепчуговымъ отцу руковицы и Работникъ твои А н д р ю ш к а; А л е ѡ в ѣ и Матвеевичъ; в донесениях с юга XVII в.: А к а м е н д а н т ѣ и драгуны польские... остались у него-жѣ, в отписке XVII в.: Д а о н ѣ ж е д е маюръ О н д р е й съ товарищи своими, с начальными людьми по вечеромъ ночи, послѣ б о р о б а н н о г о бою, с салдаты по вся дни по улицамъ ходятъ.*

2. В памятниках XIV—XVII вв., отражающих особенности живой речи, употребляются новые формы имен существительных множественного числа с флексиями *-ам*, *-ами*, *-ах* в дательном, творительном и предложном падежах. Например, в отписке 1617 г.: *И мы, холопи твои ... дворянъ и дѣтей боярскихъ ... которые жили по д о м а м ѣ, собрали, в «Книге большому чертежу»: По тѣмъ рѣчкамъ живутъ Вогуличи по л ѣ с а м ѣ; в «Актах Московского государства XVI—XVII вв.: о урочищахъ, въ железахъ, в городахъ, въ латяхъ и т. п., в «Делах тайного приказа»: в пустошахъ, о цѣловальникахъ, объ порученияхъ, въ податяхъ, в убыткахъ и т. п.*

Однако иногда в рассматриваемых памятниках употреблялись и старые формы. Например, в «Актах Московского государства»: *государю служили въ полкѣхъ и въ посылкѣхъ; въ воеводскихъ послужныхъ спискѣхъ; в грамоте, XV в.: Д в о р я н о м ѣ и дѣтемъ боярскимъ ..., государь велѣлъ къ прежнимъ ихъ о к л а д о м ѣ придати учинить по 50 четей.*

3. В памятниках XIV—XVII вв., отражающих особенности живой речи, употребляется только одна форма прошедшего времени глагола — перфект без связки, сохранившаяся в современном рус-

ском языке. Например, в «Актах Московского государства»: *И князь де Фадей Шеховской же н и л ъ его на вольной женкѣ за дворомъ сильно; Б и л а челомъ тебѣ, государю, матушка моя, чтобы ты, государь, меня п о ж а л о в а л ѣ; И Ивашко де пристава Микирка б и л ѣ дубиною.*

Изредка в текстах, отражающих особенности живой разговорной речи, можно встретить и старые формы перфекта со связкой. Например, в Правовой грамоте XVII в.: *И наранѣ того дни, ставѣ недѣльщикѣ Летяга передѣ Иваномѣ Ивановичемѣ да тако рекѣ: в с л ѣ л ѣ м и е с и, господине, ѣхати на правду по дьяка.*

Большие изменения происходят в словарном составе русского языка: появляются новые слова, изменяется значение многих слов. Как уже отмечалось, в языке великорусской народности новое сосуществовало вместе со старым. В текстах памятников XVI—XVII вв. для обозначения одного и того же понятия находим параллельное употребление неологизмов и слов, давно существующих в языке. Речь идет о таких синонимических парах, как *око* — *глаз*, *уста* — *рот*, *губы*, *хребет* — *спина*, *студеный* — *холодный* и т. п.

Слова *глазѣ*, *глазокѣ* означали в древнерусском языке 'шарик'. В языке великорусской народности слово *глаз* стало синонимом общеславянского слова *око*, вероятно, по ассоциации, по форме и блеску. Но только в XVIII в. существительное *глаз* полностью вытеснило старое слово из обычного употребления, сохранив за ним стилистические функции. В памятниках XVI—XVII вв. оба слова были широко употребительными. Например, в сборнике пословиц XVII в.: *Дворѣ — добро съ ушами, а хранина — съ очами; Глаза, што лошки, а не видят ни крошки.*

Изменения в грамматическом строе и словарном составе русского языка делают язык великорусской народности языковой системой, обладающей новыми качествами по сравнению с живой речью восточных славян X—XIII вв., и отделяют его от языков родственных народностей — украинской и белорусской, где также происходят изменения.

В процессе формирования языков украинской, белорусской и великорусской народностей важную роль сыграли диалекты. Великорусский язык образовался на базе московского междиалектного койне. Москву заселяли русские люди, пришедшие из разных областей и княжеств Северо-Восточной Руси. В языке жителей Москвы стирались диалектные различия, как стирались они когда-то в языке жителей Киева. В результате этого образовался общий язык *московский говор* — один из среднерусских переходных говоров, в составе которого объединились и северно-великорусские и южно-великорусские языковые элементы (аканье, произношение *з* как взрывного согласного звука, употребление твердого *т* в окончаниях глаголов третьего лица настоящего и будущего времени, употребление личных местоимений *меня*, *тебя*, *себя* и т. п.).

Московский говор явился основой языка великорусской народности, нашедшего свое письменное выражение в документах московских приказов (государственных канцелярий). Язык этих

канцелярий, или приказный язык, стал в XVII в. единым государственным языком Московской Руси, так как «Московское государство, естественно, должно было насаждать в присоединенных областях свои нормы общегосударственного письменного языка, языка правительственных учреждений московской администрации, бытового общения и официальных сношений»¹.

Книгопечатание, возникшее на Руси в XVI в., также способствует выработке единых орфографических и пунктуационных норм, дальнейшему развитию письменного приказного языка: в середине XVII в. начинают печатать первые светские книги (в 1647 г. — было напечатано «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», в 1649 г. — «Уложение» Алексея Михайловича), в то время как в предшествующий период печаталась церковная литература.

Однако и в языке деловых документов государственного характера, дошедших в большом количестве от этой эпохи, нет единых норм в современном понимании этого слова, хотя по сравнению с текстами частных деловых документов, отразивших особенности живой разговорной речи, государственный деловой язык XV—XVII вв. представляет собой более стройную систему.

Тексты «Судебников» XV—XVII вв. (законодательных актов Московской Руси) хорошо показывают, насколько пестрым был государственно-приказной язык: старые элементы древнерусского языка сосуществовали с новыми, традиционно-книжные элементы употреблялись одновременно с формами живой разговорной речи. Например, в тексте «Судебника» 1497 г.: *А к оторого жалобника а непригоже управити; А к отораго татя поймають...; А и матъ боярину отъ списка съ рубля по алтыну; А съ холопа и съ робы... боярину и мати отъ печати съ головы по девяти денегъ.*

Но государственно-приказной язык — это нормированный язык в отличие от живой разговорной речи жителей Московского государства, отразившейся в различных частных деловых документах XV—XVII вв., где широко проявлялись местные языковые различия. Например, в «Судебнике» 1589 г., созданном на севере, много слов живой разговорной речи, отсутствующих в государственных московских судебниках XV—XVI вв.: *истепати, утепати* — ‘повредить, испортить; убить’; *изъедистая* — ‘кусающаяся’; *путики* — ‘лесные тропинки’; *выскиды* — ‘упавшие поперек дороги деревья’; *хлубина* — ‘жердь’; *отводы* — ‘ворота’; *затворы* — ‘часть изгороди, жерди которой легко вынимаются (для проезда) и вставляются’; пространственные и временные наречия *докамѣста* и *покамѣста*: *Или кормить и поить и рана лечить, покамѣста изживеть; А гдѣ межъ деревнями лучитца межа, ино мерити до осѣка и на осѣкъ ста, топоромъ шиби, докамѣста имѣтъ.*

Частные письма лиц различного социального положения ярче других форм письменности отражают особенности московской живой речи XVI—XVII вв. с ее неупорядоченностью, пестротой фоне-

¹ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. — С. 122.

тических и грамматических норм. Например, письма к стольнику А. И. Безобразову его родственников, управляющих вотчинами и приказчиков показывают, что авторы их не владели литературным языком своего времени, часто имели смутное представление об орфографических нормах московского государственного приказного языка. Вероятно, таких корреспондентов имело в виду правительство, издавая в 1675 г. указ о единых нормах орфографии: «Будеть кто въ челобитье своемъ напишетъ въ чьемъ имени или въ прозвище, не зная правописания, вместо *о а*, или вместо *а о*, или вместо *ь ъ*, или вместо *ѣ е*, или вместо *и і*, или вместо *о у*, или вместо *у о*, и иные въ письмахъ наречия подобные темъ, по природе техъ городовъ, где кто родился, и по обыкlostямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ бeздeстье не ставить и судовъ въ томъ не давать и не разыскивать»¹.

В письмах всех корреспондентов стольника А. И. Безобразова отражаются особенности акающего произношения. Например, в письмах К. Бахметева: *даговоръ, за сабою, дакументы, вдаву, въ паходъ*; в письме О. Щербатого 1631 г.: *Да пишешь, государь, ка мнѣ, што де на меня по сега етъ Михаила Даниловъ и гнѣвоетца за то, што я къ нему ничево гостинѣцовъ не присылывалъ, и я, братецъ, в а истина къ вамъ за долга писалъ многижды, штобъ ему вы отослали двадцать пудъ меду, и вы не отослали, неведома за што, или будетъ моя грамадка къ вамъ нѣ дашла*².

Среди деловых документов следует различать государственные (судебники, царские указы, послания за рубеж правителям других стран и т. п.) и частные (донесения послов, грамоты и челобитные лиц различного социального положения), ярче отражающие особенности живой разговорной речи, в то время как государственные деловые документы более связаны с языковыми традициями прошлого.

В московских судебныхниках, государственных указах, грамотах и других официальных государственных деловых документах местные слова, формы слов и выражения встречаются редко, так как в языке московских государственных приказов вырабатываются единые нормы великорусского языка, еще не порвавшего окончательно с письменными традициями прошлого, но все же резко отошедшего от системы древнерусского языка.

Анализируя тексты памятников, отражающих особенности живой речи, и тексты официальных деловых документов, можно заметить общие нормы языка великорусской народности, во многом свойственные и системе национального русского языка. Впервые эти нормы отмечены в «Русской грамматике» 1696 г. англичанина Генриха Лудольфа.

Б. А. Ларин, издавший эту грамматику в 1937 г., справедливо писал: «Лудольф дал подлинное описание разговорного языка Мос-

¹ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.— С. 122—123.

² Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия.— М., 1965.— С. 126.

ковии и создал при этом собственную и очень удачную для первой попытки грамматическую схему»¹.

В «Русской грамматике» нет двух типов склонений имен существительных мужского, среднего и женского рода, т. е. имена существительные с основой на твердый и мягкий согласный склоняются одинаково (*женѣ, землѣ*). В диалогах, которые Г. Лудольф записал в Москве, также находим лишь новые формы. Например: *Скажутъ, что пригожие женицины во французской з е м л ѣ*.

Генрих Лудольф подчеркивает, что в русском языке звательный падеж совпадает с именительным, и приводит примеры: *жена* (не *жено*), *город* (не *городе*), не отмечает формы двойственного числа, указывает на возможность сочетания заднеязычных согласных с гласными переднего ряда (*Он держитъ въ своей рукѣ*).

В разделе «Глагол» дана современная система спряжения глаголов, названы три категории времени: настоящее, прошедшее и будущее, при этом для прошедшего времени указывается только одна форма, которая «по правилу оканчивается на *л* и образует во всех трех лицах форму женского рода на *-ла*: как *я здѣлалъ* (мужчина); *я здѣлала* (женщина)». Ср. в «Соборном Уложении» Алексея Михайловича 1649 г.: «*не прихаживали*, *приходили*, *не держали*, *покупали* и т. п.; в сборнике пословиц XVII в.: *Что с воза упало, то пропало*; *Чья бы корова мычала, а твоя за двое молчала*; *Шутилъ Куприяшка да попалъ в тюрьшку*.

В грамматике Г. Лудольфа для второго лица единственного числа глаголов настоящего времени как нормативная указывается форма с флексиями *-ишь, -ишь* (не *-ши*): *здѣлаешь, будешь, вѣришь*. Ср. в сборнике пословиц XVII в.: *Как хочешь зови, только хлѣбомъ корми!*; в «Делах тайного приказа» XVI в.: *А ты мнѣ холопу своему, а томѣ, какъ укажешь*.

Приведенные примеры подтверждают мнение исследователей о том, что в течение XV—XVII вв. складываются многие современные грамматические нормы, отличающие язык великорусской народности от языка древнерусской народности или живой речи восточных славян X—XIII вв. Это хорошо показывает текст: «Дела по Челобитной калмыцкаго плѣнника Максимова» 1649 г.: *И былъ въ полону въ колмыкахъ и въ китайской землѣ 35 лѣтъ, и въ колмыкахъ женился на колмычанкѣ, и съ женою своею вышелъ из полону въ Сибирь на Отару, и жену его на Отарѣ крестилъ попъ Антонъ, а имя ей русское дали Агафвица. А на Отарѣ де въ тѣ поры были воеводы князь Петръ Щетининъ да Федоръ Головачевъ, и жену де его Исачкову Федоръ Головачевъ взялъ къ себѣ во дворъ и похолопилъ сильно, и привезъ ее къ Москвѣ, а его Исачку привезъ изъ Сибири къ Москвѣ князь Петръ Щетининъ, и, привезя его къ Москвѣ, сослалъ его въ деревню на Рязань, и былъ онъ, Исачко, у князя Петра Щетинина в деревнѣ на Рязани 9 недѣль; и пришелъ къ Москвѣ и учалъ*

¹ Ларин Б. А. Русская грамматика Г. Лудольфа 1696 года.— Л., 1937.— С. 24.

бить челомъ государю на Федора Головачева, чтобъ ему отдалъ жену его Исачкову, и Федоръ де Головачевъ жену ему не отдалъ.

Как уже было сказано, изменился русский язык и в словарном отношении. В XV—XVII вв. появляются новые слова: *алтын, бугор, водка, табак, государь, государство, дуло, запал, косогор, мыс, налим, окоп, пашня, пашенный, пехота, пуля, пушка, пушкарь, сбруя, солдат, стрелец, топкий, тюрьма*; изменяются значения ряда слов: *брань, вылазка, глаз, зелье, крестьянин, начальник, порох, пытать* и др. Например, в «Уложении»: *...на Москвѣ и в городѣхъ о табакѣ заказъ учиненъ крѣпкой, подѣ смертною казнью, чтобы нигдѣ русские люди и иноземцы всякия табаку у себя не держали и не пили и табакомъ не торговали.*

Особенно изменился терминологический состав русского языка в связи с социально-экономическими и политическими изменениями в жизни Московского государства: появляются слова *государство, дума, приказ* (существовало много приказов: Посольский приказ, ведающий иностранными делами, Тайный, ведающий внутренними делами, Разрядный, ведающий войсками, Земский, Большой, Разбойный и т. п.), *земские (или съезжие) избы, дьяк, подьячий, повытчик*. В текстах XV—XVII вв. находим новые юридические термины: *пристав* — ‘лицо, призывающее ответчика к суду’; *пересудчик* — ‘сборщик судебных пошлин’; *целовальник* — ‘сборщик податей, служащий, исполняющий ряд мелких судебных и полицейских обязанностей’; *челобитие, челобитная* — ‘прошение, грамота с какой-либо жалобой’: *сыск, сыскати, обыск, обыскати, донос, доносить* (‘сделать донос’), *пытать* (‘подвергать пытке’), *тюрьма, кандалы* и др.

В связи с переустройством армии в Московском государстве пополняется состав военной лексики: *пехота, солдат, подпрапорщик, прапорщик, капитан, майор, полковник; зелье* — ‘порох’, *карабин, мушкет, пистоль, пулька, порох*.

Можно говорить также о своеобразии синтаксического строя языка великорусской народности. В нем еще живы синтаксические конструкции, типичные для древнерусского делового языка: предложения, переходные по структуре от паратаксиста к гипотаксису, союзное нанизывание предложений, выражение подчинительных отношений средствами сочинительных союзов.

Нанизывание предложений одного за другим без помощи союзов или с помощью сочинительных союзов *и, а, да* создавало впечатление обстоятельности, усиливало протокольный характер текстов. Вероятно, поэтому в деловой письменности XV—XVII вв., как и в памятниках древнерусского языка, подобные конструкции использовались очень широко. В «Делах о перебежчиках» Тайного приказа XVI в.: *И они съ нимъ пошли было въ Сумерской погостъ, и пришли въ деревню, и ихъ туто поймали, а Иванко утекъ на лѣсъ; в письме митрополита Никона царю: А дьяка судомъ Божиимъ не стало, утонулъ на морѣ, лодью его розбило, ... и лодьи его останокъ на морѣ нашли, на полы переломлена, и подѣ лодьею иконы, которые у него были, узнали, да подушки, а съ нимъ сынъ его Петрѣ...*

В языке великорусской народности подчинительные отношения выражаются и с помощью сочинительных союзов, и с помощью подчинительных союзов. Как справедливо писала Э. И. Коротаева, чем ближе к XVIII в., тем большую роль играет подчинительный союз, тем выразительнее его функция, тем шире и свободнее временные и условные подчинительные конструкции выступают без соотносительных слов, а подчинительная связь выражается с помощью подчинительных союзов, старых русских союзов *коли, как, когда* и новых *если, пока*¹.

В образцах диалогов живой русской речи XVII в., приведенных Генрихом Лудольфом в «Русской грамматике», находим множество таких синтаксических конструкций: *Я положилъ на тарелку, чаю, что ты уронилъ на землю, ко г д а ты чисту тарелку взялъ; Я посулилъ уже къ инному, поди ныне и смотри, е с т л и портной здѣлалъ мою шубу; Море не люблю, е с т л и сухимъ путемъ побѣду, не утону* и др.

В языке великорусской народности в XV—XVII в. в результате слияния падежных форм субстантивированного местоимения *то* в сочетании с разными предлогами (*по, для, ради, от, за*) и союза *что* образуются составные причинные союзы *потому что, для того что, оттого что, затем что* и др.

Тексты памятников этого периода отражают различные этапы образования составных союзов, и в том числе — период, когда местоименные образования, находящиеся в главном предложении, сохраняют указательное значение и придаточное предложение относится не к предыдущему предложению, а к местоименному слову. Например, в книге Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»: *Так же и для того такие дары посланы, что въ то врѣмя Агльийской король женился; в Актах Московского государства: ...идутъ они къ Новугороду, и нѣмецкие де люди оттого всѣ ужасны гораздо и въ великомъ страховании и блюдутца на себя от государевыхъ людей прихода, и оттого де гораздо ужасны, что к нимъ ни отколь прибыльные люди въ Новъгородъ не будутъ; ...а я впередъ закажу мужикамъ порубежнымъ, чтобъ они больше того за рубежъ в землю государя вашего не ходили и за то ихъ казнить велю, что за рубежъ переходили.*

В памятниках XVI—XVII вв. уже широко употребляются составные причинные союзы, возникшие на базе местоименных образований в коррелятивной функции и союза *что*. Например, в статейном списке Василия Лихачева XVII в.: *И корабельщики, видя такой гнѣвъ Божий, велѣли варовые снасти, на чомъ парусы стоятъ сарось, пересѣчь, чтобъ вскоре парусы опустить, для того ч т о б ъ корабли тою страшною погодою не погрузило; Да капитанъ же и порутчикъ посланникомъ говорили, чтобъ Цар. Вел-ва вамъ посланникомъ гнѣву не положить, что города Леворны воевода къ*

¹ Коротаева Э. И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII в.— М.; Л., 1964.

вамъ посланникамъ челомъ ударить не прибѣхалъ, потому что лежитъ боленъ.

Итак, московский государственный деловой письменный язык развивался и подвергался известной литературной обработке в московских государственных канцеляриях в течение XV—XVII вв. Во второй половине XVII в. это уже сложившийся тип литературного языка, нормы которого во многом совпадают с нормами современного русского языка, но обслуживающий только одну сферу общественной деятельности человека — делопроизводство. Языком художественной литературы, публицистики, философской и научной литературы оставался древнерусский литературный язык, противостоящий государственному приказному языку.

§ 2. ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ, АРХАИЗАЦИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КНИЖНИКАМИ XV—XVII вв.

В Московском государстве появляется огромное количество литературы, деловой и церковной, по поводу которой А. И. Соболевский писал: «Число их (книг) так велико, несмотря на пожары и разные невзгоды, постигшие наши города и села, что мы затрудняемся даже приблизительно определить их число в тысячах»¹.

Многое в культуре Московской Руси было связано с киевскими традициями, наследовало Московское государство и древнерусскую литературу, от которой в основном дошли церковные памятники, оригинальные и переводные.

Переписывая эти памятники, церковники Московской Руси заметили, что в старых рукописях нет единства в написании, особенно в церковных памятниках, переводных с болгарского и греческого языков. В это время в Болгарии (XIV в.) была закончена правка религиозных книг под руководством болгарского патриарха Евфимия Тырновского. В Сербии правка церковных книг велась под руководством ученика Евфимия Тырновского Константина Костенческого.

В XIV в. существовала тесная связь между русскими и сербскими церковниками (в монастырях Константинополя и на Афоне, в Болгарии было много русских монахов, греческие, болгарские и сербские церковники посещали наши монастыри). В конце XIV—XV в. Византия, Сербия, Болгария потеряли свою независимость, многие видные церковники (например, митрополит Киприан, афонский монах Пахомий Логофет) переезжают в Москву, привозят с собой книги «тырновского» извода, которые становятся образцом для русской церковной литературы.

Влияние языка южнославянской церковной литературы на язык русских памятников XV—XVII вв. большинство исследователей называют вторым южнославянским влиянием (пер-

¹ Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII веков.— СПб., 1892.— С. 4.

вое относится ко времени X—XI вв.— периоду крещения Руси). Развернутое обоснование эта теория получила в трудах И. В. Ягича¹ и А. И. Соболевского², объяснявших изменения в русском литературном языке Московского государства влиянием южнославянской письменности. Исследователи более позднего времени принимают термин «второе южнославянское влияние», но объясняют изменения в литературном языке XV—XVII вв. не только внешними, но и местными, в н у т р е н н и м и причинами³.

Действительно, необходимо различать два процесса, второе южнославянское влияние и архаизацию русского литературного языка книжниками XV—XVII вв., хотя оба процесса тесно связаны друг с другом.

Второе южнославянское влияние — в н е ш н и й процесс, отразившийся на внешнем облике русских книг. Это изменение русской графики и орфографии под влиянием болгарской и сербской, испытывавших, в свою очередь, влияние греческого алфавита и орфографии, «которая вообще приобретает принципиальное и самостоятельное значение в этот период, поскольку именно здесь наиболее наглядно проявляется связь с южнославянской традицией»⁴. Кроме того, возможно, имелось и непосредственное греческое влияние на внешний облик русских книг, так как в Московском государстве церковники, книжники продолжают заниматься переводами греческих сочинений.

Второе южнославянское влияние сказывается в восстановлении букв, не обозначающих звуков живой русской речи XV—XVII вв.: ж, ѡ, ѱ (омега), ѿ (кси), ѿ (пси), ѿ (фита), ѿ (ижица), ѿ в употреблении и смещении ѿ и ѿ, также не обозначающих живых звуков в исследуемый период⁵, в написании слов с плавными до гласных, свойственным южнославянским языкам и не характерном для русского языка, в написании *i* (*u* десятиричного) перед гласными, в то время как в языке предшествующей эпохи *i* употреблялось после *u* восьмеричного (*i*сусъ, *си*) и в отдельных словах.

Единообразия в русской орфографии XV—XVII вв. требуют все церковники. Например, в «Стоглаве»⁶ читаем: «Такъ же ко-

¹ Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук.— СПб., 1889.— Т. 46.— № 4.

² Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках.— СПб., 1894.

³ Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка; Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Избранные труды: История русского литературного языка.— М., 1978; Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.).— М., 1975.

⁴ Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка.— М., 1984.— С. 55.

⁵ В алфавите, помещенном в «Грамматике словенской» монаха Лаврентия Зизания 1596 г., в «Словенской грамматике» Мелетия Смотрицкого 1621 г. указаны все отмеченные буквы. Например, Лаврентий Зизаний в главе «Орфография» пишет: «Колико есть письменъ: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, С, З, і, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, Оу, Ф, Х, ѿ, Ц, Ч, Ш, ѿ, Ъ, Ы, Ь, ѿ, Ю, ѡ, ж, ѱ, ѿ, V».

⁶ «Стоглав» или «Стоглавник» — книга постановлений Собора высших представителей церковного управления на Руси, который происходил в Москве в 1551 г.

торые писцы по городомъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати зъ добрыхъ переводовъ, да написавъ правила, потомъ же бы продавали, а которой писецъ написавъ книгу продать не справивъ, и вы бы тѣмъ возбранъ али съ великимъ запрещеніемъ. А кто оу него не исправленую книгу купить, и вы бы тому потому же возбранъ али, съ великимъ же запрещеніемъ..., а впредь таковіи шбличили будутъ продавецъ и купецъ, и вы бы оу нихъ тѣ книги имали даромъ безо всякого зазору, да исправивъ отдавали въ цркъвъ, которые будутъ книгами скудны».

В Москве, как уже отмечалось, в XVI в. была создана типография, которая должна была печатать исправленные церковные книги. Образцом такого издания была первая напечатанная на Руси книга — «Апостол» 1564 г.

Интересный материал, показывающий правку книг на Руси в XV—XVII вв., дают «Четьи-Минеи» — сборник церковных памятников, созданный в XVI в. по инициативе митрополита Макария, ревностного сторонника «чистоты» и единообразия текстов русских церковных книг.

Сравнение текста «Жития Мефодия» XII в. с текстом этого же памятника, помещенным в «Четьи-Минеи», позволяет увидеть все те изменения в орфографии, которые отмечались выше.

В тексте XII в.	В тексте XVI в.
1) Смешение ь и ъ: <i>Прилучижес въ ты дни рости- славъ князь словѣнскѣь.</i> <i>К княземъ страны тоь.</i>	<i>Прилучижес в ты дни ростиславъ князь словенескѣь.</i> <i>К княземъ страны тоь.</i>
2) Отсутствие йотации перед а и ъ: <i>И на страны словѣнскыѣь.</i> <i>Посылаа своѣ ученикы.</i> <i>В ѡзыкѣ прѣлагаа книги.</i>	<i>И на страны словенскіяь.</i> <i>Посылаа ученикы своѣ.</i> <i>В ѡзыкѣ прелагаа книги.</i>
3) Восстановление юсов: <i>Оучить въ ѡзыкѣ ихъ.</i> <i>Къ княземъ страны тоь.</i>	<i>Оучить въ ѡзыкѣ ихъ.</i> <i>Къ княземъ страны тоь.</i>
4) Написание і перед гласными: <i>Мефодиа</i> <i>И на страны словѣнскыѣь.</i> <i>Учениа божи.</i>	<i>Мефодіа</i> <i>И на страны словенскіяь.</i> <i>Учиа бжи.</i>

Под влиянием южнославянских церковных книг в русских памятниках XV—XVI вв. увеличивается количество титлов (надстрочных знаков, указывающих на сокращенное написание слов). Например, в «Житии Мефодия» XII в. читаем: *Учени~~а~~ бож~~и~~*, в тексте этого жития XVI в. находим: *Уч~~и~~а бж~~и~~*.

Г. Лудольф писал об этом: «Русские постоянно пользуются и в рукописях, и в печати сокращениями».

Лаврентий Зизаний в «Грамматике словенской» 1596 г. приводит написания под титлами, свойственные письменности XVI в.: $\overline{бѣ}$ — бог, $\overline{мѣць}$ — месяц, $\overline{снѣ}$ — сын, $\overline{дхѣ}$ — дух и др.

Следы второго южнославянского влияния обнаруживаются почти во всех книжных памятниках XV—XVI вв. Например, в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого — писателя XV в.: *еа, пермьскыа, обход ѡщиа и проходѡщиа, влѣхвѣ* и т. п., в «Житии Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия» XVI в.: *своаси, морскаѡ, грубж, творѡхоу, Окѡана, раздолие, съ братією* и т. п.

В памятниках этой поры широко представлено написание слов с плавными до гласных, свойственное южнославянским книгам: *слѣнце, врѣхѣ, прѣвое, врѣста, влѣхвѣ* и т. п. Показательно, что в словах *врѣхѣ, пѣрвый, чѣрный* употребляется $\overline{ѣ}$ вместо $\overline{ѣ}$ (*врѣхѣ, пѣрвый, чѣрный*), что вполне определенно указывает на влияние южнославянских языков, где слоговой *p* произносился в твердые.

В книгах XV—XVII вв. изменилось начертание букв, многие из которых стали напоминать буквы греческого алфавита: *а—α, л—λ, м—μ, п—π* и др.

В текстах появились идеографические элементы: \odot око — 'глаз', ξ (кси) — 'змея', \otimes — 'окрест', \oplus — 'мертвый человек, покойник'. Все это затрудняло восприятие текста церковных книг даже грамотными людьми XV—XVII вв.

Новые правила графики и орфографии нашли отражение не только в церковных памятниках XV—XVII вв., но и в светской литературе, в деловых сочинениях, например в «Судебниках» XVI—XVII вв. В «Судебнике» 1589 г. употребляются буквы α и ζ , написание многих букв близко к написанию знаков в греческом алфавите: λ , ρ , μ , λ (*Гдрва, патриархоѡѣ, алеѣѡдрѡѡѣ*).

В орфографии памятника также находим следы второго южнославянского влияния: титла, *i*, нейотированные *а* и \blacktriangle (*кнѣзь — князь, діакѡѣ, печалованіа, ищѣа, котораа, оранаа, оу себаѡ, волостелаѡ*). Ср. в «Уложении» Алексея Михайловича: *сеѡ, маѡтежникаѣ, хрѣта — христа, бѣцу — богородицу, пѣніѡ, ѡбѡвѡвтсѡ, всеа, Алеѣѡѣ* и т. п.

Как уже отмечалось, большинство памятников киевской поры дошло до нас в поздних списках (XV—XVII вв.), поэтому в каждом памятнике находим следы второго южнославянского влияния, оставленные переписчиками. Например, в «Слове о полку Игореве», найденном в сборнике XVI в., в середине и конце текста четко выдерживаются нормы южнославянской орфографии: написание гласных 'после плавного — *чрѣныа, млѣни, помлѣкоша, плѣкы, сватоплѣкѣ, стлѣпа, поврѣгоши* и т. п. (в начале текста переписчик, вероятно, следовал написанию оригинала, оставляя гласные до плавных: *о пѣлку, вѣлкомѣ, пѣрвыѣ, сѣлнце*).

Однако изменения в текстах памятников нельзя объяснять только вторым южнославянским влиянием. В XV—XVII вв. можно говорить об известном отклонении литературного языка от общего

поступательного его движения, наметившегося в предшествующую эпоху. И. И. Срезневский справедливо связывал второе южнославянское влияние с «отделением книжного языка от народного». А. А. Шахматов отметил, что литературный язык Московского государства «стал облекаться в ветхие ризы».

Архаизация русского литературного языка имеет глубокие внутренние причины, находит себе идеологическое объяснение в теории «Москва — третий Рим», согласно которой история жизни людей — это история трех мировых царств. Два мировых центра — Рим и Византия — уже пали, носителем и хранителем православной веры стало Московское государство — «третий и последний Рим». Экономическая и политическая мощь Московского государства способствовала распространению теории «Москва — третий Рим», которая стала особенно популярной в XVI в. и наиболее полное освещение нашла в посланиях старца Псковского монастыря Филофея и в сочинениях Максима Грека.

Так, в начале XVI в. Филофей писал великому князю Василию Ивановичу: «Стараго убо Рима Церковь пала невѣриемъ Аполлинариевой ереси, втораго Рима Константинова града Церковь агаряне съкирами и оскордами разсъкоша. Ся же нынѣ третьяго Рима державнаго твоего царствія Святая Соборная Апостольская Церковь во всей поднебесной паче солнце свѣтитяся».

Церковная литература переживает эпоху расцвета, возрастает авторитет церковнославянского языка. Южнославянское влияние также способствовало укреплению господства церковнославянского языка в литературе Московского государства. Главными деятелями этого времени были видные церковники, ученые-книжники Московского государства — митрополит Киприан, митрополит Макарий, Пахомий Логофет, Максим Грек, Зиновий Отенский, Дмитрий Герасимов.

Церковнославянский язык в XVI—XVII вв. стал пользоваться большим авторитетом у деятелей Юго-Западной Руси (Киев, Острог, Вильно), где борьба за права литературности церковнославянского языка совпала с борьбой против католической церкви и латинского языка. Основатель Киевской духовной школы, позже преобразованной в Киево-Могилянскую коллегию, а затем в Киевскую духовную академию, Петр Могила и его ученик — знаменитый московский деятель Епифаний Славинецкий¹, Арсений Сатановский² и др. вели активную деятельность, пропагандировали церковнославянский язык как орудие борьбы за национальную независимость Юго-Западной Руси. Так, Петр Могила писал: «Язык славянский правдою Божию основан, збудован и огорожен есть», в латинском же языке «только лжа, поганская хитрость и фарисейство седит, почивает и обладает»³. Иван Вишенский, известный

¹ Современники называли его «изящным дидаскалом искуснейшим в еллиногреческих и славянских диалектах».

² Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский в 1649 г. были вызваны в Москву для исправления богослужебных книг.

³ Ж и т е ц к и й П. Очерк литературной истории малорусского наречия. — Ч. 1. — Киев, 1889. — С. 4.

защитник украинских крестьян от польского гнета, считал необходимым для сохранения национальной самобытности знать «грецкую или славенскую грамматику»¹.

Анализ сравнительно большого количества памятников XV—XVII вв. показывает, что в Московском государстве фактически перестает существовать различие между двумя типами литературного языка Киевской Руси (народно-обработанным типом литературного языка, или древнерусским литературным языком, и книжно-славянским типом, или церковнославянским языком). Живые для киевского периода языковые формы становятся архаическими, книжными, как и исконно книжные языковые формы.

Об этом писал Г. О. Винокур: «Очень важно понять, что вследствие сказанного практически утрачивалось всякое различие между такими фактами книжной речи, которые по происхождению восходили к старославянскому вкладу в русский язык, как, например, *град*, *ночь*, и превратившимися в факты книжной речи древнерусскими словами или формами, вышедшими из живого употребления, в котором они некогда свободно обращались (вроде *руцѣ*, *ногама* и т. п.). Факты речи и того и другого рода представляли собой стилистически полное тождество, все это были факты языка ученого, церковного, отчетливо противостоящие фактам повседневного живого языка»².

Живая общерусская речь XV—XVI вв. возникла на иной диалектной основе, чем речь жителей Киевского государства. Литературный же язык этого времени сохранил особенности древнерусского языка и те грамматические и лексические единицы, которые были общими для древнерусского и церковнославянского языков, а затем исчезли из живой речи, в результате чего возобладала тенденция расхождения литературного языка с народной речью.

В результате всех этих явлений тенденция расхождения с живой речью стала основной для литературного языка Московского государства, в то время как для литературного языка Киевского государства основной была тенденция сближения с живой речью.

Разрыв между книжным славянизированным литературным языком Московского государства и живой речью великорусской народности отчетливо ощущался современниками. Например, один из священников так отзывался о текстах «Златоуста»: «Зѣло невразумительно... не точию от мирянъ, но и отъ священникъ». С другой стороны, книжники сознательно избегали «простой беседы невежд». Так, Зиновий Отенский писал: «Мню же и се лукаваго умышление въ христорборцѣхъ или в грубыхъ смысловъ, еже уподобляти и низводити книжныя речи отъ общихъ народныхъ речен

¹ Киевская старина.— 1885.— Т. II.— С. 673.

² Винокур Г. О. Русский язык // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.— С. 58.

и общая народная речь исправляти, а не книжные народными обезчести».

Следовательно, можно говорить о двуязычии, двух языковых системах Московского государства, противопоставленных друг другу, на что обратил внимание Г. Лудольф: «Точно так же, как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот,— в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка... Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски».

Г. Лудольф сравнивает лексические единицы двух языковых систем:

Славянское	Русское
<i>глаголю</i>	<i>говорю</i>
<i>реклъ</i>	<i>сказалъ</i>
<i>днясь</i>	<i>севодни</i>
<i>истина</i>	<i>правда</i>

Подобные противопоставления находим и в словарях XVI—XVII вв., например в словаре 1596 г., составленном Лаврентием Зизанием:

<i>агнець — баранокъ</i>	<i>елико — кольцо</i>
<i>алчба — голодность</i>	<i>десница — правица</i>
<i>аминь — albo нехай такъ</i>	<i>глаголъ — мова</i>
<i>будеть, взаправды</i>	<i>гряду — иду</i>
<i>аще — если</i>	<i>крамола — разруха</i>
<i>архангелъ — староста аггельский</i>	<i>иго — ярмо</i>
<i>брань — война</i>	<i>иже — который</i>
<i>егда — кгда</i>	<i>лобзание — цѣлование</i>
<i>еже — которое</i>	<i>паки — еще</i>
	<i>токмо — только</i>
	<i>храмина — дом и т. п.¹</i>

В левом столбце дана лексика литературного славянизированного языка XVI в., старославянская по происхождению или общая для старославянского и древнерусского языков. В правом столбце — слова живой разговорной речи XVI в., квалифицируемые Лаврентием Зизанием как слова «простого русского диялекта» («простой мовы». — *Е. К.*), включающего русские, украинские и белорусские слова.

В «Лексиконе славенороссийском», составленном в 1627 г. украинским филологом Памвой Берындюю, слова литературного книжного языка также толкуются с помощью слов живой речи XVI—XVII вв. — русских, украинских и белорусских:

¹ Грамматика словенска совершенного искусства осми частей слова и иных нужных новосоставлена Л. З. в Вильни... 1596. Лексис. Сиречь речения, вкратце собранны и из словенского языка на просты русский диялект истолкованы.

Еще более показательно грамматическое расхождение памятников XV—XVII вв. Литературный славянизированный язык Московского государства сохранил грамматический строй древнерусского языка, в то время как в языке деловых документов, отразивших особенности грамматического строя живой великорусской речи, содержатся старые элементы древнерусского языка и новые элементы, которые войдут в систему современного русского национального языка. Для церковной и светской литературы «высокого слога» XV—XVII вв. было нормой сохранение форм двойственного числа, звательного падежа, архаических форм прошедшего времени глагола и т. п.

Так, в «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания 1596 г. читаем: «Колико есть числь три: единственное, двойственное («еже двѣ вещи знаменуетъ») и множественное». Формы двойственного числа широко употребляются в памятниках литературного языка XV—XVII вв. Например, в послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь: *Мы своима очима видѣли*; в драме «Иудифь»: *Здѣ лежитъ предъ ногама твоима диадима*.

В «Грамматике словенской» Мелетия Смотрицкого 1619 г. при описании имени даны семь падежей, в том числе и звательный: *влаго* (звательный падеж существительного *влаго*), *друже*, *сыне* и т. п. Широко употребляется форма звательного падежа в памятниках литературного языка XV—XVII вв. Например, в послании Ивана Грозного к Курбскому: *Разумей, бедниче, отъ каковы высоты и въ какову пропасть душою и тѣломъ шель еси!*; в «Повести некоего боголюбива мужа» XVI в.: *Вижду, царю, яко ты царствуеши*; в драме «Иудифь»: *Утѣшительницею предсладчайшая скорби наша!*

В «Грамматике славенской» Мелетия Смотрицкого 1619 г. указаны формы энклитических местоимений: *ми*, *ти*, *мя*, *тя*. В литературном славянизированном языке XV—XVII вв. также сохраняются эти местоимения. Например, в «Повести некоего боголюбива мужа»: *Чары дѣюще погубить т я; И отъ всѣхъ злыхъ соблюду т я*; в драме «Иудифь»: *Досадно бо м и есть еще; Помилуй м я*.

В системе имен существительных в памятниках литературного языка XV—XVII вв. сохранились старые формы. Новые формы слов, появившиеся в живой речи, не находят себе места в книжной литературе XV—XVII вв., хотя многие грамматики этого времени отмечают, например, новые формы творительного падежа множественного числа (с флексиями *-ами*, *-ями*) для имен существительных мужского и среднего рода. В «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания: *человѣки, снѣги и человѣками, снѣгами, морями, спасениями*. В «Грамматике словенской» Мелетия Смотрицкого: *древами и древы, ярмами и ярмы, сынами и сыны*. Однако количественное превосходство старых форм в памятниках литературного языка XV—XVII вв. очевидно.

При склонении имен существительных наблюдается чередование согласных, восходящее к фонетическому явлению, свойственному старославянскому и древнерусскому языкам, — закону палатализа-

ции задненебных согласных: *мусть, на востоць, супрузи, заслузь; человекче, друже, враже, волче, безумниче* и т. п.

Нормой литературного языка остается употребление форм инфинитива с неударным *-ти*, форм глагола второго лица единственного числа настоящего и будущего времени с флексией *-ши*.

Как уже отмечалось, из живой речи великорусской народности исчезли старые формы прошедшего времени глагола. В памятниках «высокого слога» XV—XVII вв. они сохраняются.

Аорист. В ответном послании князя Курбского Ивану Грозному: *Широковѣщательное и многошумящее твое писание пріяхъ, и выразумѣхъ и познахъ*; в тексте «Временника» Ивана Тимофеева: *Яко волки ото овецъ, ненавидѣныхъ имъ, отдели любезныя ему*; в послании Ивана Грозного к Курбскому: *Яко же родихомся во царьствии, тако и воспитахомся и возрастохомъ и воцарихомся божиимъ повелѣниемъ; И сія тебѣ вся сотворишися тогда, егда вы с попомъ, с Олексеемъ в ладесте*; в драме С. Полоцкого о Навходоносоре: *Казнь сию прияха, яко образу поклона не даша*.

Имперфект. В «Летописной книге» Катырева-Ростовского в рассказе об избрании Бориса Годунова на царство: *Народи же наипаче кричашу, ови отъ препростаго ума своего, ови же научени бывше отъ самого, ови же боязни ради, да и вси единогласно вопияху: да царствуетъ над нами!*

Перфект. В послании Курбского к Ивану Грозному: *Почто, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси и воеводѣ данных ти на враги и вся различными смертми расторглъ еси и побѣдоносную святую кровъ ихъ во церквахъ божиихъ пролиялъ еси и мученическими кровми праги церковныя обагрилъ еси и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханое отъ века муки и смерти и гоненя умыслил еси...*

Следует отметить различный фонетический облик слов в деловых документах, отражающих живую речь, и в памятниках литературного языка XV—XVII вв. Фонетический облик слов, употребляемых в книжной литературе, восходит к старославянскому языку: *единъ, азъ, преждеднюю, чюждыя, вижду, ноць, тысящу, пеци, свеци* и т. п.

Нельзя, однако, полагать, что все светские памятники московского периода можно четко разделить на две группы с языковыми элементами одной из двух языковых систем. В пределах одного произведения было возможно употребление языковых элементов двух языковых систем, части одного и того же произведения могли создаваться в рамках различных языковых систем и, наконец, один и тот же автор в произведениях разного жанра, разной тематики мог пользоваться либо литературным славянизированным языком, либо живой великорусской речью.

Факты свободного обращения одного и того же автора с единицами двух языковых систем свидетельствуют о том, что писатели-книжники сознательно пользовались средствами литературного языка в тех случаях, когда цель повествования требовала книж-

ных средств выражения, и живой речью в тех случаях, когда речь шла о каких-либо бытовых предметах и явлениях действительности. В этом отношении показательны послания Ивана Грозного к Курбскому и два его письма к Василию Грязному.

Послания Ивана Грозного к Курбскому насыщены церковнославянизмами, выдержаны в рамках старых грамматических норм. Например: *И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси от мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы, и сребролюбия, и сладости мира сего, а се свое благочестие душевное со христианскою верою и закономъ попралъ еси, уподобилъ еси к семени, падающему на камени и возрастшему, и воссиявшу солнцу со зноемъ, абие усѣхнувшу; словесе ради ложнаго соблазнилъ еси, и отпалъ еси, и плода не сотворилъ еси.*

В двух письмах Ивана Грозного к Василию Грязному — иная языковая система. Здесь находим лексику живой народной речи, новые грамматические формы и синтаксические конструкции, слова имеют русский фонетический облик: *А помянулъ бы ти свое величество и отца своего в Олексинѣ — ино таковы и въ станицахъ еживали, а ты в станицѣ у Пенинского былъ мало что не в охотникѣхъ с собаками, и прежние твои были у ростовскихъ владыкъ служили. И мы того не запираемся, что ты у насъ въ приближеньѣ былъ. И мы для приближенья твоего тысячи двѣ рублевъ дадимъ, а доселева такие по пятидесять рублевъ бывали; а ста тысячь опричь государей ни на комъ окупу не емлютъ, а опричь государей такихъ окуповъ ни на комъ не даютъ.*

Различная манера письма в пределах одного памятника характерна для «Домостроя» — известного сочинения XVI в., состоящего из трех частей. Особенно четко противопоставлены структуры первой части, где речь идет о нормах поведения русского человека, о вере и царской власти, и третьей части, где речь идет о бытовых нуждах русского человека, о ведении хозяйства, устройстве домов и т. п.

В первой части: *во страсть (страхе), азъ, отвѣщай, служиши, бояться, на тя, славы земныя; аще, поелику, глаголетъ, дщерь, храмина* и т. п. Например, в разделе «Како дѣти учити и страхомъ спасти»: *Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй бия младенца: а щ е бо жезломъ би еши его, не умретъ, но здрав и е будетъ; ты бо, бия его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти... Казни сына своего изъ млада, и порадуеши ся о немъ въ мужествѣ... Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся о слабиши, въ велицѣ поболитиши, скорбя... И не даждь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растеть, а, жесточавъ не повинеть ти ся.*

Ср. текст «Как избная парадна устроити хорошо и чисто»: *А по лавкѣ, и по двору, и по хоромамъ, суды (сосуды) не волочилися бы, а ставцы, и блюда, и братены, и ковши, и ложки по лавкѣ не валялися бы: гдѣ устроено быти, въ чистомъ мѣстѣ*

лежало бы опрокинуто ницъ; а въ какомъ суднѣ што: ества или питие,— и то бы покрыто было, чистоты ради... Изба, и стѣны, и лавки, и скамѣи, и полъ, и окна, и двѣри, и въ сенѣхъ, и на крыльцы,— вымыть и вытереть и выместъ и выскрестъ,— всегда бы было чисто.

Интересный материал содержится в письмах царя Михаила Федоровича, его матери и патриарха Филарета. Если речь идет о родственных отношениях, бытовых предметах и явлениях, то письма отражают особенности живой речи, если речь идет о делах государственных, величии церковном и духовном, то эпистолярная манера резко меняется. Например, начало писем (официальный стандартный зачин) выдержано в рамках высокого слога; *Вышеестественному въ подвижѣхъ и равноангельному изволениемъ великому отцу отцемъ и вождю нашего спасения, прежде убо по плотскому рождению государю и отцу, нынѣжъ по прозрению великаго Бога званному въ пути спасенныя проповеди, господину и государю и вселенскому пастырю и владицѣ, святѣйшему Филарету Никитичю, Божьею милостию патриарху Московскому и всеа Руси...*

В бытовых текстах совсем иная манера письма: *... а въ отпискѣ, государь, Вяземской написано, что приезжали къ заставѣ на рубежъ восемь человекъ Татаръ; ... и они бѣ съ тою вѣстью послали къ своему царю отъ себя..., что ты, Великий Государь, къ нему съ поминки посылаешь вскорѣ.*

Особенно резко меняется эпистолярная манера внутри одного письма в переписке матери царя с Филаретом. Например:

1) *Вышеестественному въ подвижѣхъ и равноангельному изволениемъ, истинному кормчию Христова корабля, неблаженно той направляющую во пристанищѣ благочестия... ;*

2) *... государь, с 30 числа, противъ среды въ ночи, ...поне-могъ сторонкою; и тоѣ, государь, ночи и не опочивалъ, маленко къ свѣту поутишился и почало обলেখчевать.*

Употребление элементов двух языковых систем в тексте одного и того же произведения особенно характерно для памятников второй половины XVII в., так как в это время литературный язык демократизируется, живая речь проникает в различные жанры литературы, в результате чего элементы литературного славянизированного языка оказываются в соседстве с элементами живой разговорной речи, что особенно наглядно представлено в «Житии протопопа Аввакума» и сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича».

Так, при описании быта русских царей, жизни русских людей XVII в. Г. Котошихин использует элементы живой речи, при описании обрядов, в рассуждениях о божестве и царе — элементы литературного славянизированного языка. В «Житии Аввакума» то же соотношение языковых единиц; в собственно биографических текстах — живая речь, в цитатах из церковных сочинений, в полемике о старой и новой вере — славянизированный литературный язык.

Например, в «Житии протопопа Аввакума» в книжных текстах

употребляются архаические формы слов со смягчением заднеязычных согласных: *Господи, спаси, господи, помози; Во ужасъ велицѣ; Посемъ мати моя отъиде к богу в подвижѣ велицѣ*; в бытовых текстах — современные формы: *В третий день ночью, покиня жену и дети, по Волгѣ сам-третьей ушелъ къ Москвѣ*, полногласные и неполногласные формы слов: *Но гладъ велий челоуку — бога не моля, жити — А за лошедьми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди; Вѣнецъ терновъ на главу ему тамъ возложили — При царѣ остригъ голову*.

Такое же соотношение полногласных и неполногласных форм наблюдаем в тексте сочинения Г. Котошихина: *А на воспитание царевича выбираютъ... жену добрую... и млеко мѣ сладостну — А для сметаны, и молока, и сыровъ устроенъ подѣ Московю коровой дворъ*.

Отбор слов в анализируемых произведениях также обусловлен тематически. У Аввакума: *И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ — Языкѣ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой, в горлѣ накомъ рѣзанъ*. У Г. Котошихина: *Тѣ же посланные люди, по повелѣнию его, то и сотворили, прерѣзали тому царевичю гортань — Оловомъ и свинцомъ заливаютъ горло, за денежное дѣло, кто воровскимъ дѣлаетъ*.

Отступления от норм литературного языка в памятниках XV—XVII вв. не опровергают существования этого языка, противостоящего по структуре государственно-приказному, отразившему особенности живой речи великорусской народности.

§ 3. СТИЛЬ «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС»

Стиль «плетение словес» связан с произведениями, теоретической основой которых было возникшее в Византии в IV—VII вв. и вновь возродившееся в XIV в. учение исихастов. Исихазм (от греч. *hēsychia* — покой, отрешенность) представляет собой этико-аскетическое учение о пути к единению человека с богом, о восхождении человеческого духа к божеству, «божественности глагола», необходимости пристального внимания к звучанию и семантике слова, служащего для названия сущности предмета, но часто не способного выразить «душу предмета», передать главное. Отсюда стремление авторов широко использовать эмоционально-экспрессивные языковые средства для «выражения невыразимого» (см. об этом работы Л. А. Дмитриева, М. В. Ивановой, В. В. Колесова, Д. С. Лихачева, А. И. Соболевского, О. А. Черепановой).

Впервые на Руси употребил термин стиль „плетение словес“ известный книжник XIV — начала XV века Епифаний Премудрый в «Житии Стефана Пермского»: «Но доколѣ не остану много глаголати, доколѣ не оставлю похвалению слова, доколѣ не престану предложеннаго и продлѣжнаго хвалословия? Аще бо и многажды въсхотѣлъ быхъ изъоставити бесѣду, но обаче любы его влечетъ мя на похваление и на плетение словесъ».

Вначале новый слог был распространен в церковной литературе: «О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (1389 г.), «Четьи-Минеи», «Степенная книга царского родословия» митрополита Макария (XVI в.) и т. п.

Затем в духе нового стиля обрабатываются материалы общерусской летописи (Воскресенская, Никоновская), создаются публицистические произведения, исторические повести, оригинальные и переводные («История о Казанском царстве», «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, послания Ивана Грозного и князя Курбского друг к другу, повести Смутного времени Московского государства: «Иное сказание», «Новая повесть» Авраамия Палицына; «Летописная книга» Катырева-Ростовского и др.).

Фактический материал перемежается в этих произведениях пространными лирическими излияниями автора и обильной цитацией церковной литературы. В лирических текстах произведений высокого слога большой удельный вес имеют риторические вопросительные и восклицательные предложения. Например, в «Житии Стефана Пермского»: *Слова Божия не слушаетъ, евангелие хулитъ, благовѣствованию ругается, вѣрѣ христьянствѣ насмѣхается, Богу не вѣруетъ, поучениа не приемлетъ, съестъ плевелы посреди пшеници, развращаетъ люди новокрещеныя!*

В «Летописной книге» Катырева-Ростовского: *О преславный царю Борисе, паче же неблагодарный! почто душепагубнаго таковаго дѣла поискалъ еси и властолюбию восхотѣлъ еси? почто беззлюбиваго младенца, сына царева суца, смерти горкия предалъ еси и царский родъ на Росийскомъ государствѣ пресѣклъ еси? Понеже влеченъ быша отъ великаго самодержца Августа кесаря, обладающаго всюю вселенною...— ты же сихъ прекрати и царский престолъ себѣ поручи, ему же недостойнъ былъ еси! Почто благородие свое погуби, жену свою и чадъ горкия смерти безчестнѣ сподоби отъ худаго и убогаго своего раба, надо всѣми же тѣми и царство Великия Росия возмути, отъ сего же и запустѣния восприять? Понеже золь грѣхъ предъ Богомъ сотворилъ еси, царский корень своимъ душепагубнымъ желаниемъ прекрати,— отъ сего же и возмездие восприять еси!*

Стиль «плетение словес» требовал употребления слов, созданных по определенным словообразовательным моделям. Книжники XV—XVII вв., как бы соревнуясь друг с другом, создавали неологизмы, напоминающие греческие сложные слова, или употребляли сложные имена существительные и прилагательные, известные церковной литературе старшего периода: *всеплодие, небопарный* (орел), *треблаженная* (слава), *огнезарный* (взор), *солнцезарный* (ангел), *скоротечи, градоимство, благосчастье, всечудный, всезлбный, быстрожолнийный, быстроударительный* и т. п.

Напряженная манера повествования создавалась обилием тропов и фигур: символами, метафорами, сравнениями, эпитетами, образующими иногда длинную цепочку слов, характеризующих объект описания. Ср. в поздней повести «О новоявльшемся развратницѣ Тушинѣ, его же имя нарицашеся дикой воръ тушинской»

(XVII в.): *Еще бо тогда не вси Рустии грады къ Московскому государству обратишася, отъ него же отпадоша крамолюдѣющими мятежники, и се паки въ той же прежереченнѣй странѣ Черниговстѣй явился инѣ злобѣсный кровоакательный пестъ или челоуѣкоядный звѣрь, иже лукавое око отверзе и злое рыкание испусти, и вся простожительныя люди устраши, а змисобразныя лукавыя и злыя сихѣ къ своему кроволитному нраву усвоая приврати.*

Много внимания уделяли авторы произведений, написанных в рамках стиля «плетение словес», разнообразным стилистическим приемам и средствам создания образа, но основным был повтор: повтор синтаксических конструкций, членов предложения, лексем, форм слова, сходнозвучных лексических единиц, употребление слов с близкой семантикой,— чтобы точнее выразить мысль, важную для автора. Например, в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: *... и си великый князь неповинныя любляше, а повинныя прощае; по великому Иеву; яко отецъ есть миру и око слѣпымъ, нога хромымъ, столъ и стражъ и мѣрило, извѣстно къ свѣту правя подвластныя..., высокопаривый орелъ, огонь попаляя нечестие, баня мыющимся отъ скверны, гумно чистотѣ, вѣтръ плевелы развѣвая, одръ трудившимся по Бозѣ, труба спящимъ, воевода мирный, вѣнецъ побѣдѣ... и т. п.*

Любимым художественно-изобразительным средством книжников XV—XVII вв. были перифразы, их можно найти в любом церковном и светском произведении, написанном в стиле плетения словес. О. А. Державина, исследуя язык и стиль «Временника» Ивана Тимофеева, пишет: «Нет никакой причины зашифровывать слова *лады, лодки*, однако Тимофеев называет их *водоносилы*; можно было бы просто сказать *пушки* или *огнестрельные орудия*,— Тимофеев называет их *градобитные хитрости*, а в другом месте *стенобитные хитрости, меднослянная телеса, неодолимые тяготы*»¹.

Словарный состав, синтаксический строй, словообразовательные модели, художественно-изобразительные средства в искусных сочинениях книжников XV—XVII вв.— все было подчинено одной идее: созданию высокого стиля, которым прилично было повествовать о героических подвигах, о вере, власти, важных материях и делах Московского государства. Как писал А. С. Орлов, «создавался стиль, который объединил всю пестроту предшествующих приемов книжного повествования в однородную, цветистую одежду, достойную величавых идей Третьего Рима и пышностью всероссийского самодержавства»².

Стиль плетения словес, с одной стороны, способствовал выработке новых форм художественной манеры письма, созданию новых поэтических средств выражения, вниманию к содержанию и звуковой оболочке

¹ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева.— М.; Л., 1961.— С. 405.

² Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII веков // Известия АН. Отд. рус. яз. и словесности.— СПб., 1909.— Т. XIII.— Кн. 4.— С. 346.

слов, с другой стороны, усугубил разрыв между литературным языком и живой разговорной речью.

§ 4. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Во второй половине XVII в. в Московском государстве возрастает экономическая и политическая роль посадов (торгово-ремесленных районов города). Приход в литературу посадских людей способствовал демократизации русского литературного языка, сближению его с живой разговорной речью. Именно среди посадских людей возникает тяготение к светской литературе, доступной сравнительно широким кругам читателей.

В это время возникает целый ряд литературных жанров, мало связанных с книжным славянизированным литературным языком, отражающих в своем составе особенности разговорной речи. Однако нельзя утверждать, что происходит вытеснение из литературы церковнославянского языка, еще достаточно жизнеспособного (ср. высокий слог духовных драм в нарождающемся русском театре XVII в.).

Проникновение элементов живой разговорной речи в различные жанры литературы XVII в. не было одинаково интенсивным. Наиболее показательны в этом отношении бытовые повести, сатирические произведения, интермедии, переводные драматические произведения, памятники дипломатического письма, научно-популярная литература.

Из имеющихся в языке XVII в. синонимических пар *выя* — *шея*, *десница* — *рука*, *гортань* — *горло*, *перси* — *грудь*, *риза* — *одежда* и т. п. авторы светской литературы обычно выбирали последние компоненты

Например, в реплике солдата Сусакима в драме «Иудифь»: *Когда бы ты вино то в горло свое влилъ*; в сатирической «Повести о Ерше Ершовиче»: *Да и дочь свою выдалъ за Вандышева сына; И стало в томъ озерѣ хлѣбная скудость и голодъ великъ*; в сатирическом произведении «Служба кабаку»: *Бѣлыѣ руки — что ожоги, рожу — что котелныѣ дна, зубы свѣтлеютъ, глаза пиликаютъ, горлы рыкаютъ*.

В текстах демократической литературы широко используется русская глагольная лексика: *ити* (не *грясти* или *шествовать*), *говорити* — *сказати* (не *глаголати*), *видѣти* — *смотрети* — *глядѣти* (не *рѣти*) и т. п. Например, в драме «Баязет и Тамерлан» в реплике солдата: *Так правду говорятъ: я дуракъ*; в повести «О Фроле Скобееве»: *И Фролъ Скобеевъ сказа лъ челоуѣку: «Донеси башюкъ...»*

Слова живой русской речи различных слоев населения Московского государства мощным потоком хлынули в русскую литературу.

Например, для обозначения бытовых предметов в живой разговорной речи издавна существовали такие слова, как *рубаха, портки, лапти, треух; бочка, кадушка, кружка, кочерга, лопата; блины, капуста, пироги, похлебка, щи; рожь, овес, горох* и т. п., но они не могли быть использованы в высокой литературе XV—XVII вв. ввиду «низости» самого понятия, обозначаемого указанными словами. В демократической литературе XVII в. разговорно-бытовая лексика становится стилеобразующей, занимает одно из самых важных мест в системе словоупотребления различных авторов. Например, в сцене пастухов в «Комедии на рождество Христово»: *Украсться в чулки, лапти новые*; в реплике солдата Сусакима в драме «Иудифь»: *Хотѣлъ бо токмо малую кружку нацѣдить и позабылъ гвоздь въ рукѣ, между же тѣмъ, какъ онъ изъ тое кружки пилъ, все вино из бочки на землю вытекло; Прости, моя старая сестра, яже въ Ниневѣ большой торгъ имѣеши сѣрными трески, веревками, сапожными колодками и вшаню отравою!*

Авторы произведений второй половины XVII в. широко используют экспрессивную лексику живой разговорной речи: *матушка, батюшка, жонка, дядюшка; бжкать, вякать, калякать, молоть, врать, лаять; валиться, вклепаться, накостылять*; в том числе и разнообразную бранную лексику: *бражник, пестропузон, черт мохнатый, рожа, табашная борода* и т. п.

Например, в «Сказании о куре и лисице»: *О, любезная моя матушка, а поглядѣть на тебя, будто ты прямая бабушка*; в «Повести о Ерше Ершовиче»: *Ехалъ Ершишко на осиновыхъ дровишкахъ; И было въ Ростовѣ-озерѣ дворишко худое, соломою крыто, во дворишкѣ клетишко, въ клетишкѣ коробышко.*

Элементы новой грамматической системы русского языка, свойственные живой речи и деловой письменности, также находят себе место в демократической литературе XVII в.: современные формы имен существительных дательного, творительного и предложного падежей множественного числа, современные формы глаголов прошедшего времени, отсутствие форм двойственного числа, формы именительного падежа в обращении и т. п. Например, в «Повести о куре и лисице»: *И пришла я хъ крестьянину на дворъ, гдѣ у него сидятъ куры, и ты, лихой человекъ, закричалъ на сонныхъ людей, будта тебя взбесила или варагуша подымала. И гуси тогда загоготали, и свиньи там завижжали, а мужики закричали, а детки ихъ услышали и за мною погналися, зъ жердьемъ и съ ружьемъ и съ кошемъ и съ собаками.*

Для памятников демократической литературы XVII в. характерна насыщенность текстов разговорными синтаксическими конструкциями. Например, в интермедии «О Гаере»: *Ой! ой! ой! грабятъ! Не такъ со мною ладятъ! Бьютъ меня больно, и по бокамъ досталось довольно! Не стану старухъ избивать, дивку какъ мать почитать*; в «Азбуке о голом и небогатом человеке»: *Живу я на Москвѣ, поѣсть мнѣ нечево и купить не на што, а даромъ не даютъ; Земля моя пуста и травою вся обросла, полоть мнѣ нечимъ и сѣять нечево, при томъ же и хлѣба нѣтъ.*

Во второй половине XVII в. усиливается влияние на литературу устного народного творчества, в связи с чем в повестях XVII в. постоянно встречаются однокоренные тавтологические сочетания слов типа *заря заревала, светлая светлица*, парные сочетания синонимов (например, *знать-ведать, путь-дорога*), постоянные эпитеты (*победная головушка, добрый молодец* и т. п.).

Так, в повести XVII в. «О Горе-Злочастии» используются приемы и формулы былинного стиля: *Не дружися, чадо, съ глупыми, не мудрыми; Не думай украсти, ограбити и обманути, солгати и неправду учинити; А знайся, чадо, съ мудрыми, и съ разумными водися; Житие мнѣ Богъ дал великое, ясти-кушати стало нѣчего!; Молодецъ на пиру не веселъ сидитъ, кручиноватъ, скорбенъ, не-радостенъ*, постоянные эпитеты: *А кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову; И ясные очи замутились, Полощи мое тѣло, быстра рѣка!; По круту по красну по бережку, по желтому песочку* и т. п.

Прием повтора играет здесь не менее важную роль, чем в произведениях устного народного творчества: *И оттуду пошелъ, пошелъ молодецъ на чюжу сторону; Надѣйся, надѣйся на меня, брата названного* и т. п.

Основой сравнения в демократической литературе XVII в. являются слова, обозначающие предметы и явления животного и растительного мира, как и в произведениях фольклора. Например, в «Повести о Ерше Ершовиче»: *И суетца по рѣкамъ и по озерамъ, какъ бѣшенная собака*; в «Повести об Азовском осадном сидении»: *Такова их множества, яко травы на полѣ*; в «Повести о Горе-Злочастии»: *Учало надъ молодцомъ гратьи, что злая ворона над соколомъ*; в «Житии протопопа Аввакума»: *Что собачка на соломяхъ лежу; Что скотинка волочусь* и т. п.

Высокий слог русской письменности остается ведущим в русской литературе, но и в памятники книжного славянизированного языка проникают элементы живой разговорной речи, что изнутри расшатывает систему этого типа русской письменности Московского государства, о чем свидетельствует текст «Жития протопопа Аввакума» — одного из самых ярких памятников письменности XVII в. Аввакум написал около восьмидесяти сочинений («Книги бесед», «Книги обличений», послания к различным общественным деятелям и т. п.), в языковом отношении весьма близких друг к другу. По традиции произведения такого рода создавались на славянизированном литературном языке, выдерживались в нормах высокого, торжественного стиля. Протопоп Аввакум был начитанным человеком, хорошо знал русскую оригинальную и переводную церковную литературу, сочинения «отцов церкви», поэтому он в совершенстве владел книжным литературным языком. Однако цель его посланий и сочинений, страстный характер борца за старую веру, социальное происхождение и положение (сын сельского священника, сам — дьяк, потом — сельский священник) — все это обусловило своеобразную манеру письма Аввакума, соединившую особенности книжного славянизированного литературного языка и живой разговор-

ной речи, высокого стиля и стиля устного народного творчества.

«Житие» имеет форму беседы, на что постоянно указывает автор: *А еще сказать ли тебѣ, старецѣ, повесть?; Еще вамѣ побесѣдую о своей волокитѣ; Полно тово, паки стану говорить, какъ меня... повезли на Лѣну; Стану паки про себя сказывать и т. п.*

В доверительном тоне сообщает Аввакум о различных событиях своей полной забот и страданий жизни, что обусловило целенаправленный отбор языковых единиц живой великорусской речи, особенно в биографических текстах «Жития».

1) *Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали къ порогу... Падуно Болшому — рѣка о томѣ мѣстѣ шириною съ версту, три залавка гораздо круты, аще не воротами што поплыветѣ, ино въ щепы изломаетѣ,— меня привезли подѣ порогѣ. Сверху дождь и снѣгѣ; на плечахѣ одно кафтанишко накинуто просто; льет по брюху и по спинѣ вода,— нужно было гораздо. Из лотки вытащили, по каменью скована около порога тово тащили.*

2) *Пять нѣдель по льду голому ехали на нартахѣ. Мнѣ подѣ робятѣ и подѣ рухлишко даль двѣ клячки, а самѣ и протопица брели пѣши, убивающесе о ледѣ... В иную пору протопица бѣдная брела брела да и повалилась и встать не сможетѣ... Опослѣ на меня бѣдная пеняетѣ: долго ль де протопицѣ сего мучения будетѣ? И я ей сказалѣ: «Марковна, до самыя до смерти». Она же противѣ тово: «Добро, Петрович, ино еще побредемѣ...»*

В. В. Виноградов в «Наблюдении над стилем «Жития протопопа Аввакума»¹ обращает внимание на субъективное отношение автора к тому, о чем он пишет, что ведет за собою активное использование эмоционально-экспрессивной лексики: *кинули, тащили, повалилась, задавил, оценочной лексики: темные люди, бедная, миленький, дурак и др., слов с эмоционально-экспрессивными суффиксами: Афанасьюшко, кафтанишко, соломка, собачка, робеночек, пряничка, низенько, птичка, кашка, многонько. Например: ... иногда пришлютѣ кусокѣ мяса, иногда колобокѣ, иногда мучки и овсеца, колко соидетѣ; и хлѣбца немношко, и штѣцѣ даль похлепать, зѣло прикусны хороши.*

Второй отличительной чертой «Жития» является столкновение единиц двух языковых систем, т. е. употребление элементов живой разговорной речи и книжного славянизированного литературного языка, что обусловлено содержанием произведения. Тексты, где Аввакум излагает свое религиозное кредо, полемизирует с защитниками повой веры, создаются за счет средств книжного языка. Например, рассказ о полемике Аввакума со вселенскими патриархами: *И я имѣ отвѣщалѣ о Христѣ сице: «вселенѣстии учителие! Римѣ давно упалѣ и лежитѣ невсклонно, а ляхи с нимѣ же погибли, до конца враги быша християномѣ. А и у васѣ православие пестро стало от насилия турѣскаго Магмета,— да и дивить на васѣ нелзя: немощи есте стали. И впрѣдѣ приезжайте к намѣ учитѣца: у насѣ,*

¹ Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдение над стилем Жития протопопа Аввакума // Избранные труды: О языке художественной прозы.— Л., 1980.

божиею благодатию, самодержжество. До Никона отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь была немятежна.

Ср.: Увы бѣдныи никонияня! Погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!; Видждь, слышателю... Сего ради соблазны попускаетъ Богъ, да же избрани будутъ, да же разжегутся, да же убѣлятся, да же искушни явленши будутъ въ васъ.

В «Житии Аввакума» «происходит своеобразная нейтрализация церковнославянизмов приемами их конкретно-бытового осмысления» (В. В. Виноградов). Например: *Держись за Христовы ноги; Богъ — старой чудотворецъ; Полны сѣти напехалъ Богъ рыбы.* Постоянное интимно-фамильярное обращение Аввакума к богу, богородице связывают «Житие...» с произведениями устного народного творчества. Ср. рассказ о том, как тонули барки на реке Хилке: *Вода быстрая, переворачиваетъ барку вверхъ и дномъ, а я на ней ползъаю, а самъ кричу: «владычице, помози! упование, не утопи!»* Иное ноги в водѣ, а иное выползу наверхъ. Несло в версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што ветъ дѣлатъ, коли Христосъ и пречистая богородица изволили такъ? Я, вышедъ изъ воды, смеюсь; а люди-те охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие бездѣлицы тое много еще было в чемоданахъ да в сумахъ; все с тѣхъ мѣстъ перегнило — наги стали. А Пашковъ меня же хочетъ опять бить: «ты-де надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ! И я паки свѣту-богородицѣ докучать: «владычице, уйми дурака тово!» Так она-надежа уняла: сталь по мнѣ тужить.

Церковнославянизмы часто сталкиваются в «Житии...» с лексикой и фразеологией живой разговорной речи, поясняются просторечными синонимами. Например: *Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я в третий день приалченъ,— сиречь ѣсть захотелъ.*

«Житие протопопа Аввакума» ярче, чем другие памятники, свидетельствует о том, что во второй половине XVII в. в письменных памятниках начинают смешиваться элементы двух языковых систем: книжного литературного языка и живой разговорной речи, что создает предпосылки для образования литературного языка, единого для всех видов общения людей друг с другом.

Во второй половине XVII в. авторитет церкви, церковной литературы, церковнославянского языка начинает падать, что вызвало к жизни сатирические произведения, пародирующие церковную службу и церковную литературу. В таких пародийных произведениях, как «Служба кабаку», или «Праздникъ кабацкия ярыжекъ», «Сказание о куре и лисице», языковые элементы славянизированного литературного языка оказываются в соседстве с просторечными элементами.

Автор памятника «Служба кабаку», или «Праздник кабацких ярыжек», пародирует церковную службу («малую» и «великую»), намеренно сталкивая разностильные языковые единицы: *Терпя по-*

терпѣхъ на кабацѣ живучи; Воду прошедъ, болото перебрелъ, изъ двора вышелъ, от жены злой журбы убѣжалъ; Что ти принесемъ, веселая корчмо... ; Что ты нарѣченъ, кабаце!

Пародируя церковную службу, автор сатиры «Праздник кабацких ярыжек» сохраняет иногда тексты церковной литературы, но переосмысление текста ведет за собой употребление обиходно-бытовой лексики, содержание которой находится в явном противоречии с формой. Например: *Сподоби, господи, вечеръ сеи безъ побоевъ до пьяна налитися намъ, лягу спати, благъ еси намъ, хмелю ищущимъ и пьющимъ, и пьяни обретошася, тобою хвално и прославлено имя твое во вѣки нами, или: Нынѣ отпускаеши с печи мене, раба своего, еще на кабацѣ по вино и по медъ и по пиво, по глаголу вашему с миромъ, яко видѣста очи мои тамо много пьющихъ и пьяныхъ.*

Во второй половине XVII в. начинает осознаваться некоторая архаичность, однообразие приказного языка. Появляются произведения, пародирующие деловую письменность, такие, как «Калязинская челобитная», «Повесть о Ерше Ершовиче» и др. Авторы пародий хорошо улавливают особенности делового, приказного языка, употребление в деловых документах трафаретных формул, зачинов и концовок, больше других частей текста содержащих устарелые слова, формы и выражения. Например, в «Повести о Ерше Ершовиче»: *Господамъ моимъ новгороцкимъ судьямъ осетру да белугъ да белой рыбицѣ бьетъ челомъ кормовой сынишко боярской лецишко с товарищи.*

Особенно ярко передают пародийные произведения синтаксическое однообразие языка деловых документов, что создается повторением сочинительных союзов *и, да, а* в начале каждого фрагмента текста. Например, в «Калязинской челобитной»: *Да онъ же архимандритъ приказалъ старцу Умору въ полночь зѣ дубиною по кельямъ ходить, ... Да онъ же архимандритъ монастырскую казну не бережетъ..., Да онъ же архимандритъ, приехавъ в Колязинъ, почалъ монастырский чинъ разорять... Да онъ же архимандритъ приказалъ въ воротахъ с шелепомъ стоять...*

Увеличение во второй половине XVII в. числа светских произведений различных жанров, появление пародийных сочинений, авторы которых отчетливо ощущают противопоставленность двух языковых систем, существовавших в Московском государстве, расширение границ языкового состава письменных памятников ведет к нарушению обособленности двух языковых систем (живой великорусской речи и славянизированного литературного языка).

Основные выводы

1. В эпоху существования Московского государства происходит формирование языка великорусской народности на базе московского междialeктного койне, в составе которого объединяются северовеликорусские и южновеликорусские языковые элементы.

2. Язык великорусской народности находит свое письменное

выражение в языке московских приказов, ставшем в XVII в. единым государственным языком Московской Руси.

3. В Московском государстве XV—XVII вв. было два вида письменной речи: государственный приказный язык, который отразил особенности живой речи великорусской народности, возникшей на иной диалектной базе, чем живая речь восточных славян, и литературный славянизированный язык, усилением книжников сохранивший все грамматические и лексические особенности старого древнерусского языка, подвергшийся вторичной славянизации.

4. Государственный приказный язык был более нормированным, чем живая речь великорусской народности, но в то же время он был более тесно связан с языковыми традициями прошлого, т. е. занимал промежуточное положение между живой речью великорусской народности и литературным славянизированным языком этого периода.

5. В Московском государстве фактически перестает существовать различие между двумя типами литературного языка Киевской Руси (народно-обработанным типом литературного языка, или древнерусским литературным языком, и книжнославянским типом, или церковнославянским языком), так как многие живые для киевского периода языковые единицы становятся такими же архаичными, как и исконно книжные единицы.

6. В эпоху Московского государства существует двуязычие, две языковых системы, употребление элементов которых было характерно для памятников определенных жанров, но было возможным в разных произведениях одного автора, в разных текстах в пределах одного произведения.

7. Второе южнославянское влияние и намеренная архаизация литературного языка книжниками XV—XVII вв. способствовали разрыву литературного славянизированного языка с живой великорусской речью.

8. Ведущим стилем русской письменности XV—XVII вв. становится стиль «плетение словес».

9. Во второй половине XVII в. замкнутость языковых систем начинает нарушаться, что обусловлено демократизацией и европеизацией литературного языка. Об этом свидетельствуют бытовые повести, сатирические произведения, интермедии, переводные драматические произведения, памятники дипломатического письма, но особенно — «Житие протопопа Аввакума».

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII в.— Изд. 2-е, доп.— М., 1977.

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси.— М.; Л., 1947.

Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдение над стилем Жития протопопа Аввакума// Избранные труды: О языке художественной прозы.— Л., 1980.

Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Избранные труды. История русского литературного языка.— М., 1980.

Винокур Г. О. Русский язык. (гл. VII—XVIII в.) // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.

Еремин И. П. Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII в. // Начальный этап формирования русского национального языка.— Л., 1961.

Жуковская Л. П. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность // История русского языка: Исследования и тексты.— М., 1981.— С. 277—286.

Ковтун Л. С. Русские книжники XVI столетия о литературном языке своего времени // Начальный этап формирования русского национального языка.— Л., 1961.

Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья.— М.; Л., 1963.

Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования национального языка.— Л., 1961.

Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения Второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике.— М., 1960.

Мещерский Н. А. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение.— М., 1960.

Потубалин Н. И. Новая повесть о преславном Российском царстве // Русская повесть XVII в.— М., 1978.

Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей.— М., 1960.

Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка.— М., 1985.— С. 55—109.

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА III

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

§ 1. ПРИНЦИПЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ДОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭПОХИ И ЛИТЕРАТУРНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

В конце XVII — начале XVIII в. начинает складываться русская нация и закладываются основы национального языка. Формирование литературного национального языка — процесс длительный и сложный. Для этого необходимы определенные условия, соответствующие экстралингвистические факторы. Прежде всего это касается объединения в прошлом разрозненных княжеств в единое целое, создания общих экономических и торговых отношений, сплочения на основе этого территорий с населением, говорящим на одном языке, устранения всяких препятствий для его развития и свободного функционирования, как в бытовых условиях, так и в общегосударственном масштабе.

Фактически все указанные условия в конце XVII — начале XVIII в. были в России, которая к этому времени объединила русское население в единое государство с централизованной властью, общим рынком и экономикой, развивающимся производством.

Основные лингвистические критерии различения литературного языка донационального периода и национального литературного языка названы в работах Р. И. Аванесова, В. В. Виноградова, Б. Гавранка, В. Георгиева, А. Едлички, М. М. Гухман, Ф. П. Филина, В. Н. Ярцевой и других современных исследователей.

1. Древнерусская народность обладала тремя типами языка: живая восточнославянская речь, отраженная в деловых памятниках; церковнославянский язык (русифицированный старославянский язык) и древнерусский литературный язык, объединивший две языковые стихии (элементы книжного церковнославянского языка и живой восточнославянской речи).

В эпоху существования великорусской народности наблюдается билингвизм (двуязычие): славянизированный литературный язык и совершенно иная по структуре живая разговорная речь Московского государства, нашедшая отражение в государственном деловом языке.

Следовательно, в донациональный период развития русского литературного языка «границы литературного языка и народности не совпадают. Литературный язык далеко выходит за пределы разговорной речи народности и может быть не соотносителен с нею»¹.

¹ Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. — М., 1963. — С. 10.

Основным признаком литературного языка национального периода его развития является наличие единого литературного языка, общего для всей нации, контактирующего с живой народной речью.

2. Сферы применения, общественные функции литературного языка в донациональный период были ограничены. Например, в Московском государстве деловые сферы обслуживал приказный язык, публицистику, высокие жанры художественной литературы — литературный славянизированный язык.

В национальную эпоху литературный язык поливалентен, употребляется во всех сферах устного и письменного общения людей.

3. В донациональный период развития и в период формирования и существования национального литературного языка наблюдается различное соотношение литературного языка и диалектов. «Единые наддиалектные нормы русского литературного языка складываются на базе московского говора, являющегося сложным соединением северных и южных великорусских особенностей, развившего в себе также ряд новообразований» (Ф. П. Филин).

Говор Москвы становится образцовым для жителей всех территорий России. Интересные сведения об этом находим в «Новых ежемесячных сочинениях» 1787 г.: «Многие разных Российских областей жители, имея нужды, надобности и выгоды пребывать в Москве, приняли вкус принаравливаясь к тамошним словам и наречию, а возвратясь в дома возбуждали в своих соотчичах ревнование подражать разговору царственного города. Без сомнения сие подражание до того распростерлось, что каждой городской житель за стыд долженствовал почитать пренебрежение неприноровления к сему новому, яко общему уже языку, и всяк возымел как будто некоторое право оговаривать и стыдить того, кто о том покажет нерадение или сделает в выговоре ошибку...»¹

Р. И. Аванесов считал, что литературный язык, сложившись на общенародной основе, по мере своего употребления начинает тормозить развитие новых явлений в диалектах. Постепенно диалекты перестают быть общим типом языка на данной территории, так как часть населения овладевает нормами национального языка².

Диалекты являются средством устного общения определенных слоев населения, главным образом жителей сельских местностей. С распространением образования диалекты начинают разрушаться и вытесняться устной разновидностью литературного языка в ее различных вариациях.

4. В донациональный период развития русский литературный

¹ Процессы формирования лексики русского литературного языка.— М.; Л., 1969.— С. 129—130.

² Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка // ВЯ.— 1953.— № 2.

язык был чужд живой разговорной речи. Русский литературный национальный язык базируется на народной основе, хотя широко использует формы, слова и синтаксические конструкции церковнославянского языка, сыгравшего чрезвычайно важную роль в истории русского литературного языка. Следовательно, «русский национальный язык в XVII и XVIII вв. формируется на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры: живой народной речи с ее областными диалектами, устного народно-поэтического творчества, государственно-делового языка в его разнообразных вариациях, стилей художественной литературы и церковнославянского типа языка с его разными функциональными разновидностями»¹.

5. В донациональный период развития русского литературного языка отсутствует образцовая устная речь. «Национальный язык как определенный исторический этап развития языка народа включает в себя литературный язык в его письменной и устно-разговорной форме»².

6. Единые орфоэпические, лексические и грамматические нормы литературного языка, обязательные для каждого образованного человека, формируются в национальный период развития языка.

7. На формирование русского литературного национального языка большое влияние оказала художественная литература, так как роль писателей в процессе выработки единых норм, в создании образцов литературного национального языка необычайно велика. «В литературном языке любой эпохи, — отмечает М. М. Гухман, — имеются элементы отбора, но в условиях формирования и развития национального языка отбор становится особенно целенаправленным, а стремление к языковому единству придает складывающейся норме общенациональный характер. В этой связи общенациональная норма, воплощенная в литературном языке, всегда является результатом не стихийного процесса языкового развития, а до известной степени искусственного отбора и вмешательства в этот стихийный процесс»³.

8. После завершения формирования основы единого национального литературного языка началось формирование его стилей — функциональных разновидностей литературного языка, так как наличие сложной стилистической системы предполагает единство литературного языка, создающего базу для стилистического варьирования языковых элементов.

9. «Только по отношению к национальному литературному языку может быть выдвинут тезис об организующей и формирующей роли

¹ Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка. // ВЯ.— 1968.— С. 52.

² Ярцева В. Н. Развитие литературных языков: Теоретические проблемы советского языкознания.— М., 1968.— С. 52.

³ Гухман М. М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // Вопросы формирования и развития национальных языков / Труды Института языкознания.— М., 1960.— Т. 10.— С. 302.

отдельных индивидуальностей (например, Пушкин в истории русского национального литературного языка...)»¹.

Однако следует отметить, что единый по структуре, поливалентный по функциям литературный русский национальный язык сложился не сразу.

В истории русского национального языка можно выделить следующие периоды: 1) первоначальный период формирования: Петровская эпоха (конец XVII — 30-е гг. XVIII в.); 2) период унификации и кодификации употребления языковых элементов: ломоносовский период (40—70-е гг. XVIII в.) и карамзинский период (70-е гг. XVIII в.— первые десятилетия XIX в.); 3) завершение формирования русского литературного языка: пушкинский период (20—40-е гг. XIX в.), послепушкинский период (40-е гг. XIX в.— первое десятилетие XX в.); 4) развитие русского литературного языка во второе десятилетие XX в.— наши дни.

§ 2. «СЛАВЯНОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫК» И «ГРАЖДАНСКОЕ ПОСРЕДСТВЕННОЕ НАРЕЧИЕ» В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Обычно конец XVII — три первых десятилетия XVIII в. называют Петровской эпохой, хотя время царствования Петра I заканчивается в 1725 г. Подобное определение Петровской эпохи имеет свои основания, так как в языковом отношении указанный период однороден, для него характерны: дальнейшая демократизация русского литературного языка на почве сближения с живой разговорной речью и с языком деловой письменности, интенсивное проникновение в состав русского языка слов иноязычного происхождения; дальнейшее ограничение функций церковнославянского языка; языковая пестрота текстов памятников Петровской эпохи, т. е. отсутствие единых языковых норм и стремление писателей, общественных деятелей в конце периода определить эти нормы.

В некоторых отношениях для языка Петровской эпохи были характерны те же особенности, что и для языка предшествующей поры, но тенденции, дающие себя знать в XVII в., в Петровскую эпоху усиливаются, что обусловлено социально-экономическими и политическими изменениями в жизни русского общества, реформами Петра I.

В Петровскую эпоху особенно ярко проявляется тенденция сближения литературного языка с живой разговорной речью, которая была характерна и для русского литературного языка второй половины XVII в., однако не следует думать, что славянизированный литературный язык прекращает свое существование в конце XVII в.

Язык Петровской эпохи подвижен и изменчив. Старые языковые

¹ Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи.— М., 1963.— С. 28.

средства сосуществовали в нем с новыми. В памятники, созданные в рамках старого славянизированного литературного языка, или славянорусского языка, проникали единицы живой разговорной речи. В памятники, созданные в рамках так называемого гражданского посредственного наречия, проникали элементы славянорусского языка.

1. Однако можно определить круг тех произведений петровской эпохи, которые продолжают создаваться в рамках старого славянизированного литературного языка: школьная драматургия, научные переводы, риторическая публицистика.

Писатели XVIII в., переводчики именуют книжный тип литературного языка этого времени по-разному: славенский (юго-западное влияние) и словенский (как в Московской Руси), славянорусский диалект, славенский высокий диалект. Например, в одном из переводов 1700 г. читаем: «Краткое собрание Лва миротворца..., показующее дѣль воинскихъ обучение от латинского языка на славянорусский достовѣрнѣ преведено», в наименовании переводной книги 1701 г.: «Книга, учащая морскаго плавания ... от латинского языка преведе на славянорусский диалектъ», в письме Мусина-Пушкина к Петру I: «Книжку г. Еразма о разговорахъ... перевели на славенорусский языкъ»¹, в предисловии Ф. П. Поликарпова к «Лексикону трязычному»: «славенский нашъ диалектъ, тако славный»².

Примером книжно-славянского, или славянорусского, языка являются Слова — проповеди Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Гавриила Бужинского и др., хотя всем им свойственно стремление упростить тексты проповедей, чтобы их понимали широкие круги слушателей.

В. П. Вомперский приводит показательные слова Ф. Прокоповича, сказанные им в полемике с иезуитом Белларминоном: «Какое величие говорить о священных преданиях так, что никто его не понимает?». В предисловии к букварю «Первое учение отрокама» 1720 г. Ф. Прокопович пишет о том, что до сих пор сочинения подобного рода не были написаны «просторечием». Г. Бужинский в «Последовании о исповедании» 1723 г. подчеркивает: «сие написалось просторечно, дабы самое скудоумнейшее лицо могло выразуметь». Однако следует согласиться с В. П. Вомперским в том, что проповеди XVIII в. созданы не на просторечии в современном понимании этого слова, а на «обмирщенном славянорусском языке»³, в результате чего в тексты произведений этого жанра проникают единицы просторечия, иноязычная лексика, термины, но основу проповедей составляет церковнославянский язык с его грамматическим строем и лексикой, хотя и упрощенной.

¹ Пекарский П. П. Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 гг.— СПб., 1862.

² Поликарпов Ф. Лексикон трязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровищ.— М., 1704.

³ Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей.— М., 1970.— С. 78.

Так в «Слове похвальном о баталии Полтавской», «Слове в день Александра Невского», «Слове на погребение Петра» Ф. Прокоповича высокий стиль создает церковнославянская лексика: *абие, всуе, вотще, вѣжды, днесь, выя, дебелый, ловитва, мышца, паки, прахъ, рыбарь, стогна; страна* (сторона), *млѣти; отвѣщать, хощу, свѣща, нощ; тещи; труждатися, раждатися, вижду, подаждь; езеро, единъ, единожды* и др.

Несмотря на то, что грамматический строй книжно-славянского, или славянорусского, языка XVII — начала XVIII в. значительно русифицирован, в проповедях широко представлены грамматические особенности книжного языка: аорист, имперфект, перфект, формы причастий действительного и страдательного залога настоящего и прошедшего времени типа *сый, презрѣвый, не видяи, покаяйся, побѣжденъ*, формы звательного падежа при обращении: *супостате, предателю, славо* и т. п. Например, в «Слове похвальном о баталии Полтавской» 1717 г.: *Достохвалное дѣло, слышателие, дѣло воистинну достохвалное, с радостию и веселиемъ, и с должнымъ всеилному Богу благодарениемъ, лѣтнюю творити память преславныя Полтавския викторици, сие есть: всемирныя рода нашего славы, крайнего супостать нашихъ постыждения.*

Не только проповеди создавались на славянорусском языке. Л. Л. Кутина, характеризуя тексты переводных научных сочинений первой четверти XVIII в., называет большое число научных переводов, созданных на этом языке: «Описание артиллерии чрез Тимофея Бринка. Новопреведеса с галанскаго языка на славенский» 1710 г. (перевод А. Винуиса), «География генеральная. Небесный и земноводный круги с их свойствами и действия» 1718 г. (перевод Ф. Поликарпова), «Философия естественная... яже на латинском языке Волфердом Сенгвердием издана бе, ныне же на славенский язык преведенная» 1718 г. (перевод В. Гоголева) и др.¹

Ср. в предисловии к «Лексикону трязычному» Ф. Поликарпова: *Узрѣвъ сию книгу, любезный читателю, мнимъ, яко помыслиши: «Что се нынѣ видимъ невидѣное... Что пользуют намъ языцы иностраннии; не доволенъ ли единъ нашъ славенский ко глаголаню... Но молю тя, умолкни мало, и развѣяши такова негодования облакъ; в предисловии к «Арифметике» 1703 г. Л. Магницкого: Повелѣ же и иныхъ учений свободныхъ же училища поставити, въ нихъ же высокая учения математическая, и навигатская, си есть науки счисления, размѣрения, ... крѣпости градовъ и иныхъ военныхъ дѣлъ повелѣ распространяти* и т. п.

В текстах Петровской эпохи, созданных в рамках славянорусского языка, широко представлены формы слов и слова, вышедшие из живого употребления: *И смотряше на высоту очима* («Эзоповы басни» 1700 г.); *И ты, роде и языке славенский, ничимъ же менши еси в начальныхъ родѣхъ* (предисловие к

¹ Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России.— М.; Л., 1966.

«Лексикону трязычному» Ф. Поликарпова); *Напослѣдъ убо скорби объявляютъ, яже бо чело вѣкомъ ся сключаютъ* (четверостишие на заголовке «Брюсова календаря» 1709 г.); *Егда начальникъ, который учити будетъ, предъ фрунтомъ станетъ и молвитъ: слушай* («Артикул воинский» 1715 г.); *Аристотелесъ у Плятона слушаше философию двадесять лѣтъ... Той егда во прошашу его...* («Апофегмата» — сборник исторических рассказов 1716 г.); *Не видяй сего, слѣпъ есть, видяй же и не исповѣдуяй, в жестокосерди своемъ окамененъ есть* («Слово на погребение Петра Великого» 1725 г. Феофана Прокоповича) и т. п.

Естественно, что в подобных текстах представлена и архаическая лексика: *О ней ты цвѣти, какъ кринъ благовонный, равно и къ инымъ наукамъ будь хотный* (стихи, стоящие перед предисловием к «Арифметике» Л. Магницкого); *Зрите вы сѣмо, любите чуждыхъ... Лучше ли вѣси, аще же ни сихъ, иже порицати труды и вѣщати, тожде сотворити, книгу сочинити* (стихи из предисловия к «Лексикону трязычному» Ф. Поликарпова); *Глаголъ сей ложный, яко не Владимиръ мой братъ есть, но безбожний братоубийца* («Владимир» Ф. Прокоповича) и т. п.

II. Однако как справедливо отмечал Г. О. Винокур, это был язык литературы отживающей, обращенной в прошлое. Новые темы повествования в русской литературе петровского времени изменили не только содержание, но и форму литературы. Создавался новый тип письменного литературного языка, в котором уживались элементы церковнославянского языка, старого государственного приказного языка и элементы обиходной разговорной речи XVIII в. Авторы сочинений Петровской эпохи именовали новый язык литературы гражданским посредственным наречием.

Круг памятников Петровской эпохи, созданных в рамках «посредственного наречия» (соединение элементов живой разговорной речи с элементами книжными), достаточно велик. К ним относятся переводы многих технических книг и учебников начала века: «Приемы циркуля и линейки» (1709), «Учение и практика артиллерии» (1711), «Книга мирозрения или мнение о небесноземных глобусах» (перевод Я. Брюса) и др., тексты таких памятников, как «Брюсов календарь» (1709), «Артикул воинский» (1715), «Приклады, како пишутся комплименты разные» и т. п.

В Петровскую эпоху растет количество печатных книг светского содержания, особенно после реформы азбуки.

С 1708 по 1710 г. при участии Петра I работниками московской типографии был создан новый алфавит — гражданский печатный шрифт. 29 января 1710 г. Петр утвердил новую азбуку и на обороте переплета «Изображения древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ печатныхъ и рукописныхъ» написал: «Сими литеры печатати исторические и мануфактурные книги, а которыя почернены, тѣхъ въ вышеописанныхъ книгахъ не употреблять».

Из алфавита был устранен ряд букв: ω — омега, ψ — пси, ▲ — юс малый, ж — юс большой, вместо буквы к введена буква е, вместо

ь, ѣ — я, узаконена буква э. Были округлены начертания букв, устранены титла, введена новая система обозначения чисел: вместо букв — арабские числа.

В приложении к «Ведомостям» за май 1710 г. дан реестр «книгамъ гражданскимъ, которые ... напечатаны новоизобрѣтенною» азбукой, где перечислено 15 изданий, и в том числе «Геометриа славенски землемѣрие», «Приемы циркуля и линейки», «Комплименты, или образцы, какъ писать письма къ разнымъ особамъ» и др. «Ведомости» также стали печатать гражданским шрифтом.

В текстах произведений, созданных в рамках «гражданского посредственного наречия», употребляются слова и формы слов, бытующие в живой разговорной речи. Например, в письме Петра I к Екатерине от 14 октября 1711 г.: *Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Объявляю вамъ, что сего дня свадьба сына моего совершилась, на которой много знатныхъ людей было; а отправляли в дому королевы польской. Итакъ малодюю невескою вамъ поздравляю;* в письме от 25 апреля 1712 г.: *Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Мы, слава Богу, здоровы, толко зѣло тяжело жить, ибо я лѣвшю не умѣю владѣть, а в одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочников сколко, сама знаешь.* В газете «Ведомости» 2 января 1703 г.: *Индийский царь послалъ в дарахъ великому Государю нашему слона, и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ; На рѣкѣ Охтѣ... построены пороховые деревянные заводы, и дѣлаютъ на нихъ порохъ руские пороховщики водю.*

В текстах писем, газет, художественной литературы (переводных повестей и драм, нарождающейся интимной поэзии) преобладают формы глаголов второго лица единственного числа с флексиями *-ешь, -ишь*: *Ахъ, дражайшая, всего свѣта милѣиша, как ты прѣбы в а е ш ь, а своего милѣишего друга въ свѣтѣ жива зрѣти не ч а е ш ь!* («Гистория о российском матросе Василии Кориотском»), новые формы прошедшего времени глагола: *Та дама до вашей свѣтлости п р и с л а л а, которая с вами амуръ в о с п р и я л а* («Комедия о графе Фарсоне»).

Представлены в текстах художественной литературы и новые формы множественного числа имен существительных. В «Гистории о российском матросе Василии Кориотском»: *И за ту науку на корабляхъ старшимъ пребывалъ; По его прошению былъ командированъ съ прочими матросами, И поставлены были всѣ младшие матросы по домамъ купецкимъ.*

В текстах художественной литературы широко употребляются слова и словосочетания, бытующие в фольклоре или в живой разговорной речи. Например, в драме «Сципио африканъ»: [Э р с и л:] *Ахъ! Ахъ! Какого я тамъ вижу пареня, приходящего?;* в драме «Честный изменник»: [А р ц у г:] *Добро. Я самъ стучати буду, а ты поиди въ мою палату... Отвори, или ломать учну дверь въ часточки!;* в драме «О Петре Златых Ключах»: [М а г и л е н а:] *Поиди в с к о р о с т и, ищи того ковалера, который вчерась былъ, гдѣ ево квартера;* в «Комедии о Франталпее»: [Е в а н д р а:] *Малое вре-*

мя ходила въ о г о р о д ѣ и смотрѣла на изрядныхъ цвѣтовъ, яки со мною печалуются: солнешно цвѣтъ золотое лицо къ землѣ клонитъ отъ печали..., и липы, и берески стоятъ, яки страшной морозъ ихъ поморозилъ...

Следовательно, в Петровскую эпоху наблюдается использование слов, форм и выражений старого литературного славянизированного языка (до 30—40-х годов XVIII в.), однако в тексты этого времени проникают элементы живой разговорной речи. Так называемое «посредственное наречие» используется не только в текстах деловой и научно-популярной литературы, но и в художественной литературе (светские переводные и оригинальные повести, драмы, зарождающаяся лирика).

Создавая свои произведения в рамках «посредственного наречия», авторы и переводчики не могли обойтись без элементов славянорусского языка; авторы текстов, созданных в рамках славянорусского языка, не могли обойтись без элементов «гражданского наречия», в результате чего самой характерной чертой языка Петровской эпохи можно считать отсутствие единых норм, языковую и стилистическую неоднородность текстов. Вторая особенность литературного языка Петровской эпохи — расширение словарного состава за счет иноязычной лексики.

§ 3. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Процесс развития национального языка всегда сопровождается расширением его связей с другими языками, так как в период становления нации на смену национальной замкнутости приходит всесторонняя связь наций друг с другом.

Проникновение в любой язык иностранных слов — явление вполне закономерное, так как в периоды наиболее интенсивных культурно-экономических общений между странами происходит знакомство жителей этих стран с новыми предметами, обмен новыми понятиями и идеями. При заимствовании новых понятий, идей, предметов происходит и заимствование слов, их обозначающих. Это не ущемляет национальную самобытность народа, а, напротив, обогащает словарный состав одного языка за счет словарного состава других языков.

Наши связи с другими народами установились очень давно. Уже в древнерусском языке были слова, заимствованные из скандинавских, финских, тюркских языков. В период существования Киевского государства в русский язык вошли греческие слова: одни — устным путем, другие — через посредство церковных книг.

В XV—XVII вв. в русском литературном языке появляются полонизмы и европеизмы: *автор, герб, герой (ирой), капитан, маеность* ('имение') *материя, мизер* ('нужда'), *миля, музыка (музика и мусикия), оказия, поэт (поета), провинция, солдат, шанец* ('временное полевое укрепление').

Однако основной поток заимствований из западноевропейских

языков относится к концу XVII — первой четверти XVIII в. в связи с реформами Петра во всех областях жизни России: административной, военной, политической, культурной, в связи с реорганизацией промышленности, изменениями быта русских людей.

Известный русский историк С. М. Соловьев писал: в это время «начертана была программа на много и много лет вперед, начертана была не на бумаге: она начертана была на земле, которая должна была открыть свои богатства перед русским человеком, получившим посредством науки полное право владеть ею; на море, где явился русский флот; на реках, соединенных каналами; начертана была в государстве новыми учреждениями и постановлениями; начертана была в народе посредством образования, расширения его умственной сферы, богатых запасов умственной пищи, которую доставил ему открытый Запад и новый мир, созданный внутри самой России»¹.

В Петровскую эпоху заимствования происходили не только через посредство польского языка (как это было в основном в XVI—XVII вв.), но непосредственно из западноевропейских языков², так как в это время многие общественные, культурные и церковные деятели овладевают иностранными языками, государственные и частные переводчики переводят иностранные сочинения разных жанров.

В текстах Петровской эпохи представлена иноязычная лексика различных тематических групп слов.

1) Бытовая лексика: *багаж, бальзам, бандаж, банка, билет, бульон, бутылъ, галстух, камин, квартира (квартира, квартир, кватера), комод, конфета (конфект), кофе (кафа, кафе, кофей, кафей), магазин, парик, шоколад* и др.

В текстах Петровской эпохи находим новое слово *шоколад* испанского происхождения — *chocolate*, откуда оно проникло в западноевропейские языки: итальянский (*cioccolata*), английский (*chocolate*), французский (*chocolat*), немецкий (*Schokolade*). Из итальянского языка слово пришло в русский язык в конце XVII в. и употреблялось в форме *чекулат* или *чеколад*. Например, в «Путешествии» П. А. Толстого: *При тѣхъ домахъ подѣланы лавки изрядные, въ которыхъ продаютъ сахара узорочные и иные всякие конфеты и напитки всякие; ч е к у л а т ы, кафы; лимонады...* В XVIII в. возобладала немецкая форма *шоколад*. Например, в интермедии «Подрядчик оперы»: *А сверхъ моей платы вы должны мнѣ будете давать сорбеты, кафе, сахаръ, чай, доброй шоколатъ съ ванильюю; в сценарии комедии «Француз в Венеции»: Показываетъ себя, что хочетъ его потчивать кафеемъ, чаемъ, шоколатомъ и т. п.* Ср. в примечаниях к сатирам Кантемира: *Шоколадъ есть составъ изъ орѣха, какао называемый, который растетъ въ Индияхъ*

¹ Соловьев С. М. История России.— М., 1962.— Т. VII.— С. 114.

² Как отмечал А. И. Соболевский, «увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западноевропейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство» (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.— СПб., 1903.— С. 51). См. также его работу «Русские заимствованные слова» (СПб., 1891).

Западныхъ, сахару и изъ ванили... Тотъ составъ варятъ въ водѣ или молокѣ, и пока варится оный, часто болтаютъ, чтобъ пить горячий съ пѣною, и то пошло вмѣсто завтрака принимается во всей почти Европѣ.

2) Термины литературы, культуры и искусства: *ария, арфа, балет, гимназия, грот, канал, картина, композиция, концерт, лабиринт, ложа, муза, обелиск, опера, симфония, сцена, театр* и др.

Например, *балет* — слово итальянского происхождения (*balletto*), вошедшее в немецкий (*Ballett*), французский (*ballet*), английский (*ballet*) языки, в русский язык пришло из немецкого. В драме «Честной изменник»: [Маркиз:] *Имѣлъ честь танцовать съ нею на балетѣ...*, в театральной афише 1723 г.: *Мастерица аглинская танцы французскими, галанскими и аглинскими довольно забавитъ. За тѣмъ на всякъ день новыми балеты забавление будетъ.*

3) Военная лексика: *армия (армея, армей), артиллерия, баталия, блокада, бомба, бриг, бригантина (брегантина, бригантин), генерал, дивизия, казарма, кампания, картечь, командовать, лагерь, марш, матрос, мина, мундир, форт, фортеция, шпага, штаб, штурм, эскадра* и др.

Например, в «Ведомостях» 1703 г.: *Сего дня на самомъ утрѣ жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею конною и пѣшею отаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, однакожъ принуждена уступить, токможъ съ великимъ убыткомъ неприятелю. Потомъ неприятель сталъ во фронтъ противъ нашего лагяру, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту из странжамента вывели...;* в «Морском журнале» 1710 г.: *Контръ-адмиралъ прибѣхалъ во флотъ въ шлюпкѣ съ викториеною.*

4) Административная лексика: *акция, амнистия, губернатор, контракт, министр, нотариус, полиция, провинция, прокурор, протокол, резолюция, сенат, сенатор* и др.

Н. А. Смирнов хорошо показал обусловленность неологизмов первой четверти XVIII в. коренными изменениями в административной жизни петровской России: «Хотя прежние *дьяки, окольнічи, воеводы* влачат еще свое существование в Москве и других старых городах, но рядом с ними теперь в новой столице являются и новые люди, которым присваиваются и новые чины, взятые с иностранного. Так появляются теперь *«администратор, актуариус, ассессор, аудитор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевдинг, маклер, министр, полицмейстер, президент, префект, ратман»* и другие более или менее важные *«кособы»*, во главе которых стоит сам *«император»*. Все эти *«персоны»* в своих *«ампте, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, коллегіуме, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде»* и в других административных учреждениях, которые заменили недавние *думы и приказы, «адресуют, акредитуют, апробуют, баллотируют, конфискуют, корреспондуют, претендуют, секондируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют»* и т. д. *«инкогнито, в конвертах, пакетах»* разные *«акты, акциденции,*

амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордера, проекты, рапорты, тарифы и т. п.»¹.

5) Научная терминология: *аксиома, алгебра, арифметика, атом, вулкан, геометрия, глобус, диета, нуль, обсерватор, пульс, циркуль, элемент* и др. Заимствование терминов в Петровскую эпоху — явление вполне объяснимое, так как в начале XVIII в. создавались основы различных наук, были организованы специальные и общеобразовательные школы, составлены и переведены учебники по многим дисциплинам. После смерти Петра открылась Академия наук, члены которой писали и переводили не только специальные научные, но и научно-популярные работы. В уставе Академии наук было особо отмечено: «Каждый академик обязан систем или курс в науке своей в пользу учащихся молодых людей изготовить».

Многие термины (математические, физические, астрономические, географические), которые до сих пор употребляются в школьных учебниках по этим предметам, появились в русском языке именно в Петровскую эпоху. Например, математические термины: *нуль, нумер, сумма, прогрессия*, названия геометрических фигур: *квадрат, параллелограмм, трапеция, ромб, призма, пирамида, параллелепипед, конус*. Ср. обозначение графического знака *нуль* словами *оник* и *цифра* в «Арифметиках» конца XVII — начала XVIII в.: в «Арифметике» Копиевского 1699 г.: «0 — *оникъ*, имянуется *цифра*, си есть ничтоже»; в «Арифметике» Л. Магницкого 1703 г.: «0 — *цифръ*, ничто»; в «Арифметике» В. Киприянова 1705 г.: «*Нуль* или *цифра*, сиречь за ничто зовется».

6) Общественно-политическая лексика: *агрессор, конституция, нация, оппозиция, патриот, революция, республика* и др. Например, в переводе с латинского А. Кантемиром «Книги систима или состояние мухаммеданския религии» (1722): *Поселянинъ земледѣлствующий, многополезнейшии есть р е с п у б л и к ъ*, ниже князь, лѣностную жизнь провождающий, в «Указе» Петра 1719 г.: *Н а ц и и аглинской объявить свою невинность и что мы до народа их никакой причины к недружбѣ не имѣемъ*, в «Рассуждении о причинах войны со Швецией» (1717) П. Шафирова: *Самымъ дѣйствомъ ... Бориса Годунова было великое гонение, а иногде и изливание крове... вѣрныхъ п а т р и о т о в ъ (сыновѣ отечества)*.

7) Техническая и профессиональная терминология в основном заимствовалась из немецкого: *верстак, винт, кран, клейстер, машина, мануфактура, рашпиль, фабрика*. Например, в выписке из дворцовых приказов конца XVII в.: *По указу... Петра Алексеевича... станочного дѣла мастера дѣлали къ нему... в е р с т а к ъ столярской с двумя выдвигными ящички*; в документах Посольского приказа 1702 г.: *Никоторому комедиянту надлежит толико перемѣнение во операхъ летаниемъ и махинами смѣшавъ оказать, однако азъ же творити готовъ*; в письмах и бумагах Петра:

¹ Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сборник отделения ОРЯС.— 1910.— Т. 88.— № 2.— С. 4—5.

Чтобъ сыскалъ... фонтанного мастера, который бы умѣлъ фонтаны и воду машинами возводить.

Большинство новых слов, вошедших в русский язык в Петровскую эпоху, осталось в нем до настоящего времени, так как они обозначали новые для русских людей предметы, явления и понятия, прочно вошедшие в их быт.

Однако в период формирования национального языка, особенно в его начальную пору, словарному составу были свойственны два противоположных явления: избыточность и недостаточность.

Большое количество вариантов, дублетов, синонимов позже ушло из языка, и в частности — те заимствования, которые временно вытеснили из употребления русские слова, называющие знакомые, издавна существующие на Руси понятия: *виктория — победа, трактамент — пир, баталия — битва, сражение, фортеция — крепость, regiment — полк* и т. д.

Кроме того, в связи с изменениями в общественной жизни и быту русских людей ряд слов ушли из языка или остались в пассивном словарном запасе его носителей для обозначения лиц, предметов, явлений и событий, свойственных прошлому нашей страны или настоящему других стран: *драбант, гофмейстер, камердинер, камзол, клавикорды, лакей, мушкет, паж, сенат, сенатор*; слова, обозначающие какой-либо титул или лиц, носящих этот титул, и т. п.

Многие термины были удачно калекрированы: *productus — произведение, observo — наблюдение, Sonnenstand — солнцестояние, Halbinsel — полуостров* и др.

В языке удержались не все переводы иноязычных слов на русский язык, сохранились заимствованные слова: *архитектура — домостроительная наука, канал — водовождя, публика — народство, прогрессия — шествование* и т. п.

Типичной приметой памятников Петровской эпохи были комментарии к иноязычным словам в самом тексте. Например, в «Путешествии» П. А. Толстого: *И приходятъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-славенски въ харяхъ*; *И въехалъ... въ мальтольской портъ, т. е. въ пристанищѣ*; *За тѣми священниками шелъ апатъ, т. е. архимандритъ*; в «Прикладахъ, како пишутся комплименты разные»: *Высокой патронъ (или благодѣтель)*; *... Он принужденъ послѣдующего утра коляцию (или вечеринку съ конфектами) учинить*; *Поздравительное писание, нѣкоторого кавалера къ равному своему, которои камеръ юнкеромъ (или комнатнымъ дворяникомъ) учиненъ*; в указе 1718 г.; *Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апортаменты не входить*; в статье «О изобретателяхъ вещей» (1720): *Феатръ или позорище творити обыкновение отъ грековъ произыде...*; в сочинении «Правда воли монаршей» (1722): *Съ крѣпкими резонами или доводами*.

Новые слова иноязычного происхождения помогали переводчикам точно обозначать новые предметы и понятия, незнакомые или только что появившиеся в жизни русских людей. Отсутствие таких

слов в словарном запасе автора, переводчика каких-либо текстов, затрудняло выражение его мыслей, не давало возможности точно описать то, что он видел, точно передать сущность денотата. Чрезвычайно интересный материал, подтверждающий положение о явлении лексической недостаточности, свойственной русскому языку XVII в., находим в «Путешествии» П. А. Толстого. Вместо слов *бюст, скульптура, статуя*: *Здѣлано одно подобие чловѣка по поестъ; Здѣланъ одинъ мужикъ изъ камени жѣ, держитъ волюнку; По той горѣ сидятъ (десять) дѣвицъ, вырѣзанные изъ камени зѣло предивнымъ мастерствомъ и росписаны красками и золотомъ власно, какъ живые.* Вместо слова *аллея*: *Около того Панфилиева дому сады зѣло великие и преудивительно препорцією построены, въ которыхъ растутъ деревья кипарисныя и иные всякие зѣло штучно сплетаясь вѣтвемъ, а подъ ними подѣланы проходы изрядны.* Вместо слова *парик*: *Около той площади много лавокъ, въ которыхъ дѣлаютъ и продаютъ волосы накладныя.* Вместо термина *скелет*: *В той палатѣ противъ дверей поставлены подъ стекломъ въ киотѣ кости челоуѣческия, собраны по подобию и связаны проволокою мѣдной.*

При отсутствии в словарном запасе переводчика или русского автора необходимого слова для обозначения какого-либо понятия подбирались слова или словосочетания из русского быта, близкие, но не тождественные по значению иноязычному слову. Так, в тексте итальянских комедий и интермедий были слова *актер, антрепренер, аплодисменты, бис, бюст, дуэт, студия, труппа, туалет*, но в русском литературном языке петровского времени этих слов еще не было. Поэтому В. К. Тредиаковский — переводчик текстов — вместо слова *труппа* употребляет русское слово *артель* или новое иноязычное слово *компания*, слову *антрепренер* в переводе Тредиаковского соответствует слово *подрядчик*, слову *актеры* — словосочетание *люди театральные*, *студия* — *малярная лавка*, *туалет* — *уборный стол*, *аплодисменты* — *перечасье ногами и руками*, *дуэт* — *ария двоеголосная* и т. п.

Даже это небольшое количество примеров показывает, что употребление иноязычных слов для обозначения новых понятий, относящихся к области науки, искусства, литературы и другим областям жизни русских людей XVIII в., давало возможность точно обозначить эти понятия, кратко выразить свои мысли при описании каких-либо предметов, событий, явлений.

§ 4. ОТСУТСТВИЕ ЕДИНЫХ ЯЗЫКОВЫХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ НОРМ В ПАМЯТНИКАХ КОНЦА XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Отсутствие единых норм наблюдается в фонетическом облике слов, в грамматической структуре и словарном составе текстов начала XVIII в., в графике и орфографии памятников.

1. В текстах памятников Петровской эпохи встречается различ-

ное написание слов. Вероятно, авторы или переводчики в одних текстах следовали традиционному принципу, т. е. писали новое слово так, как видели его в книгах, в других — фонетическому, т. е. сохраняли в письменных текстах особенности своего произношения (аканье, оканье, чоканье и т. п.). Например, в «Путешествии» П. А. Толстого: *корета и карета, органы и арганы, караля и короля, атаковать и атаковать*; в письме Петра I к Екатерине I: *огород и агород, мороз и мароз, к королю и к каролю*; в статье газеты «Ведомости»: *солдат и салдат, офицер и афицер, комплимент и камплимент*.

В «Комедии о графе Фарсоне»: ... *у васъ в солдатъхъ быть не желаю*; [Кралевна:] *Дабы шелъ ко мнѣ во услужение, въ салдаты*; [Капитан:] *Не доставь меня добраго офицера такова бещестия*; [Фарсон:] *Толко приходил к тебѣ не афицеръ, но дуракъ*; [Кралевна:] *Нынѣ мнѣ приде время в своихъ апортаментахъ пребывати*; [Фарсон:] *Когда ея величество изволитъ из своихъ апартаментовъ выходити?*

В «Комедии о Франталпее»: [Амена:] *Радостию тя, моего драгоценного осязаю и О! Драгоценная казна*.

2. При чтении текстов Петровской эпохи особенно заметно отсутствие единых морфологических норм. Почти в каждом тексте сталкиваются новые и старые формы слов. Например, в одном из указов Петра: *Царскаго Величества указъ о бѣглыхъ драгунахъ, салдатъхъ, рекрутахъ и матрозахъ*.

В одном тексте возможно употребление обращения, выраженного формами именительного и звательного падежей имен существительных. В «Истории о Василии Кориотском»: *Государь мой батюшко!*; *Любезнѣйшій мой российский матросъ*; в «Прикладах, како пишутся комплименты разные»: *приятнолюбезный сродственникъ, моя госпожа, высокочтимый господинъ отецъ и дражаший приятелю, высокопочтенный патроне, шляхетный особливочтенный господине и приятелю*. В одном обращении возможно столкновение двух форм звательного падежа: *Приятнополюбезный и высокопочтенный господине и сродственникъ*; *Любезной господине генералъ литенантъ*.

В одном контексте употребляются глаголы с флексиями *-шь* и *-ши*, с суффиксами инфинитива *-ть* и *-ти*. Например, в драме «Честный изменник»: *Скажи мнѣ, сердце мое: хочеш ли поддаться? Нѣтъ! Ты стоишь крѣпко, аки камень*. В драме «Принц Пикель-Гяринг»: [Генрик:] *Мы не тѣ люди, что ты насъ боишися и намъ зѣло грозишь*. В драме «Сципио Африкан»: [Сципио:] *Что, Ерсиле, твориши? Что собою говоришь и что новыхъ вѣстей приносишь?*

Архаические формы аориста и перфекта могут стоять рядом с бессвязочным перфектом. В драме «Честный изменник»: [Арцуг:] *Скажи мнѣ однакожь, для чего ты домъ мой осквернилъ? Егда ты всю вѣжливость у меня отпотреблялъ еси, но еще тебѣ свою власную супругу повѣрилъ, а ты мнѣ такъ злобно воздаешь*.

В «Комедии о графе Фарсоне»: [К р а л е в н а:] *П р и н е с л ъ е с и т ы п л а м я н а с в о е м ъ р а м ѣ. З а п а л и л ъ м о ю д у ш у, л ю б о в и ю к ѣ с е б ѣ и м у щ у! У м ъ м о й с м у т и л с я. К у п и д а м н ѣ п р и к л ю ч и л с я.* В «Комедии о Индрике и Меленде»: *Т о г д а к о р о л ь ш в е д с к и й у б и о т ц а м о е г о и з а в л а д ѣ л ъ к о р о л е в с т в о м ъ е г о; П р и и д о х ѣ а з ѣ, б ѣ д н ы й, с е м о, х о т ѣ л ѣ с ѣ д и н ы т в о я з р ѣ т и.*

3. Следует отметить разнородность лексического состава памятников Петровской эпохи: слова книжные и разговорные, иноязычные и русские постоянно употребляются в текстах: *говорить, речи, рещи, глаголати; глаза — очи; зреть — смотреть, глядеть; губы, рот — уста; перси — груди, грудь; горло — гортань; целовать — лобзать* и т. п. Например, в драме «Сципио Африкан»: [С о ф о н и з б а:] *П р а в д у г л а г о л е ш ь, л ю б и м ы й м о й Б о г у д е с ь! П р е в е л и к а м о я п е ч а л ь с ю н е т е р п ѣ л и в у ю р ѣ ч ь п р о г о в о р и т ь п р и н у д и л а.* В «Комедии о Франталпее»: [Е в а н д р а:] *П е ч а л ь б о у с т а з а г р а ж д а ю т ь и п о н е ж е н е м о г у ж а л а т ь с я я з ы к о м ъ, т о г л а з а м и о п л а н о; Ц е л у й т е р у к у м о ю, н о у с т а м ѣ ж е м о и м ѣ, о п р и ч ь М и р а н д о н а, н и х т о н е п р и т р о н е т с я.*

В «Гистории о Василии Корнотском»: *Г л а г о л я и м ѣ; Т о ч и ю р е ш а е м у; И р а з б о й н и к и с к а з а л и е м у; И с т а л ь... г о в о р и т ь е м у;* в «Истории о Александре»: *К о е с о к р о в и щ е в ѣ д е с н и ц ѣ м о е й и м ѣ ю, О т р у к ѣ е я о т я т и, И к о л ц о о н о е п о д л е п р а в ы е щ е к и с п у с т и л ь, Х о з я и н ѣ у д а р и л ь м е н я п о л о н и д ѣ (л а н и т е.— Е. К.) т а к ѣ с и л н о.*

Во многих текстах лексическая пестрота обусловлена употреблением русских и иноязычных слов. Например, в «Комедии о Франталпее»: [А м е н а:] *... В о в р е м я в о й н ы м е н я н ѣ к а я п о ч т е н н а я ж е н а у н е г о о с т а в и л а... Н а ш е л ь т ю ч о к ѣ и п е л е н к и, т а к ж е о б р а з п р е к р а с н о й п е р с о н ы.* В драме «О Петре Златых Ключах»: [К н я з ь П е т р:] *Ч т о м н ѣ в ѣ щ а е ш ь, к а м о р д и н ѣ п р и я т н ы ?;* [Р ы г а н д р у с:] *В ч е р а с ь в ы к о м п а н и ю в е с е л у и м ѣ л и, а п о о т ш е с т в и и о н о й б и л и с н а д у е л и;* [К о в а л е р ы Т а л и а н с к и е:] *Ч т о т ы с е б я п р и з н а е ш ь з а с и л ь н я г е р о я, ч т о т а к о в а п о б ѣ д и л ь м а л о д у ш н а в о я. В к у с и, в к у с и с е й к л и н о к ѣ з а л у ч и ш и к о н ф е к т ы, п р е с т а н е ш ь п о х в а л я т ь с я в б у д у щ и я л ѣ т ы.*

Как видно из примеров, в одном тексте могут сталкиваться три группы языковых элементов: 1) русские книжные слова и формы слов, 2) единицы живой русской разговорной речи, 3) иноязычная лексика. Ср. в одном из писем Петра I к Екатерине: *К а т е р и н у ш к а, д р у г ѣ м о й, з д р а в с т в у й! М ы с ю д ы д о ѣ х а л и, с л а в а Б о г у, з д о р о в а, и з а в ѣ т р а з а ч н е м ѣ л е ч и т ь ц а. М ѣ с т о з д ѣ ш н е е т а к ѣ в е с е л о, ч т о м о ч н о ч е с н о ю т ю р м о ю н а з в а т ь, п о н е ж е м е ж д о т а к и х ѣ г о р ѣ с и д и т ь, ч т о с о н ц а п о ч и т а й н е в и д а т ь. П о с ы л а ю п р и с е м ѣ п р е з е н т т е б ѣ: ч а с ы н о в о й м о д ы, д л я п ы л и в н у т р и с т е к л ы, д а п е ч а т к у.*

В «Гистории о Василии Корнотском»: *В ѣ н а у к а х ѣ п р е б ы в а ш е и у в с ѣ х ѣ п е р с о н ѣ з н а т ы х ѣ в ѣ у с л у ж е н и и п о л ю б и л с я; В е д и н о ж е в р е м я у к а з а л и м а р ш и р о в а т ь и д о б и р а т ь м л а д ш и х ѣ м а т р о с о в ѣ з а м о р я в ѣ Г о л а н д и ю; К о о т ц у с в о е м у в ѣ Р о с с и ю ч р е з ѣ в е к с е л ь п о с л а л ь ч е т ы р е т ы с я ч и е ф и м к о в ѣ з л а т ы х ѣ.* В «Истории о

Александр»: *Но в е д и н ъ от дней къ вечеру наиде на Олександра незапное уныние, отъ которого никоими забавами избавитися не могъ: и взявъ ф л е д ъ р е в е р н ъ, началъ играти; ... рече ему громко: «чего, ч е л о в ѣ ч е, желаеши? Или ма д е л ъ зданию снимаеши?»*

4. Внешний облик слов, употребляемых в одном тексте, также различен: *единъ и одинъ, градъ и городъ, злато и золото, ночь и нощъ, свѣча и свѣща, боги и бози, ноги и нози, супругъ и в воздухъ* и т. п. Например, в «Комедии о графе Фарсоне»: *Во г р а д ъ и за г о р о д ъ никаго не пускаютъ*; в драме «Сципио Африкан»: *Понеже она ему с в ѣ щ а будетъ, ею же весь дом разгоритися. Не Сифаксъ ли звѣзда былъ в Африкѣ? А нынѣ угашена с в ѣ ч а*; в драме «О Петре Златых Ключах»: *нощю и Да не видятъ пристрастна сего свѣта очи, лучше же смертныя придутъ ко мнѣ н о ч и* (выбор русской формы, вероятно, обусловлен рифмой).

5. В памятниках конца XVII — первой четверти XVIII в. постоянно находим архаические синтаксические конструкции, время употребления которых ограничено XVIII в., и современные синтаксические конструкции, которые не претерпели изменения до наших дней. Например, 1) в статье «Ведомостей» от 28 января 1704 г.: *На Москвѣ солдатская жена родила женска полу младенца мертва о дву главахъ, и тѣ главы от другъ друга отдѣлены особѣ и со всѣми своими составы и чувства совершенны, а руки и ноги и все тѣло такъ, какъ единому челоуѣку природно имѣти. И по анатомии усмотрены въ немъ два сердца соединены, двѣ печени, два желудка и два горла. О чемъ и от ученыхъ многие удивляются*; 2) в статье от 15 июля 1709 г.: *Какъ его свѣтлость князь Меншиковъ 28 июня за неприятелемъ въ слѣдъ пошелъ, то хотя оной всякое прилѣжанье въ томъ чинилъ, однакожь неприятеля, которой, оставя большую часть своего багажу, наскоро къ Днепру бѣжалъ, не могъ прежде 30 июня нагнати, котораго числа оный его не далеко от переволочни в зѣло крѣпкомъ мѣстѣ, подъ горою при Днепрѣ стоящаго обрѣлъ, и отъ взятого въ полонъ полкового квартирмистра и нѣсколькихъ волохъ увѣдомился, что король шведский до того за три часа съ нѣсколко стами конныхъ чрезъ Днепръ переправился съ великою трудностью, и генераловъ маеровъ Шпара и Лагеркрона съ собою взялъ, генерала же Левенгоупта с оставшимися отъ побитой армии войскомъ, по сей сторонѣ Днепра оставилъ, понеже за скудостью судовъ переправитися не могли.*

В «Слове похвальном о баталии Полтавской» 1717 г. Феофана Прокоповича в традиционном зачине: *Аще бо не можетъ не памятовати сего всякъ сынъ Россійский, яко не забвеннаго своего благополучия, аще и неприятель забыти не можетъ, яко язвы своя неисцѣлныя, однакоже зане неблагодарни вознимся быти тако намъ благодаряшему Господу, достохвальнѣ завершаемъ празденственное сие толикыя побѣды воспоминание.*

Ср. экспрессивную лаконичную манеру письма в описании Полтавского боя, предвосхитившем известные строки А. С. Пушкина: *Блисну отвсюду страшный огонь, и возгремѣли смертоносные громы.*

Отвсюду чаяние смерти, а дымомъ и прахомъ помрачился день: непрестающая стрѣльба, а упоръ неприятельский непреклонный. Но сердца российская... забыли тѣлеснаго своего состава... Но паче всѣхъ обращаетъ на себя наши очи Петръ, Петръ и къ скипетру, и къ мечу родившийся..., и гдѣ страшнѣйшій огонь, гдѣ лютость большая, ту и онъ... Но что прочее на бою дѣется? Викториа твоя, о Россіе! Викториа! Два часа жестокий огонь вытерпѣли Шведы и повинилися.

6. В текстах художественной литературы и публицистике XVIII в., в эпистолярном наследии Петровской эпохи употреблялись традиционные книжные средства выражения, слова и словосочетания, бытующие в устном народном творчестве, и новые слова и словосочетания. Все это наряду с языковой пестротой, обусловленной столкновением в одном тексте старых и новых, русских и иноязычных, книжных и разговорных языковых элементов, создавало стилистическую пестроту в памятниках Петровской эпохи.

а) В светских переводных повестях и драмах Петровской эпохи впервые находим элементы галантной речи, формулы вежливости, согласно которым при обращении к одному собеседнику употребляются формы местоимений вы, ваш и глаголы множественного числа. Наряду с галантной формой вежливости в интимных диалогах персонажей употребляются местоимения ты, твой и глаголы в форме единственного числа, что было свойственно обиходно-бытовой речи, устной народно-поэтической речи и традиционной книжной русской манере письма. Например: [А л о и з и я:] *Изволишь ты идти, любовь моя?* [А р ц у г:] *Какъ вы изволите, сокровище мое* («Честный изменник»).

Подобное употребление свойственно и эпистолярной манере письма начала XVIII в., в том числе и письмам Петра I к Екатерине. В письме от 27 июня 1709 г.: *Матка, здравствуй! Объявляю в а м ъ, что всемилостивый Господь неописанную побѣду... даровати изволилъ;* в письме от 23 мая 1716 г.: *Благодарствую на презентѣ, тако-жъ и я отсель къ в а м ъ посылаю взаимно. Право на обѣ стороны достойныя презенты: ты ко мнѣ прислала для вспоможенія старости моея, а я посылаю для украшения молодости вашей.*

Различные формулы вежливости находим и в текстах переводных повестей. В «Истории о Василии Кориотском» в речи Королевны: *Молю тя, мой государь, в а ш а фамилия како, ... понеже я... до сего часу в а с ѣ не видала;* в «Истории о Александре»: *Знаетъ ли т в о е сердце, что ко мнѣ нынѣ сотворилъ? Хочу вѣдать я, уповаю, что в ы въ тотъ часъ имѣли высокое разсуждение въ головѣ, когда к в а м ъ приходила.*

В «Прикладах, како пишутся комплименты разные», где даны образцы писем различного назначения и к разным лицам, речевой этикет соблюдается строго. Ср. в послании «Нѣкоторого челоуѣка къ женскому полу»: *Вы, моя госпожа, не имѣете чрезъ высоко-склонное позволение мнѣ приступа: ничего опасатися, дабы по В а ш е й славѣ вредително быти могло.*

б) В поэзии, интимных диалогах героев переводных светских

драм и повестей в роли обращения выступают метафорические словосочетания *богиня моя, ангел мой, солнце мое, сокровище мое, куколка моя*, восходящие к метафорическим словосочетаниям западноевропейской поэзии. В письмах Вильяма Монса: *Сердечное мое сокровище, и ангелъ, и Купидонъ со стрѣлами; Остаюсь, мой ангелъ, вѣрный твой слуга по гробъ; Прощай, мой ангелъ*. В итальянской интермедии: *Не изволь плакать, дорогая куколка; Ведь ты сама не знаешь, куколка моя*.

Более широко в литературе петровского времени используется в роли обращения традиционная книжная лексика и слова, бытующие в устной народной поэзии: *любезный мой, любимый мой, возлюбленный мой, любовь моя, дорогой мой, прекрасный мой, милый, миленький, друг мой, радость моя, свет мой, душа моя* и др. Например, в арии Василия Корнотского: *Ах, дражайшая, всегосвѣта милѣйшая*, в письме Евдокии Лопухиной к Степану Глебову: *Любезный мой другъ, лапушка моя; Свѣтъ мой, батюшка мой, душа моя, радость моя! Знать уже зѣло проклятый часъ приходит* и т. п.

в) В текстах художественных произведений первой четверти XVIII в. употребляются художественно-изобразительные средства трех видов: книжные традиционные библейские сравнения, метафоры, символы (*сад — рай, кринъ — лилия* и любой цветок — любовь, радость, *рыба — благоденствие*), народно-поэтические (послать мяту — просьба не забывать, сравнение любимой с вербой, березой, яблоней, голубкой), новые тропы, пришедшие с переводной литературой, многие из которых восходят к античной поэзии (*огонь — любовь, глаза любимой — звезды, губы — цветок, волосы — золото*, сравнение возлюбленной с Венерой, Дианой, драгоценными камнями, розой, фиалкой и т. п.). Ср. в рукописи Тверского музея: *Мнѣ въ сердцѣ раны задали черные очи, черные брови, уста сахарные. Мнѣ предрагая язву положила, своюю красотю сердца уязвила; Не таковѣ цвѣтъ красенъ весною и в лѣтѣ, отъ всѣхъ цвѣтовъ краснѣйшая милия на свѣтѣ*, в драме «Амфитрион»: [Юпитеръ] *Можетъ ли то содержатися противъ сердца, любовью зажженного*.

Основные выводы

1. Петровская эпоха — последний этап функционирования книжно-славянского языка в России, отныне его судьба связана лишь с профессиональной сферой.

2. Для литературного языка Петровской эпохи характерна дальнейшая демократизация на почве сближения его с живой разговорной речью, что было обусловлено социально-экономическими и политическими изменениями в жизни русского общества конца XVII — первой четверти XVIII в.

3. В этот период создается новый тип письменного литературного языка, именуемого гражданским посредственным наречием, в котором сосуществуют элементы книжно-славянского языка, старого приказного языка и обиходной речи XVIII в.

4. Употребление в литературе Петровской эпохи всех реально существующих в это время языковых единиц вело к языковой и стилистической пестроте письменных памятников, где обиходные средства выражения (диалектные, просторечные, разговорные) употреблялись наряду с книжными (славянскими, с одной стороны, иноязычными — с другой).

5. В Петровскую эпоху словарный состав русского литературного языка пополняется большим количеством иноязычных слов, так как процесс развития национального языка всегда сопровождается расширением его связей с другими языками. Особенно важно в начальный период становления русского литературного национального языка пополнение терминологической лексики новыми интернациональными словами.

6. Для Петровской эпохи характерно не только заимствование иноязычной лексики, но и калькирование, перевод иноязычных терминов на русский язык, что связано с усилением переводческой деятельности в первой четверти XVIII в.

7. Иноязычные слова проникали в русский язык из разных источников, заимствования могли происходить книжным и устным путем, что приводило к большой вариантности иноязычных слов, многообразию их фонетического и морфологического облика.

8. В 20—40-е гг. XVIII в. заметно стремление филологов, писателей регламентировать употребление различных языковых единиц, определить фонетические, грамматические и лексические нормы литературного языка.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Биржакова Е. Э., Воинова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования.— Л., 1972.— С. 101—169.

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку.— Киев, 1950.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 3-е.— М., 1982.— Глава вторая.

Виноградов В. В. Различие между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху.— М., 1963.

Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII в. // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.

Вомперский В. П. К истории слов *стиль* и *штиль* в русском литературном языке // Проблемы современной филологии.— М., 1965.

Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи: Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII в.— Л., 1981.

Кутина Л. Л. Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание.— М., 1978.

Лихачев Д. С. В чем суть различий между древней и новой русской литературой? // Вопросы литературы.— 1965.— № 5.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (40—70-е гг.)

XVIII век — время расцвета русской культуры, науки и литературы. В 1725 г. открылась Академия Наук с гимназией и университетом. С 1727 г. начинают выходить «Санкт-Петербургские ведомости» с «Примечаниями», где печатаются научные сочинения. В Академии работают В. К. Тредиаковский, В. Е. Адогуров, М. В. Ломоносов, ботаник и этнограф С. П. Крашенинников, физики Г. В. Крафт и Р. В. Рихман, крупнейший математик XVIII в. Л. Эйлер и др. В 1755 г. открывается Московский университет с гимназией, в 1757 г. — Академия художеств.

Важную роль в развитии общественно-политической и философской мысли в России сыграли просветители XVIII в.: М. В. Ломоносов, Н. Н. Поповский, А. А. Барсов, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, Н. И. Новиков, оказавшие влияние на формирование воззрений А. Н. Радищева. Интенсивно развивается во второй половине XVIII в. журналистика, появляются частные журналы: «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова (1759), «Полезное увеселение» М. М. Хераскова (1760—1762) и др., сатирические журналы 1769—1774 гг.: «Всякая всячина» (1769—1770), «Смесь», «Труть» Н. И. Новикова, «Адская почта» и др.¹

XVIII в. — время расцвета в России барочной и классицистической архитектуры, развития национальной живописи и музыки, создания постоянного русского театра со своим репертуаром.

XVIII в. — это яркий период в развитии русской литературы.

В XVIII в. осваивается античное наследие (русские читатели были знакомы с произведениями Цицерона, Сенеки, Апулея, Платона, Лукиана и др.), переводятся произведения Мольера и Буало, Тассо, Расина, Мильтона, Фонтенеля, Вольтера, Корнеля и других западноевропейских писателей.

Возникает новая русская литература, связанная с традициями древнерусской литературы, особенно — литературы XVII в., и с западной литературой классицизма — появляются произведения А. Кантемира, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина, И. Ф. Богдановича, М. М. Хераскова и других писателей.

XVIII век — время постепенного сложения единой литературно-языковой нормы на национальной основе: «устранения двуязычия и нивелирования противопоставленных типов письменного языка», утверждение системы «трех штилей», связанной с определенными жанрами письменности, «сосуществованием и взаимодействием различных норм (узусов) языкового употребления»² при строгости системы «трех штилей».

¹ См. об этом подробнее: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. — М.; Л., 1952.

² Словарь русского языка XVIII в. Проект. — Л., 1977. — С. 7.

В середине XVIII в. складывается морфологическая система литературного языка в своих основных категориях и формах, ориентированная на живую разговорную речь, отразившуюся в памятниках, созданных в рамках «посредственного наречия», но сохранившая также ряд категорий и форм славянорусского языка. Показания текстов художественных произведений, журнальных статей, научных сочинений середины XVIII в. подтверждают этот тезис. Но, как уже неоднократно подчеркивалось, литературный язык — это язык нормированный и кодифицированный, поэтому нельзя говорить о выработке единых морфологических норм до выхода в свет «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова, напечатанная в 1757 г., была первой русской научной грамматикой, где были узаконены как единственно правильные нормы формоупотребления, сложившиеся в середине XVIII в. (30—50-е гг.). М. В. Ломоносов хорошо понимал значение своего труда. В предисловии он писал: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».

Ломоносов знал, что лингвист, исследователь не может диктовать языку законы и правила, он должен открывать законы, объективно существующие в языке, и, систематизируя, описывать их. «И хотя она (грамматика.— Е. К.) от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению», — читаем в предисловии. Показательно, что Ломоносов предполагал закончить свою грамматику латинской фразой: «*Usus te plura docebit*» — «Опыт тебя доучит».

«Российская грамматика» стала не только пособием, по которому училось несколько поколений русских людей, но явилась источником целого ряда грамматик второй половины XVIII — первой четверти XIX в., и в том числе «Российской грамматики» 1802 г., изданной Академией наук.

«Российская грамматика» Ломоносова состоит из шести частей (наставлений). Первое наставление «О человеческом слове вообще» включает главы «О голосе», «О выговоре и неразделимых частях человеческого слова» — учение о звуковом строе русской речи, о соотношении произношения и написания, сопоставление «букв российских» и «букв чужестранных» для обозначения согласных звуков (например, зубные согласные: *ж, з, с, ш* «у англичан *th*, шепелеватое *c*»); «О сложении неразделимых частей слова» — о слогах слова, «О знаменательных частях человеческого слова» — учение о частях речи.

М. В. Ломоносов выделяет две основных части речи: изображение словесных вещей — имена и изображение деяний — глаголы, которые «по справедливости знаменательные части слова названы

быть могут». Кроме того, им выделены местоимения, причастия, наречия, предлоги, союзы, междуметия — «осмь частей знаменательных». Среди имен выделяются имена существительные, имена прилагательные, имена числительные.

В первое наставление входит также глава «О сложении знаменательных частей слова» — учение о словосочетании, где замечено, что синтаксическое учение «надлежит до риторики», хотя названы разные периоды («сложное соединение нескольких речей»): одноклассные, двучленные, тричленные и четырехчленные.

Второе наставление «О чтении и правописании российском» состоит из глав «О азбуке российской» (в составе алфавита 30 букв, в том числе — ъ, в отличие от современного алфавита здесь нет букв щ, э, е, ѝ), «О произношении букв российских», «О складах и речениях» — учение о слогаделении, «О знаках» (точка, запятая, две точки, точка с запятой, знак вопросительный, удивительный — !, единительный — дефис, вестительный — скобки), «О правописании».

Третье наставление «О имени» почти не отличается от разделов подобного рода в современных грамматиках русского языка.

1) Категория числа представлена в системе двух противопоставленных рядов форм: единственного и множественного числа. В первом наставлении имеется примечание: «В славянском языке двойственное число его ли есть свойственное или с греческого насильно введенное».

2) Парадигмы склонения совпадают с парадигмами склонения в «Русской грамматике» 1980 г. Приведем лишь один пример.

В «Российской грамматике»:

И. соколы
Р. соколовъ
Д. соколамъ
Вин. соколовъ
Твор. соколами
Пред. о соколахъ

В «Грамматике-80»:

отцы
отцов
отцам
отцов
отцами
об отцах

В текстах произведений 30—60-х гг. XVIII в. также все склоняемые существительные независимо от типа склонения в единственном числе имеют во множественном числе одни и те же формы дательного, творительного и предложного падежей (за некоторым исключением). Например, у Кантемира:

*Природа быкамъ — рога,
Копыта дала конямъ,
Зайцамъ — ноги быстрыя,
Львамъ — свирѣпы челюсти,
Рыбамъ — плавать искусство,
Птицамъ — удобность летать,
Мужамъ — рассуждение.
Женамъ дала ль что? Дала!
Что жь такое — красоту... (Из Анакреона)*

3) Категория падежа представлена шестью рядами форм. По поводу звательного падежа сказано: «звательные падежи в обоих числах подобны именительным» (*княгиня, злодѣи*). Ср. у Сумарокова: *Моему, мой с в ѣ т, ты взору, что ни дѣлаешь, прелестна, у* Н. Н. Поповского: *Различны, м е ц е н а т ѣ, к бессмертию дороги*.

4) М. В. Ломоносов вводит в грамматику новый термин: предложный падеж. В § 58 читаем по этому поводу: «в славенской грамматике назван он сказательным, но свойственнее назван быть может предложным».

5) В «Российской грамматике» выделены три типа склонения имен существительных, как и в современных грамматиках (*сокол, злодей, якорь, спасение, солнце, слово; воевода, рука, княгиня; добродетель*), но в отличие от современных грамматик в особый тип склонения выделено изменение имен существительных среднего рода типа *семя, время*.

Падежные флексии имен существительных единственного и множественного числа трех типов склонения (и существительных типа *знамя*), отмеченные Ломоносовым и авторами современных грамматик, также совпадают (исключение составляет флексия *-ыми*, которую Ломоносов дает как вариантную к флексии *-ями* при описании словоизменения имен существительных женского рода: *добродетелями* и *добродетельми*, и старые падежные формы существительного *жеребья*: *жеребяти, жеребятем* и т. п.).

В системе словоизменения имен прилагательных, представленной в «Российской грамматике», отличий от современных форм несколько больше: как нормативная для прилагательных мужского рода отмечена флексия родительного падежа *-аго* (*истиннаго*), для родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа имен прилагательных женского рода наряду с флексиями *-ой, -ей, -ые, -ие* указаны вариантные флексии *-ья, -ия* (*прежней, прежние* и *прежня*). Ср. в § 119: «ибо все пишут правильно: *прославились Российския силы и гремитъ слава Российския силы*».

В системе имен числительных отличается от современного лишь склонение числительных *сорок, девяносто* и *сто* (д. п. — *сороку, т. п. — сорокомъ, п. п. — о сорокъ*) и склонение количественного числительного *полтора* (в «Российской грамматике» это слово изменяется «как прилагательные во множественном числе»: р. п. — *полоторых, д. п. — полоторым* и т. п.).

В четвертом наставлении «О глаголе» представлены все морфологические категории русского глагола: категории времени, наклоения, лица, числа, залога и рода. Однако видо-временные отношения в системе глагола здесь еще не дифференцированы, поэтому категория вида как самостоятельная грамматическая категория не описана.

Грамматические средства и грамматические значения категории числа, лица, рода (прошедшее время глагола), залога и наклоения, описанные Ломоносовым, не отличаются от грамматических

средств и грамматических значений категорий глагола, содержащихся в современных грамматиках.

Кроме того, здесь представлен богатый материал, показывающий многообразие словоизменения в системе русского глагола: изменение глаголов по лицам и числам в изъявительном (настоящее, прошедшее и будущее время) наклонении, формы глаголов повелительного и сослагательного наклонения, выделены глаголы первого и второго спряжения. Ср. парадигму настоящего времени глаголов в «Российской грамматике» и «Русской грамматике» 1980 г.

В «Российской грамматике»: В «Грамматике-80»:

Ед. число:

1-е л. <i>Я двигаю</i>	<i>играю</i>
2-е л. <i>Ты двигаешь</i>	<i>играешь</i>
3-е л. <i>Он, -а, -о двигаетъ</i>	<i>играет</i>

Мн. число:

1-е л. <i>Мы двигаемъ</i>	<i>играем</i>
2-е л. <i>Вы двигаете</i>	<i>играте</i>
3-е л. <i>Они двигаютъ</i>	<i>играют</i>

В текстах произведений 30—60-х гг. XVIII в. в основном употребляются также глаголы второго лица с флексиями *-ешь, -ишь*. У Кантемира: *Хочешь ли судьбою стать...*, у Тредиаковского: *Ибо все держишь в себѣ благородно; Ах, какъ с и д и ш ь ты на тронѣ красно*, у Ломоносова: *Ты с ы п л е ш ь щедрою рукою; О ты, что в горести напрасно на Бога р о п щ е ш ь, человекъ*.

В прошедшем времени глагола как нормативная употребляется лишь форма бессвязочного перфекта, что и отмечено в «Российской грамматике»: *двинулѣ, -ла, -ло, двинули*.

Ср. в текстах середины XVIII в.: у Сумарокова:

*Стеналъ по немъ сей градъ священный,
Ревѣлъ великий океанъ ...
И въ нордѣ флотъ его прославилъ,
В которыхъ онъ три флота правилъ...*

Начиная с середины XVIII в. большинство глаголов имеет в инфинитиве суффикс *-ть* (суффикс *-ти* всегда ударный), что нашло отражение в «Российской грамматике»: *знать, гулять, брить, пѣть*. Ср. в «Юридическом рассуждении» С. Е. Десницкого: *У римлянъ обыкновение было именинниковъ дарить, поздравлять и пиръ дѣлать; почитать за грѣхъ проливать въ тотъ день кровь и отнимать жизнь*.

В пятом наставлении «О вспомогательных или служебных частях слова» рассматривается словоизменение местоимений (архаическими в наше время стали формы местоимений *-ея* — р. п., вытесненная из употребления формой *ее*; *онѣ* — и. п. мн. числа, вытесненная

из употребления формой *они; самая, тоя, сея, моя, которая, наша, инья, онья* — р. п., вытесненные из употребления местоимениями с флексиями *-ей, -ой*) и причастий, приводятся примеры сравнительно небольшого круга наречий, предлогов, союзов и междометий.

Последнее наставление — «О сочинении частей слова», где рассматриваются различные виды согласования и управления, пользуясь современной терминологией, можно назвать синтаксисом словосочетания.

Следовательно, при изучении формирования морфологической системы современного русского языка необходимо учитывать два фактора: сложение основы морфологической системы современного русского языка в середине XVIII в., что дало возможность М. В. Ломоносову описать эту систему в «Российской грамматике», и влияние «Российской грамматики» на установление единых морфологических норм для всех видов и типов русского национального языка.

«Российская грамматика носит нормативно-стилистический характер, так как в ней не только указаны формы, объективно существующие в языке XVIII в., но и рекомендованы к употреблению в каком-либо стиле варианты формы (выбор окончаний *-а* или *-у* в родительном падеже единственного числа имен существительных мужского рода, выбор форм сравнительной степени прилагательных с суффиксом *-ее* или *-яе* и т. п.).

Подобные рекомендации связаны с обоснованием Ломоносовым теории трех стилей, сыгравшей очень важную роль в истории русского литературного языка.

§ 2. ТЕОРИЯ ТРЕХ СТИЛЕЙ М. В. ЛОМОНОСОВА

Учение о трех стилях восходит к глубокой древности. В античных риториках, в учебниках красноречия духовных школ Запада, Юго-Западной Руси и Московского государства постоянно рассматриваются три разновидности речи. Например, Феофан Прокопович в латинских риториках «*De arte poetica*» и «*De arte rhetorica*» начала века выделял серьезный и возвышенный род письма, средний, смешанный и простой.

Взяв за основу учение о трех стилях речи, знакомое филологам и писателям предшествующей эпохи, М. В. Ломоносов создал учение о стилистических подсистемах русского литературного языка середины XVIII в., изложив его в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке», «Российской грамматике» и в «Кратком руководстве к красноречию». При этом сталкиваются три принципа отбора и употребления слов: этимологический (сопоставляются общеславянские, церковнославянские и русские слова), стилистический (отобранные единицы закрепляются за определенным типом речи) и функционально-стилистический (отобранные единицы закрепляются за определенным жанром литературы и текстом).

В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов выделяет в словарном составе русского языка три рода «речений». «К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*», т. е. речь идет о словах, общих для русского и церковнославянского языков. «Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*», т. е. речь идет о словах церковнославянского языка.

В особый разряд входят слова русского языка: «К третьему роду относятся, которых нет в остатках славянского языка, т. е. в церковных книгах, например: *говорю, ручей, который, пока, лишь*».

Эти группы слов М. В. Ломоносов рекомендует к употреблению. Кроме того, он выделяет слова церковнославянские, устарелые, непонятные современникам: *обаваю* — 'ворожу', *рясны* — женские украшения, *свене* — 'кроме', *овогда* — 'иногда', которые не следует употреблять даже в высоком стиле.

Подобную рекомендацию находим также в одной из эпистол 1747 г. А. П. Сумарокова:

*Коль «аще», «точию» обычай истребилъ,
Кто нудить, чтоб ты ихъ опять в языкъ вводилъ?
А что из старины понынѣ нѣотменно,
То может быть тобою повсюду положенно.*

К пятому разряду Ломоносов относит лексику, которую «ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях». Вероятно, Ломоносов имел в виду экспрессивную разговорно-просторечную лексику типа *таскаться, хрыч* и т. п., действительно, широко встречающуюся в репликах крестьян и провинциальных дворян в комедиях XVIII в.

Сосдинением слов трех первых групп образуются различные «штили»: *высокий, посредственный и низкий*.

Высокий стиль составляется из слов первой и второй группы: «из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых».

Средний стиль составляется из слов первой и третьей группы: «из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славянские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость».

Низкий стиль составляется из слов третьей группы, т. е. из таких слов, «которых нет в славянском диалекте». Их можно смешивать со словами, характерными для среднего стиля, «а от славянских, обще не употребительных, вовсе удаляться по пристойности

материй». В низком стиле могут иметь место простонародные слова, но по усмотрению писателя.

За каждым из стилей закреплялись особые жанры литературы: в высоком слоге предлагалось писать героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях; средним слоге — театральные сочинения, «в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия»¹, стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги, элегии («В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благодородных»); в рамках низкого стиля должны были создаваться комедии, эпиграммы, песни, дружеские письма, «описания обыкновенных дел».

Таким образом, Ломоносов ставит вопросы, связанные с лексической характеристикой каждого из трех стилей литературного языка середины XVIII в. В «Российской грамматике» на фоне межстилевых нейтральных грамматических единиц даны грамматические средства, закрепленные за высоким или низким стилем литературного языка.

Можно привести много примеров параллельных, вариантных грамматических форм в «Российской грамматике». Так, в наставлении «О чтении и правописании российском» переход *е* в *о* в ударном слоге после мягкого согласного перед твердым рассматривается как явление просторечное, а следовательно, как особенность низкого стиля. Ломоносов рекомендует произносить *г* двояко: в словах книжных, церковных как *h* («сие произношение осталось от славенского языка»), в словах русских как *г*.

В главе «О имени» Ломоносовым отмечена возможность двоякого употребления флексий *-у* и *-а* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода: «Происшедшие от глаголов (имена) употребительнее имеют в родительном *-у* и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят, а славенские, в разговорах мало употребляемые, лучше удерживают *-а*».

Самый интересный материал в этом отношении дает § 173: «Сие различие древности слов и важности знаменуемых вещей весьма чувствительно и показывает себя нередко в одном имени, ибо мы говорим: *святаго духа; чelовѣческаго долга; ангельскаго гласа*, а не *святаго духу; чelовѣческаго долгу; ангельскаго гласу*. Напротив того, свойственнее говорится: *розоваго духу; прошлогоднаго долгу; птичьяго голосу*, нежели *розоваго духа; прошлогоднаго долга; птичьяго голоса*».

Подобное разграничение форм имен существительных проведено и в предложном падеже единственного числа мужского рода: «Как во многих других случаях, так и здесь наблюдать надлежит, что в штиле высоком, где российский язык к славенскому клонится, окончание на *ѣ* преимуществует: *очищенное въ горнѣ злато; жить въ домѣ Бога вышнаго; в потѣ лица трудѣ совершать; скрыть въ ровѣ зависти; ходить в свѣтѣ лица Господня*, но *тѣ* же слова в

¹ Ломоносов допускал также использование языковых средств высокого стиля в драматических произведениях, «где потребно изобразить геройство и высокие мысли».

простом слоге или в обыкновенных разговорах больше в предложном у любят: *мѣдь въ горну плавить; въ поту домой прибѣжал; на рву жить; въ свѣту стоять*».

Стилистическому размежеванию подвергаются в «Российской грамматике» Ломоносова и некоторые формы имен прилагательных. Особенностью высокого стиля объявляется употребление прилагательных в превосходной степени (*свѣтлѣйший, высочайший, обильнѣйший*), причастий от «славенских глаголов» («в простых разговорах должно их изображать чрез возносительные местоимения: *которой, которая, которое*»), деепричастий с суффиксом -а («деепричастия на -ючи пристойнее у точных российских глаголов, нежели у тех, которые от славенских происходят»).

В «Российской грамматике» даны некоторые стилистические комментарии синтаксического характера, например указания на пропуск глагола *быть* в настоящем времени как норму для «обыкновенного стиля» и «разговоров» (§ 518), в произведении высокого слога Ломоносов считает возможным употребление оборота «дательный самостоятельный» (§ 533), к особенностям низкого стиля относит повторение предлогов (*на горе на высокой, по морю по синему*) и употребление форм глагола давнопрошедшего времени (*бывали, жили*).

Итак, ядром стилистической системы, предложенной и описанной Ломоносовым, является лексика. Морфологические и синтаксические приметы высокого и низкого стилей менее четко противостоят друг другу, число форм и синтаксических конструкций, закрепленных за тем или иным стилем, значительно меньше числа форм и синтаксических конструкций общеупотребительных, свойственных всем стилям русского литературного языка середины XVIII в.

Анализируя тексты произведений середины XVIII в., мы с уверенностью можем сказать, что речь идет о стилистических размежеваниях, о трех стилях единого русского литературного языка середины XVIII в., но не о двух языковых системах, как это было в предшествующую эпоху.

Одной из основных заслуг Ломоносова в истории русского литературного языка и стилистики является то, что он показал в своих филологических трудах и художественных произведениях сужение пределов употребления славянизмов. Даже в риторический, украшенный, высокий стиль М. В. Ломоносов допускал лишь те славянизмы, которые были понятны читателю; архаические грамматические формы были сведены им до минимума даже в произведениях высокого стиля.

В текстах произведений XVIII в., созданных в рамках высокого стиля, архаические грамматические средства также употребляются на общем фоне языковой системы, близкой современной. Иногда эти архаические формы отсутствуют совсем, хотя текст сохраняет возвышенный, патетический тон. Например, в монологе Гамлета в переводной пьесе А. П. Сумарокова «Гамлет» (очень далекой от подлинника):

*А льстець Полоний былъ орудьемъ злаго рока.
Полоний, сей, ково отецъ мой толь любилъ.
О дщерь убийцина, почто тебѣ я милъ?
Почто мила ты мнѣ? Почто я в свѣтъ родился,
Когда я своего отца твоимъ лишился!*

в «Вечернем размышлении о божием величестве при случае великого северного сияния» Ломоносова:

*Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи от насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нет, безднѣ дна.*

Другой заслугой Ломоносова является признание им литературных прав русского языка, составляющего о с н о в у не только низкого, но и среднего слога, которым рекомендовалось писать все литературные произведения, имеющие перспективу (стихи, прозу, журнальные статьи и т. п.).

Анализ текстов середины XVIII в. свидетельствует о том, что 1) в филологических трудах Ломоносова отразились реальные закономерности развития русского литературного языка и его трех стилей и 2) вплоть до 80—90-х гг. XVIII в. развитие русского литературного языка шло именно таким путем, который был намечен Ломоносовым.

§ 3. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА И ЛИТЕРАТУРА КЛАССИЦИЗМА

Русская литература XVIII в. развивалась в тесном общении с западноевропейской: как и на Западе, первым литературным направлением в России был классицизм, русские писатели (особенно драматурги) усваивают эстетику европейского классицизма, ориентируясь на широкие традиции общеевропейской культуры: от Аристотеля до французских теоретиков классицизма.

«Все эти западноевропейские и классические чтения прививали русской литературе тысячелетний опыт других народов. При этом разнообразные воздействия, скрещиваясь, создавали нечто своеобразное, нечто оригинально русское, ибо они попадали в среду действия старых русских традиций, переданных современниками Тредиаковского или Ломоносова еще XVII в. и Петровской эпохой. Корней русской литературы так называемого «классицизма» прежде всего следует искать здесь»¹.

¹ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII в.— Л., 1927.— С. 11. См. также: Берков П. Н. Проблема литературного направления Ломоносова // Проблемы исторического развития литератур.— Л., 1981.

Русские писатели XVIII в., создававшие свои произведения в рамках теории трех стилей, много сделали для сложения современной стилистической системы, поскольку каждый из стилей требовал целенаправленного отбора языковых единиц, учета возможностей их соединения в пределах микроконтекстов и макроконтекстов. В недрах литературы классицизма происходила та сознательная обработка языкового материала, то теоретическое и практическое вмешательство писателей в становление языковых и стилистических норм, которые наблюдаются при формировании любого национального языка.

Высокий стиль

Наиболее разработанными были нормы высшего, «украшенного» стиля, ядро которого составляли славянизмы. Термин «славянизм» трактуется исследователями по-разному. Как справедливо пишет Б. А. Успенский: «... в разные эпохи и в разной перспективе славянизмы могут пониматься либо как слова церковнославянского происхождения, либо как слова, представленные в церковных книгах, либо как архаизмы..., либо как книжные элементы, не употребительные в разговорной речи и т. п.; это обуславливает в свою очередь возможность ассоциации славянизмов с архаическими русизмами...»¹.

С этимологической точки зрения рассматривали славянизмы А. А. Шахматов, С. К. Булич, Ф. П. Филин, Е. Т. Черкасова, А. И. Горшков, Г. Хютль-Форт и др.

В. В. Виноградов в зависимости от предмета исследования анализировал славянизмы то с этимологической точки зрения, то с точки зрения стилистики, относя к ним и лексемы, и «грамматические формы архаического типа», и «формы фразового соединения слов».

Г. О. Винокур был первым лингвистом, четко противопоставившим генетические и стилистические славянизмы (по происхождению и по употреблению). Он выделяет три группы славянизмов: по происхождению (*храбрый, пещера, надежда, крест* и т. п.); стилистические, имеющие русские соответствия (*глад, молодой, ночь* и т. п.); по употреблению, отличающиеся от русского варианта семантикой (*страна, власть, горячий* и т. п.).

В 60—70-е гг. появляется целая серия работ, где славянизмы рассматриваются «по употреблению»: Б. В. Томашевского, Е. Г. Ковалевской, В. Д. Левина, И. С. Ильинской, В. В. Замковой, Ю. С. Сорокина, Л. Л. Кутиной, И. Н. Ивановой и др.

В. В. Замкова пишет: «... славянизм как стилистическая категория сложился в высоком слоге классицизма в середине XVIII в. Благодаря творчеству выдающихся писателей-классицистов были отобраны и использованы как выразительные средства все наиболее

¹ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.— М., 1985.— С. 10.

жизнеспособные элементы старого книжного языка, которым было придано новое стилистическое содержание»¹.

Следовательно, к славянизмам относятся слова и формы слов 1) старославянского происхождения (*выя, десница, длань, вещать* и др.) и 2) общие для старославянского и древнерусского языков, но вышедшие из живого употребления (*чело, уста, око, перст* и др.), выполняющие стилистическую функцию: создание высокого стиля, имеющие стилистическое значение «высокое».

1. Лексические славянизмы реализуют в каждом из контекстов вещественное значение (*выя — шея, длань — ладонь* и т. п.) и стилистическое («высокое»), являясь стилистическими дублетами нейтральных компонентов соотносительных пар слов. Например, в тексте перевода Я. Б. Княжнина трагедии Корнеля «Сид»: [И н ф а н т а:] *Сыщи Родрига, пажъ, и приведи сюда.* [П а ж:] *Графъ Гормасъ вышел с нимъ...* [К и м е н а:] *О нъбо! Трепещу.* [И н ф а н т а:] *Окончи все скорей.* [П а ж:] *Отсель они шли купно.*

Синтаксические конструкции, лексический состав реплик, речевая ситуация (бытовой разговор, социальное положение персонажа — паж) — все требует употребления нейтрального слова, размер, ритм стиха позволяет это (*Отсель они шли вместе*), но закон жанра, нормы высокого стиля побеждают — переводчик употребляет славянизм *купно*. Ср. другие примеры: в драме Н. М. Карамзина «Софья»: [Д о б р о в:] *Закрывъ глаза мои, спѣши къ ней... Да будетъ твой голосъ подобенъ гласу увѣщающаго ангела.* В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: 1) «*Если, баринъ, ты не шутишь,— сказала мнѣ Анята,— то вотъ что я тебѣ скажу...*»; 2) *Постой, вѣ щ а л а мнѣ странница отъ своего мѣста.*

«Высокая» именная лексика представлена в произведениях XVIII в. различных жанров: в тексте трагедий, од, философских трактатов: *дщерь, жена, муж, чадо; аспид* ('змея'), *телец* ('теленоч'), *уста, ланиты, око, вежды* ('веки, глаза'), *зеница* ('зрачок, глаз'), *чело, выя, десница, длань, рамо* ('плечо'), *перси* ('грудь'), *вертеп* ('пещера'), *храмина* ('жилище, дом, хоромы'), *чертог* ('жилище, дворец, покои'), *лестница, стезя, стогна* ('улица, площадь'), *твердь, хлябь* ('бездна, глубина'); *вретиче, персть* ('пыль'), *риза* ('одежда'), *седалище* ('место, где сидят'), *ток* ('поток, струя'); *препона* ('преграда') и др.

В оде М. В. Ломоносова: *Мы славу дщери зримъ Петровой;* в оде А. П. Сумарокова: *Моя десница с нимъ, во всяки времена, Лукъ, стрѣлы, мечъ и щитъ, и сильны рамена;* в трагедии Г. Р. Державина «Евпраксия»: [Б а т ы й:] *Сии красы младья, Сей блескъ ланитъ и усть, что в сей царицѣ зрю, принадлежатъ великому царю;* в «Философических предложениях» 1768 г. Я. П. Козельского: *Не изъясняютъ ему ни прямой добродѣтели, ни стезей к допущению ея;* в «Юридическом рассуждении» 1772 г.

¹ Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в.— Л., 1975.— С. 201.

С. Е. Десницкого: *Явилась пред очами у всѣхъ видимая смерть, умертвляющая ходячихъ по стогнамъ.*

Глагольная высокая лексика в произведениях XVIII в. представлена так же широко: *внимать, зреть; вещать, рещи, гласить, ответствовать; внити, грясти, притечь, снидти, тещи, шествовать; алкать; лобызать, отверзать, простерть, сретать* и др. В оде В. Петрова: *Бѣжить, рассвиръпевъ от глада... Всѣхъ а л ч е т ъ скрять в широком зѣвѣ*; в трагедии Я. Б. Княжнина «Владимир и Ярополк»: *Во храмъ зря меня, меня еще лобзаетъ*; в трагедии Г. Р. Державина «Темный»: *Я знаю, что ты рекъ, Но дальше что, в ѣ щ а ѝ!*

Высокий слог создавался за счет употребления наречий, служебных слов, ушедших ко времени Ломоносова из живой речи или всегда свойственных книжному языку: *аки, вотще, днесъ, дондеже, колико, паки, паче, поелику, поколику* и т. п. Хотя никто и не споритъ в томъ, что человекъ имѣетъ способность разумения, по е л и к у внутреннее всякого свѣдѣние увѣряетъ в справедливости сего, однако великое нѣсогласие имѣютъ между собою философы... (Д. С. Аничков. Слово о свойствах познания человеческого); *Итакъ, разумная душа... страдательною себя представляетъ, по к о л и к у самъ богъ одинъ избираетъ и производитъ в ней желанія и отвращения...* (Д. С. Аничков. Слово о разных способах, союз души с телом изъясняющих).

2. Высокий слог имел свои фонетические особенности. В произведениях XVIII в. находим особое ударение, противостоящее ударению в тех же словах в контекстах низкого стиля: *признаков — признако́в, градских — гра́дских, россияне — росси́яне*. У Сумарокова: *Молчи, не представляй мнѣ браковъ, Несчастной мнѣ, к тому ни малыхъ нѣтъ признако́въ*; у Державина: *Росси́яне! За даръ вашъ столь усердный Позвольте мнѣ вамъ речъ признательну простерть.*

Для высокого слога было характерно отсутствие перехода *е* в *о* под ударением перед непалатальным согласным.

У Ломоносова:

*Уже нѣсносный хладъ
С полей не гонитъ стадъ,
Но травъ зеленый цвѣтъъ,
К себѣ пасть зоветъ.*

У Державина: *Не страшны казни мнѣ, угрозы все в о т щ е. Сражай меня, тиранъ, чего ты ждешь е щ е?*¹

¹ Употребление слов различных лексико-грамматических разрядов с сохранением *е* под ударением перед твердыми согласными, как и слова с особым ударением, можно не только считать приметой высокого слога, но и относить к поэтическим вольностям XVIII — начала XIX в., на что обратил внимание В. К. Третьяковский в трактате «Новый и краткий способ сложения российских стихов» 1735 г. (глава «О вольности в сложении стиха употребляемой»), перечислив четырнадцать вариантов таких возможных отступлений от норм современного писателю литературного языка, обусловленных версификационными причинами.

При исполнении драматических произведений высокого слога актеры должны были произносить звук *g* как фрикативный, в то время как, исполняя роль в комедии, следовало произносить *g* как взрывной звук: *господи, гром гнева твоего грядет* или *глас трубный с градских стен полки на брань зовет* и *гнат гнал гусей*. Об этом писал В. К. Третьяковский в «Разговоре об орфографии»: «В нашем великороссийском произношении давно, или еще истари уже она (буква *g* для обозначения взрывного *g*. — Е. К.) употребляется. Ибо никто у нас сего слова *гусь*... не произносит так, как оно написано через *g*, то есть как через *h* латинское..., но как через *g* латинское *ж*».

В текстах XVIII в. о произношении *g* фрикативного свидетельствуют рифмуемые слова: *друг — дух, круг — дух, вдруг — дух*. У Сумарокова: [А страда:] *Пошлите казни всё на мя, о боги, в д р у г ъ*. *И выньте изъ меня стѣсненный въ телѣ д у х ъ!* («Хорев»); у Державина: [Капиллана:] *Еще ли ты, Тизарѣ, мнѣ не коварный д р у г ъ? Еще ль очаровалъ ты мой не много д у х ъ?* («Аталибо»).

Весьма показателен внешний облик целого ряда лексем: слова с начальным *e*, формы слов с *жд* и *щ*, неполногласные дубликаты к русским полногласным словам и т. п. Например: [Дарий:] *Подобно какъ ловцы текучи за е л е н е м ъ*... (Сумароков. Аристон); [Пожарский:] *Москву освобожду, и вся награда в томъ* (Державин. Пожарский); [Гамлет:] *Сверкаютъ молнии и небо мещетъ громъ* (Сумароков. Гамлет).

3. Морфологические приметы высокого слога состояли в употреблении именных и глагольных форм, всегда свойственных книжному языку, или форм, вышедших из употребления в живой речи XVIII в.

Следует еще раз отметить, что число отдельных архаических форм слов в текстах XVIII в. минимально. Например, на страницах всех просмотренных трагедий второй половины XVIII в. нашлось только три формы звательного падежа имени существительного: *отче, творче* и *старче*.

По традиции в произведениях высокого слога иногда употреблялись старые формы имен существительных единственного и множественного числа. Например: у Ломоносова: *Приятностьми, что мной покрыты расцвѣли, кромѣ меня владѣть кто долженъ на земли?*; у Державина: *Котора иногда княжной была, котора и въ плѣну рабомъ своимъ мила; Не внемлютъ, видятъ — и не знаютъ; Покрыты мздою очеса*.

В репликах и монологах героев трагедий, в одах, текстах высоких публицистических произведений находим архаические глагольные формы. Ср. в «Опыте нового российского правописания» В. П. Светова: «Неопределенные наклонения кончить на *ти* можно в высоких речах, и чем ближе глагол ко славенскому свойству подходит, тем сие окончание слуху приятнее становится...»; в книге П. Соколова «Начальные основания Российской грамматики» 1806 г.: «Славенские глаголы, в Российском языке употребляемые, в высоком

слоге, а особенно в поучительных словах, второе лицо настоящего времени, так же и в неокончательных можно писать через *и*».

В произведениях высокого слога можно найти архаические формы местоимений. У Сумарокова: *Пошлите казни всѣ на мя, о боги, вдругъ; Сними съ груди моей тяжелый сей ты камень, и въ сердцѣ затуши терзающий мя пламень, Прощаяся с тобой, Потемкинъ, я в Москвѣ т я зреть желаю здрава.*

Приметой высокого слога служило широкое употребление причастий и деепричастий, «ибо причастия имеют в себе некоторую высоту, и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов» (Ломоносов. «Российская грамматика». — § 343. — С. 496).

Формы деепричастий с суффиксом *-а*, *-я* (употребление деепричастий с суффиксом *-учи*, *-ючи* — примета низкого стиля) чрезвычайно широко представлены в монологах героев трагедий. Например, в монологе Оснельды из трагедии Сумарокова «Хорев»:

*Въ отчаяннѣ своемъ тревожась, унывая,
Озеры на конѣ и рѣки преплывая,
Съ оставшимъ воинствомъ лѣсъ, горы переходя,
Разбитъ и побѣжденъ, изъ степи въ степь блудя.
Моя стенаща мать, сыновъ своихъ лишася,
Въ послѣдокъ и съ своимъ супругомъ разлучася...
Лицо горчайшими слезами омывала
И кровь свою своей рукою проливала.*

Насыщены тексты произведений высокого слога и формами причастий, при этом особенно показательно использование кратких (усеченных) действительных причастий в роли определения. У Княжнина: [Я р б ъ:] *С в и р ѣ п с т в у ю щ ѣ мой духъ потоковъ алчетъ крови* («Дидона»); [В и т о з а р ѣ:] *К и п я щ а кровь моя вся в огонь преобратилась* («Владисан»); [Вамир:] *Друзья! Усердые чадъ отцу стенащу сладко* и т. п.

4. К лексико-морфологическим особенностям высокого слога следует отнести употребление глаголов с префиксами *воз-* и *со-*, а также употребление имен существительных с книжными суффиксами *-ани-*, *-ени-*, *-ость-*, *-ств-*, (*-еств-*), *-тель-*: *возблистать, возгореться, возжечь, возопить, возрыдать, воскипеть, восплакать, воссиять, восстенать, вострепетать, восхотеть, восшипеть, возжелать, возрадоваться, восчувствовать* и т. п.; *соделать, сокрыть, сокрыться, соплетать, соравняться; безмерность, гнусность, медленность, превыспренность, пышность, святость, смутность, сокровенность* и др.; *блаженство, владычество, коварство, свирепство, тиранство* и др.; *блистание, воздаяние, забвение, ожесточение, отмщение* и т. п.¹

5. Высокий стиль литературного языка XVIII в. создается за счет особых синтаксических средств. В «Кратком руководстве к

¹ См. об этом: Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в.— Л., 1975.

красноречию» Ломоносов излагает свое синтаксическое учение, связанное с членением текста на периоды. «Семантико-синтаксическое строение групп подлежащего и сказуемого, их объем, формы их связи, по учению Ломоносова, определяют различие в строе и стилях периода»¹.

В зависимости от объема членов периода, а также от объема групп подлежащего и сказуемого в отдельных членах периода различаются три типа структурно-стилистических периодов: круглые и умеренные («их члены, также подлежащие и сказуемые величиною не много разнятся»), зыблущиеся (их части «... очень неравны») и отрывные («речь состоит из весьма коротких и по большей части одночленных периодов»). Примером зыблущегося периода может служить начало публичной лекции Ломоносова по физике: *Смотрѣть на роскошь преизобилующия природы, когда она въ приятные дни наступающаго лѣта поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ и бесчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ, когда текущие въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды съ тихими журчаниемъ къ морямъ достигаютъ и когда обремененную стѣнами землю то любезное солнечное сияние согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благотворенная влажность, слушать тонкий шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пение птицъ есть чудное и чувства, и духъ восхищающее увеселение.*

Зыблущиеся периоды широко употреблялись в художественной прозе XVIII в., в научных сочинениях и переводах, в текстах публичных выступлений ораторов, ученых, писателей. Например, в «Слове о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого» Д. С. Аничкова: *Но какъ всякой истины первымъ началомъ почитается знание самого себя, то мы легко можемъ свободиться помянутыхъ болѣзней душевныхъ, когда, прежде всего испытавъ свои силы, будемъ рассматривать, сколь далеко могутъ оныя простираться, чтобъ намъ, начавшимъ высокое зданіе истины и премудрости, в самомъ продолжении не лишиться нужныхъ и потребныхъ для такого зданія иждивений и чрезъ то не остаться въ посмѣянии; а особливо ежели надлежащимъ образомъ рассмотримъ разные причины, доводящие умъ нашъ, тѣснейшими пределами ограниченный, до разныхъ заблуждений.*

В «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов к приметам «украшенного», т. е. высокого, стиля относит осложнение простых предложений обращениями, однородными членами и обособленными второстепенными членами предложения.

Патетика монологов героев трагедий, текстов од и «хвалебных слов» требовала обращения не только к живым существам, но и к неодушевленным предметам («Сея великолепная, сильная и слово оживляющая фигуры»). Например: [Хоревъ:] *Оснелъ да! Не беса! Иль вы на мя падите!* (Сумароков. Хорев).

Наиболее употребительны обращения, выраженные именем су-

¹ Акимова Г. Н. Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII в. // Язык русских писателей XVIII в.— Л., 1981.

шествительным или местоимением с междометием о: [Т а м и р а:]
*О промыселъ! О судьба! Слезами умягчитесь! О небо!
О земля! О вѣтры! О моря! На жалость, на тоску, на вопль
мой преклонитесь!* (Ломоносов. Тамира и Селим).

К приметам высокого слога можно отнести осложнение простых предложений обособленными второстепенными членами, выраженными причастными и деепричастными оборотами или одиночными причастиями и деепричастиями¹. У Сумарокова: [Георгий:] *Не чья бессмертнаго и смертных нѣнавидя, Довольствуйся, тиранъ, мое мученье видя. Тревожа весь мой умъ и грудь мою разя, Гордися и губи людей, доколѣ лъзя!* («Дмитрий Самозванец»).

Созданию патетического слога способствовало также частое употребление однородных членов предложения, так как повторение считалось авторами риторик XVII—XVIII вв. одной из «знатнейших фигур речений». У Ломоносова: [М у м е т ь:] *Какъ буря шумная, поднявшись послѣ зною, Съ свирѣпой яростью в зажженный дуетъ лѣсъ, Дымъ, пепелъ, пламень, жаръ восхититъ за собою, И, въ вихрь крутой завивъ, возноситъ до небесъ* («Тамара и Селим»).

Одной из примет высокого стиля следует считать искусственный, инверсированный порядок слов. Так, Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» в главе «О изобретении витиеватых речей» писал: «Витиеватые речи ... суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезъестественным образом, и тем составляют нечто важное или приятное» (§ 129).

Действительно, в произведениях XVIII в. мы часто встречаем отрыв подлежащего от согласованного с ним сказуемого. У Ломоносова: [Н а р с и м ь:] *У б и в ц ы отъ меня для страху уда ли л и с ь. Я кверху смутные возвелъ свои глаза. Тогда надъ Росскими полками отвори л и с ь И ясный свѣтъ на нихъ спусти ли небеса* («Тамара и Селим»). Ср. в оде Сумарокова: *На сихъ поляхъ и мѣлѣ сраженье с Карломъ Петръ И шведовъ разметалъ, какъ прахъ бурливый вѣтръ.* В прозе Ломоносова: *Внезапно изъ помянутыхъ облаковъ всѣмъ стремлениемъ своимъ съверъ излившись четыре корабля, у которыхъ снасть не была въ готовности къ собранию парусовъ, опровергнулъ и по топилъ на виду у прочихъ.*

Могут быть оторваны от подлежащего или сказуемого логически связанные с ними второстепенные члены. У Ломоносова: [И л и о н а:] *Дѣвицъ⁵ Троянскихъ в пленъ⁴ окованныхъ² ведутъ. По дѣтяхъ¹ матери, терзая² грудь, ревутъ³* («Демофонт»), у Сумарокова: [К с е н и я:] *Тѣ милы⁴ улицы, и тѣ во градъ³ дороги, Твои касались ко торыхъ¹ часто² ноги⁵* («Дмитрий Самозванец»).

¹ См.: Акимова Г. Н. Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII в. // Язык русских писателей XVIII в.— Л., 1981.

Второстепенные члены предложения, логически связанные, также могли быть оторваны друг от друга. У Княжнина: [М а л:] Грядущий моего вслѣдъ счастья колесницы («Ольга»), Начальствующаго жреца власы вздымались («Дидона»).

Особенно показательны в этом отношении тексты произведений Державина. Например: [С о ф и я:] О зрѣлице! О страхѣ! Окровавленный трупъ Татары, на щитахъ Феодора взнеся, царицы ввергли къ двѣрям, Сказавъ, чтобъ погребла, иль снѣдью будетъ звѣрямъ («Евпраксия»).

Для приподнятой, декламационной манеры произведений высокого слога характерны восклицательные и вопросительные предложения риторического характера. Например, в переводе Ломоносова речи Цицерона: Чего ожидаешь ты еще, Катилина, когда уже ни ночь злыхъ твоихъ сборовъ покрыть и голоса заговору твоего, ни стены приватнаго дому удержатъ не могутъ, когда уже все ясно и наружу вышло!.. Что? Не хочешь ли в томъ запереться? Что молчишь?.. О вы, бессмертные боги! В какомъ мы теперь народѣ? В какомъ мы живемъ городѣ? Какую республику имеемъ?

Многие из предложений такого типа представляют собой слова-предложения междометного характера. У Сумарокова: [К и й:] Увы! [З а в л о х:] О боги! [Велькор:] Ахъ! [К и й:] О день! Минуты грозны! Я каюсь, но раскаяние поздно!; у Державина: [И р о д:] Ахъ! Гдѣ укроюсь? Нѣтъ покрова! [А р х е л а й:] О боже! Ахъ! Он мертвъ!

6. Ломоносов разрабатывает систему изобразительно-художественных средств высокого слога, считая, что письменная и устная речь (публичные выступления), лишенная украшений, не может быть поэтична.

Достоинством языка художественной литературы Ломоносов считает важность, великолепие, возвышение, стремление, силу и изобилие. Как писал Г. А. Гуковский: «Ломоносов строит целые колоссальные словесные здания, напоминающие собой огромные дворцы Растрелли; его периоды самым объемом своим, самым ритмом производят впечатление гигантского подъема мысли и пафоса. Симметрически расположенные в них группы слов и предложений как бы подчиняют человеческой мысли и человеческому плану необъятную стихию настоящего и будущего»¹.

В «Кратком руководстве к риторике» и в «Кратком руководстве к красноречию», определяя специфику высокого стиля, Ломоносов указывает на употребление слов в переносном значении (*каменный человек*), тропов (метафора, синекдоха, метонимия и т. п.), фигур, особых сочетаний звуков и отдельных звуков, способных передавать оттенки в чувствах героев поэтических произведений, то есть предвосхищает учение об эстетических функциях, эстетическом зна-

¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века.— М., 1939.— С. 110.

чении, эстетических возможностях языковых единиц — основу современной стилистики художественной речи.

Низкий стиль

Среди примет низкого стиля следует различать те языковые элементы, которые не имеют отношения к формированию системы русского литературного языка (например, употребление фонетических, морфологических и лексических особенностей народных говоров), и лексико-грамматические возможности низкого стиля, которые имеют важное значение для дальнейшего формирования русского литературного языка, для сложения нормированной, литературной устной речи.

В связи с этим можно сопоставлять и противопоставлять понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы», начиная со второй половины XVIII в., так как именно в этот период мы начинаем находить в текстах художественных произведений сознательное отступление от сложившихся языковых норм в целях социальной и профессиональной речевой характеристики героя.

I. I. В произведениях низкого стиля (комедии, басни, комические оперы, эпиграммы, ирон-комические поэмы) использовались элементы народных говоров в целях речевой характеристики, как и в современной художественной литературе, хотя авторы комедий и басен не стремились передать точно особенности того или иного говора. Здесь представлены различные ненормативные производные варианты слов. Например, в комедии Лукина «Щепетильник»: [Василий:] *Но я цаю, в нее подуцеть можно, и коли б она ни чѣнна была, так бы я сабѣ купилъ; Я слышалъ отъ нашего хозяина, что это хрanchуски е болванчики; Меня бы наши деули во всѣ по сидѣнки стали с собою браци.*

В произведениях низкого стиля большое количество ненормативных форм слова, что связано с желанием авторов сохранить в художественном произведении колорит народной речи: *тобя, с вотчимом, сюды, вчерась, зачинай, пужать* и т. п. У А. П. Сумарокова: [Хавронья:] *Да я тобя и на Бову королевича не промѣняю* («Рогоносец»); у Н. П. Николаева: *Она только что в слух ала сь в твои рога-то, да такъ опромѣтю в лѣсѣ и сунула сь* («Розана и Любим»); у И. А. Крылова: [Семен:] *Ох! За чинай, пожалуйста, я слушаю!*; [Даша:] *Самъ начинай... Видишь какой!* («Урок дочкам»).

Широко используется в произведениях низкого стиля лексика, которая сохраняется в русских говорах и в более позднее время: *базгалы* — 'шутки', *бостроки* — 'фуфайки', 'телогрей', *брызги* — 'дрязги', *верстаться* — 'сравнивать себя с кем', *колотырить* — 'перевиваться в нужде', *некошной* — 'негодный', 'неспособный', *охреян* — 'неотесанный', 'неуклюжий', *пахмурный* — 'пасмурный', *приобстрожитья* — 'насторожиться', *прощелыжничать* — 'мошенничать', *рахманной* — 'веселый', 'разгульный' и др.

Например, у А. О. Аблесимова в комической опере «Мельник, колдун, обманщик и сват»: [Мельник:] *Тють... Тють... что ты это чудесишь... этакой рахманной, вѣдь испужаешься*; у П. А. Плавильщикова в комедии «Бобыль»: [Влас:] *Есть-ста у насъ Матвей, бобыль, парень самой не кошной: у него ни двора, ни кола, ни огороды, пашни не пашетъ, земли не оретъ*; Покойна барыня при кончинѣ пожаловала ему рублей десятка с три, так пока они велись, такъ онъ при ставалъ на барскомъ дворѣ въ людской избѣ, да колотырилъ межъ крестьянъ.

Языковые единицы, функционирующие в народных говорах, начиная со второй половины XVIII в. и до наших дней, широко используются в текстах художественной литературы в целях речевой характеристики (произведения Н. А. Некрасова, Н. С. Лескова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, М. А. Шолохова, А. Т. Твардовского, В. П. Астафьева, Ф. А. Абрамова и др.).

2. С процессом формирования языка русской художественной литературы связано употребление в текстах басен, комедий и комических опер слов, имеющих в «Словаре Академии Российской» пометы «простонародное» и «просторечное», ибо эти слова, бытующие в живой разговорной речи, не относятся и сейчас к лексике литературного языка, но употребляются в текстах художественной литературы для создания речевой характеристики героев¹.

В текстах низкого стиля много просторечной лексики, которая до сих пор не изменила свою стилистическую квалификацию: *бес* (о человеке), *врать* (болтать), *давеча*, *девка*, *здорово!*, *издохнуть* (о человеке), *кобениться*, *нажраться*, *молоть* (болтать), *околеть* (о человеке), *подлипать*, *пялить*, *рохля*, *рассерчать*, *смекать*, *таковская*, *хрыч*, *хрычовка*.

Здесь представлена также простонародная лексика: *авось*, *баба* (жена), *баить*, *воструха*, *гаркнуть*, *голяк*, *парень*, *подтяпать*, *хорохориться* и др. [Розана:] *Я ужъ давно смекнула, что онъ мѣтитъ меня за своего племянника, подлинно парень, что худо-то, что дурно-то, что не уклюже-то* (Николаев. Розана и Любим); [Остромыслов:] *Вить ты бѣдной голякъ, имѣется за тобой пять душъ и двадцать четвертей земли* (Кропотов. Фомушка, бабушкин внучек).

3. К морфологическим отличиям низкого стиля следует отнести: употребление имен существительных мужского рода в родительном и предложном падежах единственного числа с флексией *-у*; деепричастий с суффиксами *-учи*, *-ючи*; междометных форм глаголов: *глядь*, *бряк*, *хватъ*, *шастъ*, *трах* и т. п.; «широкое развитие многократного вида (В. В. Виноградов): *станавливались*, *приезживалъ*»; форм сравнительной степени имен прилагательных с суффиксом *-яе*: *блекляе*, *светляе* и т. п. Например, у Фонвизина: *Лишь только надобно потверже то узнать, как лучше живучи, игрушкой той играть*; [Скотинин:] *Я самъ служивалъ в армии; Митрофанъ,*

¹ См. об этом: Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в.— Л., 1974.

ты теперь от смерти на волоску; [Бригадирша:] Не сбѣлалъ ли ты..., какого намъ убытку?; [Бригадир:] Не говаривал ли я тебѣ... и т. п.

Все эти формы слов свойственны до сих пор живой разговорной некодифицированной речи, но не являются достоянием литературного языка, хотя и могут со временем изменять свою стилистическую квалификацию (например, имена существительные с флексией *-у*).

4. В баснях, комедиях широко используются фразеологические единицы, что до сих пор свойственно живой разговорной речи. Почти все они сохранились в современном русском языке: *белены обѣлся, дым коромыслом, животики надорвать, клин клином выбивают, мороз по коже подирает, кровь с молоком, заедать молодость, вешаться на шею, как сквозь землю провалился, до положения риз, спустя рукава, как сыр в масле, типун тебе на язык, спятить с ума, не видать как своих ушей, развеся уши, есть так, что за ушами пищит, у черта на куличках, черт тебя побери (возьми, унеси, принеси), дело в шляпе.*

II. Наряду с приметам низкого стиля, выводящими тексты, созданными в его рамках, за пределы памятников литературного языка, можно назвать ряд грамматических и лексических особенностей низкого стиля, свойственных до сих пор разговорному типу русского литературного языка, или литературной форме устной речи. Это дает основание утверждать, что развитие низкого стиля сыграло такую же важную роль в формировании русского литературного национального языка, как и развитие высокого стиля.

1) Поскольку в основе дифференциации произведений низкого и высокого стиля лежал тематический признак, в произведениях высокого стиля редко употреблялась лексика, называющая бытовые предметы и явления. В произведениях низкого стиля именно эти группы лексики встречаются особенно часто (название одежды, ее частей, еды и питья, построек, помещений, их частей и т. п.): *глазунья, каравай, валенки, лапти, чеботы; голик, жбан, жгут, проулок, хибарка* и др.

2) В текстах произведений низкого стиля используется оценочная лексика, не имеющая в «Словаре Академии Российской» ограничительных помет. Часть слов этой группы и в современных словарях не имеет помет, но большинство даны с пометой «разговорное»: *бездельник, бестия, вертушка, враль, выскочка, дулочка, мошенник, плут, повеса, проказница, простушка, урод, хмельной, шальной, брякнуть, морочить, промотать, хныкать.*

Социальная дифференциация слов живой народной речи в «Словаре Академии Российской» (1789—1792) свидетельствует о том, что в XVIII в. не было четких границ между «речью низов» (простонародная лексика) и устной речью людей различного социального положения (просторечная лексика).

Однако можно сказать с уверенностью, что в недрах произведений низкого стиля формировался тот пласт народной и просто-

речной лексики, который будет освоен литературным языком: *барак, бедняжка, бедняк, былой, заносчивый, заговорщик, наотрез, недотрога, ненароком, неряха, пустяк, рева, трусиха* и др.

В середине XVIII в. начинаются записи местных (областных) слов во время экспедиций, организованных Академией наук, что нашло отражение в «Описании земли Камчатки» С. Крашенинникова (1755), «Путешествия по разным провинциям Российского государства» академика Павлова (1773—1778), «Дневных записках путешествия» И. Лепехина (1771—1805) и др.¹: *багор, буран, божница, доха, латка, нарты, ракета, сопка, сполохи, страда, тальник* и др.

3) К словообразовательным, или лексико-морфологическим, приметам низкого стиля следует отнести употребление слов с эмоционально-экспрессивными суффиксами *-к, -ечк, -очк, -еньк, -ок* и др.: *булочка, ягодка, деревенька, дружок, солнышко* и др. Например, в притче Сумарокова «Ворона и Лиса»:

*Здорово, — говорить Лисица, —
Дружокъ, Воронушка, названная сестрица!
Прекрасная ты птица!
Какие ноженьки, какой носокъ.*

4) Язык произведений низкого стиля сыграл важную роль в процессе формирования синтаксической системы русского литературного национального языка, в плане обогащения книжного языка синтаксическими конструкциями живой разговорной речи.

Здесь простые предложения преобладают над сложными, сложносочиненные предложения — над сложноподчиненными, объем простых предложений и частей сложного предложения невелик, связь слов в предложении адекватна логической связи. Ср. синтаксические конструкции в текстах эпиграмм Сумарокова:

- 1) *Коль мыслишь, я любовь свою к тебѣ скончала,
Такъ ищешьъ тутъ конца, гдѣ не было начала.*
- 2) *Танцовщикъ! Ты богатъ. Профессоръ! Ты убогъ.
Конечно, голова в почтеньи меньше ногъ.*

Тексты произведений низкого стиля насыщены неполными и односоставными предложениями. У Ломоносова: *Что мучишь такъ скотину?; Согрей обмерзло тѣло!; В дождь, чать, повредился; Тогда мнѣ жалко стало.* В Притчах Сумарокова: *Мнѣ дѣла нѣтъ ни до чего; Прибаску сложу и сказку скажу; Пчеламъ не вѣкъ молчать; Лишь не было ума на полполушки.* У Фонвизина: [Простакова:] *Неужели тебѣ дѣвчонка такъ понравилась?; [Скотинин:] Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка; [Простакова:] Такъ по сосѣдству ее деревеньки? [Скотинин:] И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится, и до чего моя смертная охота;*

¹ См. об этом: Князькова Г. П. О диалектной лексике в русском языке XVIII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). — М.; Л., 1966; Мальцева И. М. Локализмы в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. — Л., 1980.

[Простакова:] *До чего же, братец?* [Скотинин:] *Люблю свиней, сестрица.*

Средний стиль

Выделение среднего стиля в системе стилей русского литературного языка XVIII в.— одна из основных заслуг Ломоносова, так как «на почве среднего стиля окрепла традиция общенациональной русской речи, представлявшая собой новую высшую ступень в процессе скрещения книжного и обиходного начал»¹.

Средний стиль был свободен от крайностей высокого и низкого стилей, ибо в среднем стиле отбирались и концентрировались единицы, наиболее типичные для русского национального языка, поэтому он становится базой формирования русского литературного языка. «Сам Ломоносов,— пишет Ю. С. Сорокин,— указал на важное и особое место среднего стиля в системе различных стилей, на его центральное, посредующее нормализующее положение»².

Нормы среднего стиля были закреплены за теми жанрами литературы, которые имели будущее: лирические стихотворения, драма, роман, повесть, публицистические произведения.

Развитие журналистики во второй половине XVIII в. имело большое значение для совершенствования среднего стиля, так как журнальные статьи были рассчитаны на широкий (для того времени) круг читателей. Например, в статье Н. И. Новикова из журнала «Трутенъ»: *Любить деньги есть та же слабость; почему слабую челоуѣку простительно брать взятки и обогащаться грабежами? Пьянствовать также слабость или еще привычка, однако пьяному можно и жену и дѣтей прибить до полусмерти и подрагаться с вѣрным своим другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порокъ, по моему, все одно, а беззаконие дѣло иное.*

В текстах лирических стихотворений, эклогах, элегиях также не было крайностей высокого и низкого стилей. Например:

у Сумарокова:
*Не плачь так много, дорогая,
Что разлучаюсь я с тобой;
И безъ того изнемогая,
Едва владѣю я собой.
Ничемъ уже не угѣшаюсь,
Какъ вообразу разлуки часть,
И силъ, и памяти лишаюсь,
Твоихъ, мой свѣтъ, лишаюсь глаз.*

у Державина:
*Обливаюсь слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами —
Сердцем говорю: прости!
Руки, грудь, уста и очи
Я цѣлую у тебя,—
Не имѣю больше мочи
Раздѣлить с тобой себя.*

Реплики положительных героев комедии второй половины XVIII в. в своих книжных разновидностях в какой-то мере близки высокому

¹ Винокур Г. О. Русский язык // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.— С. 85.

² Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. // Процесс формирования лексики русского литературного языка.— М.; Л., 1968.— С. 12.

слогу, в бытовых текстах — низкому, но, как и все произведения среднего слога, также свободны от крайностей высокого и низкого стилей. В этом отношении показательны монологи и диалоги Правдина, Стародума, Милона, Софыи в комедии Фонвизина «Недоросль».

а) К стилиобразующей лексике среднего стиля относятся умеренно-книжные, или нейтрально-книжные слова, распространенные в научных и публицистических сочинениях второй половины XVIII в., имеющих «просветительский характер», в некоторых текстах высокого слога (трагедиях, одах, похвальных словах), но особенно в репликах резонеров бытовых и «слезных комедий».

Эта лексика была необходима авторам для передачи самых животрепещущих мыслей века о человеке, его правах и обязанностях гражданина, отношении к государству, правительству, себе подобным, о законности, просвещении, воспитании, морали и т. п.: *бесчестие, бесчеловечный, благодеяние, благоденствие, воспитание, долг, добродетель, достоинство, истина, закон, отечество, правосудие, просвещение, ревность* (к делам), *сограждане, тиран, человечный, человечество, человеколюбивый* и т. п.

Например, у Д. И. Фонвизина; [Стародум:] *Должность! А! Мой друг! Как это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всѣчасное употребление этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомилло, что, выговоря его, человекъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ. Если бы люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтения. Подумай, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ, с кѣмъ живемъ и отъ кого зависим;* у Я. Козельского в «Философических предложениях»: *Какие бѣ кто не оказалъ услуги своему отечеству, да потребуетъ за то хотя временнаго великаго награждения, то я не нахожу в немъ прямого сына отечества.*

Все эти слова не имеют стилистических помет в «Словаре Академии Российской», широко употребляются в различных письменных памятниках XVIII в., многие из них сохранились в литературном языке до сих пор в составе книжной лексики (*благодеяние, благоденствие, корыстолюбие* и т. п.) или свободно употребляются в различных видах устной и письменной речи (*человечный, воспитание, достоинство* и т. п.).

б) К стилиобразующей лексике среднего стиля относятся также слова, называющие чувства и состояние человека (*любовь, страсть, блаженство, отчаяние, смятение, счастье, холодность* и т. п.), метафорические словосочетания (*владеть сердцем, обязательства сердца, трогать сердце, душу, согласие сердец, пламя любви* и т. п.).

в) Славянизмы в функции поэтизмов (средства создания поэтического слога). См. в переводе драмы Бомарше «Евгения»: [Барон:] *Онъ ее обожаетъ. Вотъ еще ихъ обыкновенное слово — обожать. Всегда сверхъ правды. Честные люди своихъ женъ любятъ, тѣ, которые ихъ обманываютъ, обожаютъ, но женщины хотятъ, чтобъ ихъ обожали.* В комедии Дмитриевского «Раздумчивый» (вольный перевод комедии Детуша): [Зрелум:] *Послушай, говорю я, мои слова*

могутъ быть тебѣ въ науку. Когда я устроилъ его сердце. [С в о н р а в:] Устроилъ его сердце! Какие прекрасные слова! [М и л о н:] Столь истинные слова, изреченные прекрасными устами, заставили меня... поспѣшить к моему полку.

Синтаксическая структура текстов среднего стиля различна, иногда это сложноподчиненные предложения с союзной связью, с большим объемом частей сложного предложения, с постановкой глагола-сказуемого в конце предложения, как и в произведениях высокого стиля. Например, в монологе Чистосердова в комедии В. И. Лукина «Щепетильник»: *Несколько разъ видѣлъ ты комедии и меня обрадовалъ, что они тебѣ, въ противоположность мнѣния многихъ людей, которые зрѣлищи пуще порчею, нежели поправлениемъ нравовъ почитаютъ, показались в истинномъ их видѣ; ... Когда уже моему брату непременно захотѣлось записать тебя въ службу и здѣсь оставить, то я въ твою предосторожность, любезный племянникъ, покажу тебѣ всѣ сборища, в которые почти ежедневно жители столичныхъ городовъ съезжаются.*

Большая часть текстов среднего стиля представляет собой сложноподчиненные предложения, части которых, однако, имеют небольшой объем. Например: *Великой благодарности достойны переводчики, когда они употребляютъ время свое на такие книги, кои служатъ для распространения учения..., что господинъ фонъ Визинъ в рассуждении его сдѣлалъ, о томъ общество узнаетъ съ удовольствиемъ* («Собрание лучших сочинений», 1762).

Многие тексты, созданные в рамках среднего стиля, не отличаются в синтаксическом отношении от текстов низкого стиля, так как здесь используются синтаксические конструкции живой разговорной речи: простые предложения, неполные предложения, различные виды односоставных предложений.

В комедии Фонвизина «Недоросль»: [М и л о н:] *Черезъ несколько часовъ иду отсюда.* [П р а в д и н:] *Что такъ скоро? Отдохни.* [М и л о н:] *Не могу.* [С т а р о д у м:] *Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону.* [П р а в д и н:] *Куда же?* [С т а р о д у м:] *Ко двору.* [П р а в д и н:] *Какъ вамъ эта сторона показалась?* [С т а р о д у м:] *Любопытна и т. п.*

В переводе драмы Дидро «Чадолубивый отец»: [Д о б е р с о н:] *Ты ее возненавидишь, станешь ее упрекать и понудишь ее умереть с горести.* [С е н - А л б и н:] *Я?* [Д о б е р с о н:] *Ты.* [С е н - А л б и н:] *Никогда, никогда.*

Морфологические нормы среднего стиля не были определены точно, являясь как бы нулевой точкой отсчета при выделении высокого и низкого стилей. При описании грамматических особенностей среднего стиля можно лишь констатировать отсутствие в текстах, созданных в рамках этого стиля, архаических форм, свойственных высокому стилю.

Если принять во внимание обилие в текстах среднего стиля нейтральной в стилистическом отношении лексики, употребление почти всех видов и типов синтаксических конструкций, до сих пор бытующих в устной и письменной речи, совпадение морфологической

структуры текстов среднего стиля с морфологической структурой современных текстов (исключения отмечены выше), то можно прийти к выводу, что произведения среднего стиля представляют собой образцы русского литературного национального языка, формирование которого происходило в течение XVIII в.

§ 4. ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА СИСТЕМЫ ТРЕХ СТИЛЕЙ

Система трех стилей продолжала существовать с различными изменениями до конца XVIII в., так как замена одной системы другой — процесс сложный и длительный: накопление элементов новой системы начинается с момента расцвета старой, увеличивается в период кризиса старой системы и приводит ее к окончательному разрушению. Так было и с системой Ломоносова, которая воплощена в литературе второй половины XVIII в., особенно в тех произведениях, что создавались в рамках традиционных жанров классицизма: ода, трагедия, «похвальное слово», «слово о важной материи», комедия, басня и т. п.

В этом отношении показательны оды Державина 80—90-х гг. («Изображение Фелицы», «В честь князя Пожарского», «На взятие Измаила» и др.), его трагедия «Пожарский», произведения Радищева («Беседа о том, что есть сын отечества», «Вольность», «О человеке, его смертности и бессмертии» и др.), многие переводные произведения конца XVIII в. (например, «Похвальное слово Марку Аврелию», перевод Фонвизина); комедии Фонвизина («Бригадир», 1768 г., «Недоросль», 1782 г.), комические оперы («Анюта» Попова, 1772 г., «Мельник, колдун, обманщик и сват» Аблесимова и др.).

Так, в любом тексте из указанных од Державина конца XVIII в. можно найти особенности высокого стиля.

*Г л а г о л ь в р е м е н ь! М е т а л л а з в о н ь!
Т в о й с т р а ш н ы й г л а с ь м е н я с м у щ а е т ь,
З о в е т ь м е н я, з о в е т ь т в о й с т о н ь,
З о в е т ь — и к ь г р ь б у п р и б л и ж а е т ь.
Е д в а у в и д ь л ь я с е й с в ь т ь,
У ж е з у б а м и с м е р т ь с к р е ж е щ е т ь,
К а к м о л н и е й, к о с о ю б л е щ е т ь,
И д н и м о и, к а к з л а к ь с ь ч е т ь.*

(«На смерть князя Мещерского»)

Те же лексические и грамматические средства создания высокого стиля представлены в трактате А. Н. Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества»: *Не всѣ рожденные въ отечествѣ достойны величественнаго наименованія сына отечества (патриота). Под игомъ рабства находящиеся не достойны украшаться симъ именемъ. — Пощедрись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковыя изречения, доколе стоиши при прагѣ. — Вступи и в и ж д ь! Кому неизвестно, что имя сына отечества принадлежитъ*

человѣку, а не звѣрю или скоту или другому бессловесному животному? Известно, что человекъ существо свободное, по е ли к у одарено умомъ, разумомъ и свободною волею; что свобода его стоитъ в избрании лучшего, что сие лучшее познаетъ онъ и избираетъ посредствомъ разума, постигаетъ пособиемъ ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому.

Употребление языковых элементов низкого стиля можно проиллюстрировать репликами персонажей комических опер и комедий второй половины XVIII в. Например, в тексте комедии В. В. Капниста «Ябеда»: [К р и в о с у д о в:] *Вот на! Какой во ст я к ѣ! О! да какой проворный! Лишь только на порогъ — и къ дочкѣ ужъ у с п ѣ л ѣ! Да какъ сестра моя?.. Кто ей н а ш е ю с ѣ л ѣ? Знать, что в о л о ч у т с я, и не сказать ни слова!*

Однако даже во времена Ломоносова «сложная и противоречивая эволюция литературной речи не могла уместиться в русло трех стилей» (В. В. Виноградов).

Несмотря на строгую иерархию стилей в середине XVIII в., можно констатировать и проницаемость всех стилей. В произведениях высокого стиля встречаются отступления от грамматических правил, утвержденных Ломоносовым: употребление флексии -у в родительном падеже единственного числа имен существительных мужского рода, флексии -ой в именительном падеже единственного числа имен прилагательных, суффикса сравнительной степени прилагательного -яе, деепричастных форм с суффиксом -учи, -ючи, употребление разговорно-просторечной лексики и т. п. Например, у Ломоносова: *Сладка плодамъ во время з н о ю Прохлада влажные росы;* у Сумарокова: *Но трудно на лицо твое возрѣти оку, Т р у д н я е намъ еще постигнути тебя.*

В произведениях низкого стиля можно найти слова типа *злато, воспылал, спутник, очи*. Например, в притчах Сумарокова: *И говорили: «Мы готовимся к о б р а н и». Онъ имъ отвѣтствовалъ, поднявши къ сердцу д л а н и; И зачали Болваны всѣ молиться, Слезами предъ Болваномъ литься, И въ п е р с и бить.*

Особенно много отступлений от норм формоупотребления и словоупотребления, узаконенных Ломоносовым, было в поэтических произведениях, где рифма или размер стиха диктовали автору выбор языковой единицы.

Еще В. К. Тредиаковский в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» указывал на варианты формы, допустимые в поэтической речи: окончание глаголов второго лица единственного числа -шь, -ши, суффиксы существительных -ение и -енье, формы личных местоимений *мя* и *меня*. Этот список вариантов форм в поэтических произведениях XVIII в. можно продолжить: *серебро* и *сребро*, *золото* и *злато*, *сказати* и *сказать*, *мѣд* и *мед*, *сильной* и *сильныя* и т. п.

Особенно заметной стала проницаемость стилей во второй половине XVIII в., обусловленная изменением содержания произведений классицизма. Так, «Видение Мирзы» Г. Р. Державина создано по законам высокого стиля:

*«Оставь нектаромъ на полную
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ:
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? Богиня или жрица? —
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мнѣ: «Я — Фелица».*

Но здесь же находим иные тексты:

*И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленых огурцовъ.
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою.*

Ряд произведений Державина только по традиции назван одами (воспевание монархии), так как они и по содержанию, и по форме не похожи на одические тексты. Поэтому здесь не кажется неестественным употребление просторечных слов и форм слова.

*Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки рѣзвемся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в головѣ ищуся;
То в книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю,
Полкана и Бову читаю;
За библейей, зѣвая, сплю.*

Не только в одном произведении, но и в одном тексте славянизмы часто не отграничены у поэта от русских слов, даже просторечных:

<i>С бѣлыми Борей власами</i>	<i>Землю въ камень претворяла</i>
<i>И с сѣдою бородой,</i>	<i>Хладная его рука;</i>
<i>Потрясая небесами,</i>	<i>Убѣгали звѣри въ норы,</i>
<i>Облака сжималъ рукой;</i>	<i>Рыбы крылись въ глубинахъ,</i>
<i>Сыпалъ иней пушисты</i>	<i>Пѣть не смѣли птичекъ хоры,</i>
<i>И метели воздымалъ,</i>	<i>Пчелы прятались в дуплахъ;</i>
<i>Налагая цѣпи льдисты,</i>	<i>Засыпали нимфы съ скуки</i>
<i>Быстры воды оковалъ.</i>	<i>Средь пещеръ и камышей,</i>
<i>Вся природа содрогала</i>	<i>Согрѣвать сатиры руки</i>
<i>Отъ лихого старика,</i>	<i>Собирались вокругъ огней.</i>

«Новый путь Державина был уничтожением оды, как резко замкнутого, канонического жанра», — пишет Ю. Тынянов, отмечая также,

что Державин внес в лексику высокого стиля элементы среднего (и даже низкого) стиля, ориентируя ее на прозу сатирических журналов и в композиционном и в стилистическом отношении»¹.

Нарушение системы трех стилей было особенно характерно для прозаических произведений: повестей, романов, переводных и оригинальных (Ф. Эмина, М. М. Хераскова, М. Д. Чулкова), так как роман — произведение многоплановое, многотемное по содержанию и ограничить его рамками какого-либо одного стиля было невозможно. Например, в романе М. Д. Чулкова «Пригожая повариха» постоянно перемежаются тексты, созданные в рамках среднего стиля, и тексты, созданные в рамках низкого стиля, «приказной слог» соседствует с текстами, созданными в духе переводных «слезных комедий», а иногда в духе переводных повестей петровского времени.

1) Слова его показались мнѣ довольно вразумительны, ибо кто чемъ вознамѣрился прокормить свою голову, то непременно прилежать должен, чтобъ знать искусство то совершенно;

2) Вы прекрасны, и для того полонили мое сердце тогда, когда я въ первый разъ увидѣлъ васъ в церкви, мнѣ показалось тогда, что прекрасные глаза ваши говорили вместо вашего сердца.

Однако наиболее ярким примером естественного выхода романиста за пределы стилистической системы Ломоносова является «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

§ 5. ЯЗЫК И СТИЛЬ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» А. Н. РАДИЩЕВА

«Путешествие из Петербурга в Москву» — уникальная книга XVIII в., до сих пор не разгаданная до конца исследователями, в связи с чем встает целый ряд вопросов. Почему Радищев — один из плеяды европейских просветителей XVIII в., свободно использующий достижения французского энциклопедизма, германской философии, английской политической экономии, — для выражения своих революционных идей обратился к архаике? Почему, читая Вольтера, Мильтона, Гете, Стерна и Руссо, Радищев для себя не выбрал постоянную манеру письма, а предпочел резкую смену стиля в пределах каждой главы романа?

«Путешествие...», — читаем в «Истории русской литературы XVIII в.» Д. Д. Благого, — представляет собой прежде всего смешение всех существовавших до того жанровых и стилевых канонов. В рамках одного произведения Радищевым совмещается самый пестрый и разнообразный жанровый материал»².

Почему в конце XVIII в., когда сложились современные морфологические нормы и складывались современные синтаксические нормы русского литературного языка, о чем свидетельствуют журналы этого времени, произведения Фонвизина, Новикова, Карамзина, са-

¹ Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Архаисты и новаторы. — М.: Л., 1929. — С. 75.

² Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. — М., 1951. — С. 585.

мого Радищева («Дневник одной недели», авторские повествовательные тексты «Путешествия...»), писатель, все силы души и разума которого направлены на переустройство общества, обращается к читателю на славянском языке начала XVIII в.?

На это обратили внимание А. С. Пушкин, П. Е. Шеголев, В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский, отметивший, что писатель-революционер, «отчасти даже вопреки своей идеологической направленности, в своем слоге культивирует не только отмирающее, но и уже определенно умершее»¹.

Почему язык «Путешествия...» в его публицистических разделах более архаичен, чем язык Ломоносова, почему образцом для него являются политические проповеди («Слова») петровского времени и произведения Третьяковского?

Может быть, это своеобразный эзопов язык, который понимали единомышленники, образованные сочувственники писателя, а придворные Екатерины, члены Управы благочиния, Сената не должны были понять? Но, может быть, все иначе, автор своими текстами старался обратить на них внимание широкого круга читателей, кому предназначались 650 экземпляров книги, напечатанной в «Вольной типографии»? Ответа на эти вопросы нет, хотя в какой-то степени архаичность языка наиболее значительных по содержанию текстов «Путешествия...» объясняется тенденцией к архаизации, проявляющейся в переводах и оригинальных русских произведениях конца XVIII в.: в переводах Д. И. Фонвизина, И. П. Елагина, И. С. Захарова и др., отличавшихся «выдержанностью своего архаического необычайно славянизированного облика»².

1. Как справедливо пишет А. А. Алексеев, в основе ораторского пафоса Радищева — политическая проповедь начала XVIII в. (С. Яворского, Ф. Прокоповича), середины XVIII в. (Д. Сеченова, К. Флоринского), академическое красноречие (Д. С. Аничкова, С. Е. Десницкого, С. Зыбелина и др.), что обусловило использование автором языка, «традиционно окруженного ореолом проповеднического пафоса и высших сфер мышления» (Г. А. Гуковский) — церковнославянского языка.

В. В. Виноградов перечисляет целый ряд «архаически-славянских форм и конструкций» в тексте романа: архаические формы причастий: *носяй, вещаяй, соболезнаюй, приспевый, возомнивый*; архаические формы склонения имен существительных: *на крылѣх*; относительные союзные слова: *иже, его же* (который, которого); союзы и частицы: *убо, яко, дабы, токмо, небы* (если бы не), *аки, амо, бо, дондеже*; оборот дательный самостоятельный и др.

Ср. в тексте «Путешествия...»: *Возмущенные мыслию соки стремились мнѣ спящу къ головѣ, и тревожа нѣжный составъ мозга, возбудили въ немъ воображение; Вънецѣ мой возвышенъ былъ паче всего и возлежалъ на раменахъ сильнаго*

¹ Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. — Т. 2. — Киев. 1958. — С. 64.

² Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX века. — М., 1964. — С. 53.

исполина; в о с к р а и е же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змия, изъ с в ѣ т л ы я стали искованная о б л е ж а л а вокругъ с ѣ д а л и щ а при его подножию, и конецъ хвоста в з е в ѣ д е р ж а щ а, изображала вѣчность («Спасская Полесь»).

Конечно, не все патетические контексты одинаково архаичны, в некоторых из них господствует ломоносовская манера письма. Например: *Забудьте прежде наше къ вамъ злодѣство, и да возлюбимъ друга друга искренно. Се будетъ глаголь вашъ... Не медлите, возлюбленные мои! Время летитъ, дни наши проходятъ въ недѣйствии. Да не скончаемъ жизни нашей, возъмѣвъ столь благую мысль и не возмогши ее исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожелаетъ вѣнца нашего и съ презрѣниемъ о насъ да не скажетъ: они были его недостойны! («Хотиллов»).*

В романе используется не только архаическая лексика, употребляемая писателями конца XVIII в. для создания высокого стиля: *алкать, возгавие, десница, лепота, лествица, мраз, отверзать, телец, ужасоносный* и т. п., но и славянизмы, которые не встречаются у других писателей: *варяги, вознеждати, нечисленный, общник, отиши, привитати, соитие, угобжатися* и др.¹

Обозначение высоких понятий славянизмами было традиционным, как и употребление славянизмов при развитии «высокой темы». Радищев также использует высокую лексику для обозначения Бога, героев, истины, в обращении к Богу, описании храма, монастыря, величественной природы. Например: *О природа! Обвивъ челоуѣка въ пелены скорьби при рожденни его..., дала ты ему въ отраду соню. Уснулъ, и все скончалось! — Несносно пробуждение нещастному. О коль смерть для него приятна! А есть ли она конецъ скорби... Отче всеблагий! Неужели отвратишь взоры Свои от скончающаго бѣдственное житие свое мужественно? («София»).*

Однако, выделяя высокие понятия в начале или конце публицистического текста (иногда используя для этого обращение и «именительный темы»), Радищев значительно расширяет круг высоких понятий, как и многие просветители XVIII в.: *разум* (ум), *душа* (сердце), *вольность, закон, братство, равенство, свобода, милосердие, гражданин* и др. Например: *Но, запрещая вольное книгопечатание, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами имѣть порицателей... Потрясенный до внутренности вольнодумецъ простретъ дерзкую, но мощную и твердую руку къ истукану власти, сорветъ съ него личину и покровъ и обнажитъ составъ его. Всякъ узритъ бранныя его ноги; всякъ возвратитъ къ себѣ данную ему podporу; сила его возвратится къ источнику — и истуканъ падетъ («Торжок»).*

2. В повествовательных текстах преобладают языковые единицы среднего стиля. Как правило, в рамках среднего стиля созданы первые абзацы глав: *Отъужинавъ с моими друзьями, я легъ въ кибитку. Ямщикъ, по обыкновению своему, поскакалъ во всю ло-*

¹ Алексеев А. А. Старое и новое в языке Радищева // А. Н. Радищев и литература его времени. — Л., 1977. — С. 106–107.

шадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ былъ уже за городомъ («Выезд»); Повсюду молчание. Погруженный в размышление, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла («София») и т. п. Короткие предложения, характерные и для среднего, и для низкого стилей, обрамляют почти каждую главу. Ср. концовки глав «Выезд» (*И между тѣмъ выпрягалъ лошадей*), «Любани» (*И в такомъ положени почтовые клячи дотащили меня до лѣдующаго стана*), «Чудово» (*Сѣлъ въ кибитку и поскакалъ*), «Новгород» (*Я началъ опять думать; прежняя система пошла к черту; и я легъ спать съ пустою головою*) и т. п.

В бытовых сценах, для создания бытовых образов также используются языковые единицы, общие для среднего и низкого стиля: лаконичные фразы, нейтральная лексика, в основном — современные формы слов. Например: *Лошади меня мчатъ; Извожикъ мой затянулъ пѣсно, по обыкновению заунувную; В избѣ нашел я пробѣжающаго, которой, сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги* и т. п.

Однако в микротекстах, где ощущается влияние нового литературного направления — сентиментализма, обычно создаваемых по законам среднего стиля, Радищев редко употребляет языковые единицы, не маркированные стилистически, и здесь преобладает средний стиль. Например: *Расставаться трудно, но блаженъ тотъ, кто расстаться можетъ, не улыбаяся... Блаженъ возрыдавший, надѣяся на утѣшителя! Блаженъ живущий иногда въ будущемъ!... Существо его усугубляется; веселия множатся, и спокойствие упреждаетъ нахмуренность грусти, распложая образы радости въ зеркалахъ воображения* («Выезд»).

3. В речи персонажей и в авторских характерологических текстах щедро используются языковые средства низкого стиля, живой разговорной речи носителей языка различных социальных групп. Например, в главе «Новгород»: «— Ба, ба, ба, добро пожаловать! Откуда Богъ принесъ? Говорилъ мнѣ приятель мой Карпъ Дементьевичъ, прежде сего купецъ третьей гильдии, а нынѣ имянитый гражданинъ. — По пословицѣ: щастливый къ обѣду — милости просимъ садиться»; *Есть ли точныхъ не спишу портретовъ, то будь доволенъ ихъ силуетами... Карпъ Дементьевичъ — сѣдая борода въ 8 вершковъ отъ нижней губы, носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови как смола, кланяется обѣ руку, гладитъ бороду и встѣхъ величаетъ: благодѣтель мой! Аксенья Парфентьевна, любезная его супруга въ 60 лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губы всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго не пьетъ; передъ обедомъ по чарочкѣ при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки.*

Прекрасно переданы особенности живой народной речи в главе «Спасская Полесь» в рассказе присяжного о любителе устриц, что проявляется и на уровне синтаксиса (*Слушай меня; Вотъ устерсы, теперь лишь съ биржи. Скажи, не меньше 150-ти бочка; И ну ну ну, по всѣмъ по тремъ вплоть до Питера къ Корзинкину прямо на дворъ*), и на уровне морфологии (*Едалъ по десятку; Нѣтъ никому покою; рассказитка; шастъ курьеръ къ двери*), и на

уровне лексики и фразеологии (*таскаться, врать, дрянь, сивуха; полезть в чины, как ни вертись, поворотя оглобли*).

Речь дифференцирована в пределах одной социальной группы: крестьянин, пахущий землю (глава «Любань»), почти не отличается по манере речи от беседующего с ним дворянина, слабо социально окрашена речь крестьянки в главе «Пешки», но речь Анюты и ямщика (глава «Едрово») весьма характерологична.

1) «— *Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ, какъ и мы?... Да и то слава Богу при нынѣшнихъ неурожаяхъ*» («Пешки»);

2) «— *Видно, баринъ, ... что ты на Анюту призарился. Да ужъ и дѣвка! Не одному тебѣ она носъ утерла. Всѣмъ взяла. На нашемъ яму много смазливыхъ, но передъ ней всѣ плюнь. Какая мастерица плясать! Всѣхъ зиткнетъ за поясъ, хоть бы кого. А какъ пойдетъ въ полѣ жать — загляденъе. Ну, братъ. Ванька щастлив.*» («Едрово»).

Радищев использует в «Путешествии...» фольклорные тексты: причитания матери и невесты крестьянина, забранного в солдаты, в главе «Городня», различающиеся по звучанию: в первом тексте актуализировано эстетическое значение звука «о» (стон матери), во втором — звука «у» (воплъ невесты): «*Любезное мое дитяtko! На кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительский? Поля наши поростутъ травою; хижина мохомъ*»; «*Прости, мой другъ сердечный! ... твоей невѣстѣ нареченной не будетъ больше ни утѣхи, ни веселия. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои*».

4. В романе, несмотря на ориентацию Радищева на высокий или низкий стиль, в одном тексте постоянно сталкиваются элементы различных стилей, сочетаются книжное и разговорное, старое и новое, отечественное и западноевропейское. Имена Клода Верне, Рейналя, Блекстона, Вольтера, Аддисона, Гердера, Лафайета, Мильтона, Расина, Тассо, Бэкона находятся часто на одной странице с архаизмами типа *амо* — куда, *буде* — если, *воскрай* — на краю, *времяточие* — эпоха, *изжените* — изгоните, *облый* — круглый, толстый и т. п. Новые общественно-политические и социально-экономические термины второй половины XVIII в.: *гражданин, общество, казенные крестьяне, аренда, подушные, ревизия, присяжный, Гражданская Палата, табель о рангах* соседствуют с метафорическим наименованием крепостного права — *стоглавое чудовище, чудище*, являющимся опорным словом эпитафии (трансформированная цитата из «Тилемахиды» Тредиаковского), дающим ключ к содержанию романа. В эпитафии: *Чудище обло, озорно, огромно стозѣвно и лаяй*, в тексте «Путешествия...»: *Мы должны признаться, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоглаваго чудовища, высасывающего общественную пищу, уготованную на прокормление гражданъ, что мы ополчаемся, можетъ быть, сами дѣйствуемъ самовластия*.

В ораторский слог проникают просторечные слова: *кубарь, зевнуть, храпеть, девки, в пень, возовик, закалякаться*; высокая лексика соседствует с генитивными словосочетаниями, пришедшими

в русскую литературу из западноевропейской: *образ радости, зеркало воображения, черты природы, уста нежности* и т. п. Например: *...спокойствие упреждает нахмуренность грусти, располагая образы радости в зеркалах воображения.*

Словом, в прозе Радищева «намечается новый синтез живой русской речи с церковно-книжными, патетическими элементами при посредстве западноевропейской революционной идеологии и конструктивных форм западноевропейских языков. Это были смелые, но с лингвистической точки зрения не вполне удачные попытки», «осуществить эти тенденции... удалось только Пушкину в 20—30-е гг. XIX в.»¹.

Основные выводы

1. К середине XVIII в. становятся зримыми контуры русского литературного национального языка. В этот период можно говорить об унификации языковых элементов, особенно на уровне морфологии.

2. В середине XVIII в. оформляется морфологическая система современного русского литературного языка.

3. Морфологические нормы русского национального языка впервые были описаны в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова и тем самым кодифицированы как единственно правильные для всех видов письменной речи. Большинство форм, отмеченных М. В. Ломоносовым как нормативные, сохранились в современном русском литературном языке.

4. Вопросы нормализации лексики и синтаксиса связаны с системой трех стилей М. В. Ломоносова. Ядром этой стилистической системы является лексика. Грамматические приметы стилей менее четко противостоят друг другу.

5. Основной заслугой М. В. Ломоносова в истории русского литературного языка является сужение пределов использования славянизмов и признание литературных прав русского языка, составившего основу не только низкого, но и среднего стиля.

6. Развитие среднего стиля было особенно важным, так как в его рамках создавались произведения, где сочетались разнородные речевые средства, которые отбирались авторами сознательно и целенаправленно. Это само по себе противоречило основным принципам теории трех стилей, разрушало границы стилей и привело в конце концов к распаду системы трех стилей. Развитие среднего стиля способствовало окончательному формированию русского литературного национального языка.

7. Система трех стилей существовала до конца XVIII в., хотя даже во времена М. В. Ломоносова не все литературные произведения умещались в русло этой системы. Особенно много отступлений от норм системы М. В. Ломоносова было в поэтических произведениях, журнальных статьях, переводных и оригинальных романах второй половины XVIII в.

¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М., 1982. — С. 159.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.— М., 1982.— Глава третья.

Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.

Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей.— М., 1970.

Горшков А. И. Своеобразие композиции и языка «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Язык предпушкинской прозы.— М., 1982.

Замкова В. В. Славянизмы как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в.— Л., 1975.

Максимов Л. Ю. Славянизмы в языке «Путешествия из Петербурга в Москву» // Русский язык в школе.— 1969.— № 6.

Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в.— Процессы формирования лексики русского литературного языка.— М.; Л., 1968.

Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в.— Л., 1984.

Язык русских писателей XVIII в.— Л., 1981.

ГЛАВА V.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Конец XVIII— начало XIX в.— период общественных потрясений: восстание Пугачева, известие о Французской революции, реакционная политика Екатерины, арест Новикова, запрет «вольных типографий», появление «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, его арест и ссылка, правление Павла I — «период муштры и цензуры». Однако поступательное движение нового нельзя было остановить. А. Н. Радищев писал в 1801 г.: «Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро, Будешь проклято вовек, в век удивлением всех... О незабвенно столетие! Радостным смертным даруешь истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек!» («Осьмнадцатое столетие»).

В стране растет количество школ, развиваются наука, литература и искусство, увеличивается число писателей, растет количество читающей публики. В 1783 г. создана Российская Академия для занятий вопросами языка и литературы, в 1789 г. появляется первый том первого академического толкового словаря — «Словаря Академии Российской», начинается изучение быта, занятий, языка жителей отдаленных мест России.

Конец века связан с журнальной деятельностью Н. И. Новикова, И. А. Крылова, новыми журналами Н. М. Карамзина, появлением в печати и на сцене комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», развитием сентиментализма в России.

§ 1. ФОРМИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Во второй половине XVIII в. складываются современные синтаксические нормы, кодификация которых относится к более позднему времени (грамматики А. Х. Востокова, Н. И. Греча, труды А. А. Барсова, И. И. Давыдова, Е. Станевича, Ф. И. Буслаева и др.). Поэтому читатели этого времени ориентируются на употребление языковых единиц в текстах художественной литературы.

Так, в статье В. П. Светова «Некоторые общие примечания о языке российском» (1779) читаем: «На российском есть теперь довольно число книг, кои образцами служить могут и к правильному изучению языка хороши, хотя и недостаточное подают руководство».

Автор статьи сам основывается на тех нормах, которые были выработаны практикой художественной литературы, о чем и сообщает в грамматике «Краткие правила ко изучению языка российского» 1790 г.: «Принял я сперва намерение собрать из лучших наших времен писателей правила ко правому российскому письму»¹.

Следовательно, кодификация языковых норм в данном случае связана не с появлением грамматик, а с влиянием языка художественной литературы на процесс развития литературного языка, сознательным вмешательством в этот процесс писателей (Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина).

В. И. Кодухов, изучавший типы сложноподчиненных предложений в русском литературном языке второй половины XVIII в., пришел к выводу о том, что во второй половине XVIII в., когда возникает литература нового типа (журналистика, романы, комедии) и создается современное научное повествование, «новые синтаксические нормы получают широкое распространение; ведущие модели сложноподчиненных предложений (это же можно сказать и о моделях простого и сложносочиненного предложений.— Е.К.) кодифицируются, и определяется тенденция их дальнейшего развития и совершенствования»².

1. Устанавливается порядок слов в простом предложении, не отличающийся от современного, соответствующий синтаксическим тенденциям русской разговорной речи. Так, прямым порядком слов именуется словорасположение, которое «начинается обыкновенно подлежащим или его определительным словом, а оканчивается словами, дополняющими сказуемое»³.

Много интересных наблюдений над законами словорасположения (особенно в пределах именных словосочетаний) сделал И. И. Давыдов, опубликовавший в 1816 г. работу о порядке слов в русском

¹ Светов В. П. Краткие правила ко изучению языка российского.— М., 1790.— С. 1.

² Кодухов В. И. Сложноподчиненное предложение в русском литературном языке второй половины XVIII в.: Автореферат докт. дисс.— Л., 1967.— С. 37—38.

³ Востоков А. Х. Русская грамматика.— СПб., 1831.— С. 328.

языке¹. Например: «слова управляющие помещаются возле управляемых (*Великий Петр преобразовал обширную Россию*)», «вначале ставят имя в дательном или творительном падеже, после всех — в винительном падеже (*Он поехал к ним за разъяснениями на дом*)», приложения должны находиться после главных понятий (*Петр, честь своего века, прославил Россию, страну сильную и богатую*), постпозиция допускается лишь для несогласованных определений (*житель лесов, человек долга*) и для именной части сказуемого (*Филалет был человек благородный по душе своей*).

Н. И. Греч в «Чтениях о русском языке» перечисляет другие случаи постпозиции определения: 1) «когда указываются некоторые свойства кого-либо, а об остальных как бы умалчивается (*Он человек честный, умный*)»; 2) «когда при имени прилагательном находятся дополнения (*Петр был государь великий и на поле битвы и среди мира*)»; 3) «когда имя прилагательное... заменяет придаточное ограничительное предложение (*Человек непросвещенный знает только место своего жительства*)»; 4) «когда прилагательное с существительным находится в самом конце предложения и следует обратить больше внимания на прилагательное (*У меня шуба медвежья, я люблю детей прилежных*)»².

Обратный порядок слов в текстах художественной литературы и публицистики, по мнению писателей и филологов конца XVIII—начала XIX в., должен быть стилистически мотивирован, чтобы усиливать воздействие литературы на читателей и слушателей. Именно поэтому Н. И. Греч в «Чтениях о русском языке» выделял естественный и измененный порядок слов, который «сообразуется с различными движениями души говорящего»³.

Это противопоставление базировалось на одном из высказываний Н. М. Карамзина. «Мне кажется,— писал он,— что для перестановок в русском языке есть закон: каждая дает фразе особый смысл, и где надобно сказать: *солнце плодотворит землю*, там *землю плодотворит солнце* или *плодотворит солнце землю* будет ошибкой» («О русской грамматике француза Модрю»).

Инверсированный порядок слов в художественной литературе защищал Е. Станевич в «Рассуждении о русском языке»: «Он (прямой порядок слов во французском языке.— Е. К.) имеет тот недостаток, что противоречит чувствам, которые требуют постановления впереди вещи, коей всего прежде поражаются. По сей причине французский язык может быть удобнее в разговорах, но зато он не имеет той живости и того жару, какой потребен в описаниях сильных, где говорят страсти, ниспровергающие упомянутый порядок»⁴.

А. Х. Востоков также считал, что «естественный порядок слов

¹ Д а в ы д о в И. И. Опыт о порядке слов, основанный на употреблении и примерах, почерпнутых из сочинений «лучших писателей» // Труды общества любителей российской словесности.— М., 1816.

² Г р е ч Н. И. Чтения о русском языке.— СПб., 1840.— Ч. II.

³ Т а м ж е.— С. 351—352.

⁴ С т а н е в и ч Е. Рассуждения о русском языке.— Ч. II.— С. 75.

может изменяться, когда нужно придать какому-либо слову большую выразительность перемещением оногo»¹.

Если текст произведения по своему содержанию, стилю и назначению не требовал инверсии, то отступления от прямого порядка слов считались нарушением языковых законов. Так, И. И. Дмитриев в мемуарах «Взгляд на мою жизнь» фразе Елагина *Неизмеримой вечности в пучину отшедший князя Владимира дух* противопоставляет фразу, которую он составил, «держась естественного порядка в словорасположении»: *Дух князя Владимира, отшедший в пучину вечности неизмеримой*².

Следовательно, ориентация на прямой порядок слов, свойственный синтаксическому строю французского языка, не мешала русским писателям и лингвистам воспринимать законы русской разговорной речи, обусловленные ситуацией (рема может предшествовать теме и тема предшествовать реме)³. Например: *В окружности города превысокие горы, на которых построены великолепные монастыри, загородные дома с садами и виноградниками* (Д. И. Фонвизин, Письма из Франции), *Длинный деревянный мост перегибался через Рону, а на другой стороне реки рассеяны прекрасные летние домики, окруженные садами* (Н. М. Карамзин, Письма русского путешественника).

2. Во второй половине XVIII — начале XIX в. изменяется состав периода и сложного синтаксического целого, части которых становятся менее протяженными, связь между ними более мотивированной, что дает возможность читателю легко усваивать содержание текста. Ср. утверждение В. С. Подшивалова в «Сокращенном курсе российского слога»: «Промежутки от одной точки до другой в старину бывали очень велики, так что периода одним духом весьма часто выговаривать было не можно; но ныне употребляются по большей части пункты коротенькие, по причине трудного понимания длинных слов, 8, 10 и 15 в периоде, так и довольно»⁴.

Например, в статье Н. И. Новикова «Автор к самому себе» пародируется стиль прозы М. М. Хераскова: *Пастух на нежной свирели воспеваеt свою любовь; вокруг его летают зephyры и тихим дыханием приятное производяt ему прохладение. Невинность в видах поднебесных птиц совокупляет приятное свое пение с пастушескою свирелию, и вся природа по успокоении сему приятному внимаеt согласию. Сама добродетель в виде прелестной пастушки, одетая в белом платье и увенчанная цветами, тихонько к нему подкрадывается, вдруг перед ним показывается, пастух кидает свирель, бросается во объятия своей любовницы и говорит: «Цари всего света, вы завидуете нашему блаженству!»*

Сложная, построенная по латино-немецкому образцу, книжная

¹ Востоков А. Х. Русская грамматика. — С. 349.

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. — М., 1866. — С. 86.

³ См.: Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. — М., 1969.

⁴ Сокращенный курс российского слога. — 1796. — С. 20. (В. С. Подшивалов диктовал ученику, Скворцову, текст грамматики.)

по своему облику фраза, естественно, не могла удовлетворить представителей нового слога, которые стремились к фразе изящной и приятной, с ясными внутренними связями, к такой фразе, которую можно легко произнести и воспринять на слух. Ср. в повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм»: *Друзья! прошло красное лето, золотая осень побледнела, зелень увяла, деревья стоят без плодов и без листьев, туманное небо волнуется, как мрачное море, зимний пух сыплется на холодную землю — простимся с природою до радостного весеннего свидания, укроемся от вьюг и метелей — укроемся в тихом кабинете своем! Время не должно тяготить нас: мы знаем лекарство от скуки. Друзья! Дуб и береза пылают в камине нашем — пусть свирепствует ветер и засыпает окна белым снегом! Сядем вокруг алого огня и будем рассказывать друг другу сказки, и повести, и всякие были.*

3. Как и в современном русском языке, в текстах конца XVIII — начала XIX века сложносочиненные предложения различны по характеру отношения частей (соединительные, разделительные, противительные, сопоставительные, градационные и присоединительные). Например: *Отперли им ворота, и вошли они в горницу двое; Я его поблагодарила, а он сказал, что должен избавить меня от неволи* (М. Д. Чулков); *Они вошли в дом, и Каиб увидел почтенного старца, Роксана рассказала ему приключение, и старик не знал, как отблагодарить Каиба* (И. А. Крылов); *Сочинена она точно в наших нравах, характеры выдержаны очень хорошо, а завязка самая простая* (Н. И. Новиков).

*К приятной тишине влечется мысль моя;
Медлительней текут мгновенья бытия;
Умолкли голоса; земля покрыта тьмою;
И все ко сладкому склонилось покою.*

(М. Н. Муравьев)

Они выражают одновременность совершающихся действий: *Внизу расстилаются тучные... луга, а за ними... течет светлая река;* последовательность действий: *Лошади тронулись, колокольчик зазвенел, и друг ваш осиротел;* причинно-следственные отношения: *Ты ушла, и мне показалось, что красное солнышко закатилось;* сопоставительно-противительные отношения: *Уже беспредельное море засинелось перед нами; уже слышали мы шум его волнения — но вдруг переменился ветер и корабль наш... должен был остановиться против местечка Гревзенда и т. п.* (Н. М. Карамзин).

Средства связи также во многом не отличались от современных. Так, в «Российской грамматике» Академии наук 1802 г. находим союзы соединительные: *и, да, не только, но и;* разделительные: *или, либо, ли;* противопоставительные: *а, но, однако, да.* Н. И. Греч в «Начальных правилах русской грамматики» перечисляет союзы: *и, да, а, но, однако, же, между тем, также и* и приводит примеры: *Я хотел было ехать, да раздумал; Луна светит ночью, а солнышко сияет днем; Я писал долго, между тем нимало не устал; Ты любишь науки, я также нахожу в них удовольствие.*

«Следующие сочинительные союзы,— пишет он далее,— *ни, ни, или, или, либо, либо* именуются повторительными, потому что повторяются перед каждым из сочиняемых предложений, например: *Ни игры, ни пляски не веселят меня*».

Подобные конструкции с сочинительными союзами широко употреблялись в текстах второй половины XVIII в., хотя в художественной литературе увеличивается количество бессоюзных конструкций, части которых выражают различные смысловые отношения. Ср. употребление бессоюзных предложений в повести Н. М. Карамзина «Юлия»: *Он любил прежде играть в карты: для Юлии оставил их, любил часа по три в день проводить с английскими лошадьми своими: для Юлии забыл их, любил спать до двух часов за полдень: для Юлии переменял образ жизни...*, в «Письмах из Франции» Д. И. Фонвизина: *Господь возлюбил, видно, здешнюю землю: никогда небеса здесь мрачны не бывают; Один недостаток здесь чувствителен: земля не способна к произращению дерев...*, в повести А. И. Клушина «Несчастный М-в»: *С радостью пожертвовал бы он жизнью за спокойствие ее — ему не внемлют*.

4. В текстах XVIII — начала XIX в. представлены почти все современные виды и типы сложноподчиненных предложений: с союзным и относительным подчинением, двучленные и одночленные. Например: *Но мы того только называем хорошим стилистом, кто пишет правильно и приятно* (В. С. Подшивалов); *Желал бы я, чтобы Россия... меньше имела нужды в типографических товарах* (Н. И. Новиков); — *Если я беспрестанно буду читать, то когда же я буду писать?* (И. А. Крылов); *Я думаю, что если отец не хочет погубить своего сына, то не должен посылать его сюда ранее 25 лет, и то под присмотром человека, знающего все опасности Парижа* (Д. И. Фонвизин) и т. п.

Во второй половине XVIII в. выходят из употребления архаические союзы типа *зане, понеже, поелику* и т. п.

Ряд союзов стал употребляться в новом значении.

В результате сближения книжного языка с живой разговорной речью, отчасти под влиянием французского языка, в результате развития языка художественной литературы в конце XVIII — начале XIX в. складывается синтаксическая система современного русского литературного языка. Нельзя не согласиться со словами И. И. Ковтуновой: «Состав норм общелитературного русского языка был определен уже в «новом слоге». Собственно языковые нормы, сложившиеся в школе Карамзина, оказались устойчивыми и были приняты Пушкиным безоговорочно. Они уже не подлежали пересмотру. Задачей Пушкина была коренная стилистическая реорганизация прозы»¹.

Однако можно констатировать не только сходство синтаксических норм современных и норм конца XVIII — начала XIX в., но и различие их. Так, в определительном придаточном предло-

¹ Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. — М., 1969. — С. 185.

жении широко используется относительное местоимение *кой*. Например: *Приношу мою чувствительную благодарность за стихи, которыми ты меня удостоил* (П. Ю. Львов).

Придаточное определительное могло начинаться относительным словом *кой* или *который*, даже если оно управлялось последующим словом. Например: *Один князь, которого не упомяну имени, построил ее в благодарность за победу, одержанную над татарами* (М. Н. Муравьев).

В «Русской грамматике» А. Х. Востокова 1831 г. подобное присоединение придаточного определительного к главному предложению с помощью относительных слов *который* и *кой* рассматривается как нормативное: «Местоимения должны предшествовать существительному придаточного предложения, когда существительное сие употреблено без предлога (*Человек, коего дела известны; Книга, коей содержание любопытно*). Лишь с предлогом существительное может предшествовать относительному местоимению (*Страна, в пределах коей мы живем; Вещи, в цене которых все согласны*)»¹.

Только в «Чтениях о русском языке» 1840 г. Н. И. Греча находим современный способ присоединения придаточного определительного к главному предложению, т. е. нормативным признается постановка относительных местоимений *который, кто* и *что* «непосредственно за именем существительным, к которому (они) относятся»².

В текстах конца XVIII — начала XIX в. еще употребляются такие средства связи, как *столь, сколь, колико, поелику, яко, нежели*. Например: *Девушка столь была привлекательна, а печаль ее столь трогательна, что нельзя было не принять в ней участие* (П. Ю. Львов); *Настал день рожденья М-ва: Коликих попечений и коликих радостей стоил он Софье* (А. И. Клушин).

Придаточные причины присоединяется к главному союзами *от того что, для того что* или союзом *что* при наличии в главном предложении относительного слова *затем*. Например, *Красавицы наши снисходительны и жалостливы; ни которая из них, сидя в ложе, не бросит перчатки на гриву разъяренного льва, и не пошлет за нею своего рыцаря, для того что рыцарь — не пойдет за ней* (Н. М. Карамзин), *Не выезжая из города, пользуясь всеми удовольствиями деревни затем, что живу в предместии* (М. Н. Муравьев).

В. П. Светов в грамматике 1790 г. перечисляет союзы: *буде* (противопоставляя ему старый условный союз *аще*), *не токмо, но и, коли, понеже* (*Всякой человек не токмо желать, но и делать должен ближнему доброе; Понеже Крис богат, то много и может*).

В учебнике по русскому языку для гимназий 1797 г. находим союзы: *буде, понеже, поелику* (*Буде же ты человек, то помни: что ты такое; Скупой богач есть убог, поелику не он златом, но злато им владеет*).

Н. И. Греч в «Начальных правилах русской грамматики» в составе союзов указывает: *буде* (условный), *дабы* (целевой), *ибо*

¹ Востоков А. Х. Русская грамматика.— С. 340.

² Греч Н. И. Чтения о русском языке.— Ч. II.— С. 362.

(причинный), *нежели* (сравнительный), *поелику, понеже, яко, ниже* (ни), в составе относительных слов: *кой, отколь, доколе, токмо*; в «Русской грамматике» А. Х. Востокова употребительными названы союзы *не токмо, но и, ниже, поколику, потолику, буде, поелику, понеже*.

§ 2. ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — НАЧАЛА XIX в.

I. Основу словарного состава русского литературного языка второй половины XVIII в., как и современного русского языка, составляет *н е й т р а л ь н а я р у с с к а я л е к с и к а*, которая в течение этого периода пополняется новыми словами, поскольку словарный состав является наиболее проницаемой и наиболее подвижной сферой языка.

Большинство новых слов образуется по моделям, издавна существующим в русском языке, от русских, общеславянских, церковнославянских и заимствованных слов. Имена существительные, например, образуются от глаголов, прилагательных, других существительных с помощью суффиксов *-ние, -ость, -ств, -тельство*¹: *вычисление, донесение, исключение, обогащение, обвинение, огорчение, повторение, предвкушение, прочтение, расставание, упущение; авторство, банкротство, барство, доказательство, кураторство, масонство, поручительство, разбирательство, якобинство; возмужалость, загрубелость, затхлость, нравственность, ответственность, приверженность* и др.

Один из самых многочисленных классов новообразований XVIII в. — имена существительные с суффиксами *-ость*: *влюбленность, законность, меткость, неизбежность, ненасытность, общест-венность, промышленность, торжественность, удаленность* и др.; *-тельность*: *выразительность, мечтательность, общительность, старательность* и др. Обратимся к текстам XVIII в.: *А для того, что тебе откровенность так угодна, я не обинуясь тебе говорю, что твои слабости составят комедию* (Мольер. «Мизантроп», перевод 1788 г.); *Никогда не читывал я романов с такою мечтательностью..., как милой, единственной сей сочинительницы* («Иппокрена», 1799). Ср. у Н. М. Карамзина: *Влюбленность — извините, новое слово; оно выражает вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодетельное изобретение для света*.

В первой редакции «Писем русского путешественника», рассказывая русским читателям об особенностях Франкфурта, Н. М. Карамзин пишет: *На всякой улице множество лавок, наполненных товарами. Везде знаки трудолюбия, промышленности, изобилия*. К сло-

¹ См. об этом: Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. — М., 1972; Мальцева И. М., Молотов А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. — Л., 1975.

ву *промышленность* в этом тексте дано примечание: «Не может ли сне слово означать латинское *industria* или французское *industrie*?» Во второй редакции «Писем русского путешественника» 1797 г. примечаний к этой фразе нет, в третьей редакции 1803 г. дано новое примечание: «Это слово сделалось ныне обыкновенным: автор употребил его первый».

И. М. Мальцева, А. И. Молотков и З. М. Петрова приводят интересный материал: в некоторых текстах к русским новообразованиям даны иноязычные аналоги, свидетельствующие о том, что русское слово — неологизм. «*Основательность (Soliditas)* есть искусство уметь так связывать свои умствования, чтоб из одного предложения выходило другое» (Я. П. Козельский. *Философические предложения*); «*Великий успех сей пиесы надобно приписать интересным подробностям (détails)*» («Московский журнал», 1791)¹.

В XVIII в. появилось много неологизмов в составе имен прилагательных: *неприятельский, министерский, обывательский, пассажирский, предательский, университетский; балетный, журнальный, кукурузный, магазинный, нервный, секретный, условный, креповый, лаковый, опаловый, портовый, фруктовый; дивизионный, контрреволюционный, пенсионный, революционный, станционный; восхитительный, обольстительный, ослепительный, очаровательный, привлекательный, трогательный; неизгладимый, непоправимый, неотвратимый, непримиримый, несокрушаемый* и др.

Ср. в текстах XVIII в.: *Надежда! Где ты? Увы! Исчезли в о с х и т и т е л ь н ы е м е ч т ы т в о и!* (Н. Эмин); *Песнь ваша стройна и разумна; — Ах! Как пленительна она!* (С. Бобров); *Любовь в бедности есть сугубое мучение для чувствительных сердец* («Пустомеля», 1770).

Среди глаголов появились новые слова: *балагурить, горланить, дурачить, кокетничать, лакировать, маневрировать, нянчить, оккупировать, проказничать, развратничать, рыбачить, садовничать, тираничить, хозяйничать, штукатурировать* и др. Например: *У старика, который с л е с а р н и ч а е т, был серебряник боровский, 90 лет, помнит деда моего ...* (А. Н. Радищев); *Граф Воронцов злодействует везде ... г о р л а н и л в Совете* (М. Гарновский, 1790); *Они п о р т н я ж а т, с а п о ж н и ч а ю т, к о ж е в н и ч а ю т и валяют войлоки* (И. Лепехин). Однако многие из глаголов могли существовать в живой народной речи и раньше, а во второй половине XVIII в. проникнуть в литературный язык.

II. Во второй половине XVIII в., и особенно в его конце, по-прежнему остро стоит вопрос о с л а в я н и з м а х, так как последователи Ломоносова в своей литературной практике не только употребляли общеславянскую лексику и славянизмы, «вразумительные грамотным людям», но и «весьма обветшалые». Пересмотр книжной лексики и отбор славянизмов, способных выполнять определенные стилистические функции в текстах художественной литературы и публи-

¹ Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в.— Л., 1975.— С. 22.

цистики, сокращение числа славянизмов в текстах сочинений различных жанров,— вот те вопросы, которые волновали писателей, журналистов, филологов в конце века.

Высокий стиль перестает быть ведущим стилем русской литературы, но риторические (патетические, торжественные, высокие) тексты существуют в произведениях писателей различных направлений от Карамзина и Радищева, поэтов-декабристов и Пушкина до наших дней. Так же как на заре развития русской литературы, славянизмы выполняют в этих текстах свою основную стилистическую функцию — служат для создания высокого стиля; для обозначения высоких понятий; развития «высокой темы».

В стихотворении К. Н. Батюшкова «Переход через Рейн»:

*Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!*

Как уже отмечалось, в произведениях, созданных по законам среднего стиля («слезные комедии», лирика, интимные диалоги комедий и трагедий), славянизмы начинают выполнять новую функцию — создание поэтического образа, обозначение прекрасного, создание поэтического слога,— и эта функция становится основной в текстах XIX—XX вв., на что обращали внимание многие филологи (В. В. Виноградов, Г. А. Гуковский, Г. О. Винокур, В. Д. Левин, Е. Г. Ковалевская, В. В. Замкова).

Так, в статье Г. О. Винокура «Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина» читаем: «Старым словам, обладавшим в прошлом разного рода «высокой» экспрессией — то эмоциональной «громкости» и «пышности», то рассудочной отвлеченности, то гражданственности,— теперь... была сообщена экспрессия «сладостности», нежности, пластичности и музыкальности»¹.

Примерами поэтизмов, т. е. славянизмов, употребляемых поэтами и писателями конца XVIII — начала XIX в. для создания поэтического образа, могут служить слова *агнец*, *вежды*, *зрак*, *зреть*, *зеницы*, *жена*, *муж*, *перси*, *твердь*, *чертог*, *юдоль*; *алкать*, *лобзать*, *отверзать*, перешедшие в фонд поэтической речи XIX—XX вв. Ср., например, употребление славянизма *десница*.

У А. А. Дельвига:

*Когда, последуя холодному Борю,
Опустошаешь ты зеленые луга,
Ложась на весь мир, десницею твоею
Повсюду сеются пушистые снега.*

¹ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.— С. 337.

У Н. М. Языкова:

*Потупя очи, к небесам
Мою десницу поднимаю;
Стою, как вкопанный,— и вам
Благоговейно присягаю.*

У А. А. Блока:

*Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатые десницы свинцовой.*

Для создания поэтического слога поэты конца XVIII — начала XIX в. широко используют неполногласные формы слов наряду с русскими полногласными формами: *блато, вран, град, древо, класы, мраз, власы, врата, глава, глас, златой, младой, хладный и ворон, город, колос, голос* и т. п.

Так, в повести «Сиерра-Морена» Карамзин употребляет слово *волосы*: *Луч утреннего солнца позлащал белую урну и возвышал трогательные прелести нежной Эльвиры; ее русые в о л о с ы, рассыпаясь по плечам, падали на черный мрамор.*

Пушкин в трагедии «Каменный гость» в сходном тексте употребляет неполногласную форму слова: [Д о н Г у а н:] *Я только издали с благоговеньем смотрю на Вас, когда, склонившись тихо, Вы черные в л а с ы на мрамор бледный Рассыплете.*

Функцию поэтизмов в литературе этого времени выполняют лексико-морфологические славянизмы: слова с префиксами *воз-, со-*, имеющие параллельные русские формы: *воздыхать, воспылать, восчувствовать, воссиять, сокрыть, соделать, сопутник* и др.

Трудно согласиться с исследователями текстов XVIII в., считающими, что поэтическая лексика не была, как высокая лексика, прикреплена к каким-либо определенным темам или текстам. Здесь иные темы, иные тексты для реализации нового коннотативного значения слов (эстетического, поэтического), но они есть, и их легко выявить. Именно в произведениях сентиментальных поэтов и прозаиков установились поэтические темы: любовь, свидание, разлука, дружба, единение с природой, поэзия, творчество и т. п.

а) Основная текстовая функция поэтизмов в лирике XVIII—XIX в.— создание живописных портретов возлюбленной, возлюбленного, друга, напоминающих портреты Рокотова, Левицкого, Боровиковского, Кипренского, Брюллова.

*Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся влосов.*
(К. Н. Батюшков. Мой гений)

б) Другая текстовая функция поэтизмов — создание романтических пейзажей.

*Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,*

*Как зыблется твой блеск на сумраке лесов,
Как бледно брег ты озлатило!*

(В. А. Жуковский. Вечер)

Следует отметить также обусловленность употребления славянизмов версификационными целями в поэтических произведениях, что отмечено еще В. К. Третьяковым в трактате 1735 г. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» и характерно для произведений классицизма. Например, в драме Г. Р. Державина «Евпраксия»: [Федор:] *От слабости своей, какой нам ждать отрады. Пусть дома мы спасли, пускай спасем мы грады;* у П. А. Вяземского: *Как лучшая весна, как лучшей жизни младость, Ты улыбаешься утешенной земле. О пламенный восторг! В душе блеснула радость.*

Славянизмы, как и русская архаическая лексика, в произведениях писателей конца XVIII — начала XIX в. выполняют еще одну функцию, которая сохранилась за ними в исторических сочинениях и художественной литературе до наших дней: они использовались как средство стилизации для воссоздания языка прошедших эпох, библейского стиля, восточного и т. д.

Подобное словоупотребление находим в исторических произведениях Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, в стилизованных романах М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова, А. К. Толстого.

В литературе второй половины XVIII в. славянизмы служат для создания пародий на кого- или что-либо. Например, в журнале Н. И. Новикова «Утренний свет» в 1777 г. в шутовом рассказе о собрании издателей: *Проговорив сие, садится он паки с важностью и потирает зардевшее чело свое; Пылающее его желание приобщить что-либо к пользе и благосостоянию своих сограждан развезло его человекоподобием тронутое сердце, и начал он вещати тако... У В. Л. Пушкина: Не ставлю я нигде ни сего, ни о в а м о. Свободно я могу и мыслить и дышать. И даже а б и е и а щ е не писать.*

Следовательно, в конце XVIII — начале XIX в. славянизмы становятся приметой языка художественной литературы, выполняя те функции, которые закреплены за ними до сих пор.

Однако в художественной литературе, публицистике и научных сочинениях конца XVIII — начала XIX в. по традиции используются без особых стилистических функций многие «обветшалые славянизмы», архаические слова, на которых лежит печать схоластической учености и приказного слога, что особенно характерно для переводов.

Большое количество архаической лексики, в том числе и славянизмов, находим в речах профессоров Московского университета конца XVIII в., часто целиком выдержанных в рамках высокого слога. Например, в речи Н. И. Стрехова «О влиянии наук в общем и каждого человека благоденствие» 1788 г.: *С каким же чувством радости, усердия и благодарности ко Всевышнему должны служить все сыны отечества торжествовать благословенный день восшествия на Все-*

российский престол Всеавгустейшия нашея Монархини! Ибо к о л и к и х б л а г источником для России учинилось с и е важное и во веки незабвенное происшествие! К о л ь великая и неизреченныя милости в с е щ е д р а я д е с н и ц а Творца излила на нас, оправдав царствовать над нами Великую Екатерину.

Большое количество «обветшалых славянизмов» было включено в «Словарь Академии Российской», который с большим правом, чем Словарь 1847 г., может быть назван словарем церковнославянского и русского языка, так как составителей интересовало не только живое употребление слова, но наличие или отсутствие его в текстах церковной литературы, что обусловило пометы «церковное» или «славянское» для значительной части лексики, включенной в словарь.

В составлении «Словаря Академии Российской» участвовали церковники (из 38 составителей, отмеченных в предисловии ко II тому словаря, 10 принадлежали к духовному сословию: протоиерей Иоанн Красовский, иерей Иоанн Сидоровский, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский и др.).

В предисловии к I тому высказаны основные положения учения о сущности славенороссийского языка, разделяемого большинством составителей словаря: «Российская Академия... главнейшим себе поставила долгом сочинение словаря или изъяснение слов, речений, речей и разного образца вещаний, в языке славенороссийском употребительных... Славенороссийский язык большей частью состоит из славенского, или, яснее сказать, основу свою на нем имеет; хотя впрочем великое множество содержит слов собственно русских, по свойству коих некоторые из славенского языка почерпнутые иное окончание, иное образование, а другие и новый смысл получили».

Источниками для словаря послужили все известные церковные книги, летописи, древние и новые законодательства, художественная литература первой половины XVIII в.¹ Все это повлекло за собой включение в словарь большого количества слов, давно ушедших из живого употребления или всегда бытовавших в узкой церковной сфере. В состав словника вошли такие слова, как *абие* ('тотчас, скоро'), *аки* ('будто'), *амо*, *амо же* ('куда'), *аще* ('если'), *егда* ('когда'), *еже* ('чтобы'), *занеже*, *понеже* ('так что') и др.; *балий* ('лицедей, актер'), *багряница*, *вервь*, *вертеп* ('пещера'), *весь* ('село'), *выя*, *говядо*, *голка* ('шум'), *гробля* ('ров'), *дщерь*, *корзно* ('верхняя одежда'), *котора* ('ссора, распря') и т. п.

Из двух параллельных форм — полногласной и неполногласной — составители предпочитали вторую: *блато*, *брада*, *власа*, *врата*, *глас*, *древо*, *крава* (с указанием: «просто: *корова*»).

Прогрессивным было стремление писателей конца XVIII — начала XIX в. к установлению единой общелитературной нормы, к ограничению употребления устарелых слов, славянизмов, не моти-

¹ В иллюстративной части словаря также сказалось пристрастие составителей к книжным элементам лексики, так как в основном демонстрировалось употребление слов «в высоком и красном слог».

вированных стилистически; к отбору жизнеспособных лексических единиц книжного языка.

III. Существенная проблема развития словарного состава русского литературного языка второй половины XVIII — начала XIX в. — освоение *з а и м с т в о в а н н ы х с л о в*, поскольку весь XVIII в. — эпоха непрекращающихся и интенсивных языковых контактов.

«Различия между отдельными временными этапами в пределах века связаны с изменением внешней культурно-исторической обстановки (смены ведущих языковых влияний на русский язык)»¹. Многие уже ассимилированные заимствования относятся к Петровской эпохе, в том числе и заимствования из французского языка, но о тесной культурно-экономической связи России и Франции можно говорить лишь в 40—80-е гг.

В этот период большинство читающей публики владело иностранными языками, придворные офицеры, служащие государственного аппарата, журналисты, писатели говорили по-французски, законодательницей мод стала Франция, преобладают переводы с французского языка (в 90-е гг. их 55%, то есть больше половины всех переводов²). Все сказанное обусловило вхождение в русский язык французских слов.

Во второй половине XVIII в. словарный состав русского языка пополнился следующими галлицизмами: *авансцена, альбом, ансамбль, афиша, баллада, баллон, бильярд, бинокль, бланк, брошюра, букет, вальс, демагог, деталь, дирижер, дублер, жилет, идеал, интерес, кокетка, контраст, костюм, ликер, материализм, материалист, паркет, партнер, пейзаж, персонаж, суфлер, сюжет, тост, тротуар, туалет, факт, флакон, шаль, эгоист, эстетика, этюд*.

Продолжались заимствования и из других языков — немецкого: *абонировать, анализ, анализировать, бинт, клавиатура, комбинация, официант* и др., итальянского: *адажио, аккомпанемент, анданте, аккорд, браво, мандолина* и др., латинского: *аберрация, антагонист, декламация, декламировать* и др.

Большинство слов иноязычного происхождения было адаптировано русским языком, поскольку в основном заимствовалась лексика литературы и искусства, научная терминология, слова, называющие новые предметы дворянского быта.

Однако в придворных кругах екатерининского времени начинается чрезмерное увлечение всем французским: модами, манерами, вкусами, что вошло в историю под названием «галломания». Именно в этот период в русский язык было введено «множество слов французских, не по нужде, а по буйственному пристрастию ко всему, что называется французским», по словам историка Болтина³.

В это же время русская интеллигенция выступает в печати с призывом ценить отечественную культуру, беречь чистоту русского

¹ Биржакова Е. Э., Воинова Л. А., Куткина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. — Л., 1972. — С. 6.

² Там же. — С. 55.

³ Берков П. Н. Изучение русской литературы во Франции // Литературное наследство. — Т. 33. — С. 724.

языка. М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, Н. И. Новиков, И. А. Крылов и Н. М. Карамзин, каждый по-своему, со своих позиций, принимали участие в борьбе с галломанией. Так, М. В. Ломоносов предостерегал от чрезмерного употребления иноязычных слов. Он писал: «Старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского слова купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков»¹.

А. П. Сумароков активно боролся за чистоту русского языка против засорения его иноязычными словами, что нашло отражение в ряде его теоретических статей и литературной практике. «Восприятие чужих слов без надобности есть не обогащение, но порча языка», — писал он в статье «О истреблении чужих слов из русского языка».

В 1774 г. Н. И. Новиков издает еженедельное сочинение «Кошелек», направленное против тех соотечественников автора, которые «обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характера»².

В одной из статей он пишет: «Я недавно был в дружеской беседе, где, весьма весело препровождая время в разговорах и рассуждениях, случилось одному из приятелей моих вымолвить без всякия нужды французское слово в российском разговоре. Сие подало нам причину к рассуждению о сем злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче российского наречия. Мы находили, что российский язык никогда не дойдет до совершенства своего, если в письменах не прекратится употребление иностранных слов; но потом встретилось новое препятствие: оное состояло в том, что если в письменах и начнут с крайнею только осторожностью употреблять иностранные речения, а будут отыскивать коренные слова российские и сочинять вновь у нас не имевшихся, по примеру немцев, то и тогда сие утвердиться не может, если не будет такая же строгость наблюдаема и в обыкновенном российском разговоре»³.

В «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина читаем: «В нашем так называемом обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров, право, не хуже других».

В конце XVIII — начале XIX в. наблюдается и противоположное явление: пуризм, нетерпимость по отношению к любым заимствованиям, и особенно к словам, пришедшим из французского языка. Причины пуризма различны: в конце XVIII в. — боязнь веяний Великой французской революции; в первые десятилетия XIX в. —

¹ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полн. собр. соч. — Т. VII. — 1952. — С. 591.

² Новиков Н. И. Избр. соч. — М.; Л., 1954. — С. 75.

³ Там же. — С. 76.

понятные патриотические мотивы участников Отечественной войны 1812 г.; у консерваторов — боязнь всего нового: изменений общественных, культурных, бытовых, изменений в литературном языке и в языке художественной литературы, что наиболее ярко выразилось в статьях защитника старого слога А. С. Шишкова.

Вероятно, теми же причинами объясняется пуризм Академии российской, послушной воле Екатерины II, которая, по свидетельству М. И. Сухомлинова, требовала, чтоб «в сочиняемом Академиею словаре» избегали «всевозможным образом слов чужеземных, а наипаче речений, заменяя оные словами или древними или вновь составленными»¹.

Именно потому на собрании членов Академии российской было решено: «Сколько возможно избегать иностранных слов и стараться заменять их или старинными словами, хотя бы они были и обветшалые, ибо в сем случае частое употребление удобно может паки приучить к оным, или словами, находящимися в языках, от славенского корня происшедших; или же вновь по свойству славенороссийского языка составленными»².

В журнале «Северный вестник» опубликовано следующее сообщение о заседании Академии российской 19 марта 1804 г.: «Его превосходительство г. президент Академии, стараясь изыскать средства к обогащению русского слова, составляющего главный предмет упражнений Академии, предложил на первый случай следующие в русском языке употребительные иностранные слова: *аудиенция, акция, амфитеатр, антипатия, арест, арестант, арсенал, артиллерия, аспект, адрес, аманат, амнистия* с тем, чтобы гг. члены приняты на себя труд как сии, так и подобные им слова, каковые в каждое собрание от него, г-на президента, или от гг. членов сообщены будут, заменять старинными русскими, или в случае недостатка оных вновь по правилам языка составленными равносильными словами, и сообщать только в Академию, дабы она по утверждению общим согласием могла вносить их в Словарь свой». В следующих номерах журнала за 1804 и 1805 гг. сообщалось о результатах замен: *антипатия — противустрание и отвращение, арест — задержание, амнистия — предание забвению, всепрощение* и т. п., только термины *амфитеатр* и *артиллерия* пришлось оставить без перевода, «поелику равносильных им слов не отыскано».

Интересно сравнить состав словника первого издания Словаря Академии российской 1789—1794 гг. и второго издания 1806—1822 гг., особенно его последних томов, вышедших в тот период, когда наблюдается спад пуристических тенденций. По сравнению с первым изданием во второе вошли слова: *фагот, фаланга, фамилия, факт, фасад, фигляр, фланель, флегматик, формат, форпост, фрак* ('кафтан французского покроя'), *фрейлина, фронтон, франт, фурия* и др.

¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии.— Вып. 8.— СПб., 1888.— С. 129.

² Сухомлинов М. И. Ук. соч.— С. 127—128.

Более продуктивным был метод калькирования. Б. В. Унбегаун в статье «Le calque dans les langues slaves littéraires» приводит большое количество калек французских слов, которые появились в русском литературном языке в XVIII в.: *влияние (influence)*, *развитие (développement)*, *сосредоточить (concentrer)*, *обстоятельство (circonstance)*, *утонченный (raffiné)*, *трогательный (touchant)*, *расстояние (distance)*, *развлекать (distraindre)*, *предрассудок (préjugé)*¹.

Некоторые из этих калек встречаются уже в текстах середины XVIII в. (*трогать, влияние*), но широкое распространение получают в конце века. Например, глагол *трогать* в переносном значении (французское *toucher*) отмечен словарями второй половины XVIII в. («Российский Целлариус» 1771 г., словарь И. Нордстета 1780 г., Словарь Академии российской).

Споры относительно возможности употребления этого слова в переносном значении шли еще в конце 40-х — начале 50-х гг. В. В. Виноградов приводит следующие тексты. В 1748 г. Сумароков в трагедии «Гамлет» впервые использует семантическую кальку: *И на супружню смерть нетронута взирала*. Тредиаковский протестует: «Тронуть сердце вместо привести в жалость за французское *toucher* столь странно и смешно, что невозможно словом изобразить», но Сумароков не согласен с критикой: «Тронуть сердце вместо привести в жалость говорит весь свет». Прав оказался драматург: слово в его переносном значении стало широко употребительным и в русском языке.

Однако наиболее широко глагол *тронуть* и его производные *трогательный*, *трогательно*, *трогательность* представлены в литературе сентиментализма, на что указывает и текст пародийной пьесы А. А. Шаховского «Новый Стерн» 1805 г.: [Г р а ф:] *Добрая женщина, ты меня тр о г а е ш ь*, [К р е с т ь я н к а:] *Что ты, барин, перекрестися, я до тебя и не д о т р о н у л а с ь*.

Существительное *влияние* употреблялось в книжных текстах в значении 'вливание', в середине XVIII в. под воздействием французского глагола *influens (sur)* получило значение 'действие, оказываемое на кого, что-либо'.

Среди калек было много морфологических: *расположение (disposition)*, *сосредоточить (concentrer)*, *впечатление (impression)*, *подразделение (subdivision)* и др., но особенно много во второй половине XVIII в. появилось семантических калек, что приводило в негодование защитников старины. Так, А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге» упрекал «нынешних писателей» в том, что они употребляют иноязычные слова, создают русские, «французские имена, глаголы и целые речи переводят из слова в слово на русский язык», «самопроизвольно принимают их в том же смысле из французской литературы в Российскую словесность».

¹ Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires // Revue des études slaves.— Т. 12.— F. 1, et 2.— Paris, 1932.

Отчасти Шишков был прав: многие русские слова под влиянием семантики французских слов расширили свой смысловой объем и стали употребляться в переносном значении: *тонкий* (*fin*), *утонченный* (*raffiné*), *живой* (*vif*), *упоение* (*enivrement*), *плоский* (*plat*), *черта* (*trait*), *вкус* (*gout*) и т. п., но начало этого процесса — середина XVIII в. Ср. употребление слова *вкус*: *Они по очереди перед собранием прочитывали свои сочинения, и полагались на вкус и на рассуждение хозяйки* (М. Д. Чулков); *Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, ... хороший вкус, знание свойств русского языка* (журнал «Пустомеля»), *Ломоносов впечатлел россиянам примером своим в вкусу и разборчивость в выражении...* (А. Н. Радищев)¹.

В рассматриваемый период состав русского литературного языка значительно пополнился кальками французских выражений: *принять решение* (*prendre résolution*), *взять, брать, принять участие* (*prendre part*), *взять меры* (*prendre les mesures*), *от всего сердца* (*de tout mon coeur*); *игра не стоит свеч, жечь свечу с двух концов, сломать лед, быть не в своей тарелке, видеть все в черном свете* и т. п.

Под влиянием западноевропейской поэзии значительно расширился состав генитивных метафор, восходивших в России к церковному красноречию: *светило дня, язык вздров, зеркало души, печать спокойствия, потребность души, весна жизни, гений покоя* и т. п.

Например, у Н. М. Карамзина:

<i>Я жребий свой благословляя,</i>	<i>Когда светило дня на небе</i>
<i>Любуюсь прелестью награды —</i>	<i>угасает,</i>
<i>И тихий свет моей лампы</i>	<i>В задумчивости ты взираешь</i>
<i>С звездою утра угасал.</i>	<i>на него.</i>

IV. Во второй половине XVIII в. продолжается отбор просторечной и простонародной лексики для словарного состава литературного языка. Ср. включение в словарь второго издания «Словаря Академии Российской» (1806—1822) слов: *загул, закут, заморыш, летун, непосед, неслух, писака; дубасить, малевать, остолбенеть, улизнуть, фискалить* и т. п., широкое распространение в письменных текстах конца века слов *авось, быт, взбалмошный, втихомолку, жадный, жара, затея, крыша, молчком, пустяк, раздолье, спозаранку, тотчас, чушь* и т. п., вошедших в литературный язык как нейтральные или разговорные единицы. Многие лексемы, частотные для текстов середины XVIII в., становятся менее употребительными: *втюрить, гольтепа, сочить, тяпать* и др.

§ 3. РОЛЬ Н. М. КАРАМЗИНА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Более полувека в России господствовал классицизм, в недрах которого родилось новое литературное направление. Расцвет сентиментальной литературы был интенсивным, но непродолжительным (90-е гг. XVIII в. — самое начало XIX в.), хотя сентиментализм сыграл очень важную роль в истории отечественной словес-

¹ Словарь русского языка XVIII в. — Вып. 3. — Л., 1987. — С. 189.

ности (здесь начало русской психологической прозы), в истории поэтического языка (более зримым стало различие обычной и поэтической речи с ее направленностью на само слово, обертонами смысла и т. п.), в истории русского литературного языка (сближение книжного языка с разговорной речью). Главой сентиментального направления в России был Н. М. Карамзин.

Если пользоваться терминологией Ю. Н. Тынянова, противопоставлявшего и сопоставлявшего два рода деятелей: а р х а и с т о в и н о в а т о р о в, то Н. М. Карамзин, конечно, относится к последним. Именно поэтому, начиная с XVIII в. и до сих пор, его деятельность вызывает полярные оценки, на что указал еще В. Г. Белинский в одной из своих ранних работ: «Карамзин — вот актер нашей литературы, который еще при первом своем дебюте, при первом своем появлении на сцену, был встречен и громкими рукоплесканиями, и громким свистом! Вот имя, за которое было дано столько кровавых битв, произошло столько отчаянных схваток, переломлено столько копий! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этот звук оружия, давно ли враждующие партии вложили мечи в ножны и теперь силятся объяснить себе, из чего они воевали? Кто из читающих строки сии не был свидетелем этих литературных побоищ, не слышал этого оглушающего рева похвал преувеличенных и бессмысленных, этих порицаний, частью справедливых, частью нелепых? И теперь, на могиле незабвенного мужа, разве уже решена победа, разве восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нет!» («Литературные мечтания»).

Трудно переоценить то, что сделал Н. М. Карамзин для развития русской культуры. Раскроем «Историю русской литературы XVIII в.» Д. Д. Благого, обратим внимание на те фразы, где употребляется наречие *впервые* и однокорневые слова: «Детское чтение для сердца и разума», где работал писатель, — «*первый* русский детский журнал», переводы его в этом журнале — «*первый* опыт Карамзина в столь излюбленном им впоследствии жанре повести и *первый* шаг к созданию оригинальной повести из русской жизни», перевод трагедии «Юлий Цезарь» — *первая* пьеса Шекспира, появившаяся на русском языке, «мало того, он не только «*первый* у нас», по словам Пушкина, «показал опыт торговых оборотов в литературе», но и *первый*, в течение всей своей литературной деятельности, энергично отстаивал право на занятие литературой как «главным делом жизненным», «*впервые* у нас Карамзин стал систематически помещать в своем журнале критические статьи... (в «Московском журнале». — Е. К.), альманахи «Аглая», «Аониды» — «тип издания, также введенный у нас *впервые*», «Вестник Европы» — «*родоначальник* наших последующих так называемых «толстых журналов», «повести Карамзина являются *первыми* в нашей литературе... образцами психологического повествования», «*первый* русский писатель, творчество которого получило широкую европейскую известность» и т. д.¹

¹ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. — М., 1951. — С. 626—667.

Ср. высказывание Ю. М. Лотмана: «Самое поразительное, что эксперимент удался. Карамзин создал не только произведение, но и читателя. У всякого, кто изучает читательскую аудиторию 1780-х и 1800-х гг., создается впечатление, что за эти 20 лет произошло чудо — возник читатель как культурно значимая категория... Русская литература знала писателей более великих, чем Карамзин, знала более мощные таланты и более гжучие страницы. Но по воздействию на читателя своей эпохи Карамзин стоит в первом ряду, по влиянию на культуру времени, в котором он действовал, он выдержит сравнение с любыми, самыми блестящими именами»¹. Ср. высказывание А. В. Гулыги:

«История государства Российского» — это точка отсчета новой русской литературы, начало ее классического периода. Все русские классики выросли на труде Карамзина. Это документальная проза — великолепная по языку, выразительная по психологическим характеристикам, глубокая по затронутым философским проблемам... «История государства Российского» — точка отсчета не только литературы, но и нашего языка, начало современного русского языка. Пушкин был согласен с Вяземским, увидевшим в Карамзине «образователя прозаического языка» и пояснял, в чем состояло дело: «Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова»².

Думается, что именно в этом содержится ответ на вопрос, почему Н. М. Карамзин явился реформатором литературного языка и стал одним из предшественников А. С. Пушкина — родоначальника современного русского языка.

Объектом исследования писателей нового времени, которых позже стали называть сентиментальными, стал обычный человек с его радостями и печалью, жизнью сердца и четким представлением об этических и эстетических нормах, человек, связанный с природой, обществом, другими людьми «узами дружбы», «узами любви». Высокий или низкий стиль, преобладающие в произведениях классицизма, простой слог, родившийся путем скрещения низкого и среднего стилей, не могли служить карамзинистам, хотя любые новаторы тесно связаны с традициями прошлого (Ю. Н. Тынянов).

Преобразования Карамзина коснулись двух сторон литературного языка: его синтаксической структуры и словарного состава. И то, и другое было связано с прогрессивным стремлением писателя сблизить литературный язык и живую разговорную речь образованных людей своего времени, дать образцы литературной разговорной речи в различных жанрах художествен-

¹ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. — М., 1987. — С. 231—232.

² Гулыга А. В. Карамзин в системе русской культуры // Литература и искусство в системе культуры. — М., 1988. — С. 377.

венной литературы, освободить литературный язык от устарелых языковых единиц.

В статье «Отчего в России мало авторских талантов» Н. М. Карамзин пишет: «Русский кандидат авторства, недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык». Карамзинист П. И. Макаров, полемизируя с А. С. Шишковым, подчеркивает необходимость создать единый литературный язык (язык устного) и письменного общения людей, «чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут».

Однако нормированной разговорной речи в конце XVIII в. еще не существовало, поэтому перед писателями стояла двойная задача: слушать живую речь, отбирать из нее элементы, наиболее характерные для русского языка, показывать читателям, «как надобно выражать приятно некоторые даже обыкновенные мысли». В этом отношении русский литературный язык отличался от французского: «Французский язык весь в книгах, а русский только отчасти, французы пишут, как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом».

Карамзинисты близко подходят к современному определению понятия «литературный язык» — «обработанная форма общенародного языка», «кодифицированная форма общенародного языка», ратуя за отбор языковых единиц для данной речевой ситуации, данного текста, обусловленный вкусом писателя.

Требование вкуса становится основным в литературной и публицистической практике Карамзина и его последователей, превосхитившись пушкинским принцип употребления языковых элементов — соразмерность и сообразность, — хотя часто карамзинское понимание норм литературного языка грешило субъективностью (трудно было дать объективный ответ на вопрос: соответствует или не соответствует вкусу употребление той или иной синтаксической конструкции, того или иного слова).

Руководствуясь хорошим вкусом, учитывая требования современности, выступая за сближение книжного языка с живой речью, сторонники нового слога выступили против устаревших языковых элементов, так как основой литературного языка, по их мнению, должна была стать разговорная речь и, напротив, нормы разговорной речи должны были формироваться под влиянием литературного языка.

I. Карамзинисты считали, что стилистическая система Ломоносова с ее иерархией стилей старанием книжников второй половины XVIII в. превратилась в архаическую систему, мешавшую дальнейшему сближению книжного языка и разговорной речи. На преодоление косности этой системы и была направлена деятельность Карамзина. Следует отметить, что противники старого слога вели борьбу не с наследием Ломоносова, в чем их упрекали шишковисты, но с современными архаистами и книжниками, употреблявшими в литературе обветшалые слова, чувствуя себя при этом наследниками Ломоносова.

Например, И. И. Дмитриев в мемуарах «Взгляд на мою жизнь»

утверждал: «Потом Ломоносов, одаренный превосходным гением, очистил книжный язык от многих слов, обветшалых и неприятных для слуха; подчинил его законам исправленной им грамматики; предложил в риторике своей правило для соблюдения плавного словотечения; и хотя советовал пользоваться чтением церковных книг, но сам начал писать чистым русским языком, понятным каждому состоянию, и заслужил славу первого преобразователя нашего отечественного слова»¹.

В статьях о происхождении русского литературного языка Н. М. Карамзин нигде не отрицал важной роли церковнославянского языка в формировании русского литературного языка старшего периода, необходимости употребления в литературе книжной лексики, возможности использования славянизмов в определенных стилистических целях. Он протестовал лишь против немотивированного употребления «обветшалых славянизмов», непонятных широкому кругу читателей. Термин «славянизм», как и в современном языкознании, понимался при этом широко, объединяя слова, различные в этимологическом отношении (общеславянская, древнерусская, старославянская лексика).

Литературная практика Карамзина соответствовала теоретическим требованиям карамзинистов. Употребление славянизмов свойственно всем произведениям Карамзина, но в различные периоды его творчества характер использования славянизмов менялся.

В ранних произведениях писателя еще заметно влияние ломоносовской системы с разделением слога по жанрам. Например, для перевода философской поэмы Галлера «О происхождении зла» (1786 г.) и трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1787 г.) Карамзин использует большее количество славянизмов и архаизмов, чем для перевода идиллии Геснера «Деревянная нога» (1783 г.) и драмы Лессинга «Эмилия Галотти» (1788 г.). Кроме того, в переводах поэмы Галлера и трагедии Шекспира употребляется ряд архаизмов, не характерных для зрелых произведений Карамзина: *аспид, врачество, знак, кормило, лествица, обрящет, орало, позорище; прободать, собор, рамо, сретение, «глас вопиющего», «отверстые очи»* и т. п.

В стихотворениях Карамзина, повестях «Юлия», «Бедная Лиза», «Холодный и чувствительный» и других произведениях 90-х гг. XVIII — начала XIX вв. славянизмы выполняют четыре функции: создание высокого стиля, наименование высокого понятия в данном микротексте; создание поэтического стиля, поэтических образов в макротексте; версификационная функция; создание исторического колорита.

Например: 1) *Ужасная клятва! Она заграждала уста мои* («Сиерра-Морена»); *Иногда на вратах храма рассматриваю изображение чудес* («Бедная Лиза»); — *Я лобызаю руку, которая меня наказывает* («Остров Борнгольм») и т. п.

2) *Солнце по чистому лазоревому своду катилось уже с западу, море, освещаемое латами и его лучами, шумело, корабль*

¹ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. — М., 1866. — С. 84.

летел на всех парусах по грядам рассекаемых валов, которые тщетно силились опередить его («Остров Борнгольм»);

Другом!.. Как сладостно было имя сие в устах любезной! — Я в первый раз поцеловал тогда руку ее; ... слезы мои будут всегда мешаться с утреннею и вечернею росой на сем хладном марморе!; Любовь моя была красноречива: я успокоил милую, и все облака исчезли в ангельских очах ее («Снерра-Морена»).

3) а) *Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной ночи!
Глас твой мил душе моей.
Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?*

(«К соловью»);

б) *Если ж взором открывают
На берегу друзей, родных,
«О блаженство!» — восклицают
И летят в объятья их.*

(«Берег»).

4) Для последнего периода творчества Карамзина характерно иное использование славянизмов, что обусловлено обращением писателя к историческим повестям («Наталья, боярская дочь», «Марфа Посадница») и работой его как историографа.

В «Истории государства Российского», в стилизованных исторических повестях, наряду с историзмами (*вече, житые люди, гость, посадник, секира, бердыш, воевода, тысяцкий* и др.), широко используются славянизмы, одновременно выполняя две функции: средство создания высокого, торжественного стиля и колорита эпохи. Например: *Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: «Марфа! Марфа!» Она в сходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует... Важность и скорбь видны на бледном лице ее... Но скоро осененный горестию взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала: «Вадим! Вадим! Здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю небо и тебя во свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моею кровью. Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы...» («Марфа Посадница»).*

II. При оценке реформы Карамзина в области русского литературного языка и стилистики очень важным является вопрос о заимствованиях, об отношении к ним Карамзина, его сторонников и противников, так как долгое время господствовало мнение о галломании писателя.

Современники Карамзина никогда не связывали явление галломании с его именем. Неизвестный автор в «Журнале российской словесности» писал: «С некоторого времени я накопил немалое количество русских книг и не знаю, к русским или французским книгам их причислить. Они написаны каким-то французско-русским языком, которого ни русские, ни французы не понимают. Возьму Ломоносова, Карамзина и понимаю. Этих — нет»¹.

В «Вестнике Европы» читаем: «Карамзин более обращал внимание на французских прозаиков и поступил рассудительно... Он избегал только выражений, не свойственных языку русскому, и во всем следовал образцам своим»². Из более поздних высказываний интересно вспомнить слова В. Г. Белинского: «Статья (Сумарокова.— Е.К.) «О истреблении чужих слов из русского языка» может быть отнесена к любопытнейшим фактам истории русской литературы: она доказывает, что вторжение в наш язык французских слов и оборотов отнюдь не было следствием реформы Карамзина, ибо еще до него было в самом сильном разливе»³.

Карамзин с самого начала литературной деятельности ревниво относился к успехам русской литературы, науки и искусства, в его журналах опубликовано много статей, направленных против галломании.

Даже в период странствований по Европе Карамзина нельзя назвать космополитом. «Горячая любовь к родине, мысль о которой никогда его не покидает, вот что освещает, как живой луч, все его путевые впечатления»⁴,— справедливо писал Ф. И. Буслаев. Действительно, в «Письмах русского путешественника» много рассуждений о красоте, богатстве, выразительности русского языка.

Выступление Карамзина против галломании резко отличалось от высказываний пуристов конца XVIII — начала XIX в., так как Карамзин и его последователи понимали и ценили то лучшее, что создано было на Западе, стремились на страницах своих журналов познакомить русских читателей с достижениями западной культуры. Взгляды Карамзина и его последователей на возможность использования лексики иноязычного происхождения в литературных произведениях и устной речи совпадают с мнениями современных ему языковедов и лингвистов более позднего времени.

В исторических стилизованных произведениях Карамзина («Наталья, боярская дочь», «Марфа Посадница»), в «Истории государства Российского» иноязычная лексика имеет небольшой удельный вес. В сентиментальных произведениях («Бедная Лиза», «Юлия», «Остров Борнгольм», «Моя исповедь», «Рыцарь нашего времени» и др.) иноязычных слов значительно больше, но и здесь встречаются в основном усвоенные русским литературным языком (*аллея, архитектура, галерея, терраса* и др.).

¹ Журнал российской словесности.— 1805.— № 3.— С. 143.

² Вестник Европы.— 1824.— Ч. 5.— С. 52.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. VI.— С. 315.

⁴ Буслаев Ф. И. Речь о «Письмах русского путешественника» // Известия Московского университета.— 1866.— № 1.— С. 195.

Наибольшее количество иноязычной лексики в «Письмах русского путешественника», используемой для создания местного колорита, описания реалий быта французов, англичан, жителей Швейцарии, незнакомо русскому читателю. Например: *Hotel* — есть наемный дом, где вы, кроме комнаты и услуги, ничего не имеете. Кофе и чай приносят вам из ближайшего кофейного дома, а обед из трактира.

Trottoir — слово французского происхождения (*trottoir*), впервые отмеченное в словаре Н. Яновского 1803 г. Карамзин в тексте «Писем русского путешественника» дает объяснение: *Улицы широки и отменно чисты; везде тротуары, или камнем выстланные дорожки для пеших и Нет города, столь приятного для пешеходцев, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие тротуары, которые по-русски можно назвать намостами; их всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь и в пыль у вас ноги чисты.*

Как известно, Карамзин, готовя тексты своих произведений для переиздания, много работал над ними, к числу правок относится и замена иноязычных слов русскими. Например:

В «Московском журнале» (первая редакция)	В издании 1797 г. (вторая редакция)
<p><i>Хозяин расспрашивал меня о моем вояже.</i> <i>На польской границе визитация была не такая строгая.</i> <i>Он каждому рекомендовал меня.</i> <i>Я не знаю, как мне говорить с вами.</i> <i>Может быть, вы мастер мой в поэзии.</i> <i>Надеюсь, что вы не сочтете наглостью того, что было плодом энтузиазма.</i> <i>Теперь я начинаю вами интересоваться.</i> <i>Немцы прилежали только к сухой учености, или эрудиции.</i> <i>Ибо человек сам по себе есть фрагмент.</i></p>	<p><i>Хозяин расспрашивал меня о моем путешествии.</i> <i>На польской границе осмотр был не строгий.</i> <i>Он каждому представлял меня.</i> <i>Может быть, вы учитель мой в поэзии.</i> <i>Надеюсь, что вы не сочтете наглостью того, что было плодом ревности.</i> <i>Теперь вы вселили в меня желание узнать вас покороче.</i> <i>Немцы прилежали только к сухой учености.</i> <i>Ибо человек сам по себе есть фрагмент, или отрывок.</i></p>

В некоторых случаях Карамзин предугадал историю отдельных слов: *вояж*, *визитация*, *литтеральный* вышли из употребления. Иногда он заменял русскими те иноязычные слова, которые сохранили право гражданства и в наше время (*диалог*, *процесс*), что характерно и для других писателей конца XVIII — начала XIX в. Так, в журнале И. А. Крылова «Зритель» 1792 г. под сомнение ставится употребление слов *сцена*, *фигура*, но признаются необходимыми нововведениями *тrottoir* и *талант*.

Вряд ли можно обвинять Карамзина или Крылова в недостатке языкового чутья. В XVIII в. в словарный состав русского языка вошло значительное количество иноязычных слов, а «время реши-

ло — которым словам остаться в употреблении и укорениться в языке и которым исчезнуть».

Все же большинство заимствований, представленных в текстах Карамзина, сохранилось в современном русском языке, ибо они были связаны с той сферой словоупотребления, которая, как правило, бывает общей у носителей различных языков. Лексика подобного рода обычно заимствуется из одного языка другим, становится общим достоянием ряда языков, что обусловлено общностью культурной жизни многих стран. В произведениях Карамзина встречается много слов иноязычного происхождения, обозначающих понятия:

театрального быта, театральной сферы: *авансцена, акт, актер, амфитеатр, арена, ария, ариозо, артист, водевиль, дуэт, концерт, ложа, пантомима, партер, сцена, труппа* и др.;

архитектуры: *аркада, архитектура, балюстрада, барельеф, галерея, готическая, карниз, каскад, павильон, пилястры, плафон, портал, терраса, фасад, флигель* и др.;

общественно-политической и административной жизни России и Западной Европы XVIII в.: *адвокат, ассигнация, банкир, биржа, вексель, визитация, директор, капитал, комиссар, коммерция, конференция, милиция, полицмейстер, провинция, процент, фабрика* и др.;

научные: *гипотеза, глобус, иероглиф, консилиум, кризис, манускрипт, метафизика, трактат, эксперимент, эстетика* и др.

Целый ряд заимствований характеризует быт дворянских кругов России второй половины XVIII — начала XIX вв.: *альбом, бал, бильярд, визит, вояж, домино, клуб, фейерверк, берейтор, камердинер, бассейн, грот, оранжерея, бюро, диван, канапе, клавиесин, ковер, сервис, софа, букет, букли, медальон, галстух, жилет, корсет, манжеты, фрак, шаль, шлафрок* и др.

Для передачи новых понятий, появившихся в жизни русских людей во второй половине XVIII в., Карамзин использует не только иноязычную лексику, но и кальки с французских и немецких слов, новые русские слова, созданные на базе давно существующих русских слов с помощью традиционного русского словообразования или по семантическим и грамматическим моделям французских слов.

Анализ текстов произведений второй половины XVIII в. показывает, что почти все так называемые карамзинские неологизмы — это слова, появившиеся в русской литературе до Карамзина, но возможно, что Карамзин — самый популярный писатель конца XVIII — начала XIX в. — дал им право гражданства в литературном языке, способствовал проникновению их в живую разговорную речь: *блестательный (brillant), вкус (gout), живой (vif), картина (tableau), плоский (plat), сдержанный (contenu), трогать, трогательный* и др.: *влюбленность, общественность, промышленность, человечность* и т. п.

III. Важную роль в развитии русского литературного языка сыграли синтаксические новшества Н. М. Карамзина, которые заключа-

лись в установлении четкого порядка слов в предложении, утверждении принципа логического членения предложения, в сокращении объема предложений и периодов, приближении синтаксиса письменных текстов к синтаксису живой разговорной речи.

Целый ряд исследователей (Н. И. Греч, В. Г. Белинский, Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот, Д. Д. Благой, Л. А. Булаховский, П. Н. Берков, В. В. Виноградов) связывает изменения в синтаксической системе русского литературного языка с реформой Н. М. Карамзина. Например, «Карамзин из торной, ухабистой и каменистой дороги латино-немецких конструкций, славяно-церковных речений и оборотов и схоластической надутости выражения вывел русский язык на настоящий и естественный ему путь» (В. Г. Белинский)¹; «Поколения младшие учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочинениям, на которых и доселе основываются и русский синтаксис, и русская стилистика..., так что если бы я думал изложить перед вами заслуги Карамзина, то мне пришлось бы сделать перечень параграфов учебника с указанием, насколько каждый из них подчинился влиянию Карамзина» (Ф. И. Буслаев)².

Легкость, изящество поэтических текстов Карамзина обусловлены небольшим объемом синтаксических конструкций, широким использованием простых предложений.

- 1) *Все наши знания — мечта!
Вся наша мудрость — суета!*
 - 2) *Как беден человек! Нам страсти — горе, мука.
Без страсти жизнь не жизнь, а скука...*
 - 3) *Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья...*
 - 4) *Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.*
- («Осень»)

В произведениях Карамзина находим большое количество неполных предложений, что связано с основной тенденцией карамзинистов: писать, как говоришь, и говорить, как пишут.

Неполные предложения обычно употребляются после риторического вопроса.

*Что жизнь? Единый быстрый луч.
Сверкнет, угаснет — мы хладеем.*

*Что наша жизнь? Роман.— Кто автор? Аноним.
Читаем по складам — смеемся, плачем — спим.*

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1953.— Т. II.— С. 208.

² «Известия Московского университета».— 1866.— № 3.— С. 185.

В прозаических текстах неполные предложения преобладают в диалогах. Например, в повести «Бедная Лиза»: *Она показала ему цветы — и покраснелась. «Ты продаешь их, девушка?» — спросил он с улыбкою. «Продаю», — ответила она. «А что тебе надобно?» — «Пять копеек». — «Куда же ты пойдешь, девушка?» — «Домой». — «А где дом твой?»; «Ах, Эраст, — сказала она. — Всегда ли ты будешь любить меня?» — «Всегда, милая Лиза, всегда!» — отвечал он. «И ты можешь мне дать в этом клятву?» — «Могу, любезная Лиза, могу!» — «Нет! Мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» — «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» и т. п.*

Большой удельный вес в произведениях Карамзина наряду с простыми предложениями имеют сложносочиненные.

Трудно найти в художественной литературе, публицистике и научных сочинениях конца XVIII — начала XIX в. более яркие иллюстрации при описании синтаксической системы указанного периода. Например: 1) *Эраст жил уединенно, но скоро обратил на себя общее внимание, умные приносили его имя с почтением, а добрые — с любовью...* («Чувствительный и холодный»);

2) *Там, там, за синим океаном.
Вдали, в мерцании багряном,
Он зрит..., но мы еще не зрим.*

С именем Карамзина связано введение в текст художественного произведения образа автора, что вело за собой использование целого ряда приемов интимизации (термин Л. А. Булаховского): прерывистость речи, умолчание, авторскую оценку событий, обращение к читателям, беседа с ними.

Эмоциональный настрой сентиментальных произведений Карамзина и его сторонников обусловил недоговоренность в текстах, прерывистость фраз.

*Ты мне верна!.. тебя я снова обнимаю!
И сердце милое твое
Опять, опять мое!
К твоим ногам в восторге упадаю..
Целую их!.. Ты плачешь, милый друг!..
Сладчайшая слова: души моей супруг!
Опять из уст твоих я в сердце принимаю!..
Ах! как благодарить Творца!..
Все горе, всю тоску навек позабываю!..*

.....
(«К верной»)

Ср. у А. С. Пушкина:

*Теперь она сидит, печальна и одна..
Одна... Никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не целует;*

*Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.*

.....
.....
.....
*Никто ее любви небесной недостоин,
Не правда ль: ты одна... ты плачешь...
я спокоен;*

.....
Но если

(«Ненастный день потух»)

Автор сентиментальных произведений становился сам участником событий, отсюда его обращения к персонажам, неодушевленным предметам, и делал читателей участниками событий, отсюда его обращения к читателю:

Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? («Бедная Лиза»); Тихая ночь — вечный покой — святое безмолвие! К вам, к вам стираю мои объятия! («Сиерра-Морена»); Читатель! я хочу, чтобы мысль о покойной осталась в душе твоей («Рыцарь нашего времени»).

В произведениях Карамзина четко выражена авторская позиция, что реализуется с помощью особой синтаксической конструкции: фрагмента текста, где дано объективное авторское описание событий, и простого предложения — сентенции, стоящего за этим фрагментом и семантически с ним связанного. Например, в «Истории государства Российского» в девятом томе, где освещена эпоха Ивана Грозного, автор перечисляет все те ужасные события, которые происходили во время завоевания Новгорода: опечатали дома, связали жителей, взыскивали штрафы не за что, ставили на правеж, били, секли, убивали. Фрагмент описательного текста заканчивается, за ним следует простое предложение — *Царствовала тишина ужаса. Пустел Великий Новгород*; после приготовления к казни на Красной площади — *Площадь опустела*.

В конце девятого тома:

В заключение скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели... История злопамятней народа!

IV. Все исследователи отмечали основной недостаток карамзинской реформы — узкое понимание писателем состава и объема живой разговорной речи, элементы которой могут быть использованы в литературном языке, и особенно — в языке художественной литературы.

Даже в речи героев Карамзин редко использует богатые лексические возможности общенародного языка. Литературный язык, у которого меньше возможностей черпать из общенародного языка, чем у языка художественной литературы, стараниями Карамзина

и его последователей должен был еще более сузить свои границы. За пределами литературного языка должна была остаться большая часть разговорно-бытовой речи.

В языке художественной литературы Карамзин допускал только те элементы народного языка, которые не могли оскорбить вкус светской дамы — основной читательницы сентиментальной литературы.

В этом отношении интересно письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву 1793 г.: «*Пичужечки* не переменяй! Имя *пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезных идеи: о свободе и сельском просторе. К тону басни твоей нельзя прибавить лучшего слова. *Птичка* почти всегда напоминает клетку, следовательно, неволю. *Пернатая* есть нечто весьма неопределенное. То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит *пичужечка* и *парень*: первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красивый летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: «Вот гнездо! вот *пичужечка!*» При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: «Ай, *парень!* Что за квас!» Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей».

Подобные высказывания Карамзина дали право В. Г. Белинскому, высоко оценившему роль Карамзина в истории русского литературного языка, утверждать: «Погрешность его в том, что он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолудинов».

Другой недостаток языка карамзинских произведений, с точки зрения стилистических норм реалистического искусства, — стремление к чрезмерному украшению слога: злоупотребление эпитетами, оценочной лексикой, перифразами, что критиковалось И. А. Крыловым, А. С. Шишковым, А. С. Пушкиным.

В «Рассуждении о старом и новом слоге» А. С. Шишкова приведены параллели обычных выражений и перифраз, свойственных произведениям Карамзина и его последователей: *Луна светит — Бледная Геката отражает тусклые отсветки; Окна заиндевели — Свирепая старица разрисовала стекла; Жалкая старушка, у которой на лице написаны были уныние и горечь — Трогательный предмет сострадания, которого уныло задумчивая физиогномия означала гипохондрию; Деревенским девкам навстречу идут цыганки — Пестрые толпы сельских ораод сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит и т. п.*

Действительно, слог Карамзина чрезмерно украшен эпитетами, метафорами, перифразами, как слог предромантических и романтических произведений начала XIX в. Например: *Все они свежи, как горные розы, — и почти всякая могла бы представлять нежную флору. Отечество и друзья ожидают тебя; время успокоиться*

в их объятьях, время посвятить страннический жезл твой сыну Маину, время повесить его на густейшую ветвь того дерева, под которым играл ты в юных годах своих («Остров Борнгольм»).

Иногда автор сам расшифровывает перифразы:

Грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой и дохнула выюгами на русское царство; то есть зима наступила («Наталья, боярская дочь»); Дунул северный ветер на нежную грудь нежной родительницы, и гений жизни ее погасил свой факел! Да, любезный читатель, она простудилась («Рыцарь нашего времени»).

В противоречивости карамзинской реформы в области русского литературного языка и стилистики были заложены две возможности ее дальнейшего развития: эпигоны Карамзина превратили новый слог в салонный жаргон; истинная сущность нового слога была верно понята Вяземским, Жуковским, Батюшковым, явившихся продолжателями начинаний Карамзина.

§ 4. ПОЛЕМИКА ЗАЩИТНИКОВ СТАРОГО СЛОГА И СТОРОННИКОВ НОВОГО СЛОГА

Полемика, разгоревшаяся вокруг карамзинской реформы в области литературного языка и стилистики, обычно именуется борьбой шишковистов и карамзинистов, т. е. сторонников Н. М. Карамзина, защитников нового слога, и сторонников А. С. Шишкова, защитников старого слога.

В 1803 г. А. С. Шишков выпустил книгу «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». В этом же году карамзинист П. И. Макаров выступил на страницах журнала «Московский Меркурий» с рецензией «Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». В журнале «Северный Вестник» было помещено «Письмо от неизвестного» на книгу Шишкова, приписываемое М. Т. Каченовскому или Д. И. Языкову, где высмеивались лингвистические позиции защитников старого слога.

А. С. Шишков в 1804 г. публикует «Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», или Собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные». В 1809 г. выходит в свет перевод Шишкова двух статей Лагарпа с предисловием и примечаниями, в 1810 г. в журнале «Цветник» — статья карамзиниста Д. В. Дашкова «Рассмотрение перевода двух статей из Лагарпа с примечанием переводчика». А. С. Шишков печатает в 1811 г. «Рассуждение о красноречии священного писания с присовокуплением» и «Разговоры о словесности». В этом же году выходит книжка Д. В. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критику», где были подведены итоги почти десятилетней борьбы.

На стороне А. С. Шишкова выступали журналы реакционно-правительственного лагеря «Корифей, или Ключ литературы» (1802—1807), «Друг просвещения» (1804—1806), религиозно-мистические

журналы «Сионский Вестник» (1806), «Друг юношества» (1807—1815) и др.

На стороне защитников нового слога были журналы либерального направления «Московский Меркурий» (1803) П. И. Макарова, «Северный Вестник» (1804—1805) и «Лицей» (1806) И. И. Мартынова, альманах «Аглая» (1808—1810, 1812) П. И. Шаликова; передовые журналы начала XIX в., связанные с «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств»: «Журнал Российской словесности» (1805), «Цветник» (1809—1810) А. Е. Измайлова и А. П. Бенитцкого и др.

Защитники старого слога обвиняли молодых писателей в порче языка, пренебрежении лексическим богатством языка славенороссийского, употреблении славенских слов в других «знаменованиях», создании новых слов, расширении семантического объема слов, употреблении иноязычной лексики. Замечены были и синтаксические особенности реформы Н. М. Карамзина. Как писал Н. И. Греч, «последователи Шишкова предавали проклятию новый слог, грамматику и коротенькие фразы, и только в длинных периодах Ломоносова и тяжелых оборотах Елагина искали спасения русскому слову»¹.

Н. М. Карамзин не принял участия в полемике. Однако сторонники Карамзина развивали мысли и положения целого ряда статей писателя по вопросам русского литературного языка и стилистики, напечатанных на страницах «Московского журнала» и «Вестника Европы». Следовательно, если учесть все высказывания Карамзина в его статьях, комментариях, письмах, то можно говорить о единой системе взглядов Карамзина и его последователей: В. С. Подшивалова, П. И. Макарова, Д. В. Дашкова, А. Е. Измайлова и др.², и о полярной системе взглядов А. С. Шишкова и его сторонников, писателей-архаистов — Д. И. Хвостова, П. И. Кутузова, Сладковского, Захарова и др.

В своих работах А. С. Шишков и его сторонники исходили из положения о неизменяемости литературного языка.

Занимаясь анализом древнерусских, старославянских и современных текстов, Шишков не мог не заметить, что эти тексты отличаются друг от друга, но эти наблюдения приводят автора к положению: «чем древней язык, чем меньше он пострадал переменами, тем он сильнее и богаче». Следовательно, для Шишкова наиболее совершенным является язык древности, в истории русского литературного языка — славенороссийский язык, сохранивший в чистоте первоначальное значение почти всех коренных слов, в граммати-

¹ Греч Н. И. Записки о моей жизни.— Л., 1930.— С. 116.

² Среди карамзинистов следует различать две группы людей: истинных последователей Карамзина, просветителей конца XVIII — начала XIX в., талантливых, эрудированных журналистов (П. И. Макарова, Д. В. Дашкова и др.) и эпигонов Карамзина: М. И. Макарова, В. В. Измайлова, П. И. Шаликова, князя Долгорукова и т. п., которые довели «слог Карамзина до карикатуры на него самого, питались крохами, падавшими с трапезы этого великого человека» (Б е л и н с к и й В. Г. Полн. собр. соч.— Т. I.— С. 345).

ческом отношении находящийся ближе других языков к праязыку. Все те изменения, которые произошли в языке в течение нескольких столетий, Шишков объявляет порчей языка, делом рук новомодных писателей.

Конечно, ряд наблюдений А. С. Шишкова заслуживает внимания современных лингвистов, но, как справедливо писал Л. А. Булаховский, попытки некоторых отечественных филологов 30—50-х гг. изобразить Шишкова крупной языковедческой фигурой представляют преувеличенно большую дань объективности. Все высказывания Шишкова сводятся к одному: к бесплодной попытке приостановить развитие русского литературного языка.

Мысли Н. М. Карамзина о связи языка и мышления, о постоянном развитии языка, о связи языка с историей народа, о взаимовлиянии языка и литературы развивают его сторонники. Основная мысль карамзинистов — историческая изменчивость литературного языка самого по себе, независимо от желаний или нежеланий писателей, критиков, ученых¹.

П. И. Макаров в статье «Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» писал: «Удерживать язык в одном состоянии невозможно: такого чуда не бывало от начала света»². Это зависит от появления новых вещей и понятий, с появлением которых рождаются новые слова: «нет вещи, нет и слова, нет понятия, нет и выражения, посредством которого можно было понятие сообщить другому человеку»³. С исчезновением вещей и понятий исчезают и их словесные эквиваленты: «Слова и выражения, говорит Гораций, цветут и опадают, как древесные листья: для них есть своя весна и осень» (А. Ф. Воейков)⁴.

В соответствии с направленностью общих лингвистических взглядов участники полемики решали конкретные вопросы русского литературного языка.

В журналах карамзинского направления часто встречаются рецензии с осуждением громоздких периодов, немотивированных инверсий в произведениях защитников старого слога. Например, в журнале «Московский Меркурий» за 1803 г. о переводе с французского: «Каков период? Прежде, нежели прочтешь до последних строчек, успеешь забыть первые»⁵; в журнале «Любитель словесности» за

¹ Ср. речь Н. М. Карамзина на собрании Академии российской: «Главным делом вашим было и будет систематическое образование языка; непосредственное же его обогащение зависит от успехов общежития и словесности, от дарования писателей — а дарования единственно от судьбы и природы. Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслию одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют; надобно только открыть или показать оные».

² Макаров П. И. Сочинения и переводы. — М., 1805. — Т. III. — С. 1.

³ Там же.

⁴ «Цветник». — 1810. — Ч. VIII. — С. 108.

⁵ «Московский Меркурий». — 1803. — Ч. II. — С. 28.

1806 г. в рецензии на статью «Доказательства тому, что ум без разума беда»: «Каковы периоды? На всякой странице найдете что-либо такое — чего не только с одним умом, но даже и с разумом понять не можно»¹.

Карамзинисты выступали против архаических синтаксических конструкций с глаголом на конце, с постановкой определяющего после определяемого слова. Так, Д. В. Дашков писал: «Необходимо чтобы было согласие между смыслом речи и звуками, выражающими оную нашему слуху. А старые писатели, вольно обращаясь с русским порядком слов, нарушают это согласие»².

Определяя место Ломоносова в истории русского литературного языка, Карамзин замечает: «Проза Ломоносова вообще не может служить для нас образцом; длинные периоды его утомительны, расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, не всегда приятно для слуха»³. Краткость, ясность, выразительность, эмоциональная насыщенность фразы — вот синтаксическое кредо Карамзина. Именно против таких синтаксических новшеств в произведениях писателей новой школы и протестовал Шишков. «Черточки (тире), — писал он, — есть также новое изобретение, показывающее больше упадок, нежели возвышение ума. Они, сколько их ни наставь, не прибавляют ничего к ясности смысла и силе выражения. Никто из великих писателей не употреблял их... По-видимому, они изобретены не теми великими умами, которых мысли текут наподобие величавой реки, но теми, которых сила воображения или связь мыслей ежеминутно прерывается, подобно ручейку, часто иссякающему, или от малейшей препоны соворачивающемуся в сторону»⁴.

Синтаксические обороты древности, сложная система подчинительных конструкций — вот синтаксическое кредо шишковистов, — явный анахронизм для начала XIX в. Ср. образец «чистого слога» по Шишкову: *Иди к пещерам Киевским, о православие, иди восхождением сердечным грядый от силы в силу, иди и возревнуй, видев пути тех, иже во ископанной земле не брашно, гиблющее с мравиями, но пребывающее в живот вечный, еже есть творение воли Божия, собираху во время летнее жития сего, на зиму страшного суда, егда от лица мразе его кто постоит?*⁵

Карамзинские новшества: замена сложных синтаксических конструкций латинского и церковнославянского типа логически стройными, короткими, изящными конструкциями оказали большое влияние на формирование синтаксиса современного литературного языка и подготовили синтаксическую реформу Пушкина.

¹ «Любитель словесности». — 1806. — Ч. III. — С. 224.

² «Цветник». — 1810. — Ч. VIII. — С. 293.

³ Карамзин Н. М. Пантеон русских авторов // «Вестник Европы». — 1802. — Ч. V. — С. 289.

⁴ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. — Берлин, 1870. — Т. II. — С. 894.

⁵ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. — 1803. — С. 50.

Наиболее острой была полемика по вопросу лексического состава литературного языка. Если для сторонников Шишкова основное ядро литературного языка — лексика церковнославянская, то для карамзинистов — нейтральная русская лексика. Недаром карамзинисты писали: «Антагонисты новой школы без *дондеже* и *бяху* не могут жить, как рыба без воды».

С точки зрения А. С. Шишкова, литературный язык во все времена должен подчиняться одним и тем же законам: «Пристойному употреблению в высоком, среднем и простом слоге, изображению мыслей своих по принятым издревле правилам и понятиям».

Почти во всех работах А. С. Шишкова и его сторонников подчеркивается мысль, что эмоциональную приподнятость, торжественность, которыми должны отличаться литературные произведения, создают высокие слова, т. е. лексика, закрепленная за высоким слогом. От небрежения новых писателей славенороссийским языком «многие коренные и весьма знаменательные российские слова иные пришли совсем в забвение, другие, не взирая на богатство смысла своего, сделали для не привыкших к ним ушей дикими».

Упреки Шишкова можно было бы считать правомерными, если бы к «знаменательным» словам он относил древнерусскую лексику, но «весьма знаменательные» слова литературного языка начала XIX в. — это лексика узкого круга церковных книг (*рясны*¹, *багрянница*, *истнить*, *приснопамятный*), чуждая даже русскому литературному языку старшего периода, а также лексика литературного языка XV—XVI вв. — периода намеренной архаизации языка (*наитство*, *умодельство*, *лепообразный*).

По мнению Шишкова, было только два пути в развитии русского литературного языка: обратиться к языку старых церковных книг или создать новый книжный язык на французский манер, что пытались делать, с его точки зрения, писатели и поэты начала XIX в.: «Издатель «Московского Меркурия» везде говорит «мы», означая этим словом шайку писателей, вооружившихся против славенского языка».

Карамзинисты никогда и нигде не отрицали важную роль старославянского языка в формировании русского литературного языка, не отрицали авторитетность языковой и литературной деятельности различных писателей, терпимо относясь ко всем жанрам литературы. Н. М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов» поместил статьи о Несторе, Никоне, Симеоне Полоцком, Феофане Прокоповиче.

В. С. Подшивалов в «Сокращенном курсе российского слога» рекомендовал читателям не только произведения светских писателей: Ломоносова, Хераскова, Майкова, Сумарокова, Богдановича, Державина, Княжнина, Дмитриева, но и проповеди Феофана Прокоповича, произведения отцов церкви: беседы Иоанна Златоуста,

¹ Именно слова подобного рода в статье Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» объявлялись устарелыми для середины XVIII в.: *обаваю*, *рясны*, *овогда*, *свене* «и сим подобные».

Ирмологион, Библию. Д. В. Дашков восхищался искусством Державина и Крылова употреблять «славянские слова и речения».

«Библия есть сокровищница языка»,— читаем в рецензии А. Ф. Воейкова на сочинения И. И. Дмитриева. «Наш русский язык сам по себе гораздо богаче, великолепнее, сильнее всех прочих, но мы сверх того можем еще почерпать из славянского (выгода несравненная!)»,— пишет Д. В. Дашков.

В полемике, обостренной до предела, противники часто не понимали друг друга. Так, издатели журнала «Друг просвещения» защищают славянизмы *лоно, уста*, хотя никто из карамзинистов «не вооружался» против их использования. Совершенно необоснованными были тревоги А. С. Шишкова, утверждавшего: «Запрети нам писать *конь, возница, всадник, вертоград, молниеносный, быстропарящий*, и словесность наша не лучше будет камчадальской»¹.

Против употребления первых трех слов никто из карамзинистов не протестовал, но слова *вертоград* и *быстропарящий* действительно относились к числу лексем устарелых, непонятных читателю начала XIX в. Карамзинисты ратовали за литературный русский язык, «обогатившийся славянским (в прошлом) и отделившийся от него, как употребляют его Державины, Карамзины, Дмитриевы — без излишней примеси обветшалых славянских слов»². «Надобно убегать рачительно высокопарных речений, которые часто затмевают стиль и более изобличают педанта или школьника»³,— писал В. С. Подшивалов. Д. В. Дашков рекомендовал употреблять только те славянизмы, которые «не были противны собственному языку нашему»⁴.

В статьях сторонников нового слога много конкретных указаний на то, что именно они считают неуместным в литературных произведениях. В рецензии на перевод «Кларисы Гарло» Карамзин отрицает возможность употребления устарелого наречия *колико*: «Господин переводчик хотел здесь следовать моде, введенной в русском слоге големыми претолковниками, «иже отрѣвают все, еже есть русское, и блещают блаженне сиянием славяноумудрия». Девушка, имеющая вкус, не может ни сказать, ни написать в письме *колико*»⁵. В письме к И. И. Дмитриеву он предлагает заменить книжные слова *персты* и *сокрушу*, так как они на читателя «производят какое-то дурное действие»⁶.

Высказывания карамзинистов подобного рода совпадают с более поздними высказываниями декабриста А. А. Бестужева и А. С. Пушкина.

1) «Язык славянский служит теперь для нас арсеналом: берем оттуда меч и шлем, но уже под кольчугую не одеваем героев в маска-

¹ Шишков А. С. Прибавление к... рассуждению о старом и новом слоге.— С. 100.

² Дашков Д. В. О легчайшем способе возражать на критику.— 1811.— С. 59.

³ Скворцов. Сокращенный курс российского слога.— С. 52.

⁴ «Цветник».— 1810.— Ч. VIII.— С. 262.

⁵ «Московский журнал».— 1791.— Ч. IV.— С. 112.

⁶ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву.— СПб., 1866.— С. 42.

рад. Употребляем звучные слова: *вертоград, ланиты, десница*, но оставляем червям старины: *семо* и *овамо, говяда* и тому подобные»;

2) «Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *целуй меня*. Знаю, что Ломоносов того не думал и что он предлагал изучение славенского языка как необходимое средство к основательному знанию языка русского. Знаю, что «Рассуждение о старом и новом слоге» так же походит на «Слово о пользе книг церковных в российском языке», как псалом Шатрова на «Размышление о величестве Божиим». Но тем не менее должно укорить Ломоносова в заблуждениях бездарных его последователей».

Нельзя было признать украшением литературного языка начала XIX в. употребление сложных слов, представленных в текстах церковной литературы XII—XVI вв.: *небопарный* (орел), *солнцезарный* (ангел), *быстромолнийный, всезлобный* и т. п., или созданных архаистами по моделям греческого и церковнославянского языков. Так, Д. В. Дашков признает удачным неологизм Г. Р. Державина *быстротечный*, но отвергает неологизм Шишкова *благосеннолиственное (древо)*, «так как в этом слове соединены понятия, далекие друг другу».

Многие исследователи отмечают несерьезность, ненаучность доводов участников полемики, указывая на формы борьбы тех и других: клевета и доносы шишковистов, эпиграммы, шутки карамзинистов. С этим трудно согласиться. В статьях защитников нового слога много серьезных лингвистических наблюдений и выводов, хотя карамзинисты не были языковедами по профессии. Кроме того, статьи карамзинистов не могли представлять собою образцы научного слога, так как сторонники сближения книжного языка с живой речью апеллировали к широкому кругу читателей, стремясь привлечь их на свою сторону в борьбе с защитниками старины.

В этой ситуации эпиграммы были более острым оружием, более эффективно способствовали популяризации идей карамзинистов, чем статьи и рецензии.

В журнале «Вестник Европы» за 1810 г. опубликована эпиграмма на С. Шихматова В. Л. Пушкина: «Нет спора, что Бибрис богов языком пел. Из смертных бо никто его не разумел».

Ср. эпиграмму А. С. Пушкина:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков;
Уму есть тройка супостатов:
Шишков, наш Шаховской, Шихматов;
Но кто глупей из тройки злой:
Шишков, Шихматов, Шаховской?

Больше всего нападков архаистов вызывало употребление иноязычных слов, которыми, по мнению Шишкова и его пуристически настроенных последователей, карамзинисты наводняли свои произведения, пренебрегая богатствами родного языка.

А. С. Шишков приписывает защитникам нового слога «нелепую мысль, что должно коренной, древний, богатый язык свой бросить и основать новый на правилах чуждого, несвойственного нам и бедного языка французского».

Он выступает против лексических заимствований (*моральный, эстетический, гармония, энтузиазм, эпоха*), против семантических и морфологических калек французских слов, против новых русских слов, употребляемых не только в литературе, но и в разговорной речи его современников, связывая все это с новыми идеями, идеями французской революции, и обрушивается на своих противников со всем пылом реакционера-крепостника.

«Но когда чудовищная французская революция, поправ все, что основано было на правилах веры, чести и разума, произвела у них новый язык, далеко отличный от языка Фенелонов и Расинов, тогда и наша словесность по образцу их новой... словесности стала делаться непохожею на русский язык», — пишет он в одном из своих сочинений.

В «Ответе Луке Говорову» читаем: «Если бы Фридрихи Вторые не презирали собственного языка своего; ежели бы всякая держава сохраняла свою народную гордость, то французская революция была бы только в углу своем страшна; мнимые их философы не вскружили бы столько голов; они бы вредны были токмо для своего правительства и народа, а не для всей Европы... Благодаря святой вере, научившей нас воздавать божие богами и кесарево кесареви, благодаря наследственных нам от предков наших благим нравам, Россия еще не такова...»

В статьях и рецензиях последователей Карамзина отчетливо проводятся две идеи: 1) «Нельзя восставать против всякого иностранного слова... Некоторые чужестранные слова совершенно необходимы», 2) «Только не должно пестрить языка без крайней осторожности»¹.

П. И. Макаров писал: «Нужно спорить не о том, надо ли брать у иностранцев, а о том, как и что брать, так как есть в нашем языке законы, по которым одни иностранные слова удерживаются в нем, другие же не принимаются или остаются книжными и неприятными для русского уха»².

Ср. в «Цветнике»: «Равномерно и правило: не вносить в язык ничего чуждого, должно же иметь исключение»³; в «Северном вестнике»: «К сему (заимствованию) принуждаются они (авторы) уточнением понятий нынешних просвещенных народов и недостатком на нашем языке слов к выражению оных»⁴.

¹ Макаров П. И. Сочинения и переводы. — Т. III. — С. 25.

² «Современник». — 1867. — Ч. 54. — С. 80.

³ «Цветник». — Ч. I. — С. 270.

⁴ «Северный вестник». — Ч. I. — С. 270.

В полемике о старом и новом слоге впервые было обращено внимание широких кругов читателей на целый ряд важных вопросов языкознания, намечен круг проблем, над разрешением которых работала творческая мысль русских лингвистов в течение двух столетий: вопрос о происхождении русского литературного языка, вопрос об основных исторических этапах в развитии русского литературного языка, вопрос о двух типах русского литературного языка: книжном и разговорном, о специфике различных стилей речи и многие другие.

При обсуждении конкретных лингвистических вопросов, как и при обсуждении общих лингвистических проблем, карамзинисты обнаружили глубокое понимание законов развития русского литературного языка, выступили как более прогрессивная группа в борьбе с защитниками старого слога, архаистами, пуристами, на что указал еще В. Г. Белинский в рецензии на сборник «Сто русских литераторов»: «Шишков боролся с Карамзиным: борьба неравная! Карамзина с жадностью читало в России все, что только занималось чтением; Шишкова читали одни старики... На стороне Шишкова, из пишущих, не было почти никого; на стороне Карамзина было все молодое и пишущее»¹.

В. Г. Белинский отдает должное знаниям Шишкова в области церковнославянского языка, но отказывает ему в каких-либо заслугах в истории русского литературного языка, так как «все его усилия погибли втуне, не принеши плода»².

Н. Г. Чернышевский в рецензии на сочинения В. Л. Пушкина также упоминает о борьбе шишковистов и карамзинистов: «Споры эти вовсе не составляли такого сильного движения в тогдашней литературе, как думали в последнее время... Поэтому мы — которые смотрели бы на обе партии с одинаковой холодностью, если бы под словами не таилась мысль, слабая, робкая, неясная, но все-таки мысль, — сочувствуем одной стороне, находим полезным и справедливым, что другая сторона была побеждена в этой борьбе... Но, как бы то ни было, все-таки борьба карамзинской школы с шишковскою принадлежит к числу интереснейших движений в нашей литературе начала нынешнего века; все-таки справедливость была на стороне партии Карамзина»³.

Основные выводы

1. В конце XVIII — начале XIX вв. складываются синтаксические нормы русского литературного национального языка, хотя их кодификация относится к более позднему времени (первая половина XIX в.).

2. Продолжается отбор всех жизнеспособных элементов словарного состава русского литературного языка, освоение заимствованных слов, калькирование, закрепление за славянизмами определенных стилистических функций, создаются новые русские слова.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. VI.— С. 212.

² Там же.— С. 216.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— СПб., 1906.— Т. II.— С. 79.

3. В процессе формирования русского литературного национального языка важную роль сыграл Н. М. Карамзин, который стремился сблизить письменный литературный язык и живую разговорную речь образованных людей своего времени, дать образцы литературной разговорной речи в различных жанрах художественной литературы, освободить литературный язык от устарелых языковых единиц, пополнить словарный состав русского языка новыми словами, русскими и иноязычными.

Недостаток карамзинской реформы заключался в узком понимании объема живой разговорной речи, элементы которой могут быть использованы в литературном языке.

4. В начале XIX в. вокруг карамзинской реформы развернулась полемика защитников старого слога и сторонников нового слога. По всем лингвистическим вопросам (употребление славянизмов, заимствований, синтаксических моделей и т. п.) защитники реформы Карамзина высказали прогрессивные суждения. Основным недостатком полемики — невнимание к самой актуальной проблеме литературного языка XIX в.: сближению его с народной речью.

Демократизация русского литературного языка связана с творчеством писателей более позднего времени (20—30-е гг. XIX в.): декабристами, И. А. Крыловым, А. С. Грибоедовым, А. С. Пушкиным.

5. К середине XIX в. относится оформление современного литературного языка на широкой народной основе. Родоначальником современного литературного языка является Пушкин. В деле преобразования русского литературного языка у Пушкина было много предшественников, и один из таких предшественников Карамзин.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Берков П. Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII — начала XIX века // Проблемы исторического развития литератур.— Л., 1981.— С. 242—256.

Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в.— М., 1972.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII—XIX вв.— М., 1982.— Глава четвертая.

Виноградов В. В. Проблема Карамзина в истории стилей русской литературы//Избранные труды: Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя.— М., 1990.

Винокур Г. О. Русский литературный язык второй половины XVIII в.// Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.

Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы.— М., 1982.— Глава четвертая.

История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века.— М., 1981.

Ковалевская Е. Г. Анализ текста повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»//Язык русских писателей XVIII в.— Л., 1981.

Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики.— Л., 1982.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры//Карамзин.— М., 1984.

Лузянина Л. Н. Принципы художественного повествования в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина//История русской литературы.— Т. 2.— Л., 1981.

Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX в.— М.; Л., 1959.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв.— М., 1990.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.— М., 1985.

Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика.— 2-е изд., доп.— М., 1985.— Ч. I.— Гл. 2 (Стили русской прозы XVIII века).

ГЛАВА VI.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. (10—30-е гг.)

В работах современных исследователей в литературном процессе первой половины XIX в. выделяется два периода:

1) 1800—1825 — годы, связанные с французской революцией, Отечественной войной 1812 г., восстанием декабристов, годы «движения от сентиментализма к романтизму»;

2) 1825—1855 — годы, связанные с николаевской реакцией, Крымской войной, смертью Николая I, годы «движения от романтизма к реализму».

Все исследователи отмечают сложность литературных процессов первой четверти XIX в.: классицизм долго не сдает позиции, ему противостоит сентиментализм, уступающий в 20-е гг. дорогу романтизму; за сохранение в литературе высокого слога ратуют и участники «Беседы любителей русского слова», и декабристы, хотя политическая основа их выступлений совсем разная; в среде декабристов находятся и романтики, и классики; существует два романтических течения: психологический романтизм и гражданский романтизм, очень сложно взаимодействующие друг с другом. Карамзинские преобразования литературного языка и языка художественной литературы нашли продолжателей в лице В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, с которых начинается новый период русской литературы.

Возникают литературные общества, где решаются вопросы развития русской литературы, литературного языка и языка художественной литературы: «Дружеское литературное общество» (1801), превосходящее «Арзамас»; «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» (1811), на заседаниях которого читают свои работы лингвисты (проф. Болдырев, А. Х. Востоков, М. Т. Каченовский, И. И. Давыдов); консервативная «Беседа любителей русского слова» (1811), куда входили, однако, Г. Р. Державин и И. А. Крылов; ее противник — «Арзамас», где читали свои произ-

ведения В. Л. Пушкин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, молодой А. С. Пушкин; общество «Зеленая лампа».

Важную общественную роль продолжают играть журналы: «Вестник Европы» 1802—1830 гг., «Сын отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения» 1818—1825 гг., появляются декабристские альманахи: «Полярная звезда» 1823—1825 гг. А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, «Мнемозина» (1824) В. К. Кюхельбекера и А. И. Одоевского. Писатели, общественные деятели, филологи, «любители отечественного слова», как и в начале века, спорят о путях развития русского литературного языка и русской литературы. «К концу 1810-х гг. романтизм прочно завоевывает основные позиции в русской поэзии, создает свою систему жанров, закладывает основы самостоятельной эстетики, добивается первых ощутимых успехов в критике. 1820-е гг. составляют новый этап в развитии поэзии, связанной с деятельностью Пушкина, поэтов его круга и поэтов-декабристов»¹.

§ 1. РОМАНТИЗМ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

1. Исторические события XIX в. обусловили борьбу декабристов за сохранение высокого стиля в текстах художественной литературы и публицистики. «Наполеон обрушился на нас,— читаем в статье А. А. Бестужева,— и все страсти, все выгоды пришли в волнение; взоры всех обратились на поле битвы, где полсвета боролось с Россией и целый свет ждал своей участи. Тогда слова *отечество* и *слава* электризовали каждого» («Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года»)².

Поэзия должна воспроизводить героическую действительность и героическое прошлое. «Трудно не скучать,— уверял В. К. Кюхельбекер читателей,— когда Иван и Сидор напевают нам о своих несчастьях (имеются в виду авторы посланий — модного литературного жанра конца XVIII — первой половины XIX в.— Е. К.), еще труднее не заснуть, перечитывая, как они иногда в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что, слава Богу, здоровы, и страх как жалеют, что так давно не виделись» («О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»)³. Поэт — певец свободы, борец за нее. В основе поэтических произведений должны быть высокие идеи, высокие образы и высокие средства выражения.

Ю. Н. Тынянов, характеризуя романтические тенденции поэзии первой четверти XIX в., справедливо отмечает: для всех романтиков (речь идет и о гражданском романтизме, и о так называемом психологическом романтизме.— Е. К.) была значима формула «высокое и прекрасное» из эстетики Шиллера⁴. Действительно, в 1828 г.

¹ Иезуитова Р. В. Поэзия 1800—1810 гг. // История русской литературы: В 4 т.— Л., 1981.— Т. II— С. 103.

² Бестужев-Марлинский А. А. Собрание стихотворений.— Л., 1948.— С. 179.

³ Русские писатели о языке.— Л., 1954.— С. 154.

⁴ Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы.— М., 1929.— С. 25.

в журнале «Атеней» появляется статья В. Оболенского «Сравнительный взгляд на прекрасное и высокое», в уставе «Союза Благоденствия» сказано: «Описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии»¹. В статье К. Ф. Рылеева «Несколько мыслей о поэзии» так раскрывается содержание произведений Шиллера и Байрона: «в них живописуются страсти людей, их сокровенные побуждения, вечная борьба страстей с тайным стремлением к чему-то высокому, к чему-то бесконечному»², в статье В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие» важными признаются только «высокая лирика», высокие жанры литературы, высокие темы. Определение *высокий* употребляется чрезвычайно широко в поэзии этих лет.

*Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу.
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу.*

(К. Ф. Рылеев)

*Певец! Тебе даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье светлое и к родине любовь,
Святые таинства высокого искусства.*

(В. К. Кюхельбекер)

*Я знаю, может быть, усердием напрасным
К искусствам творческим, высоким и прекрасным
Самолюбивая пылает грудь моя...*

(Н. М. Языков)

Таких примеров можно привести множество.

Следует, однако, отметить, что для декабристов высокие средства выражения — это не архаические грамматические формы слов, не усложненные синтаксические периоды, не те группы церковнославянской или русской книжной лексики, которые давно вышли из употребления. В поэзии К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, А. И. Одоевского в роли «высоких» слов выступают, как правило, книжные лексемы (славянизмы и библеизмы), которые сохраняются в языке художественной литературы до сих пор.

Например:

*Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,*

¹ Полярная звезда.— СПб., 1823.— С. 2.

² Рылеев К. Ф. Стихотворения, статьи, очерки, докладные записки, письма.— М., 1956.— С. 299.

*Но прочной славою гражданской
И доблестью своих детей.
Парящий ум, светило века,
Твой сын, твой друг и твой поэт,
Увянул Байрон в цвете лет
В святой борьбе за вольность грека.*

(К. Ф. Рылеев. На смерть Байрона)

*В темнице есть певец народный.
Но не поет для суеты:
Срывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы;
Но, похвалой не обольщенный,
Не ищет раннего венца.—
Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца.*

(А. И. Одоевский. Сон поэта)

Декабристское понимание «высокого» четко сформулировано в манифесте «Союза Благоденствия»: «Убеждать, что сила и прелесть стихотворений состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости описаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих».

Все декабристы писали о необходимости высокой гражданской поэзии, но у каждого было свое представление о границах возможности использования «высоких» языковых единиц. В. К. Кюхельбекер, как известно, ратовал на высокую поэзию, которая «парит, гремит, блещет, поражает слух и душу читателя», поэтому в его произведениях большая концентрация славянизмов, чем в стихах К. Ф. Рылеева, А. И. Одоевского, А. А. Бестужева: *твердь, зеркало, прах, зреть, глагол, вехды, вертеп, глава, лик* и т. п. Например: *На небосклон скатило шар З л а т о е, днёвное светило И т в е р д ь и море в о с п а л и л о; Он слышит: с горной высоты Г л а г о л раздался чародея.*

В поэзии К. Ф. Рылеева внутри одного текста в количественном отношении высокая лексика представлена скупой, но славянизмы используются поэтом почти в каждом произведении гражданского содержания на фоне нейтральной или книжно-поэтической лексики. Например, в последнем стихотворении поэта, написанном перед казнью:

*Для смертного ужасен подвиг сей;
Но он к бессмертию стезя прямая;
И благовествуя, мой друг, речет о ней
Сама нам истина святая!
И плоть и кровь п р е г р а д ы вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмевать и дерзостно бесславить,*

*Торжественно вас будут убивать,
Но тщетный страх не должен вас тревожить.
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять,
И этим зла вам причинить не может...
Как радостно, о друг любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу
И, как орел, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.*

В прозе декабристов славянизмы имеют небольшой удельный вес. Сравнение отрывков из «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки и «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева убедительно показывает, как изменилось представление о слоге прозаических сочинений, насыщенных глубоким содержанием.

У А. Н. Радищева странница, явившаяся ему во сне, вещает: *Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая их вокруг и бдящая денно-ночно стоглазо, воспрещает мне вход в оные. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изгнать из обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюся от тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои паки возродят, и кора, светом непроницаемая, покрывает твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо; едва на шаг один взоры твои досязат будут. Все в веселом являться тебе будет виде (глава «Спасская полесь»).*

У Ф. Н. Глинки путешественник также видит сон. Отрок Григорий говорит царю: *Государь есть отец, покровитель, защитник своего народа... Но ты не государь, ибо попираешь правосудие ногами и пред всеми являешь себя рабом своих страстей! Ты не друг, ибо дружба, дар неба для убогих и несчастных, не может быть уделом царей: ты только грозный владыка, притеснитель!*

Сравним отрывки из статьи К. Н. Батюшкова «Прогулка в Академию Художеств» и известные строки А. С. Пушкина в поэме «Медный всадник».

У К. Н. Батюшкова: *...Что было на этом месте до построения Петербурга? Может быть, сосновая роцца, сырой, дремучий бор или топкое болото, поросшее мохом и брусникою; ближе к берегу — лачуга рыбака, кругом которой развешены были мрежи, невода и весь грубый снаряд скудного промысла. Сюда, может быть, с трудом пробирался охотник, какой-нибудь длинноволосый финн. Здесь все было безмолвно. Редко человеческий голос пробуждал молчание пустыни дикой, мрачной; а ныне? Я взглянул невольно на Троицкий мост, потом на хижину великого монарха... И воображение мое представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные. Из крепости Нюсканц еще гремели шведские пушки; устье Невы еще было покрыто неприятелем, и частые ружейные выстрелы раздавались по болотным*

б е р е г а м, когда великая мысль родилась в уме великого человека. «Здесь будет г о р о д,— сказал он,— чудо света. Сюда призову все искусства, все искусства. Здесь искусства, искусства, гражданские установления и законы победят самую природу». Сказал — и Петербург возник из дикого б о л о т а¹.

У А. С. Пушкина:

*Прошло сто лет — и юный г р а д,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи б л а т
Вознесся пышно, горделиво.*

Пушкин сознательно выбирает неполногласную форму слов *город, болото (град, блато)* для патетического, декламационного стиля. Батюшков в прозе употребляет полногласную форму слов для конкретного описания места, где Петр I построил город.

Несмотря на то что декабристы и близкие к ним по своим лингвистическим взглядам писатели (А. С. Грибоедов, П. А. Катенин) ратовали за употребление славянизмов, нельзя отождествлять позиции А. С. Шишкова и его сторонников с позицией младших архаистов — участников полемики 10—20-х гг. XIX в.

Ю. Н. Тынянов в работе «Архаисты и новаторы» разграничивает высказывания старших и младших архаистов, утверждая: признание исконной противопоставленности церковнославянского и древнерусского языков заставляет представителей данного направления отказаться от историко-лингвистического обоснования высокого слога и опираться исключительно на функциональное значение церковнославянизмов и архаизмов вообще².

Как справедливо писал В. Н. Орлов, «на том основании, что Катенин (как и его литературные друзья) питал пристрастие к «славянщизне» в поэтическом языке и ожесточенно боролся с карамзинизмом и «Арзамасом», его неоднократно сближали и даже связывали с реакционером Шишковым. Говорить об идеологической близости Катенина, Грибоедова, Кюхельбекера к Шишкову и шишковистам, разумеется, не приходится. Но и в собственном литературном плане такое сближение неправомерно... Да и сама борьба с эстетикой и поэтикой карамзинизма велась Катениным и его друзьями уже на другом плацдарме — вокруг центральных литературных проблем эпохи 1810-х годов: народности и романтизма»³.

Важно и второе замечание В. Н. Орлова: о том, что, выступая «под славянским знаменем против арзамасцев», Катенин и его сторонники решали общие с арзамасцами проблемы. «Именно в том заключается глубокое и принципиальное различие позиций Катенина и шишковцев, всецело остававшихся на почве омертвевших теорий XVIII в.»⁴.

¹ Атены.— 1824.— С. 25—26.

² Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники.— М., 1968.— С. 39.

³ Орлов В. Н. Павел Катенин // Катенин П. А. Стихотворения.— Л., 1954.— С. 26.

⁴ Там же.— С. 28.

Образцом высокого стиля писатели начала XIX в. считали не церковные тексты XI—XVII вв., как А. С. Шишков, а произведения М. В. Ломоносова, где употреблялись только те славянизмы, которые «всем грамотным людям вразумительны». Например, А. А. Бестужев пишет: «Где вы найдете у Ломоносова: *бляше, зряше, посмевахуся, дождеже, сице* или что подобное?»¹; он иронизирует по поводу неудачного перевода П. А. Катениным текста трагедии Расина «Эсфирь»: «Уста мои, сердце и весь мой живот Подателя благ мне да Господа славят» — Переводчик хотел украсить Расина; у него даже животом славят Всевышнего»².

Полемизируя с П. А. Катениным в статье «Замечания на критику», А. А. Бестужев восклицает: «Для редкости, я бы желал взглянуть на поэму или трагедию, в наше время написанную на славенском языке, хотя бы не стихами, но в благородной (т. е. не мещанской) прозе». Б. А. Успенский удачно комментирует этот текст: «Заимствуя в качестве чужого слова у Катенина эпитет *благородный*... Бестужев придает этому слову существенно иной — а именно социологический смысл: для Катенина *благородный* равнозначен «важному», для Бестужева *благородный* — это не «мещанский»; оба понимания, таким образом, оказываются полемически противопоставленными»³.

Следовательно, среди так называемых младших архаистов не было единства, хотя все они призывали писателей использовать славянизмы для создания высокого слога, обозначения высоких понятий в текстах глубокого идейного звучания.

II. Сентиментализм, предромантизм и особенно романтизм во многом обусловили развитие русской поэтической речи, с одной стороны, в плане формирования традиционно-поэтической лексики и устойчивых поэтических словосочетаний, участвующих в создании художественных образов многих поэтов XIX—XX вв., вошедшей в словарный состав современного русского языка. С другой стороны, романтизм обусловил возможность слова, погруженного в поэтический текст, «обрастать обертонами смысла» (Г. О. Винокур), многообразными контекстуальными оттенками значения.

1) По поводу языковых единиц первой группы В. В. Виноградов писал: «К лексическим поэтизмам — общим или особым для каждой эпохи — относится отстоявшийся и образовавшийся набор стандартизованных в поэтическом творчестве данного периода слов и оборотов»⁴. Действительно, в лирических произведениях романтиков часто употребляются слова, называющие предметы и явления действительности, связанные с представлением людей о прекрасном или величественном: *небо, звезды, луна, месяц, солнце, роза, ландыш,*

¹ Сын отечества.— 1888.— Ч. 77.— № 20.— С. 253.

² Поводом для иронического осмысления текста явилось возможное в XIX в. восприятие славянизма *живот* (жизнь) в значении его омонима — *живот* (часть тела).

³ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.— М., 1985.— С. 44.

⁴ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика.— М., 1963.— С. 170.

буря, гроза, океан, море, бездна, пустыня, весна, утро, вечер, ночь и т. п. Большинство из слов этого типа употребляются как один из компонентов метафорических словосочетаний.

Г. А. Гуковский в книге «Пушкин и русские романтики» приводит много примеров метафорических словосочетаний, функционирующих в текстах первой четверти XIX в., вызывающих нареkanie старовров: *красноречивая река, онемевший сад, святой полдень, безмолвные берега, душистая тень* и т. п. Так автор одной из статей 1828 г., помещенной в «Отечественных записках», утверждал: «...*река быстрая, глубокая, мелкая, но не красноречивая* (ибо она не ораторка), ... *сад цветущий, но не онемевший* (ибо когда ему несвойственно говорить, то и нѣму тоже)»¹.

А. Д. Григорьева в статье «Поэтическая фразеология к. XVIII — н. XIX в. (именные сочетания)»² рассматривает типовые поэтические словосочетания, широко употребляемые поэтами в течение всего XIX в.: *огонь любви, пламень любви, огонь священный, пламень роковой, священный, небесный, вдохновенный, светило дня* (о солнце), *светило ночи* (о луне), *океан небес, звезда надежды, искра надежды, искра жизни* и др.

Рассмотрим несколько употреблений метафорических словосочетаний с опорным словом, обозначающим небесное светило. Так, слово *солнце* в составе метафорического словосочетания находим в текстах Рыльева, Жуковского, Дельвига, Языкова, Вяземского, Пушкина. У Жуковского: *Солнце в высоком блаженстве сияет* («Наль и Дамаянти»), *Не часто ль солнце образ свой купает в лоне вод?* («Рыбак»), у Дельвига: *В унынии, цепях печалится природа, и солнце красное тебя страшится зреть* («Отъезд»).

Лексема *солнце* входит в состав устойчивого поэтического словосочетания *лик солнца: Так сокрывается лик солнца величавый За громовые облака* (Языков. Песня барда), *Кто кроет солнца лик развернутым крылом?* (Дельвиг. К А. С. Пушкину).

В составе словосочетаний различного типа, употребленных поэтами первой четверти XIX в., активизируется эстетическое значение слова *звезда*, которое входило в семантическую структуру этого слова еще в глубокой древности. Например, *Ночь безлунная звездами убирала синий свод* (Языков. Элегия), *Как шитый полог, синий свод Пестреет частыми звездами* (Пушкин. Какая ночь).

Все исследователи (А. Н. Веселовский, Г. А. Гуковский, В. В. Виноградов, А. Д. Григорьева, Е. С. Большакова и др.) отмечают, какую важную роль в создании романтического (ночного) пейзажа играет *луна*. Лексема *луна* в таких текстах употребляется в составе словосочетаний *задумчивая луна, печальная луна, золотая луна, серебряная луна, луна льет сияние, луна объемлет душу, луна рдеда, луна серебрит поток* и т. п.

¹ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики.— М., 1965.— С. 93—94.

² Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология к. XVIII — н. XIX в. (именные сочетания) // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху.— М., 1964.

*Распространяла ночь туманный свой покров,
Терялся вдалеке чуть слышный звук свирели,
И рог луны глядел из облаков,
И струйки ручейка хрустящие блестели...*

(К. Ф. Рылеев. Воспоминания)

*На небесах печальная луна
Встречается с веселою зарею,
Одна горит, другая холодна.*

(А. С. Пушкин. На небесах печальная луна...)

Как известно, Жуковский написал «Подробный отчет о луне», где представлены самые разнообразные словосочетания с этим, словом: *блеск луны на стены сыплется зубчатый; Сия волшебная луна, Друг нашей ночи неизменный; Ему луна сквозь темный бор Лампадой таинственной светит* и др.

В поэтических текстах первой четверти XIX в. постоянно функционируют устойчивые словосочетания, именные (атрибутивные и генитивные) и глагольные, перифрастические и неперифрастические, с постоянным одним компонентом или двумя компонентами, являющимися поэтизмами. Например, генитивные словосочетания: *свод неба, твердь неба, сень неба, кров неба, храм неба, пустыня небес* и атрибутивные: *небесный свод, небесный кров, небесная пустыня*, перифразы: *светило дня* (о солнце), *светило ночи* (о луне), *пустыня бытия, море зла* (о жизни), сочетания *пламя свободы, глас денницы, звезда надежды, жизнь души* и др.

*Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокой,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.*

(В. А. Жуковский. Цветок)

*По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло.*

(Е. А. Баратынский.
Последняя смерть)

В состав традиционно-поэтической лексики входят славянизмы. В текстах романтиков, как и в текстах писателей сентиментального направления, они используются для создания поэтического образа, служат целям версификации: *вежды, очи, перси, ланиты, уста, денница, глава, чело, хладный, златой* и др.

*Всюду встречи безотрадные:
Ищешь суетных людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...*

(К. Ф. Рылеев. Стансы)

*Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг,
Пугалище дриад, приют крикливых вранов.*

(П. А. Вяземский. Первый снег)

*Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо:*

*В русских локонах небрежных
Рисовался легкий стан;
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман.*

(И. И. Козлов. Венецианская ночь)

Философская основа поэзии романтиков обусловила широкое употребление здесь, как и в более поздней лирике символистов, субстантивов: *невыразимое, прекрасное, высокое, таинственное, земное, вечное, мертвое, живое, незабвенное, ужасное, волшебное* и т. п. У Жуковского: *Как бы эфирное там веет меж листов, Как бы невидимое дышит*, у Батюшкова: *Тень незабвенного! Ответствуй, милый брат! Или протекшее все было сон, мечтанье...*, у Дельвига: *Минувшие певцы гремят струнами, их шумный глас минувшее поет.*

Как и в произведениях неоклассиков, в текстах поэтов-романтиков широко представлены мифологемы: *Афина, Аврора, Аполлон, Феб, Морфей, Эрот, аониды, музы, грации, дриады, наяды, нимфы, хариты, Аид* — подземное царство, жилище теней умерших, *Лета* — река забвения в подземном царстве и др. У Жуковского: *Приди, о Муза благодатна...*, у Дельвига: *... ты знаешь, во мрачном хаосе Родился прекрасный Эрот*, у Кюхельбекера: *Пушкин! Питомцу богов хариты рекли: «Наслаждайся!»*,

*О! Если я сойду к брегам туманной Леты
Как неизвестная, немая тень,—
Пусть образ мой, душой твоей согретый,
Еще раз узрит день!*

(«Грибоедову»)

2) В поэтических текстах первой четверти XIX в. слово — «верховная образотворческая единица» (В. В. Виноградов), способная обнаружить здесь эстетическое значение или получить приращение, новые контекстуальные семы, подвергнуться преобразованию (В. П. Григорьев), что обусловлено литературным направлением и субъективными словесно-психологическими ассоциациями поэтов. К лирике Жуковского, Дельвига, Козлова, Пушкина вполне приложимо высказывание Б. А. Ларина: «Можно считать всеобщим и постоянным свойством лирики в мировой литературе — семантическую осложненность»¹, хотя речь в его статье идет о поэзии XX в.

Поэтам первой четверти XIX в. свойственно постоянное вни-

¹ Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи // Эстетика слова и язык писателя.— Л., 1974.— С. 100.

мание к семантической однородности и неоднородности слов, входящих в стиховой ряд. Ср., например, соседствующие лексемы с семей конца в стихотворении Жуковского «Вечер» (*померкнуть, последний, вечер, умирает, потухший, угасает*), в стихотворении Вяземского «Я пережил» (*изведал, пережил, замолк, разочлась, погребла*) или противопоставление слов с эмоционально-оценочными семами в стихотворении Пушкина «Ненастный день потух» при создании двух контрастных романтических пейзажей.

- 1) *Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.*
- 2) *Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами.*

Другая особенность поэтического слова романтиков — его неопределенность, диффузность, «разлитость». «Для них всего важнее едва родившееся или только стоящее на пороге рождения, лишенное твердых очертаний, находящееся в становлении, творимое и еще не сотворенное»¹.

*Есть что-то знакомое, близкое мне
В пучине воздушной, в небесном огне;
Звезды полуночной таинственный свет
От духа родного несет мне привет.*
(В. К. Кюхельбекер. Родство со стихией)

*Как гласом ближнего, как друга призываньем
Мой слух ласкается в вечерней тишине!
Мне сердце говорит веселым трепетаньем:
Здесь есть невидимый, но кто-то близкий мне.*
(Н. И. Гнедич. Приютинно)

*Твой голос нежности привет;
В нем что-то радужное блещет;
В нем то, чему здесь имя нет.*
(И. И. Козлов. К левнице Зонтаг).

Как справедливо пишет Г. А. Гуковский, наиболее полно романтическая мысль о невозможности выразить словом внутренний мир, душу поэта передана Жуковским в стихотворении «Невыразимое», предвосхитившем знаменитое «Silentium» Ф. И. Тютчева.

¹ Гуковский Г. А. Указ. соч.— С. 56.

*Что нам язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?...*

Б. М. Эйхенбаум, считая основным в лирике романтиков не содержание, а выражение, форму, звучание, выделяет особую единицу романтического текста — группу слов в одном звучании («Мелодика стиха»): Г. А. Гуковский называет такую группу «музыкальным словесным потоком» и в качестве примера приводит стихотворение Жуковского «Вечер»: «Жуковский создает музыкальный словесный поток, качающийся на волнах звуков и эмоций сознание человека»¹.

Слово романтиков — звучащее слово, романтический текст — «сладкая гармония» звуко сочетаний, воспринятая поэтами второй половины XIX — начала XX вв. Ср. актуализацию звуков «р» и «л» в балладе «Эолова арфа» Жуковского:

- 1) *И поздно, и рано
Под древом свиданья Минвана грустит.
Уныло с Минваной
Один лишь нагорный поток говорит;*
- 2) *Сидела уныло
Минвана у древа... душой вдалеке...
И тихо все было...
Вдруг... к пламенной что-то коснулось щеке;
И что-то шатнуло
Без ветра листы;
И что-то прильнуло
К струнам, невидимо слетев с высоты...*

3) Романтическая лирика повышено эмоциональна, экспрессивна, поэтому здесь постоянно используются конструкции и приемы экспрессивного синтаксиса: приемы повтора, контраста, умолчания, инверсии, вопросительные, восклицательные предложения, прерывистые строки, предложения с актуализированным порядком слов, однородными рядами и др. Например:

*Смотри... очарованья нет,
Звезда надежды угасает...
Увы! Кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?*

(В. А. Жуковский. Цветок)

¹ Гуковский Г. А. Указ. соч.— С. 59.

*Мир, славу, суеты протекшие и горе,
Все, все у ног твоих, как тяжкий сон забыть!
Что в жизни без тебя? Что в ней без упования,
Без дружбы, без любви — без идолов моих?
И муза, сетуя, без них
Светильник гасит дарованья.*

(К. Н. Батюшков. Элегия)

*В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет!*

(В. К. Кюхельбекер. 19 октября 1837 г.)

III. Рост общественного самосознания в период Отечественной войны и после ее окончания, декабристское движение, появление нового литературного направления — романтизма — обусловили выдвигание на первое место проблему дальнейшей демократизации литературного языка, проблему народного и национального в литературе.

В 1816 г. в «Письмах к другу» Ф. И. Глинка свидетельствовал: «Частые разговоры о войне отечественной, о славе имени и оружия русского, о духе народа, о мужестве войск были поводом к рассуждению о необходимости ее истории». Появляется «История государства Российского» Н. М. Карамзина, исторические произведения М. Н. Муравьева, В. Т. Нарезного, В. А. Жуковского, П. А. Катенина, А. А. Бестужева, думы Рылеева, посвященные отдельным деятелям русской истории, «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, где широко употребляются историзмы и славянизмы для воссоздания колорита эпохи. Например:

*Нескудное вено прияла сестра
От щедрого Августа-брата;
Премного он звонкого дал ей сребра,
Немало и яркого злата.
Все хвалят княгиню: красна и добра,
Разумна, знатна и богата.*

(П. А. Катенин. Старая быль).

<i>Иртыш кипел в крутых берегах, Вздыхались седые волны, И рассыпались с ревом в прах, Бия о брег, козачьи челны.</i>	<i>С вождем покой в объятьях сна Дружина храбрая вкушала; С Кучумом буря лишь одна На их погибель не дремала!</i>
---	---

(К. Ф. Рылеев. Смерть Ермака)

Принцип исторической народности, по-разному понимаемый писателями психологического романтизма и писателями гражданского романтизма, обусловил введение в литературу стилистических прие-

мов и языковых единиц фольклора. А. А. Бестужев утверждал: «Уединение зовет его (автора), просит природы, богатое начертанное лоно старины и мощного свежего языка перед ним расступается — вот стихия поэта, вот колыбель гения!»¹. Статья В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии» заканчивается фразой: «Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности».

Появляются баллады П. А. Катенина («Ольга», «Убийца», «Наташа», «Леший»), В. А. Жуковского («Людмила», «Светлана», «Ивиковы журавли» и др.), песни Ф. И. Глинки, Д. В. Давыдова, А. А. Дельвига, по-разному реализующие один из тезисов поэтики романтизма: в основе поэтического произведения должен быть национальный колорит, «дух языка народного». В. А. Жуковский более строго отбирал для своих произведений единицы живой разговорной речи, П. А. Катенин использовал простонародную и грубо-просторечную лексику. Ср. тексты вольного перевода баллады Бюргера «Ленора» поэтов, соперничающих в жанре баллад.

*Казни столп; над ним за тучей
Брезжит трепетно луна;
Чьей-то сволочь летучей
Пляска вокруг его видна.
«Кто там! сволочь! вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».*

*Сволочь с песнью заунывной
Понеслась за седоком,
Словно вихорь бы порывной
Зашумел в бору сыром.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.*

(П. А. Катенин. Ольга)

*Слышат шорох тихих теней:
В час полуденных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом*

*В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики,
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок,
Будто плещет ручеек.*

(В. А. Жуковский. Людмила)

Однако, как справедливо пишет Р. В. Иезуитова, первой национальной русской балладой стала «Светлана» В. А. Жуковского, Кто не помнит с детских лет ее текст, динамичный, лаконичный, эмоциональный: «Вымолви словечко», «Загадай, Светлана», «Занялся от страха дух», «Едем! Поп уж в церкви ждет», «Сели... кони с места в раз!» и т. п. Кто не помнит наизусть начала баллады?

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;*

*Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;*

¹ Бестужев-Марлинский А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 г. // Собр. стихотворений.— Л., 1948.— С. 179.

*В чашу с чистою водою
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;*

*Расстилали белый плат,
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.*

В тексты произведений названных жанров проникают слова, имеющие в «Словаре Академии Российской» стилистические пометы «простонародное» и «просторечное», функционирующие прежде в произведениях низкого стиля: *барахтаться, буяннить, бедокур, бело-ручка, взбалмошный, визгливый, лежебока, назойливый, надоедать, насунуть, хихикать; болтать, бурчать, вполне, глазастый, даром, жадный, жара, заведомо, зубастый, коверкать, красotka, наотрез, навеселе, так ('даром')* и др.

Для создания национального колорита поэты и прозаики употребляют бытовую лексику, также бывшую прежде достоянием низкого стиля, то есть слова, называющие предметы деревенского и городского быта, одежду, обувь, пищу, питье и т. п. Например:

*Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.*

(К. Ф. Рылеев. Иван Сусанин)

*Нет, братцы, нет, полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!*

(Д. В. Давыдов. Полусолдат)

*В селе Зажитном двор широкий,
Тесовая изба,
Светлица и терем высокий,
Беленая труба.*

(П. А. Катенин. Убийца)

Ср. описание Сенной площади и Невского проспекта, предвосхищающие описание Петербурга Н. В. Гоголем и Ф. М. Достоевским, в тексте повести А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание»: *Площадь кипит. Слитный говор слышится издалека, сквозь который только порой можно отличить слова: «Барин! Барин ко мне!..; сани снуют взад и вперед,— это праздник смурых извозчиков, так характеристически названных «Ваньками», на которых везут, тащат и волокут тогда всё съестное. Все трубы дымятся и окрашивают мраком туманы, висящие над Петрополем... Парикмахерские ученики бегают как угорелые со щипцами и ножницами. На голоса разносчиков являются и исчезают в форточках головы немочек в папильотках... Невский проспект словно горит. Кареты и сани*

мчатся наперегонку, встречаются, путаются, ломают, давят. Гвардейские офицеры скачут покупать новомодные эполеты, шляпы, аксельбанты, примеривать мундиры и заказывать к Новому году визитные карточки...

В произведениях романтиков используется этнографическая лексика для создания местного колорита. Например, К. Ф. Рылеев не только употребляет в поэме «Войнаровский» целый ряд слов, бытующих в Сибири или на Украине, но и дает им толкование в примечаниях: *«Юрта — жилище диких сибирских обывателей, ясак — подать мехами, собираемая с сибирских народов, варнак — преступник, публично наказанный и заклеянный, даха — шуба вверх шерстью, из шкуры дикой козы; чебак — большая теплая шапка с ушами, заимка — вне города место, занятое под частный дом, пальма — так называют в Сибири длинные, широкие и толстые ножи...», с ними якуты, юкагиры и другие северные народы ходят на лосей, медведей, волков и проч.»*

Ср. комментарии А. А. Бестужева-Марлинского к его якутской балладе «Саатыр»: *«дюгюрь — бубен, поднизки — женские серебряные украшения, колода — якутский гроб, аях — огромный деревянный кубок, чувал — камин, очаг, он стоит посредине юрты»* и комментарии декабриста Н. А. Чижова к его якутскому рассказу «Нуча»: *«Нуча — этим именем якуты называют русских; исых — празднество якутов, бывающее летом, в то время, когда попевает кумыс; дюгюрь — бубен, в который бьют шаманы, призывая духов»*.

В 10—30-е гг. многие писатели выступают в журналах, высказывают в письмах мысль о необходимости более широкого привлечения в литературу слов и устойчивых словосочетаний, характерных для фольклорных текстов. Этим требованиям соответствуют произведения многих романтиков: у Жуковского: *А Людмила! Ждет - пождет...; Борзый конь и ржет и дышет; На чугунное крыльцо тихо брякнуло кольцо; Ветер буйный перестанет; Черный ворон встрепенулся; Красные холмы вижу я и т. п.*, у Дельвига: *Как со мною, Молодцем, Грусть-злодейка сведалась!; Что, певунья пташечка, замолчала? Как ты, сердце, сведалось с черным горем?; Полететь бы пташечке к синю морю, убежать бы молодцу В лес дремучий!; Ты лети, мой соловей, хоть за тридевять земель, хоть за синие моря, на чужие берега и т. п.*

В 30-е гг. П. Киреевский начинает собирать русские сказки, в это же время Жуковский и Пушкин создают свои сказки. Как справедливо пишет Е. А. Маймин: «Пушкин сумел создать на литературной почве поразительную иллюзию непосредственного, как бы стихийного творчества, свойственного сказке народной. Жуковский создал иной, чисто литературный тип сказки, с обнажением приема, с прямо выраженной авторской иронией — тип сугубо романтической сказки»¹.

Мы не находим в сказках Жуковского грубопросторечных язы-

¹ Маймин Е. А. О русском романтизме. — М., 1975. — С. 45.

ковых единиц, но здесь часто употребляются народно-поэтические слова и выражения, разговорные лексемы и синтаксические конструкции: *студеная вода, светлый месяц, «Царевич рос не по дням, по часам», «старик с бородою зеленой», «батюшка царь-государь», «не плачь, не крушися, родитель», «Э! Э! да тут, примечаю, что-то нечисто»*

*Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво пил;
по усам текло, да в рот не попало. И всё тут.*

(«Сказка о царе Берендее»)

Как и в произведениях карамзинистов, в поэзии и прозе романтиков разговорные синтаксические конструкции представлены очень широко. Например, у В. А. Жуковского:

*Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!*

(«Песня»)

*— Родимый, лесной царь нас хочет догнать,
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.*

(«Лесной царь»)

*Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты.*

(«Суд божий над епископом»).

У А. А. Дельвига:

*Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке, конопляночке.*

(«Русская песня»)

*Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!*

(«Пела, пела пташечка»)

У П. А. Вяземского:

*«Теперь-то быть в дороге славно!»
Подхватит тут прямой русак.
Да черта с два! Как бы не так,
Куда приятно и забавно!*

(«Русская луна»)

*Неволя, духота и холод;
Нос зябнет, а в ногах тоска,
То подтолкнет тебя в бока,
То головой стучишь, как молот.*

(«Кибитка»)

Естественно, что наиболее частотны разговорные синтаксические конструкции в прозаической речи, особенно в диалогах. Например, в исторической повести А. А. Бестужева-Марлинского «Ревельский турнир»: «— Да, да... это сказать, — так стыд, а утаить — так грех! Хорошо еще, что такая оплошность — со стороны моря»; «— Тебе завтра будет вдоволь работы, — продолжал он, сводя разговор на турнир». «— Работы, барон? Разве я кузнец?»; «У прочих... у других! Другие мне не указ»; «— Ты рехнулся, доктор»; «— Виноват, зачитался» и т. п. Ср. в авторском тексте: *На чем бишь мы остановились?* («Ревельский турнир»); *Но вспомните, что мы оставили гостей, не простясь»; «— Между тем гостей развели и развели; Всё утихло, и тем грустнее стало; Помилуйте, господин сочинитель! — слышу я восклицания многих моих читателей* («Испытания») и т. п.

Демократизация русского литературного языка, связанная с произведениями сентиментализма и особенно романтизма, достигает высшей степени в середине XIX в., когда реализм, сохранивший все достижения предшествующих литературных направлений, становится господствующим направлением.

В формировании языка реалистической литературы, в процессе выработки норм устной литературной речи, в процессе сближения литературного языка с живой народной речью важную роль сыграли И. А. Крылов, синтезирующий языковые средства народной речи с различными языковыми элементами литературного языка (нейтральными, книжными, разговорными) в пределах басни, А. С. Грибоедов, осуществивший этот синтез в пределах комедии, и А. С. Пушкин, в творчестве которого гармоническое слияние всех жизнеспособных элементов современного ему литературного языка с элементами народной речи произошло в текстах всех жанров литературы.

§ 2. РОЛЬ И. А. КРЫЛОВА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Басни И. А. Крылова появились в журналах конца XVIII в., в 1809 г. вышла первая книга его басен, получившая высокую оценку В. А. Жуковского как образец легкого, приятного и живописного рассказа. В 1838 г. в речи, обращенной к баснописцу, В. А. Жуковский отметил основную особенность басен, приучивших читателей «любить отечественный язык», отразивших ум русского народа, ставших национальным достоянием, — их народность.

В 1840 г. в «Отечественных записках» появилась статья В. Г. Белинского, где Крылов рассматривался как один из предшествен-

ников Пушкина: «В них (баснях.— Е. К.) вся житейская мудрость, плод практической опытности и своей собственной и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально-русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собой такое неисчерпаемое богатство идиомов, русизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении»¹.

Басни Крылова — маленькие драматические сценки, где персонажи свободно разговаривают друг с другом или автор беседует с читателем. Обращение к читателю может быть непосредственным: *Читатель! Я бы был неправ кругом*; может восстанавливаться с помощью личных местоимений при глаголе в обобщенном значении: *Как хочешь ты трудись, Но приобрести не лъстись Ни благодарности, ни славы, Коль нет в твоих руках ни пользы, ни забавы*; может подчеркиваться формой личного местоимения первого лица множественного числа, обозначающего и автора, и его воображаемого собеседника: *Кого нам хвалит враг, в том верно проку нет*.

Значительное место в текстах занимают обращения действующих лиц друг к другу: *Приятель, не поешь?* («Чиж и Еж»); *За что орлы в чести такой? Неужли за полет, голубушка соседка?*; *Мой милый скворушка, ну, что за прибыль в том?* («Скворец»).

Речь персонажей вводится в текст нейтральными глаголами: *говорить, сказать, рассказывать, спросить, ответить, шептать, кричать*, и просторечными: *гуторить, клепать* и др.

Колорит разговорной речи достигается широким употреблением междометий и частиц: *Псаря кричат: «Ахти, ребята, вор»* («Волк на псарне»); *Ох, мой голубчик, куманек!* («Лисица и Сурок»); *И, полно, братец!* («Прохожий и собака»); *Так поди же, попляши!* («Стрекоза и Муравей»); *Ба, ты, косой; Вот, братцы!* («Заяц на ловле»).

Можно указать различные формы слов, типичные для строя разговорной речи, например, употребление имен существительных мужского рода с флексией *-у* в родительном падеже или в предложном падеже единственного числа (наряду с флексиями *-а, -е*, свойственными письменной речи): *И рылом подрывать у Дуба корни стала, но Ей с Дубу ворон говорит; И простонал весь век свой без умолка, но Лягушка вопит без умолку; Коль в доме станут воровать, но Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому*.

В баснях много слов с суффиксами субъективной оценки, характерными для живой разговорной речи и произведений устного народного творчества. Например, в басне «Ворона и Лисица»:

Голубушка, как хороша!

Ну, что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие перушки, какой носок!

¹ Отечественные записки.— 1840.— Т. X.— Отд. VI.— С. 5.

*И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись!*

Глагольные формы также свидетельствуют о близости языка басен Крылова к разговорной речи: *Тихохонько медведя толк ногой; Хвать друга камнем; Ис возомбух в канаву; Что прежде Музы здесь жилали; Мы лавливали и ершей; То гордый конь его копытом крепким бьет, то зубом волк рванет, то острым рогом вол боднет; То кувыркнется, то развернется, то весь в комок он соберется, И новые дружба ну целоваться, ну обниматься; Нашла чурбан и ну над ним возиться.*

Для басен Крылова характерно широкое употребление эллипсисов, неполных предложений, односоставных предложений, что создает эффект непосредственной беседы автора с читателем или персонажей друг с другом: *Не тут-то: море не горит. Кипит ли хоть? — И не кипит («Синица»); Не для того, чтобы похвал ему хотелось, И не за что; так как-то пелось! («Чиж и Еж»);*

Сума становится уж тяжеленька.

— «Довольно ль?» — «Нет, еще». — «Не треснула б?»

— «Не бойсь».

— «Смотри, ты Крезом стал». — «Еще, еще маленько:

Хоть горсточку прибрось».

— «Эй, полно! Посмотри, сума ползел уж врозь».

— «Еще щепоточку». Но тут кошель прорвался...

(«Фортуна и нищий»)

В баснях Крылова много простых предложений. «Если с ходом и разворачиванием басенного сказа у Крылова синтаксис теряет спокойное течение, достигая той особой живости и непосредственности, то начала — зачины большинства крыловских басен — состоят из правильной фразы классической постройки, содержащей в одном сжатом предложении ... «сигнал» фабульной темы¹: *Вороне где-то бог послал кусочек сыру («Ворона и Лисица»), Мартышка в старости слаба глазами стала («Мартышка и очки»), Стрелок весной малиновку убил («Добрая Лисица»), Чиж захлопнула злодейка-западня («Чиж и Голубь») и т. п.*

В текстах с напряженным развитием действия также преобладают простые предложения: *Лисица видит сыр, — лисицу сыр пленил; Проходит год. Никто нейдет; Красавицы сошли; Очки не действуют никак; Скончал певец и т. п.*

В лексике басен особенно ярко отражается своеобразие живой разговорной речи: *отведать, клепать, приплести, таскаться, отвадить, схватиться, спохмелья, вздуриться, детина, диковинка, угомон, удалой, старуха, шмыгнуть и т. п.* Например:

Нет угомона на старуху:

Днем перевесть она не даст за пряжей духу.

(«Госпожа и две служанки»)

¹ Орлов А. С. О языке басен Крылова // Орлов А. С. Язык русских писателей. — М.; Л., 1948. — С. 118.

*Он рад был в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.*

(«Волк и Кот»)

В баснях Крылова большое количество фразеологических словосочетаний: *ломать голову, бежать без оглядки, как гора с плеч, разинуть рот, уши вянут, нести дичь, с руками рвут* и т. п.; пословиц и поговорок: *Не попусту в народе говорится: не плюй в колодезь — пригодится воды напиться; Хоть говорят, что бедность не порок; Не даром говорится, что дело мастера боится; Тут поздно девушки узнали, что из огня да в полымя попали; Что ты посеял, то и жни* и др.

Автор сам умел создавать выражения, сочетания слов, необычайно меткие, что обусловило их вхождение в состав фразеологии современного русского языка: *А ларчик просто открывался* («Ларчик»), *Что сходит с рук вора, за то воришек бьют* («Вороненок»), *Услужливый дурак опаснее врага* («Пустынный и медведь»), *Слоно-то я и не приметил* («Любопытный»), *У сильного всегда бессильный виноват*.

Однако басни Крылова показывают, как изменились понятия «низкий стиль», «простой стиль» в XIX в., поскольку отобраны языковые единицы поэтом в зависимости от темы, характера персонажа. Недаром А. А. Бестужев жалел, что Крылов в XIX в. перестал писать комедии. Талант баснописца заключался в умении в пределах одного текста объединить элементы живой речи и элементы различных стилей литературного языка.

*Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерет когтями.*

(«Лев и Комар»)

*От стужи малого прошибли слезы,
И Ласточку свою, предтечу теплых дней,
Он видит ни снегу замерзшую.*

(«Мот и Ласточка»)

Иногда переход от книжного литературного языка к живой разговорной речи специально подчеркивается автором:

*Какой-то в древности вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее: умер он.*

(«Вельможа»)

Возможно сочетание различных языковых элементов в одном произведении в зависимости от изменения темы басни («Роща и Огонь», «Мор зверей», «Червонец», «Дуб и Трость»). Например, в начале басни «Дуб и Трость» преобладают нейтральные и разговорные

языковые элементы:

*С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
— «Поистине, роптать ты вправе на природу»,
Сказал он: «Воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть».*

В конце басни употреблены книжные языковые элементы:

*Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам головой касался
И в области теней пятою упирался.*

Кроме того, язык басен Крылова меняется в зависимости от жанра произведения: басни отвлеченно-публицистического содержания («Пушки и Паруса», «Лань и Дервиш») написаны более книжно, басни бытового содержания («Волк и Ягненок», «Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей») написаны более просто.

Например, в басне «Лань и Дервиш» много книжной лексики: *младая, чадо, млеко, расточать, муза* и др.

*Младая Лань; своих лишась любезных чад,
Еще сосцы млекою имея отягченны,
Нашла в лесу двух малых волченят
И стала выполнять долг матери священный,
Своим питая их млекою.*

В басне «Ворона и Лисица» широко употребляется разговорная лексика: *взгромоздиться, позадержаться, близехонько, плутовка* и др.

*Вороне где-то бог послал кусочек сыру:
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.*

В книжных текстах басен Крылова используются существительные с суффиксом *-ств-*, позже ушедшие из литературного языка: *препятство, бедство, свирепство, дружество*; с суффиксом *-ость-*: *высокость, красивость, пожизненность, алчность*; книжная лексика: *сребро, злато, вещать, глас, уста, вертепы, стезя, сокрытие*; традиционные поэтические словосочетания: *любимец и певец Авроры, лира Пиндара, Феб лучезарный* (о солнце), *царство Флорино, Золоты сыны, как сирена сладкогласен* и др.

Однако более всего характерно для басен Крылова широкое использование языковых средств различных стилей литературного языка и стилей живой речи в зависимости от темы произведения. В баснях о судьях («Щука», «Крестьянин и Овца», «Волк и Овцы»)

использованы элементы деловой речи: *истец, запросчик, уголовное дело, донос, улики, прокурор* и т. п.

*На Шуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались...
Для должного ж в порядке дел надзора,
Им придана была Лиса за Прокурора.*

(«Шука»)

В басне «Фортуна в гостях» есть слова купеческого профессионального жаргона:

*Один из них хоть был торгош плохой;
А тут, что ни продаст, ни купит,
Барыш на всем большой он слупит;
Забыл совсем, что есть наклад,
И скоро стал, как Крез, богат.*

В. А. Жуковский первый показал, что басни Крылова — прекрасные поэтические произведения: «Можно забыть, что читаешь стихи: так этот рассказ легок, прост и свободен. Между тем какая поэзия! Я разумею здесь под словом поэзия искусство представлять предметы так живо, что они кажутся присутственными». Например:

*Со всех лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог*
(«Лягушки, просящие царя»)

Поэт видит здесь искусство в «соединении односложных слов, которые своею гармониею представляют скачки и прыганье». Сравнивая басню «Пустынник и медведь» Лафонтена и переложение ее Крыловым, критик утверждает: «Здесь подражание несравненно лучше подлинника».

У Лафонтена:

*Sur le bout de son nez une allant se placer,
Mit l'ours au désespoir — il eut beau la chasser!*
(Устроившись на кончике его носа, муха
Повергла медведя в отчаяние — хорошо бы прогнать ee!)

У Крылова:

*Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,*

Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воstrуху!»
И, ў друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, хватъ друга камнем в лоб.

Вывод Жуковского: «За пятью длинными, тяжелыми стихами следует быстрое полустихье: *Хватъ друга камнем в лоб*. Это молния, это удар! Вот истинная живопись и какая противоположность последней картины с первою»¹.

§ 3. РОЛЬ А. С. ГРИБОЕДОВА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

А. С. Грибоедов — автор 12 пьес: «Студент» (совместно с Катениным), «Кто брат, кто сестра» (совместно с Вяземским), «Притворная неверность» (совместно с А. А. Жандром) и др., но в историю русской литературы и в историю русского литературного языка он «вошел только с «Горем от ума», как литературный однодум» (Н. К. Пиксанов).

Декабристское содержание, уникальность формы, цензурные запреты обусловили внимание к драме Грибоедова широких читательских кругов, рукописные списки «Горя от ума» ходили по рукам в огромном количестве начиная с 1824 г. В 1830 г. Ф. Б. Булгарин заявлял: «Ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии...».

«Горе от ума» — социальная драма, намного опередившая развитие русской реалистической драматургии, один из важных источников наших сведений о нормах русского литературного языка первой четверти XIX в., особенностях живой московской речи этого периода.

В. Ф. Одоевский писал после прочтения комедии: «До Грибоедова слог наших комедий был слепком слога французских; натянутые, выглаженные фразы, заключенные в шестистопных стихах, приправленные именами Милонов и Милен, заставляли почитать даже оригинальные комедии переводными, непринужденность была согнана с комической сцены; у одного г-на Грибоедова мы находим непринужденный, легкий, совершенно такой язык, каким говорят у нас в обществах, у него одного в слогe находим мы колорит русский»³.

Эту же мысль проводит в статье «Милльон терзаний» И. А. Гончаров: «Нельзя представить себе, чтобы могла явиться когда-нибудь другая, более естественная, простая, более взятая из жизни речь»⁴.

1. Как и в баснях Крылова, в комедии Грибоедова отражение норм живой разговорной речи можно проследить на разных уровнях; орфоэпическом, грамматическом, лексико-фразеологическом.

¹ Жуковский В. А. Эстетика и критика.— М., 1985.— С. 195—196.

² Северный архив.— 1830.— № 1.— С. 13.

³ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.— СПб., 1913.— Т. II.— С. 310.

⁴ Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма.— Л., 1938.— С. 57.

а) В орфографии текста нашло отражение произношение жителями Москвы отдельных слов и форм слова: *испужал, сурьезный, клоб, рюматизм, Бейрон* и др. Например: [Фамусов:] *Я скоро к ним вбежал! Я помешал! Я и спужал!; Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!;* [Лиза:] *Скажите лучше, почему Вы с барышней скромны, а с горничной повесы?* и т. п.

При обращении персонажей друг к другу отчество произносится сокращенно, как и в современной разговорной речи: «*А! Александр Андрееч, просим...*», «*Сергей Сергеич, к нам сюда-с*», «*Нам, Алексей Степаныч, с вами не удалось сказать двух слов*» и др.

б) В репликах Лизы, Фамусова, Хлестовой и других героев комедии широко представлены просторечные формы слова: *живали, хватъ, пеньё, для доклада, у докторше* и др. Например:

[Фамусов:]

*Пиши в четверг, одно уж к одному,
А может в пятницу, а может и в субботу,
Я должен у вдове, у докторше, крестить...*

[София:]

*Позвольте, батюшка, кружится голова,
Я от испуги дух перевозжу едва.*

[Хлестова:]

Я за уши его дирала, только мало.

[Фамусов:]

*А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! С молодым! — Заняты для девицы!*

в) Эмоционально-экспрессивной насыщенности текста способствует постоянное употребление именной лексики с суффиксами субъективной оценки: *равнехонько, петличка, сверстничек, старичок, черномазенький, должок* и др. Например: [Фамусов:] *Моя невеста ушка, которой уж давно Об вас говорено.*

[Молчалин:]

*Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа;
Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
Кругом все прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор:
Игольничик и ножинки, как мылы!
Жемчужинки, растертые в белилы! ...*

[Хлестова:]

*От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку.—
Вели их накормить, ужо, дружочек мой ...*

г) В комедии много постпозитивных частиц, разговорных (-ка, -то) и просторечных (-ста, -тка, -от): [Фамусов:] *Весь в орденях; е ж ж а л-т о вечно цугом; С к а ж и-к а, что глаза ей портить не годится. И в чтеньи прок-о т не велик; П о д и-к а, ляг, усни опять; П о ж а л о-с т а, сударь, при нем остерегись;* [Хлестова:] *Не мастерица я полки-т а различать* и т. п.

В репликах всех персонажей употребляется частица -с для придания речи оттенка вежливости, почтительности, подобострастия:

[Молчалин:] *Не т-с, свой талант у всех...*

[Чацкий:] *У вас?*

[Молчалин:] *Д в а-с: Умеренность и аккуратность;*

[Фамусов:] *Сергей Сергееч, к нам с ю д а-с,*

Прошу покорно, здесь теплее;

[София:] *Ребятство!*

[Чацкий:] *Д а-с, а теперь,*

В семнадцать лет вы расцвели прелестно.

д) Текст комедии насыщен междометиями: *ба, тьфу, ах¹, а, ух, э, ой, тс, эй, ох*. Например: [Хлестова:] *Ух! Я точнехонько избавилась от пегли;* [Репетилов:] *Э! Брось! Кто нынче спит!;* [Чацкий:] *Ба! Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!* Ср. реакцию князя Тугоуховского на все реплики его жены: «*О-хм!*», «*И-хм!*», «*А-хм?*», «*Э-хм?*», «*У-хм?*», что вызывает обобщающую реплику графини-бабушки:

Что? А? Глух, мой отец; достаньте свой рожок.

Ох! Глухота большой порок.

е) В тексте комедии «Горе от ума» воспроизведены синтаксические конструкции живой разговорной речи: односоставные, неполные предложения, эллиптические конструкции. Так, персонажи комедии широко употребляют определенно-личные предложения (*Переведу часы, хоть знаю: будет гонка, заставлю их играть*), неопределенно-личные (*Не спи, покудова не скатишься со стула; Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь: все слышат*), безличные (*Светаает; Для Софьи слишком было б рано; Ах, в самом деле рассвело!*), номинативные (*Уж день!; Стук! Шум! Ах! Боже мой! Сюда бежит весь дом!; Ну бал!; Смятенье! Обморок! Поспешность! Гнев! Испуга; И свет и грусть*).

Комедия Грибоедова дает интересный материал для изучения диалогической речи, так как реплики персонажей создают видимость живого диалога, даже если учитывать всю условность изображения жизни на сцене. Одной из особенностей диалогической речи является обилие в ней неполных предложений, имеющих большой удельный вес в комедии «Горе от ума».

В разговоре Софии и Лизы в первом действии:

[София:] *Который час?*

[Лиза:] *Седьмой, осьмой, девятый.*

[София:] *Неправда.*

На балу в третьем действии:

[Г. Н.]: *Ты слышал?*

[Г. Д.]: *Что?*

[Г. Н.]: *Об Чацком?*

¹ По подсчетам В. Н. Куницкого только междометие *ах!* употребляется в тексте комедии 60 раз (Куницкий В. Н. Язык и слог комедии Грибоедова «Горе от ума». — Киев. — 1894).

[Г. Д.:] *Что такое?*

[Г. Н.:] *С ума сошел!*

[Г. Д.:] *Пустое.*

Г. О. Винокур, приводя в одной из своих статей последний диалог, замечает: «Быстрота смены этих вопросов и сжатость их сразу вводят зрителя в атмосферу того, что вслед за тем происходит на сцене, где в несколько мгновений толпа оказывается охваченной пожаром сплетни, возникшим из искры, из случайной обмолвки Софьи»¹.

К столкновению реплик героев комедии применим термин «полифонизм», поскольку одновременное звучание нескольких голосов сразу — один из самых распространенных приемов воссоздания реальных событий на сцене в драме Грибоедова. Например: [София:] (бежит к окну). *Ах! Боже мой! упал! убили!* (падает в обморок). [Чацкий:] *Кто? Кто это?* [Калозуб:] *С кем беда?* [Чацкий:] *Она мертва со страху.* [Калозуб:] *Да что? Откуда?* [Чацкий:] *Ушибся обо что?* и т. п.

Как и в баснях Крылова, в комедии Грибоедова представлены почти все те синтаксические конструкции, которые отмечены Н. Ю. Шведова как типичные приметы разговорной речи²: сочетание нескольких одинаковых глагольных форм для подчеркивания длительности действия ([Фамусов:] *Сергей Сергеич, запоздали: А мы вас ждали, ждали, ждали*), сочетание двух глагольных форм, одна из которых обозначает характер действия ([Чацкий:] *Беги, не оглянись, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!*), полное совпадение действий ([Чацкий:] *Не образумлюсь... виноват. И слушаю, не понимаю*), специфические отрицательные конструкции ([София:] *Он с ними целый день засадет, рад не рад*) и др.

ж) В репликах персонажей комедии «Горе от ума» широко представлены лексические единицы устной речи. К ним относятся и бытовая лексика: *колпак, халат, платок, жилет, «скляночка с духами», софа, отдушник, ширма, мести, обедать, зевать, чернить* (волосы) и др.

[Фамусов:] *Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!
Эй, Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!*

Все персонажи драмы высказывают свое отношение к Чацкому, друг к другу, различным событиям в жизни русского общества и за рубежом. Главный герой произведения также оценивает

¹ Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи.— Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.— С. 263.

² См.: Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи — М., 1960.

все и всех. Это обусловило широкое использование в комедии «Горе от ума» эмоционально-экспрессивной оценочной лексики: *глупец, дурак, обманщик, змея* (о человеке), *мошенник, плут, сорванец; вздор, дичь, дрянь, сплетни, чепуха; вздорный, завиральный, полумный, угорелый; беситься, врать, глазеть, коверкаться, рыскать* и т. п. Например: [Чацкий:] *Обманщица смеялась надо мною!* [Репетилов:] *Какая чепуха!*; *Вранье!*; *Дичь!*; [Фамусов:] *Ослы! Сто раз вам повторять; [Хлестова:] Лгунишка он, картежник, вор; Прощайте, батюшка, пора перебеситься* и др.

3) Показательна фразеология текста комедии. «Поговорочный материал в «Горе от ума» творится репликами всех действующих лиц, главных и второстепенных, положительного (Чацкого), нейтральных и отрицательных, так что он составляет своего рода естественную стихию, в которой развивается сценическая речь комедии»¹. В репликах Чацкого: *куда как хороши; ни на волос любви; чуть свет; все в голос повторяют; ври, да знай же меру;* в репликах Софии: *броситься со всех ног; с рук сойдет; горе ждет из-за угла; что за него, что в воду; сон в руку;* в репликах Фамусова: *выкинуть штуку; в полмя из огня; как пить дадут; за вами далеко тянуться; какого ж дал я крюку; бьют баклуши* и др.

«Чтобы исчерпать характерность языка Хлестовой, не нужно отбирать все удачное,— пришлось бы просто выписать целиком ее роль. Стиль речей большой московской барыни, умной и бывалой, но примитивной по культуре, плохо, как в темном лесу, разбирающейся в «пансиондах, школах, лицаех», может быть, даже полуграмотной, матери-командири в богатых барских гостиных, но близкой по всем крепостным отношениям к русской деревне,— этот стиль теперь сохранен в «Горе от ума» для истории как эпиграфические отрывки на античных мраморах: *час битый ехала с Петровки, силы нет; ночь света преставленье; от ужина сошли подачку; все кошачьи ухватки; Москва, вишь, виновата; черт суищий; чай, в карты сплутовал; я за уши его дирала; Молчалин, вон чуланчик твой; А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось; прощайте, батюшка, пора перебеситься; полоумный, твой отец.* Речь московской барыни бесцеремонна, грубовата, но метка, полна отголосков простонародности»².

А. С. Грибоедов, чувствуя необычайно остро своеобразие устойчивых словосочетаний русского языка, создал сам большое количество выражений, которые стали крылатыми, дополнили состав фразеологии русского языка.

Г. О. Винокур справедливо отмечал: «Нет ничего удивительного в том, что даже такой строгий и придирчивый судья русской литературной речи, как Даль, открыл доступ некоторым грибоедовским выражениям в свое собрание русских пословиц. «Многие изречения писателей наших,— писал Даль в предисловии к своему сборнику,— по краткости и меткости своей стоят пословицы, и здесь нельзя не

¹ Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи.— С. 64.

² Пиксанов Н. К. О языке «Горя от ума» // Ученые записки ЛГУ.— 1955.— № 200.— Серия филологических наук.— Вып. 25.— С. 6.

вспомнить Крылова и Грибоедова; но я включил в сборник те из этих изречений, которые случилось мне слышать в виде пословиц, когда они, принятые в устную речь, пошли ходить отдельно»¹.

В. Ф. Одоевский свидетельствовал: «Почти все стихи комедии Грибоедова сделались пословицами, и мне часто случалось слышать в обществе целые разговоры, которых большую часть составляют стихи из «Горе от ума».

Действительно, трудно перечислить все крылатые слова, источником которых является комедия Грибоедова: *Счастливые часов не наблюдают; Блажен, кто верует, тепло ему на свете; Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом* и др.

II. «Горе от ума» — памятник русского литературного языка первой четверти XIX в., как и роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Поэтому здесь представлены две формы литературного языка: книжная и разговорная в их взаимодействии, функционируют языковые единицы различной стилистической принадлежности: нейтральные, книжные и разговорные.

В монологах и диалогах главных героев чередуются нейтральные, книжные и разговорные языковые единицы в зависимости от речевой ситуации, собеседника, темы высказывания, так же, как в речи Онегина и Ленского, Печорина и Грушницкого, Татьяны, Веры, героев и героинь Тургенева. Синтез различных языковых единиц так органичен, что вычленение их при анализе текста нарушает гармонию образов.

Во втором действии:

*А судьи кто? — за древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют все песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы?
Которых мы должны принять за образцы?*

В третьем действии:

[Молчалин:]

*В мои лета не можно сметь
Свое суждение иметь.*

[Чацкий:]

*Помилуйте, мы с вами не ребята;
Зачем же мнения чужие только святы?*

¹ Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи.— С. 295.

[Молчалин:]

Ведь надобно ж зависеть от других.

[Чацкий:]

Зачем же надобно?

[Молчалин:]

В чинах мы небольших.

Недаром искусство Грибоедова в построении диалогов сразу оценили его современники. «Но что такое неправильности слога Грибоедова?...— спрашивает В. К. Кюхельбекер. С одной стороны, опущения союзов, сокращения, подразумевания, с другой — плеоназмы,— словом, именно то, чем разговорный язык отличается от книжного. Ни Дмитриеву, ни Писареву, ни Шаховскому и Хмельницкому (за их хорошо написанные сцены), но автору первой главы «Онегина»¹ Грибоедов мог бы сказать то же, что какому-то философу, давнему переселенцу, но все же не афинянину, сказала торговка: «Вы иностранцы». — «А почему?» — «Вы говорите слишком правильно, у вас нет мнимых неправильностей, тех оборотов и выражений, без которых живой разговорный язык не может обойтись»².

Однако книжность речей Чацкого отличает его реплики (особенно монологические), от реплик других персонажей, здесь «много слов, которые не встречаются в репликах Хлестовой, и, может быть, не встретились бы в них и при большем их объеме: *судья, древность, свободный, вражда, непримиримый, сужденья, черпать, газета* и т. д.»³.

Умение Чацкого владеть книжным стилем речи отмечают и действующие лица комедии «Горе от ума»: София в разговоре с Лизой: «Остер, умен, красноречив», Фамусов Скалозубу: «Он малый с головой, и славно пишет, переводит»; «Что говорит! И говорит, как пишет» (после реплики Чацкого: «Вольнее всякий дышит И не торопится вписаться в полк шутов»).

Книжная лексика, представленная в репликах Чацкого, имеет различный состав: славянизмы, выполняющие функцию создания торжественного ораторского слога: *алчущий, воссылать, отторженный, прах, раболепство, сырый*; русская книжная лексика широкого употребления: *древность, вражда, колдовство, мечтатель, отечество, слабодушие, торжество, соорудить*; генитивные словосочетания: *расточитель слов, недруг лиц, мучителей толпа, Нестор негодяев, полк шутов, век покорности и страха, игра судьбы, чад и дым надежд* и др. Например: *Все гонят! все клянут! Мучителей толпа, В любви предателей, в вражде неутомимых; Когда пострапанствуешь, воротись-ся домой, И дым отечества нам сладок и приятен.*

В репликах Чацкого встречаются иноязычные слова: *пикет, бал,*

¹ Характерно, что В. К. Кюхельбекер первый из критиков обратил внимание на то, что в первой главе романа Пушкина «Евгений Онегин» больше книжных текстов, чем в остальных главах.

² «Русская старина». — 1875. — Т. XIV. — С. 85.

³ Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи. — С. 292.

балет, альбом, клуб, бульварный, маскарад, артист, ментор и др., отсутствующие в «Словаре Академии Российской» 1789 г., что не мешает главному герою комедии, высказывая мысли автора, выступить против галломании дворянства в знаменитом монологе («Французик из Бордо»).

Иноязычная лексика характерна для реплик Софии: *танцмейстер, фортепьяно, бал, дуэль, гений, роман, прикмахер* (парикмахер), *билет*; Загорецкого: *оригинал, либерал*; Репетилова: *ресторации, балы, камеры, материя, прелюдия*; для реплик Фамусова, Хлестовой и гостей на балу.

[Княгиня:]

*Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверье
Профессоры!! — У них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерья.
От женщин бегают, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.*

В диалогах и монологах Чацкого — сложная гамма чувств: ирония, сарказм, тревога, гражданский пафос, печаль, радость, нежные любовные эмоции, ревность, что обусловило тонкую социальную и психологическую речевую характеристику главного героя драмы. В монологах, созданных в ораторском стиле, преобладает книжная лексика.

*Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,
Они тотчас: — разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!!*

В иронических контекстах преобладает разговорная, эмоционально-оценочная, экспрессивная лексика:

*Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие маневров и мазурки! (о Скалозубе),*

*Вот он на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожкой умел к ней в сердце влезть! (о Молчалине),
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных...*

В речи Чацкого используются особые поэтические приемы: инверсия, повтор, антитеза, сравнение и особые стилистические средства: традиционно-поэтическая лексика, эмоциональная лексика («лексика чувств»): *душа, сердце, страсть, пылкость, любить, блаженствовать, не охладить* и т. п.

В лирических монологах героя представлены метафорические словосочетания, употребляемые поэтами первой четверти XIX в.: *игра судьбы, голова горит, кровь в волнении, излить желчь, вы расцвели* и т. п.

- 1) *Лицо святейшей богомолки!*
И все-таки я вас без памяти люблю.
- 2) *Но есть ли в нем та страсть? то чувство?*
пылкость та?
Чтоб, кроме вас, ему мир целый
Казался прах и суета?
- 3) *Душа здесь у меня каким-то горем сжата,*
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Речь Софии также изменяется на протяжении пьесы, но лексический состав ее реплик иной. Как отмечал еще П. А. Вяземский, здесь чувствуется влияние прочитанных романов, употребляются словосочетания, встречающиеся на страницах этих романов: *цветистый луг, град колкостей, кривизна души, герой не моего романа, играть жизнью, бледны как смерть, убийственны холодностью* и др.

Подумаешь, как счастье своевольно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда же печальное ничто на ум нейдет,
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла;

В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью все узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах... и т. п.

Реплики героини остроумны, решительны, часто ироничны: *«Гоненья на Москву. Что значит видеть свет! Где ж лучше?»; «А кем из них я дорожу? Хочу — люблю, хочу — скажу»;*

[Чацкий:] *Велите ж мне в огонь: пойду, как на обет.*

[София:] *Да, хорошо — сгорите, если ж нет?*

А. С. Грибоедов продолжает традиции комедиографов XVIII в., создавая «языковые маски», социальную и профессиональную характеристику персонажей. Наиболее ярким образцом «языковой маски» является речь Скалозуба, который «переводит любое жизненное

положение на язык привычной для него военно-служебной терминологии» (Г. О. Винокур). Приведем примеры.

[Фамусов:]

Как вам доводится Настасья Николаевна?

[Скалозуб:]

Не знаю-с, виноват;

Мы с нею вместе не служили.

[Фамусов:]

А, батюшка, признайтесь, что едва

Где сыщется столица, как Москва.

[Скалозуб:]

Дистанции огромного размера.

В третьем действии:

Я вас обрадую: всеобщая молва,

Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;

Там будут лишь учить по нашему: раз, два;

А книги сохранят так: для больших оказий.

В четвертом действии:

Я князь-Григорию и вам

Фельдфебеля в Волтеры дам,

Он в три шеренги вас построит,

А пикните, так мигом успокоит.

Более сложен образ Молчалина, но и здесь преобладает социальная и профессиональная речевая характеристика, использование языковых единиц, типичных для речи чиновника: *С бумагами-с; Я только нес их для доклада; что в ход нельзя пустить без справок, без иных; По мере я трудов и сил, С тех пор, как числюсь по архивам, Три награжденья получил; Чиновные и должностные — Все ей друзья и все родные и т. п.*

Все это показывает, что комедия «Горе от ума» — первое реалистическое произведение в русской драматургии, так как реализм как метод литературы мог возникнуть лишь в начале XIX века, после завершения формирования основы русского литературного национального языка, ибо в реалистическом произведении план выражения, обусловленный содержанием, невозможен без использования всех реально существующих языковых элементов.

Основные выводы

1. Русский национальный язык формируется в течение нескольких столетий: в середине XVIII века сложилась его морфологическая система, в конце XVIII — начале XIX века — синтаксическая система, в первой четверти XIX века устанавливается современное соотношение различных лексических пластов в литературном языке и языке художественной литературы, закладываются основы современной стилистики.

2. Важную роль в развитии поэтической речи как особой формы литературного языка сыграл романтизм, произведения поэтов-романтиков первой четверти XIX в.: В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева, А. А. Дельвига, Н. М. Языкова и др.

3. Рост общественного самосознания в первой четверти XIX в., декабристское движение, развитие романтизма обусловили выдвижение на первое место проблемы народного и национального в литературе.

4. В процессе сближения литературного языка с живой народной речью, в образовании норм литературной речи, в формировании специфических языковых особенностей художественной литературы важную роль сыграли И. А. Крылов и А. С. Грибоедов.

5. И. А. Крылов и А. С. Грибоедов синтезируют языковые единицы живой народной речи с различными языковыми элементами литературного языка в пределах одного литературного жанра: Крылов — в басне, Грибоедов — в комедии.

6. Наиболее полное отражение процесс демократизации русского литературного языка нашел в творчестве А. С. Пушкина, так как в его произведениях произошло гармоническое слияние всех жизнеспособных элементов русского литературного языка с элементами живой народной речи.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.— М., 1982.— Глава пятая.

Виноградов В. В. Язык и стиль басен Крылова // Избранные труды: Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя.— М., 1990.

Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.

Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики.— М., 1965.

История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века.— М., 1981.

Левкович Я. Л. Поэзия декабристов // История русской литературы.— Л., 1981.— Т. 2.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской литературы // Ученые записки Тартуского университета.— 1975.— Вып. 358.

Маймин Е. А. О русском романтизме.— М., 1975.

Медведева Н. Н. «Горе от ума» А. С. Грибоедова.— М., 1974.

Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX в.— М.; Л., 1959.

Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху.— М., 1964.

Орлов А. С. Язык русских писателей.— М.; Л., 1948.— С. 62—122.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин и его современники.— М., 1969.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.— М., 1985.— Ч. III.

ГЛАВА VII.

РОЛЬ А. С. ПУШКИНА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Существуют различные точки зрения в понимании роли Пушкина в истории русского литературного языка. Одни исследователи объявляют его родоначальником (основоположником) современного русского литературного языка (например, А. Д. Григорьева, И. С. Ильинская, Ю. С. Сорокин), другие считают, что нормы русского литературного национального языка складываются в XVIII— начале XIX вв., а Пушкин — создатель языка русской художественной литературы (Д. Д. Благой, Б. В. Томашевский, А. В. Гулыга и др.). Например, А. В. Гулыга пишет: «Иногда у нас называют имя Пушкина как создателя современного языка... Пушкин отнюдь не из скромности ставил на первое место Карамзина. Ибо одно дело эстетические вершины языка, а другое — создание нормы. Вершин достиг Пушкин, а норму создал Карамзин...»¹.

Другая точка зрения представляется более убедительной, хотя взаимовлияние литературного языка и языка художественной литературы в первой четверти XIX в. было очень сложным, что прекрасно показано в книгах В. В. Виноградова «Язык Пушкина» и «Стиль Пушкина». Однако многое в этих книгах и других работах В. В. Виноградова подкрепляет вторую точку зрения.

Например, в книге «О языке художественной литературы» читаем: «Реализм как словесно-художественная система в литературе того или иного народа не может сложиться до образования соответствующего национального литературного языка, он возникает и развивается или с созданием нормы национального литературного языка и осознанием многообразия социально-речевых стилей народно-разговорной речи, или в зависимости от специфических социально-исторических условий течения этих процессов в той или иной национальной культуре — после того, как сформировался национальный литературный язык, претерпел соответствующие изменения в своей структуре и в своих взаимодействиях с языком художественной литературы, с ее стилями»².

Вероятно, правомерна и первая точка зрения — Пушкина можно считать родоначальником современного русского литературного языка, но при этом следует учитывать целый ряд факторов.

¹ Гулыга А. В. Карамзин в системе русской культуры // Литература и искусство в системе культуры.— М., 1988.— С. 376.

² Виноградов В. В. О языке художественной литературы.— С. 466.

1. Пушкин завершил длительную эволюцию литературного языка, используя все достижения русских писателей в области литературного языка и стилистики, совершенствуя все то, что сделали до него Ломоносов, Карамзин, Крылов, Грибоедов, декабристы, Жуковский, Батюшков. «Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более. Она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преобразованном виде»¹.

2. Пушкин дал наиболее совершенные образцы русского литературного языка XIX в. (20—30-х гг.), нормы которого, за некоторыми исключениями, остаются действующими, живыми для нашего времени. Не случайно многие правила в учебниках по русскому языку для V—IX классов средней школы, значение и характер употребления слов в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах и «Словаре русского языка» в 4 томах (1981—1984) подтверждаются примерами из произведений Пушкина. Описание грамматического строя современного русского языка: характеристика его форм, законов словоизменения, способов образования слов, словосочетаний, синтаксических конструкций в «Русской грамматике» (1980) также сопровождается цитатами из произведений Пушкина и его современников. Как писал Г. О. Винокур, «именно... в художественном языке Пушкина и нашел русский национальный язык ту воплощающую норму, которая была целью всех сложных событий, происходящих в нем с конца XVII в.»².

3. В творчестве Пушкина процесс демократизации русского литературного языка нашел наиболее полное выражение, так как здесь произошло гармоническое слияние всех жизнеспособных элементов живой народной речи (отбор этих элементов был еще актуален для первой четверти XIX в.) с литературным языком. Начиная с середины 20-х гг., в произведениях Пушкина было возможным употребление любой языковой единицы (литературной и нелитературной, стилистически значимой и нейтральной, книжной и разговорной, традиционно-поэтической и общеупотребительной). Однако отбор и употребление всех языковых единиц Пушкиным были подчинены «чувству соразмерности и сообразности», необходимости выполнять в данном тексте определенные стилистические функции, обусловленные темой, типом текста, социальным положением героя, конкретными эстетическими задачами автора, поставленными в данном тексте.

4. В период деятельности Пушкина завершается процесс разрушения жанровой обособленности содержания и формы художественного произведения. Основной категорией текста художественного произведения становится микротекст (фрагмент текста, по выражению Ю. Н. Тынянова), о чем писали Г. А. Гуковский, Б. В. Тома-

¹ Городецкий Б. П. Лирика Пушкина.— М.; Л., 1962.— С. 32.

² Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку.— С. 99.

шевский, Г. О. Винокур, А. И. Горшков. Так, А. И. Горшков самым важным в реформе Пушкина считает преобразование текста: «свободное сочетание и взаимопроникновение языковых единиц, прежде разобщенных и противопоставленных в историко-генетическом, экспрессивно-стилистическом и социально-характерологическом плане», в результате чего «изменился состав и строй словесных рядов, иными стали приемы их развертывания, и, как следствие этого, новые качества приобрела лингвистическая композиция текста»¹.

5. Тексты и микротексты в произведениях Пушкина отразили особенности живой народной речи и литературного языка, но для истории русского литературного языка важно отражение в этих текстах двух форм литературного языка: книжной и разговорной, а также языковых и речевых стилей литературного языка первой четверти XIX века.

6. Произведения Пушкина показывают уникальность художественных текстов на языковом и речевом уровне: норма и антинорма, обычное и поэтическое формоупотребление и словоупотребление, свое и чужое (традиционно-поэтические языковые единицы и их трансформация), но все это объекты исследования стилистики художественной речи, а не истории русского литературного языка.

§ 1. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

Большинство исследователей выделяет в творчестве Пушкина два периода. Первый — до середины 20-х гг. XIX в.: юношеские лицейские стихи; стихотворения первого петербургского периода (1817—1819), поэма «Руслан и Людмила»; южные произведения (1819—1824), — который характеризуется тесной связью с поэзией XVIII — начала XIX вв., поисками новых форм выражения поэтической мысли, открытием возможностей нового литературного направления — романтизма в создании поэтического образа, обновлении системы поэтических средств. Второй период — с середины 20-х гг. (1824—1837): работа над трагедией «Борис Годунов», романом «Евгений Онегин»; расцвет реалистического метода в творчестве Пушкина, полное раскрытие всех особенностей до сих пор не познанного гения Пушкина, новатора, реформатора русского литературного языка и стилистики.

Это деление, конечно, условно, как и любая периодизация. Следует помнить, что и в творчестве Пушкина 20—30-х гг. нашла свое место традиционно-поэтическая манера письма, в то время как уже в первых произведениях поэта заметно стремление к лаконичности, использованию языковых единиц живой разговорной речи, художественно-изобразительных средств устного народного творчества, нарушение стилистического однообразия текста.

I. «В лицейские годы у Пушкина вырабатывается важнейшая стилистическая тенденция всего его творчества — отношение к худо-

¹ Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. — М., 1983. — С. 148—149.

жественному, пока еще только поэтическому слову как к самому тонкому и емкому средству индивидуального и общественного самоутверждения личности, ее духовной независимости, названной впоследствии Пушкиным ее «самостоянием». Но это не значит, что Пушкин-лицеист уже обрел то, к чему стремился. Лирический герой его лицевых стихотворений еще не может претендовать на подлинное самовыражение в нем авторской личности. Герой этот в основном еще «литературен» и соотносится с различными распространенными в то время лирическими стереотипами и их жанрово-стилистическими канонами»¹.

В раннем творчестве Пушкина находят место наиболее продуктивные в начале XIX в. лирические жанры: послание, антологическая пьеса, ода и элегия, языковые и стилистические особенности которых найдут место в зрелых произведениях поэта, хотя строгая иерархия жанров, как уже отмечалось, изживает себя.

Особенно важным оказался опыт молодого Пушкина в жанре дружеского послания, объемного, разностильного, с традиционно-поэтической и «домашней семантикой» слова (Ю. Н. Тынянов), «сочетанием условности и бытописания» (Л. Я. Гинзбург): «К другу стихотворцу», «Князю А. М. Горчакову», «К Батюшкову», «К Пушкину», «П. А. Вяземскому» и т. п. Например, в послании «Городок» 1815 г.:

1) *Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»*

2) *Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой...*

Поэт употребляет устойчивые словосочетания: *Психеи златокрылой; наперсник уз; в волнах туманной Леты; певца сопутник милый; мой свет, мой добрый гений, предмет моей любви* — и создает окказиональные словосочетания: *Ванюша Лафонтен, «Известные твои увы! одним мышам», «вытолкал за дверь заботы и печали»* и т. п.

1) *Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы*

*В юдоли, где расцвел,
Мой горестый удел?*

2) *Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен.*

Текстам, созданным в рамках карамзинского слога, противостоят реалистические бытовые описания, строки, напоминающие произведения зрелого Пушкина, стилизованные под фольклор.

¹ Купреянова Е. Н. А. С. Пушкин. // История русской литературы.— Л., 1981.— Т. 2.— С. 243.

1) *И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись*

*И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви...*

2) *У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть набалтает...
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,*

*Антошка балалайку,
Играя, разломал,—
Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;
А я сижусь смиренно,
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.*

Своим лицейским стихам Пушкин мог бы отнести упрек, высказанный позже в адрес послания Батюшкова «Мои Пенаты»: «Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни»¹. Подобное содержание обусловило сочетание мифологем, традиционной поэтической лексики с единицами живой разговорной речи, названное Ю. Н. Тыняновым противоречивостью лексических рядов.

Противоречивость лексических рядов характерна для многих ранних произведений Пушкина (послание «К Наталье», «Монах», «К другу стихотворцу», «К сестре» и др.). Так, для наименования лирического героя послания «Городок» употребляются слова и словосочетания, неоднородные в стилистическом отношении: *поэт младой, мечты невольник милый, чернец небогатый, узник, расстрига*.

В ранних произведениях Пушкина славянизмы, слова, пришедшие в русскую литературу из античной мифологии, слова и выражения живой разговорной речи, иноязычная лексика употребляются свободно, без особых стилистических задач. Например, в послании «К Наталье»: *воксал, театр, бал; зефир, Талия, Купидон; полуотверсты очи, томноокий; немчура, колпак, цыгарка* и т. п. В стихотворении «К другу стихотворцу»: *стезя, лавры; Пегас, Парнас, Аполлон; червонцы, крапива, хоронишь, мужики, простяки* и т. п.

В ранних произведениях Пушкина встречаются традиционные перифразы: *Из Катонов я в отставку, и теперь я — Селадон* («К Наталье»); *Арист! И ты в толпе служителей Парнаса! Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса* («К другу стихотворцу»); *Денница красная выводит Златое утро в небеса* («Кольна»); *И в час безмолвной ночи, Когда ленивый мак покроет томны очи...* («Городок») и устойчивые словосочетания живой разговорной речи: *Я живал да попевал; А уж так и сяк размажет; с хватской шапкой набекрень; море не*

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т.— М., 1964.— Т. 7.— С. 570.

перешагнуть; не просыпаюсь с петухами; не спросившись броду и т. п.

От дружеских посланий и других ранних произведений Пушкина тянутся нити к различным микротекстам в пределах одного произведения и необычным для XIX в. словосочетаниям в творчестве Пушкина 20—30-х гг., хотя там иная обусловленность — стремление воссоздать действительность во всех ее противоречиях, многообразии физического и душевного бытия человека.

По традиции Пушкин широко использует славянизмы в ранних произведениях, и особенно в стихах лицейского периода, где они в основном выполняют версификационную (техническую) функцию, то есть являются «поэтическими вольностями». И. С. Ильинская в книге «Лексика стихотворной речи Пушкина» (1970) приводит примеры большого количества славянизмов в этой функции в ранних произведениях поэта. Например, из словообразовательных вариантов с приставками *пре-*, *при-* на ранний период приходится 18 слов с *пре-*, из них 15 — на лицейские стихи, на остальные произведения — 5; из словообразовательных вариантов с приставками *со-*, *с-* на ранний период приходится 18 слов с приставкой *со-*, из них 12 — на лицейские стихи, на остальные произведения — 7. В рифменных парах употребляется славянизм *нощь* (*рощи — нощи*, *но очи — ноци*) — 4 раза, из них 3 в лицейских стихах; часто встречаются в текстах неполногласные варианты: *глава*, *драгой*, *младой* и др., лексические славянизмы: *ветрило*, *зреть*, *вещать*, *твердь* и др.

В ранних произведениях Пушкина представлены глаголы *возгреметь*, *возжечь*, *восшуметь*, *воспеть*, *воссиять* (наряду с глаголами *загреметь*, *зажечь*, *зашуметь*), варианты *сопутник* и *спутник*, *сокрылись* и *скрылись*, *глава* и *голова*, *младой* и *молодой* и т. п. Например, в послании «К Галичу»: *веселье молодое, но приют младых отрад*, в стихотворении «Мечтатель»: *миртов молодых, но спутницей младой*, в «Послании к Юдину»: *юности златой, но денницы золотой* и т. п.

Г. О. Винокур в статье «Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина» к «поэтическим вольностям» относит также «усечение» прилагательных и причастий (*пышны дворцы, великолепны залы, кроваву брань, ползущу к Геликону*); «окончания на *-ья (-ия)*» в родительном падеже ед. числа прилагательных и местоимений женского рода (*С рассветом а л ы я денницы* — «Кольна», *Он п е р в ы я стрелы с весельем ожидал* — «Осгар», *В дни резвости з л а т ы я* — «Батюшкову») — подобных формоупотреблений 16 в лицейских стихах Пушкина; «звук *е* вместо *о* после мягких согласных в рифме»: *отдаленных — военных, лет — полет, расцвел — удел* и т. п.¹. Например:

*Зрит барда старого — веселье прошлых лет;
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии времен он созерцал полет.*

(«Оскар»)

¹ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — С. 328—387.

Подсчитывая количество «поэтических вольностей» в ранних произведениях Пушкина, не следует, однако, забывать, что они были характерны и для произведений Пушкина 20—30-х гг., так как представляли собою «удобный версификационный вариант» (Г. О. Винокур) по отношению к соответствующей норме живой речи, и никто из поэтов XIX в. от них не отказывался. Кроме того, и в ранних произведениях Пушкина виден отбор славянизмов для текстов определенной тональности. Концентрация славянизмов характерна для тех стихотворений, где Пушкин отдает дань высокому стилю: «Кольна», «Воспоминания в Царском Селе», «К Лицинию» и др., где представлены и «обветшалые славянизмы»: *расточить* — разогнать, *сретать* — встречать, *куща*, *поносный* — постыдный и т. п. При этом в одной строфе возможно употребление и лексических, и морфологических, и словообразовательных славянизмов. Например, в подражании Оссиану («Кольна»):

*Шумящей прохлажден осиною,—
Там ряд является могил;
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил,
И много, много сильных пало,
И гробы черный вран стрежет.
Гряди — и там, где их не стало,
Воздвигли памятник побед.*

Интересно сопоставить текст «Воспоминаний в Царском Селе» 1814 года и текст «Воспоминаний в Царском Селе» 1829 года.

- 1) *Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.* (1814)

- 2) *Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полуночного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.*

(1829)

Это сопоставление дает возможность понять, чем отличался «высокий стиль» ранних произведений Пушкина от «высокого стиля» его поздних произведений.

К ранним произведениям Пушкина относится также «Вольность» (1817), «Чаадаеву» (1818), «Деревня» (1819), — стихотворения, списки которых распространялись среди читателей различных социальных групп, по содержанию и форме близкие декабристской гражданской лирике. Здесь, естественно, употреблялись те же лексемы и словосочетания, что и в поэзии декабристов. Например, в оде «Вольность»: *свобода, воспеть, рабство, закон, гражданин, тиран* и т. п.; «гроза царей», «свободы гордая певица», «на тронах поразить порок», «Тираны мира! Трещите!», «Восстаньте, падшие рабы», «где крепко с вольностью святой Законов мощных сочетанье» и др.; славянизмы: *сокройся, очи, воспеть, воссела, глава, алчный, чело* и т. п. Например:

*И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Неверные для вас о г р а д ы.*

*Склонитесь первые главои
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.*

Но «романтическая по силе эмоциональной экспрессии лирическая тональность таких стихотворений сочетается в них с карамзинистской точностью и гармоничностью «слога», которых так не хватало до того русской гражданской поэзии, а вместе с тем и с четкостью политической мысли»¹.

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,*

*Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

В ранний период творчества вслед за Н. М. Карамзиным, И. А. Крыловым и Н. А. Катениным А. С. Пушкин использует слова и формы народной речи в произведениях, стилизованных под фольклор («Казак», «Бова», «Русалка»). Например:

*Вот пред ним две, три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.*

(«Казак»)

Однако первым произведением, где средства народной речи используются свободно и смело в речи персонажей и в речи автора, была поэма «Руслан и Людмила», законченная Пушкиным в 1820 г. и встреченная недоброжелательно критикой. Пушкин использовал замысел поэмы Жуковского «Вадим», языковые особенности шуточной волшебной сказки XVIII — начала XIX вв.: Богдановича, Радищева, Карамзина, Востокова и др. Б. В. Томашевский считал отличительной чертой поэмы «Руслан и Людмила» лиризм, а образ иронического рассказчика в ней — первым опытом создания

¹ Куприянова Е. Н. А. С. Пушкин // История русской литературы. — Л., 1981. — Т. 2. — С. 245.

характера современного Пушкину человека¹. Именно образ иронического рассказчика обусловил говорной стиль, большое количество разговорно-просторечной лексики не только в речи героев, но и в речи автора поэмы, а также смену содержания и формы от микротекста к микротексту.

Этого не поняли староверы (архаисты). Так, А. Ф. Воейков назвал мужицкой рифму *кругом — копием*, нашел в поэме много низких слов и выражений: *басурман, всех удавлю вас бороδοю, колдун упал да там и сел*. Его возмутил переход героя от одной манеры речи к другой. «Так ли говорили русские богатыри,— писал он,— и похож ли Руслан, говорящий о траве забвенья и вечной темноте времен, на Руслана, который чрез минуту после восклицает с важностью сердитой:

*Молчи, пустая голова! Знай наших,
Хоть лоб широк, да мозгу мало!²».*

Критик не мог принять употребления в волшебной сказке эгегических словосочетаний: *мрак немой, цвет уединенья, пламень роковой, могильный голос* и т. п.

Почти те же замечания находим в статье «Жителя Бутырской слободы» (А. Г. Глаголева), опубликованной в «Вестнике Европы». После приведения примеров: *Шутите вы со мною — Всех удавлю вас бородою!; Обѣхал голову гругом И стал пред носом молчаливо. Шекотит ноздри копием; Я еду, еду не свищу, А как наеду, не спущу* — он восклицает: «Но увольте меня от подобного описания и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание какибудь втерся (предполагаю невозможное возможное) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне, старику, сказать публике посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна»³.

Защитников «пристойной» карамзинской манеры письма возмутило употребление слов живой народной речи не только в монологах и диалогах героев, но и в авторском тексте:

*Через плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлаф,
На д у ш и с ь, ехал за Русланом.*

*И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
С горбом, с трясу ч е й головой.*

*И между тем я о б м и р а л,
От ужаса з а ж м у р я очи.*

¹ То м а ш е в с к и й Б. В. Пушкин.— М.; Л., 1956.— С. 306.

² Сын отечества.— 1820.— № 34.— С. 39.

³ Вестник Европы.— 1820.— № 11.— С. 219.

*Княжна с постели соскочила,
Седого Карлу за колпак
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащий занесла кулак
И в страхе за виждала так,
Что всех арапов оглушила.*

Современники поэта не смогли понять, что рождается новая, раскованная манера авторского повествования с нарушением различных табу на то или иное слово, ту или иную форму слова, с быстрым переходом от шутки к серьезному рассуждению, от лирических авторских отступлений к непринужденной беседе с читателем, — та манера письма, которая станет основой романа «Евгений Онегин», обогащенная поэтикой романтизма.

II. В начале 20-х гг. Пушкин отдает дань романтизму, сыгравшему ведущую роль в формировании стиля зрелых пушкинских произведений. Влияние Байрона, с одной стороны, В. А. Жуковского, а через него — немецких романтиков на Пушкина давно отмечено исследователями, но дело не в этом.

Романтизм, как уже отмечалось, принес в русскую литературу новые поэтические средства и стилистические приемы создания образа: лирическую манеру повествования, сосредоточенность внимания автора на внутренней жизни героя, недоговоренность, драматические сцены в поэмах и лирических стихотворениях, короткий лирический размер (балладный стих, четырехстопный ямб), особую тональность. Все это позволило русским поэтам, начиная с Карамзина и кончая символистами, создать романтические произведения, вошедшие в мировую литературу, обогатить язык поэзии новыми традиционно-поэтическими единицами, обогатить лексические и синтаксические средства русского литературного языка.

В южных поэмах Пушкина и в лирических стихотворениях 1820—1825 гг. широко используются приемы и средства эмоционально-экспрессивного синтаксиса: повтор, антитеза, вопрос, восклицание, обращение автора к действующим лицам, прерывистая речь героев и автора, «отсутствие риторической связи» в тексте (И. Киреевский) и т. п. Например:

- 1) *В Россию дальний путь ведет,
В страну, где пламенную младость
Он гордо начал без забот;
Где первую познал он радость,
Где много милого любил,
Где обнял грозное страданье
Где бурной жизни погубил
Надежду, радость и желанье.*

(«Кавказский пленник»)

2) <i>Как милы темные красы
Ночей роскошного Востока!
Как сладко льются их часы</i> | <i>Для обожателей Пророка!
Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,</i> |
|---|---|

*В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны*

*Все полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!*

(«Бахчисарайский фонтан»)

Ср. широкое использование обращения к читателю в поэме «Бахчисарайский фонтан»: *Что движет гордою душою? Какою мыслью занят он?; Что ж полон грусти ум Гирея?; Давно ль? И что же!; Чью тень, о други, видел я? или обращения автора к героине в этой же поэме: Он изменил!.. Но кто с тобою, Грузинка, равен красотою?; Грузинка! все в душе твоей Родное что-то пробудило...; Увы, Зарема, что с тобой? и т. п.*

Стремление остановить мгновенье, всмотреться в душу героя, рассмотреть мельчайшие детали пейзажа обусловили актуализацию значения настоящего времени глагола: *Р е д е е т* облаков летучая гряда; *В неволе тихой увядая, Мария плачет и грустит*; *Там, под заветными скалами Теперь она сидит, печальна и одна...*

*Мой голос для тебя и ласковый, и томный
Т р е в о ж и т* позднее молчанье ночи темной.
*Близ ложа моего печальная свеча
Г о р и т*; мои стихи, сливаясь и журча,
Т е к у т, ручьи любви, *т е к у т* полны тобою.
*Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне у л ы б а ю т с я*, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... Люблю... Твоя... Твоя...

(«Ночь»)

Именно с романтической манерой письма связано понятие подтекста. Например, в поэме «Кавказский пленник» автор не сообщает читателю о том, что черкешенка не смогла жить без русского пленника и после его побега бросилась в Терек и погибла. Это ясно из подтекста, а в тексте недосказанное обозначается графически: «рядом точек» (многоточием).

*Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон...
На дикий берег выходит он,
Глядит назад... Брега ясны
И опенные белели;
Но нет черкешенки младой*

*Ни у берегов, ни под горой...
Все мертво... на берегах уснувших
Лишь ветра слышен легкий звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.*

Эти приемы и средства создания художественного образа сохраняются и в текстах реалистической литературы.

Однако, как уже отмечалось, граница так называемых ранних стихотворений и поэм Пушкина и его зрелых произведений очень зыбка. Ю. Н. Тынянов указывал на необычную по размерам и скорости эволюцию Пушкина как поэта: «Руслан и Людмила» отделена от «Бориса Годунова» всего пятью годами¹. В произведениях 20-х гг.

¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин // Пушкин и его современники. — М., 1969. — С. 123.

уже настойчиво заявляет о себе пушкинская манера письма: лаконичность (минимум языковых средств для максимально точного выражения мысли), динамичность, вещность, четкость в описаниях, экономность в выборе художественно-изобразительных средств, отказ от многих романтических украшений слога. В. М. Жирмунский, сопоставляя романтические тексты Байрона и Пушкина, показывает различия этих текстов. Особенно интересен один пример. У Байрона в поэме «Гяур» дано следующее описание глаз и волос Лейлы — героини поэмы: *Темное волшебство ее очей трудно рассказать: но посмотри на глаза газели — это поможет твоему воображению; они такие же большие, такие же томные и черные, только душа сверкает в каждом взгляде, который вырывается из-под ресниц, яркий, как драгоценный камень Джамшида. Да — душа! И если бы наш пророк сказал, что образ ее только одушевленный прах, клянусь Аллахом, я ответил бы: «Нет!» Даже если бы я стоял на мосту Аль-Сирата, колеблющемся над пламенным потоком, и рай был бы открыт моим взорам, и все его гурии манили меня туда. О, кто бы мог, читая во взорах юной Лейлы, сохранить ту часть своей веры, которая гласит, что женщина — только прах, бездушная игрушка сладострастия тирана? На нее мог бы смотреть даже Муфти, и он признал бы, что в глазах ее сияет бессмертие; неблекнущие краски ее прекрасных ланит были покрыты вечно юным румянцем цветов гранатового дерева; ее волосы, распущенные потоком гиацинтов, опускались до земли, когда она стояла в своих хоробах среди прислужниц — самая прекрасная из всех...»*

У Пушкина:

*Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.
(«Бахчисарайский фонтан»)*

В поэмах 20-х гг. много динамических стрóf, напоминающих тексты более поздних произведений Пушкина. Например:

*Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.
Пришли. В домах зажглись огни...*

(«Кавказский пленник»)

*Зимой бывало в ночь глухую
Заложим тройку удалую,
Поем и свищем и стрелой
Летим над снежной глубиной.*

(«Братья-разбойники»)

В ряде текстов динамичность соседствует с вечноностью, что особенно характерно для поэмы «Цыганы». Например:

*Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрога,
Детей и старцев нагота,*

*Собак и лай и завыванье,
Вольники говор, скрип телег.
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все так живо беспокойно,
Так чуждо мертвых наших нег...*

Начиная с середины 20-х гг., можно говорить о развитии реалистического метода в творчестве Пушкина.

Если в плане содержания реализм — это возможность отражения или воссоздания в художественном произведении любых явлений действительности, то в плане выражения реализм — это: 1) возможность употребления любых языковых единиц; 2) обусловленность их отбора для данного текста или микротекста «чувством соразмерности и сообразности»; 3) изменение структуры текста, отбора, характера употребления языковых единиц в пределах текста всего произведения, главы, ее части, сложного синтаксического целого (или периода), строфы, предложения.

§ 2. СТРУКТУРА ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА СЕРЕДИНЫ 20—30-х гг.

Новая стилистическая система, созданная Пушкиным, получила дальнейшее развитие во второй половине XIX в., но основа этой системы остается неизменной: литературный язык существует в двух формах: разговорной и книжной, постоянно контактируя с народной речью. В этом отношении наиболее показателен роман «Евгений Онегин» — образец литературного языка XIX в., где на фоне нейтральных языковых единиц употребляются то разговорные, то книжные средства выражения в различных типах текста.

1) В авторском объективном описании (информативном, реферативном тексте), где автор сообщает читателю о времени, месте действия, устанавливает причинно-следственные связи событий, спокойно констатирует тот или иной факт (правда, авторская ирония иногда и здесь дает себя знать), преобладают нейтральные, стилистически не маркированные языковые единицы.

а) *Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.*

б) *Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы.
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий.*

2) В авторском характерологическом тексте (субъективном авторском повествовании), где акцент делается на отношении автора к тому, о чем или о ком он пишет, преобладает нейтрально-разговорная и разговорная эмоционально-оценочная лексика.

а) *Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;*

*Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит...*

б) *С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;*

*Уездный франтик Петушков;
Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.*

Разговорная форма литературного языка представлена в диалогах (Онегина и Ленского, Онегина и князя).

а) — *Куда? Уж эти мне поэты!
— Прощай, Онегин, мне пора.
— Я не держу тебя, но где ты
Свои проводишь вечера?*

— *У Лариных.— Вот это чудно.
Помилуй! И тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?
— Ни мало.*

б) *«Ну, что соседки? Что Татьяна?
Что Ольга резвая твоя?» —
«Налей еще мне полстакана...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велели...
Да вот... какой же я болван!
Ты к ним на той недели зван»...
«Я?» — «Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины*

*Тебе на зов не приезжать».—
«Но куча будет там народу
И всякого такого сброду...» —
«И! никого, уверен я!
Кто будет там? Своя семья.
Поедем, сделай одолжение!
Ну, что ж?» — «Согласен».—
«Как ты мил!»—
При сих словах он осушил
Стакан...*

Ю. Н. Тынянов в книге «Архаисты и новаторы» основным новшеством в «романе в стихах» считает введение в текст автора-рассказчика, в результате чего фрагменты авторского текста часто воспринимаются как речь персонажа. Автор беседует с читателем, обращается к нему, героям, вторгается в рассказ в роли приятеля героя, повествует о себе, насмешничает над тем, что в литературе считалось неприкосновенным,— все это влечет за собой особую разговорную интонацию, «говорной стих», употребление синтаксических конструкций и слов живой разговорной речи.

В результате «я» рассказчика и «я» персонажа становятся единством двух ипостасей реального автора романа, а язык этого рассказчика, как и речь Онегина, Ленского, князя, передает особенности «живого языка интеллигента данной эпохи, избыливающего бытовым словарем и разговорными интонациями»¹.

а) *Гм! Гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?*

¹ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля.— С. 125.

б) *Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!*

в) *Все тот же ль он, иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится?..*

*Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?
По крайней мере мой совет:
Отстать от моды обветшалой.
Довольно он морочил свет...
— Знаком он вам? — И да и нет.*

Ср. «голос автора» в лирике Пушкина:

а) *То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!
Ну, пошел же, погоняй!*
(«Дорожные жалобы»)

б) *Ох, лето красное! Любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.*

(«Осень»)

Все это позволяет сделать вывод о том, что тип художественного повествования «Евгения Онегина» — одна из основных новаторских особенностей романа. «Сложное переплетение форм «чужой» и авторской речи составляет важнейшую его характеристику»¹. Однако следует полностью согласиться с Ю. М. Лотманом, что для обнаружения этого нужно специальное «аналитическое усилие», поскольку «в непосредственном читательском восприятии текст романа выглядит прямо противоположным образом: как исключительно монолитный, отмеченный единством стиля, авторской манеры повествования и образов героев»².

Ю. Н. Тынянов справедливо подчеркивает, что Пушкин чуждался стилизации в прямой речи, вводя лишь отдельные приметы речи персонажа. Особенно это характерно для речи Татьяны на протяжении всего романа и ее последнего монолога. Мы не знаем, как говорили провинциальные барышни и светские дамы XIX в.,

¹ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. — М., 1988. — С. 50.

² Там же. — С. 93.

если они не пользовались французским языком, но, вероятно, следует верить Вяземскому, уверявшему, что в литературе впервые «сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком».

а) <i>«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..»—
Дитя мое, ты нездорова...</i>	б) <i>«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол подвинь; я скоро лягу;
Прости». И вот она одна.</i>
в) <i>А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...</i>	<i>Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.</i>

3) Книжная форма литературного языка представлена в различных текстах романа: в лирических отступлениях первой главы (*Я помню море пред грозюю; Адриатические волны, О Брента!*), в авторском характерологическом тексте, связанном с речевой зоной Ленского (как известно, романтический образ Ленского дан автором и в ироническом плане), в письме Татьяны, монологе Онегина, стихах Ленского, письме Онегина.

а) <i>Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас,
И, вдохновеня снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона,
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле
С венецианкою молодой...</i> | б) <i>Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь.
Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете,
Их поэтическим ознем
Душа воспламенилась в нем.
И муз возвышенных искусства,
Счастливец, он не постыдил...</i> |
|---|---|

Наиболее заметна концентрация книжных языковых единиц в стихотворении Ленского, где автор воспроизводит приметы романтического стиля (романтическая лексика: *грядущее, мгла, гробница, урна, Лета*; генитивные словосочетания: *весны моей златые дни; судьбы закон; день забот; луч денницы; дева красоты*; приемы инверсии, повтора, контраста, вопросы, восклицания), а затем дает ироническую характеристику этому стилю.

а) <i>Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день;
А я — быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень,
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета,
Забудет мир меня; но ты</i> | <i>Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!..
Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг!..</i> |
|---|---|

б) *Так он писал темно и вяло
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)*

*И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою,
На модном слове идеал
Тихонько Ленский задремал.*

Употребление книжных и разговорных элементов стало возможным в произведениях Пушкина в пределах одной речевой партии, одного монолога или диалога, если говорящий меняет тему высказывания или поворачивается к читателю какой-либо новой гранью своей человеческой сущности. Например, Борис Годунов — царь и Борис Годунов — отец (официальная ситуация и домашняя) говорят по-разному.

а) *Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
И счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь?
А ты, мой сын, чем занят? Это что?*

б) *Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное ни власть благословенье.*

Удивил современников и переход Годунова от книжной речи к разговорной в наиболее важной части его знаменитого монолога.

*Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж охладев скушаем и томимся?..
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.*

*Как молотком стучит в ушах упреком,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... Ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть не чиста!*

В. В. Виноградов приводит «Разговор помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольнопрактикующегося в оном учителя русской словесности», где иронически воспринимаются слова царя Бориса:

Помещик. *Что ты скажешь об этом тошнит?*

Учитель. *Нехорошо... весьма отвратительно.*

Помещик. *Это значит, что автор подслушал голос природы; это национальность, народность — требование нашего века!*

Не приняла критика и текст поэмы «Полтава», где король произносит: *Ого! Пора! Вставай, Мазепа, Рассветает*, а гетман Мазепа дает следующую характеристику шведскому королю:

*Что делать? Дал я промах важный;
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчик бойкий и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать,
Ответствовать на бомбу смехом.*

Нарекания критиков (и классиков, и сентименталистов, и романтиков) вызывал отказ Пушкина от так называемых низких тем и образов, отказ от традиционного закрепления разговорных слов за низкими понятиями и книжных слов за высокими понятиями. Так, в «Опровержениях на критики» Пушкин передает содержание статьи Федорова, которого возмущало, что поэт «барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал девчонками (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девушку назвал девою».

а) *Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране.*

б) *В избушке, распевая, д е в а
Прядет и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.*

Пушкинский гений проявился не только в глубоком постижении действительности и ее центра — человека со всеми его противоречиями, социальными и психологическими особенностями, что обусловило необычайный для первой четверти XIX в. объем его произведений, но и в стремлении к гармонии во всем, точности отбора

¹ Виноградов В. В. Язык Пушкина.— М., 1935.— С. 147.

и употребления языковых единиц, в закреплении за языковыми единицами того стилистического статуса, который они получили в литературной практике конца XVIII — начала XIX в. Если не учитывать этого, то многообразие разноплановых единиц в тексте произведений Пушкина не будет отличаться от смешения (!) различных языковых средств в произведениях низкого стиля XVIII в., а ранние произведения поэта — от его зрелых произведений с их «сложной симфонией стилевых пластов» (Г. А. Гуковский).

Кроме того, не следует забывать, что лирика Пушкина сохраняет многие особенности романтизма, и в том числе одноплановость структуры текста, отсутствие разговорных элементов, скупое, но обязательное употребление традиционно-поэтических элементов.

*О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Лейлы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!...*

§ 3. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВ В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА СЕРЕДИНЫ 20—30-х гг.

Стремясь к концентрации живых сил русской национальной речи, Пушкин произвел синтез трех «языковых стихий», из которых исторически складывалась система русского литературного языка: 1) церковнославянизмы, 2) европеизмы, 3) «элементы живой русской национально-бытовой речи, широким потоком хлынувшие в тексты произведений Пушкина с середины двадцатых годов»¹.

1. Функции единиц живой народной речи в текстах Пушкина

В 20-е годы Пушкин неоднократно выступает на страницах журналов, в письмах к друзьям с призывом изучать живую народную речь. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» 1825 г. он отмечает: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей». Поэт внимательно изучает живую речь народа, язык и стиль произведений устного народного творчества. «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают», — читаем в одной из заметок Пушкина. Ср. в набросках предисловия к «Борису Годунову»: «Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности..., что утомленный вкус требует иных,

¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. — С. 5.

сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии»; в ответе на статью об «Евгении Онегине»: «Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах». В статье 1828 г. Пушкин пишет: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному».

Как уже отмечалось, интерес поэта к народной речи связан с ростом реалистического метода в его творчестве. Любой предмет, любое явление действительности, быт, нравы, обычаи русских людей — все считается достойным пера поэта-реалиста. «Что для прежних поэтов было низко, то для Пушкина было благородно; что для них была проза, то для него поэзия», — отмечал В. Г. Белинский.

Сам поэт объявляет о новом стилистическом кредо в «Отрывках из путешествия Онегина»:

*Смирлись вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.
Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,*

*Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.*

С середины 20-х гг. живая народная речь с ее реалистической ясностью и экспрессивностью становится основой многих литературных произведений Пушкина, хотя следует отметить, что отбор слов и выражений из народной речи, как и выбор других языковых средств, подчинен в творчестве Пушкина принципу соразмерности и сообразности, который до сих пор является ведущим в поэтическом словоупотреблении. Еще раз вспомним об этом принципе: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности», — гласит он.

Пушкин сознательно отбирает из народной речи наиболее яркие элементы, используя их в различных контекстах, с различными целями, предварительно обрабатывая средства народного языка. «Уместно будет напомнить, — писал Горький, — что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой язык» и обработанный мастерами. Первый, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его» («О том, как я учился писать»).

Что же отбирает из народной речи Пушкин и в каких произведениях использует элементы живой речи?

Диалектизмы, профессионализмы, специальная лексика и фразеология почти совершенно не употребляются в поэзии Пушкина, даже в произведениях, стилизованных под фольклор, и в сценах из городского быта (Гоголь, Некрасов, Достоевский шире раздвинут границы языка художественной литературы для принятия многих слов и выражений «областных наречий и профессиональных говоров»). «Пушкин вводил в литературу лишь то, что было общепонятно и могло получить общенациональное признание»¹.

1) Поэт широко использует бытовую лексику народной речи для описания типичных особенностей русской жизни в деревне: *щи, печка, веник, лохань, горшки, кочерга, ухват, блины, хоровод, квас, качели, дровни, хлев, лучинка, облучок, тулуп, салазки, изба, кафтан, хата, полати* и т. п. Стилистическая функция: создание национального и местного колорита. Сейчас мы воспринимаем перечисленные слова и им подобные как лексемы с культурно-историческим компонентом, поскольку они, сохраняя предметно-вещественное значение, номинативную функцию, одновременно и характеризуют бытовую культуру века, страны, какого-либо ее региона.

а) *Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!*

(«Гусар»)

б) *В ночь погода зашумела,
Взволновалась река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря вое; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.*

(«Утопленник»)

Особенно широко бытовая лексика используется в прозе. Например, в «Повестях Белкина»: *На другой день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговок, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всю девичью, и к вечеру все было готово...; Заиграл рожок, и деревенское стадо потянулось мимо барского двора. Трофим, проходя перед Настей, отдал ей маленькие пестрые лапти и получил от нее полтину в награждение («Барышня-крестьянка»); Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ящик свистнул, и лошади поскакали («Станционный смотритель»).*

Бытовая лексика может употребляться символически. Так, слова живой народной речи проникают в текст философского произведения

¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.— С. 257.

Столь низкие предметы в поэзии вызвали саркастические предложения критика дополнить картину: «Жаль только, что сия мастерская картина не совсем дописана. Неужели в широкой раме черного барского двора не уместились бы две, три хавроньи... Почему поэт, представляя бабу, идущую развешивать белье через грязный двор, уклонился несколько от верности, позабыв изобразить, как она, со всем деревенским жеманством, приподнимала выстроченный подол своей пестрой понявы». В. В. Виноградов замечает по поводу этих строк: «Гоголь, как известно, довершил ироническое пожелание Надеждина: «... Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде...»¹.

2) Просторечные и простонародные слова Пушкин использует для создания речевой характеристики героя определенного социального положения — солдата, крестьянина, ямщика, т. е. «простонародность со всем разнообразием своих выразительных форм прежде всего получает доступ в литературный диалог или сказ, приписанный простолюдину»². Например:

а) *Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!*

(«Гусар»)

б) *Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! Тятя! наши сети
Притащили мертвеца».—*

*«Врите, врите, бесенята,—
Заворчал на них отец:—
Ох уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец».—*

(«Утопленник»)

В речи няни в романе «Евгений Онегин»:

*А ныне все мне темно, Таня;
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло...*

В речи ключницы Анисьи:

*Старушка ей: «А вот камин;
Здесь барин сживал один.
Здесь с ним обеживал зимою
Покойный Ленский».*

В прозе Пушкина, как и в поэзии, широко представлена бытовая лексика, разговорно-просторечная и простонародная. Однако обилие персонажей различных социальных групп, частое обращение к прямой речи обусловили употребление в прозе живой народной речи в

¹ Виноградов В. В. Язык Пушкина.— С. 425.

² Там же.— С. 442.

большем объеме, чем в поэтических текстах (см. об этом в § 4 данной главы). Например: «Что ты, батюшка? — сказала работница, которая в это время разувала его; — что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвых на новоселье! Экая страсть!» — «Ей-богу, созову,— продолжал Адриан,— и на завтрашний же день. Милости просим, мои благодетели, завтра вечером у меня попить; угощу, чем бог послал. С этим словом гробовщик отправился на кровать и вскоре захрапел («Гробовщик»); в повести «Капитанская дочка» в речи Василисы Егоровны: «Полно врать пустяки... А ты, мой батюшка... не печалься, что тебя упекли в наше захоlustье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится».

3) В произведениях, стилизованных под фольклор, Пушкин использует слова, формы и художественно-изобразительные средства устного народного творчества («Песни о Стеньке Разине», «Свят Иван, как пить мы станем», «Бесы», сказки, «Песни западных славян»). Здесь можно найти лексику с эмоционально-экспрессивными суффиксами: *Вижу, вон, малый о г о н е ч е к Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою; И оттуда привез себе же н к у* («Песни западных славян»), употребление постпозитивных частиц: *П о ж и в и - к а на моем подворье; И Балду-то без расплаты отправить; П о п л я ш и т к а ты под нашу балалайку; А мужик-то, он догадлив был* (Сказки), инфинитив с суффиксом *-ти-*: *валятися, боротися, кувыркатися* («Сказка о медведихе»), повторение предлогов: *Как п о Волге-реке, п о широкой; А глядит н а матушку, н а Волгу; Погулять п о морю, п о синему* («Песни о Стеньке Разине»), синтаксический параллелизм в отрицательном сравнении:

*Что не конский топ, не людская мольв,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаается.*

(«Песни о Стеньке Разине»).

В произведениях, созданных в духе народной словесности, много слов и словосочетаний, типичных для русского фольклора: *зюловка, невестушка, кум, сват; пьют да гуляют, в шелковых кафтаных, красно-солнце, красну девицу, красных девок, чистое поле, коня вороного, студенной водою, по чистому лугу* и т. п.

*У меня ли, у м ó л о д ц а,
Три великие заботы!
Как уж первая забота —
Рано м о л о д ц а женили;
А вторая-то забота —
В е р н ы й конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —
К р а с н у девицу со мною
Разлучили злые люди.*

(«Соловей»)

Ср. сцену в драме «Борис Годунов»:

[Ксения (целует портрет):]

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте, а темной могилке, на чужой сторонке. Никогда не утешусь. вечно по тебе буду плакать.

[Мамка:]

И, царевна! девица плачет, что роса падет, взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених, и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Используется народно-поэтическая лексика и в прозе. Например, в повести «Капитанская дочка»: *Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!*; в повести «Станционный смотритель»: *Уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожиться; что суждено, тому не миновать.*

Итак, Пушкин в 20—30-е гг. «стремится к созданию синтеза книжной культуры литературного слова с живой русской речью, с формами народно-поэтического творчества»¹. Книжная культура прежде всего была связана с использованием славянизмов в определенных стилистических функциях, которые не менялись у этой группы книжной лексики с конца XVIII в. до наших дней, а Пушкин как бы узаконил подобное словоупотребление, хотя в зрелых произведениях употреблял славянизмы скупно (два-три в одном стихотворении).

2. Функции славянизмов в текстах произведений Пушкина

1) Начиная с лицейских стихов до произведений 30-х гг. славянизмы служат Пушкину для создания приподнятого, торжественного, патетического слога («Вольность», «Деревня», «Кинжал», «Наполеон», «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», «Андрей Шенье», «Воспоминание», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Памятник»). Например:

*Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,—
В то время для меня в лагатах в тишине
Часы томительного бденья.*

(«Воспоминание»)

¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина.— С. 6.

2) Славянизмы используются Пушкиным как средство создания антологического стиля («Лицинию», «Моему Аристарху», «Гроб Анакреона», «Послание Лиде», «Торжество Вакха», «К Овидию», «На перевод Илиады», «Мальчику», «Гнедичу», «Из Афеня», «Из Анакреона», «На выздоровление Лукулла»). Например:

*Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею.*

(«Из Афеня»)

*Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти.*

(«Подражание древним»)

3) Начиная с 20-х гг. в текстах произведений Пушкина широко представлены библейские образы, для воссоздания которых Пушкин использует славянизмы («Свободы сеятель пустынный...», «В крови горит огонь желанья...», «Пророк», «Арион», «Ангел», «Странник», «Отцы-пустынники и жены непорочны...»). Так, стихотворение «В крови горит огонь желанья...» написано под влиянием библейской «Песни песней»:

*В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.*

*Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.*

Ср. в Библии: *Да лобжет мя от лобзаний уст твоих: яко блага сосца — твоя паче вина, и воня мирра твоего паче всех аромат.*

В стихотворении «Пророк» воспроизводится библейская манера письма: сложное синтаксическое целое состоит из ряда предложений, каждое из которых присоединяется к предыдущему с помощью присоединительно-усилительного союза *и*.

У Пушкина:

*И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье,
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,*

*И жало мудрыя змеи
В уста замерзшие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.*

Ср. в Библии: *И се завеса церковная раздрася на двое с вышняго края до нижняго, и земля потрясется, и камни распадется, и гроби отверзошася, и многа тела усопших святых восташа, и изшедшие из гроб, по воскресении его, внидоша во святыи град.*

4) Славянизмы используются Пушкиным для создания восточного слога («Подражание Корану», «Анчар»).

*Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, г л а в у его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?
Не я ль в день ж а ж д ы напоил
Тебя пустынными водами?*

*Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
С т е з е ю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.*

(«Подражание Корану»)

5) В драме «Борис Годунов» и прозе Пушкина славянизмы выполняют характерологическую функцию, служат для создания профессиональной характеристики персонажа. Например, в драме Пушкина «Борис Годунов» в диалогах с хозяйкой, Мисанлом, Григорием чернец Варлаам ничем не отличается от своих собеседников: [Х о з я й к а:] *Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?* [В а р л а а м:] *Чем бог пошлет, хозяйюшка. Нет ли вина?* Или [В а р л а а м:] *Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино... да вот и оно!*

В разговоре с приставами Варлаам иной: он старается напомнить дозорным о своем сане, переходя на профессиональную речь: *Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Ср. воспроизведение фрагмента надгробного слова архиерея в «Пиковой даме»: Ангел смерти обрел ее,— сказал оратор,— бодрствующую в помышлениях благих и в ожидании жениха толующного.*

6) Славянизмы и русская архаическая лексика служат Пушкину для создания исторического колорита («Полтава», «Борис Годунов», «Песнь о вещем Олеге», «Олегов щит»). Например, в монологе Пимена:

*А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирном житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью.
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась — а в час его кончины
Свершилось слышанное чудо:
К его одру, царю едину зримый,*

*Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом,
И все кругом объята были страхом,
Уразу же в небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
Илик его, как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.*

И в этом отношении язык произведений Пушкина специфичен. Принцип исторической стилизации не был для него связан с воспроизведением всех особенностей языка эпохи; создавая исторический образ, Пушкин пользовался средствами современного ему языка, а славянизмы и русская архаическая лексика были своеобразными речевыми сигналами эпохи. Кроме того, переход от суждений о

власти, о боге, о церкви к бытовым репликам уменьшал количество таких речевых сигналов в речи героев драмы «Борис Годунов». Например, в речи Пимена, обращенной к Григорию:

*Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрени... благослови, господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.*

Ср. официальную речь Патриарха и его диалог с Игуменом.

- а) *Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит.
Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.*

б) *Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! буду царем на Москве! Ах! он сосуд
дьявольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-
государя? Довольно будет объявить о победе дьяку Смирнову, али дьяку Ефимьеву;
эдака ересь! буду царем на Москве!.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать
в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец Игумен.*

7) В ранних произведениях славянизмы используются Пушкиным для создания комического эффекта, для пародирования библейского стиля, библейских образов, что достигается погружением славянизма в текст, содержащий разговорно-просторечные единицы, мифологемы античности, элементы «светской болтовни». Например:

- а) *Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как в н и д е ш ь в царствие небес.*
- б) *Христос воскрес, п и т о м е ц Ф е б а!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.*
- в) *С о з д а т е л ю постыло все творенье,
Наскучило небесное моление,—
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...»*

*Где крылья? К Марии полечу
И на груди красавицы почию!..»*

Но уже в некоторых ранних шутивно-иронических стихотворениях Пушкина стилизация почти не заметна. Например, в «Десятой заповеди» 1821 г.:

*Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села.*

*Не нужно мне его вола.
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благодетель.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! Я слаб!*

8) На протяжении всего творчества Пушкина славянизмы служат для создания поэтических образов, являются неотъемлемой частью идиолекта Пушкина, многих его лирических произведений («Погасло дневное светило...», «Черная шаль», «Гречанка», «К морю», «Ненастный день потух...», «Под небом голубым...», «Я знаю край...», «Для берегов отчизны дальней...», «Вновь я посетил...»). Однако концентрация поэтизмов значительно меньшая, чем в текстах поэтов-романтиков, особенно в поздних стихотворениях. Например:

*Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».*

*Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...*

В стихотворениях «Ночь», «Все кончено», «Сожженное письмо», «К А. П. Керн», «На холмах Грузии...», «Что в имени тебе моем?..», «Я вас любил...» поэтические образы созданы без славянизмов, но это не снижает степень их эстетического воздействия на читателя, у которого создается иллюзия постижения действительных лирических излияний человека, заставляющая забыть, что перед ним текст, созданный писателем. Подобных контактов читателя и поэта до Пушкина русская литература не знала.

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

(«Я вас любил...»)

3. Функции иноязычной лексики и фразеологии в текстах произведений Пушкина

Как и в произведениях писателей XIX в., в текстах Пушкина представлены слова иноязычного происхождения, семантические и фразеологические галлицизмы. Например:

*Надев широкий боливара,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе.*

У Я. Толстого: *Спешит, как будто приневолен,
Шагами мерить булевар.*

У Пушкина: *Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет.*

У И. И. Дмитриева: *В каких явлюсь я сапогах!
Какие фракы, панталоны!
Всему новейшие фасоны!*

Иноязычные слова выполняют в текстах произведений Пушкина ряд функций.

1) В романе «Евгений Онегин» и в повестях лексика иноязычного происхождения служит для создания социального колорита, описания жизни русского дворянства первой четверти XIX в. Г. А. Гукковский писал: «В «Евгении Онегине» перед читателем проходит серия бытовых явлений, нравописательных деталей, вещей, одежд, цветов, блюд, обычаев». Для наименования этих деталей используются русские и иноязычные слова: *бал, боливар* (шляпа с широкими полями, то есть шляпа á la Bolivar, как у Боливара — вождя освободительного движения в Латинской Америке), *брегет* (часы парижского механика Бреге), *трюфли, ростбиф* (Roast-beef), *лорнет* (двойной лорнет — бинокль), *фрак, панталоны, жилет, камин, паркет, корсет, шлафрок, бильярд, бостон, вист, дуэль, вальс, котильон*. В повестях: *канapé, манеж, пуниш, экосез, канва, галун, туалет* и др.

2) В тексте «Маленьких трагедий» Пушкина иноязычные слова — средство создания национального и исторического колорита: *турнир, герольд, рыцарь, герцог, дублон* («Скупой рыцарь»), *гитана, командор, сеньора, гранд, гитара, серенада, мавр, лимон, вента* («Каменный гость»).

*Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной...
А далеко, на севере — в Париже —
Быть может, небо тучами покрыто.*

3) В авторском тексте различных произведений Пушкина представлена оценочно-характерологическая иноязычная лексика: *денди, франт, космополит, деликатный, вульгарный* и др.

*Она казалась верный снимок
Du cote il faut (Шишков, прости:*

*Не знаю, как перевести...)
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar. Не могу...
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести.
Оно у нас покамест ново...*

Ю. М. Лотман приводит следующие сведения об употреблении слова *денди*: «Слово *денди* появилось в английском языке в 1815 г. ... В русские словари попало в 1847 г. ... и еще в начале 1820-х гг. воспринималось как необычный неологизм... Пушкин трижды подчеркнул стилистическую отмеченность слова *денди* в русском языке как модного неологизма, дав его в английской транскрипции, курсивом и снабдив русским переводом, из чего следует понять, что отнюдь не каждому читателю оно было понятно без пояснений»¹. Речь идет о тексте «Евгения Онегина»:

*Вот мой Онегин на свободе,
Острижен по последней моде,
Как D a n d y лондонский одет,
И наконец увидел свет.*

Автор комментирует: Dandy — франт.

4) В поэтических и прозаических текстах Пушкина важную эстетическую роль играют семантические кальки, русские слова, изменившие свое значение под влиянием французского аналога: *блистательный (brillant), живой (vif), чистый (pur), плоский (plat), черта (trait), тонкий (fine), след (trace)*, и др.: *блистательная весна, дама, блистательный позор, блистательные глупцы, победы; живая картина, прелесть, красота, острота, живой взгляд, сон; робкие, небрежные, неясные, небесные черты; след детства, улыбки, довольства и труда, минувших лет* и т. п.

1) *Б л и с т а т е л ь н а, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина...*

(«Евгений Онегин»)

2) *И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.*

(«Я помню чудное мгновенье»)

3) *В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья.*

(«Воспоминание»)

¹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий.— Л., 1980.— С. 124—125.

5) Под влиянием французского языка значительно расширился круг генитивных метафор в русской поэзии XIX в. Пушкин также широко использует генитивные словосочетания для создания поэтических образов: *предмет любви, вниманья, девы веселья, красоты, неги, любви, знак наслаждения, плоды мечты* и др.

*А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.*

(«19 октября»).

6) В. В. Виноградов приводит «многочисленные, разнообразные чисто французские словосочетания, фразеологические клише и фразовые сращения», представленные в текстах Пушкина: *bonne société — хорошее общество, nourir la flamme — питать огонь, se nourir d'espérance — питать надежды, trainer une vie — влачить жизнь, objet d'un constant amour — предмет постоянной любви* и др.

7) В прозе и публицистике Пушкина используется лексика иноязычного происхождения, в основном — галлицизмы, для наименования отвлеченных понятий. Из Михайловского Пушкин писал Вяземскому по этому поводу: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафорический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы, т. е. языка мысли)».

Стремление к точности обозначения понятий философских, психологических, этических, эстетических и т. п. влекло за собой употребление абстрактной французской лексики или двойное наименование понятий. Например: *Но если в подлиннике сказано civilisation Eugoréenne, то сочинитель чуть ли не прав; Некто справедливо заметил, что простодушие (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятие о чести (point d'honneur), очень ошибаются; по приказу Комитета общественного спокойствия (Comité de salut public); не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники (l'impertinante chronique rimée)* и др.

8) В некоторых текстах прозаических произведений Пушкина воспроизводится речь иностранцев, но для этого Пушкин использует лишь «слова-сигналы», а не всю речь персонажа на французском или итальянском языке¹. Например: — *Что вам надобно? — спросил его Чарский на французском языке. — Signor, — отвечал иностранец с низкими поклонами. — Lei voglio perdonarmi se (сеньор, простите меня, пожалуйста, если...).* Чарский не предложил ему стула... *разговор продолжался на итальянском языке. — Я неаполитанский художник, — говорил незнакомый...* («Египетские ночи»).

¹ См. об этом: То м а ш е в с к и й Б. В. Стих и язык. — М.; Л., 1959. — С. 437—440.

9) В письмах, статьях Пушкин свободно переходит с русского языка на французский, поскольку этот язык был вторым родным языком поэта, поскольку письма и статьи имели своим адресатом и читателя-билингва. Например: *Русские защитники самовластья в том несогласны и принимают славную шутку госпожи де-Сталь за основание нашей конституции. En Russie le gouvernement est un despotisme mitige par la strangulation* («Правление в России — деспотизм, ограниченный удавкой»); *Каченовский — представитель какого-то мнения! Voilà der mots que lurent de se trouver ensemble. Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского* (П. А. Вяземскому).

Однако дело не в отдельных иноязычных лексемах, словосочетаниях и выражениях, представленных в текстах Пушкина. Как показали исследования Г. А. Гуковского, Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова, в произведениях Пушкина много поэтических образов, ставших в XIX в. интернациональными, восходящих к творениям Байрона, В. Скотта, Шекспира, Вольтера, Руссо, Шенье, Мольера, Константа, Мюссе и др. Русская литература становилась частью мировой литературы, и было естественным усвоение русскими писателями, и тем более Пушкиным — родоначальником новой литературы, интернациональных традиционно-поэтических образов, интернациональной абстрактно-поэтической лексики и фразеологии. «Постижение и освоение общечеловеческих ценностей и аспектов нравственной истины в тех формах, в каких они запечатлены в литературных и других явлениях духовной культуры различных эпох и народов, помогало Пушкину «угадывать» тайну индивидуального своеобразия русской «народности» как одного из слагаемых мирового культурно-исторического процесса»¹.

§ 4. РАБОТА ПУШКИНА НАД ЯЗЫКОМ ПРОЗЫ

Для дальнейшего развития русского литературного языка огромное значение имела работа Пушкина над языком прозы в последний период его творчества, так как проблема языка прозы не была до конца решена Карамзиным, что отмечено Пушкиным в одной из его статей: «Вопрос — чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ — Карамзина. Это еще похвала небольшая».

Карамзинские преобразования в области синтаксиса во многом подготовили пушкинскую реформу языка: сближение письменной речи с устной, четкое членение периодов и сложных предложений на части, преобладание сочинения над подчинением, легкость, изящество синтаксических конструкций и т. п. Но у Карамзина была «поэтизированная проза», где преобладали традиционно-поэтические лексические единицы и единицы эмоционально-экспрессивного синтаксиса, что противоречило основному принципу Пушкина: «Точность и краткость — вот первое достоинство прозы. Она требует

¹ Купреянова Е. Н. А. С. Пушкин//История русской литературы.— Л., 1981.— С. 238—239.

мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

В письмах, статьях, рецензиях Пушкин постоянно ратует за введение в литературу кратких, лишенных украшений конструкций живой разговорной речи. В письме к А. А. Бестужеву: «Да возьми-ка за роман и пиши его со всею свободою разговора или письма», в статье 1827 г.: «У нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления формы», в письме к Н. А. Дуровой: «Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует», в статье 1828 г.: «Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем».

I. Язык прозы Пушкина полностью отвечает этим требованиям, поражая своей точностью, лаконизмом, насыщенностью и движением мыслей, предельной свободой от различных словесных украшений.

Члены предложения связаны логической связью, нормой является прямой порядок слов. Например, в повести «Капитанская дочка»: *Ямицк поскакал, но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облако обратилось в белую тучу, которая тяжело поднималась, росла и постепенно облегла небо...*

Обратный порядок слов, как правило, обусловлен смыслом предложения, например, в повести «Капитанская дочка»: *С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.* Инверсия как поэтический прием прозе Пушкина не свойственна.

Преобладают простые и бессоюзные предложения. Например: *Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошел к растворенной двери и остановился. В комнате прекрасно убранной Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресла, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не поднимая головы. Он все молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер («Станционный смотритель»).*

Основу текста составляет «короткая» простая фраза, без ритмических образований, без стилистических фигур» (Б. М. Эйхенбаум). Господствует принцип «синтаксической сжатости фразы, опирающейся на признание стилистического приоритета глагола,

на сокращение качественных определений и на стремление ограничить протяженность предложения обозначением действия и его производителя, или же перечислением предметов» (В. В. Виноградов).

Действительно, прозаические произведения Пушкина очень динамичны, поэтому наибольший удельный вес в тексте имеет глагол. Например, в повести «Выстрел»: *Тут он было вышел, но остановился в дверях, оглянулся на простреленную мною картину, выстрелил в нее, почти не целясь, и скрылся. Жена лежала в обмороке; люди не смели его остановить и с ужасом на него глядели; он вышел на крыльцо, кликнул ямщика и уехал, прежде чем успел я опомниться.*

В повести «Пиковая дама»: *Карета подъехала и остановилась. Он услышал стук опускаемой подножки. В доме засуетились. Люди побежали, раздались голоса, и дом осветился. В спальню вбежали три старые горничные, графиня, чуть живая, вошла и опустилась в Вольтеровы кресла. Герман глядел в щелку; Лизавета Ивановна прошла мимо его. Герман услышал ее торопливые шаги по ступеням ее лестницы. В сердце его отозвалось нечто похожее на угрызение совести и снова умолкло. Он окаменел.*

Динамизм и вещность пушкинской прозы обусловили преобладание глаголов и имен существительных в его текстах: *В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо находилась тесная каморка с одним окошечком. В ней стояла простая кровать, покрытая байковым одеялом, а перед кроватью еловый столик, на котором горела сальная свеча и лежали открытые ноты. На стене висел старый синий мундир и его ровесница, треугольная шляпа; над нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картинка, изображающая Карла XII верхом. Звуки флейты раздавались в этой смиренной обители. Пленный танцмейстер, уединенный ее житель, в колпаке и в китайском шлафроке услаждал скуку зимнего вечера, наигрывая стиринные шведские марши, напоминающие ему веселое время его юности («Арап Петра Великого»).*

Даже при открытом выражении эмоций автора, оценивающего события, которые он описывает, прилагательные обычно занимают в текстах третье место (после глаголов и существительных): *Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество! Как сладки были слезы свидания!..*

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?.. («Метель»)

Сложноподчиненные предложения обычно состоят из двух частей. Так, в повести «Пиковая дама» в первой главе содержится 22 сложноподчиненных предложения, четыре из них имеют по два придаточных, остальные состоят из одного главного и одного придаточного предложения: *Те, которые оставались в выигрыше, ели с большим аппетитом; Бабушка знала, что Сен-Жермен мог располагать большими деньгами* и т. п.

Преобладают изъяснительные придаточные предложения. Например, в первой главе «Пиковой дамы» из 26 придаточных предложений 13 изъяснительных, т. е. 50%; в повести «Капитанская дочка» также преобладают изъяснительные предложения: *Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены; Я отвечал, что приехал на службу; Я отвечал, что такова была воля начальства* и т. п.

Сложное синтаксическое целое объединяет несколько небольших по объему предложений, связь между которыми легко воспринимается читателями. Например: *Я старался казаться веселым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избежать докучных вопросов; но признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моем положении.*

II. Простота, лаконизм, ясность пушкинской прозы мешали современникам уловить безграничное содержательное пространство и глубину этой прозы, достигаемой особым приемом — постоянной сменой точек зрения автора и персонажа, рассказчика и персонажа. В «Повестях Белкина», например, представлены различные «субъектно-экспрессивные формы выражения» (В. В. Виноградов), обусловленные манерой повествования издателя, друга Белкина, самого Белкина, рассказчиков в каждой повести: титулярного советника А. Г. Н. («Станционный смотритель»), подполковника И. Л. П. («Выстрел»), приказчика («Гробовщик»), девицы К. И. Т. («Барышня-крестьянка» и «Метель»), различных персонажей этих повестей (Вырина, Лизы-Акулины, Сильвио и др.)¹.

Так, в предисловии от вымышленного издателя «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» видны следы стилизации под прозаические тексты XVIII в. с нарушением порядка слов, связи слов в составе словосочетаний, установившихся в первой четверти XIX в., употреблением стандартных фраз и выражений в письме друга Белкина, что является отражением особенностей эпистолярного жанра XVIII в. с традиционными зачином, концовкой, устарелыми синтаксическими конструкциями и оборотами.

а) Для сего обратились было мы к Марье Алексеевне Графилиной, ближайшей родственнице и наследнице Ивана Петровича Белкина; но к сожалению ей невозможно было нам доставить никакого о нем известия, ибо покойник вовсе не

¹ См. об этом в книге Н. К. Гея «Проза Пушкина» (М., 1989).

был ей знаком. Она советовала нам отнестись по сему предмету к одному почтенному мужу, бывшему другом Ивану Петровичу. Мы последовали сему совету, и на письмо наше получили нижеследующий желаемый ответ. Помещаем его безо всяких перемен и примечаний, как драгоценный памятник благородного образа мнений и трогательного дружества, а вместе с тем, как и весьма достаточное биографическое известие.

б)

*Милостивый Государь мой** ***

Почтеннейшее письмо ваше от 15-го сего месяца получить имел я честь 23 сего же месяца, в коем вы изъявляете мне свое желание иметь подробное известие о времени рождения и смерти, о службе, о домашних обстоятельствах, также и о занятиях и нраве покойного Ивана Петровича Белкина, бывшего моего искреннего друга и соседа по поместьям. С великим моим удовольствием исполняю сие ваше желание и препровождаю к вам, Милостивый Государь мой, все, что из его разговоров, а также из собственных моих наблюдений запомнить могу.

В письмо вмонтировано описание внешности Белкина, воспроизводящее стиль деловых бумаг XVII—XVIII в.: *Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом бел и худощав.*

Подобная манера письма отличается от рассказа подполковника в повести «Выстрел»:

Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя.

В повесть вмонтированы и рассказ Сильвио, и рассказ Графа.

а) *Вы знаете,— продолжал Сильвио,— что я служил в*** гусарском полку. Характер мой вам известен: я привык первенствовать, но смолоду это было во мне страстию. В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии...*

б) *Однажды вечером ездили мы вместе верхом; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мне поводья и пошла пешком домой; я поехал вперед. На дворе увидел я дорожную телегу; мне сказали, что у меня в кабинете сидит человек, не хотевший объявить своего имени, но сказавший просто, что ему до меня есть дело. Я вошел в эту комнату и увидел в темноте человека, запыленного и обросшего бородой; он стоял здесь у камина. Я подошел к нему, стараясь припомнить его черты.*

Здесь различия незначительны, так как воспроизведена манера речи лиц одного круга, одного социального положения.

Но особенно многопланова повесть «Станционный смотритель», где одна манера речи быстро сменяет другую: рассуждение повествователя о станционных смотрителях, его воспоминание о первом посещении Выры, куда вмонтирован диалог со смотрителем, рассказ о новом посещении домика станционного смотрителя, где чередуются воспоминания повествователя и рассказ самого Вырина,

переданный то дословно (прямая речь), то косвенно, последнее посещение Выры — рассказ о приезде Дуни на могилу отца, куда вставлены диалоги с женою пивовара и крестьянским мальчиком.

Естественно, что речь всех перечисленных действующих лиц не может быть одинакова. Ср. описание осеннего пейзажа Выры (автором, Белкиным, титулярным советником А. Г. Н. Г.) и диалог рассказчика с женой пивовара.

а) *Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика.*

б) *«От чего же он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. — «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу.*

Более яркая социальная мотивированность речи персонажа дана в повести «Барышня-крестьянка». В этом отношении представляется интересным сравнить речь Лизы в повести Карамзина «Бедная Лиза» и партию Лизы-Акулины в пушкинском произведении.

У Карамзина:

Матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так не сияло, никогда цветы так приятно не пахли.

У Пушкина (встреча Алексея с Лизой в роли Акулины):

«— Я провожу тебя, если ты боишься,— сказал он ей: — ты мне позволишь идти подле себя?» — «А кто те мешает? — отвечала Лиза; — вольному воля, а дорога мирская». — «Откуда ты?» — «Из Прилучина; я дочь Василья кузнеца, иду по грибы (Лиза несла кузовок на веревочке). А ты, барин? Тугиловский, что ли?» — «Так точно», — отвечал Алексей, — я камердинер молодого барина». Алексею хотелось уловить их отношения. Но Лиза поглядела на него и засмеялась. «А лжешь,— сказала она,— не на дуру попал. Вижу, что сам барин». — «Почему ж ты так думаешь?» — «Да по всему». — «Однако ж?» — «Да как же барина со слугой не распознать? И одет-то не так, и башшь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему».

После того как Алексей хотел обнять «поселянку», в поведении Лизы сразу проявляются особенности ее социального положения: *«Если вы хотите, чтобы мы были вперед приятелями,— сказала она с важностию,— то не извольте забываться».*

Литературная речь настораживает собеседника:

«Кто тебя научил этой премудрости? — спросил Алексей, расхотавшись. — Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей? Вот какими путями распространяется просвещение!» Лиза почувствовала, что вышла было из своей роли, и тотчас поправилась. *«А что думаешь? — сказала она, — разве я и на барском дворе никогда не бываю? небось: всего наслышалась и нагляделась. Однако,— продолжала она,— болтая с тобою, грибов не наберешь. Иди-ка ты, барин, в сторону, а я в другую. Прощения просим...»*

Как уже отмечалось в § 2 настоящей главы, большее число персонажей различного социального положения в прозе Пушкина обусловило и более широкое использование слов, словосочетаний и синтаксических конструкций живой народной речи в прозаических произведениях поэта. Здесь мы находим и просторечную или простонародную лексику, и слова и выражения профессиональной речи, социальных жаргонов, хотя не в таком объеме, как у писателя «натуральной школы». Например, в повести «Гробовщик»: *дрогги, гробы, факелы, мантис; гробовщик, сапожник, будочник, булочник, переплетчик, частный*; в повести «Станционный смотритель»: *почтовая станция, станционный смотритель, ямщик, тройка, курьерская, подорожная, почтовый тракт, «ехал на перекладных», «платил прогоны»*. В повести «Пиковая дама» картежная лексика, как показал В. В. Виноградов, играет важную роль в самом движении сюжета и развязке повести¹: *играть мирандолом* — играть, не увеличивая ставки, *поставить руте* — поставить на ту же карту увеличенный куш, *загнуть пароли* — загнуть угол карты, сделать двойную ставку, *порошковые карты* — шулерские карты, сделанные путем втирания очков, *обдернуться* — ошибкою выдернуть (карту), *пиковая дама, тройка, семерка, туз*. Особенно показательно использование словосочетания *пиковая дама* в его номинативном и символическом значениях. В. В. Виноградов пишет об этом: «Игра в фараон, бытовые функции и «тайны» карт, вступая в структуру сюжета «Пиковой дамы» с своим постоянным предметным содержанием, тянут за собой символику и «мифологию» карт. Ведь уже сама система картежного арга (как и всякая другая языковая система) в ее типических чертах слагается не только из терминов «производства», но включает в себя и своеобразные формы «мировоззрения». На игрецкую мифологию громадное влияние оказали символические функции карт в гаданье.

Эпиграф «Пиковой дамы» ведет к «новейшей гадательной книге»: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». Этот эпиграф говорит о том, что в сюжете повести нашли применение символические формы гадательного жаргона².

Словосочетание *пиковая дама* имеет 1) значение, присущее ей в карточном арге: название одной из карт в колоде, 2) узуальное символическое значение: тайная недоброжелательность, 3) окказиональное, контекстуальное значение, вынесенное Пушкиным в заглавие повести: старая графиня, носительница тайны, погубленная Германном и погубившая его.

Итак, на первый взгляд простая «повествовательная структура» прозаических произведений Пушкина «приобретает подвижность, вариативность в слиянии персонажа и повествователя-рассказчика, в множественности точек зрения на один и тот же факт

¹ См.: Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Избранные труды: О языке художественной прозы. — М., 1970.

² Там же. — С. 192.

или объект изображения»¹. Синтаксическая система русского языка первой четверти XIX в., строгая и гибкая, позволяла писателю бесконечно варьировать различные средства выражения для изображения диалектики простой и сложной жизни людей его времени, его страны и человека вообще.

III. Думается, что очень важным в пушкинской реформе языка прозы было перенесение в реалистическое произведение романтического приема подтекста, в результате чего и открылась та «бездна пространства», о которой писал Гоголь: использование минимума языковых средств для выражения данной идеи. Если в романе «Евгений Онегин» в центре был фрагмент текста, то в прозе таким центром стала фраза, семантически тесно связанная с подтекстом. Обратимся вновь к «Повестям Белкина». Как справедливо пишет Н. К. Гей, в «Станционном смотрителе» сложные отношения между героями (их нельзя сводить только к социальным отношениям). Мы не знаем, как пережила Дуня свою вину перед отцом, ей даже не дано слова в конце повести, не осуждает и не оправдывает ее и автор. Приезд Дуни на могилу к отцу описан с точки зрения крестьянского мальчика. «Прекрасная барыня», «Добрая барыня», «Славная барыня» («дала пятак серебром») идет на кладбище. Рассказчик так характеризует его:

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

Затем вновь звучит голос мальчика:

— Вот могила старого смотрителя,— сказал мне мальчик, вспрыгнув на гору песку, в которую врыт был черный крест с медным образом.

И последняя значимая информация о дочери станционного смотрителя, ставшей «барыней»: «Она легла здесь, и лежала долго»². Что запрятал автор в подтекст, остается догадываться читателю. Авторская позиция также раскрыта лишь косвенно: *И я дал мальчишке пятак, и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.*

Как видим, «ударная фраза» сжата до минимума, и она построена так мастерски, что здесь можно слышать «голос автора», а не «голос персонажа». Частотный в поэзии Пушкина присоединительно-усилительный союз и делит фразу на две части, абсолютно равные по объему, с одинаковой интонацией. Пауза, отмеченная запятой (многие издатели повести неправомерно опускают ее, ослабляя психологический эффект), ведет непосредственно к подтексту (скорбь, раскаяние, сожаление(?) героини).

В повести «Метель» развязка также связана с подтекстом и предельно лаконичной «ударной фразой». Бурмин рассказывает Марье Гавриловне о своей «преступной проказе» в походе — венчании с незнакомой девушкой. Реакция героини выражена в репли-

¹ Гей Н. К. Проза Пушкина.— С. 138.

² Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 6 т.— М., 1936.— Т. IV.— С. 113.

ке: «— Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку; — так это были вы! И вы не узнаете меня...» Ответной реплики нет, как нет и авторской оценки поступка героя. Текст завершается лаконичной информационной фразой: *Бурмин побледнел ... и бросился к ее ногам...*, где, как и в предыдущем тексте, знак препинания, свидетельствующий о паузе (многоточие), делит фразу на две части и указывает на подтекст (обрадовался, что судьба не наказала его, что счастье возможно (?) и т. п.).

Даже в повести «Пиковая дама», где авторское объективное (информативное) повествование играет важную роль в композиции произведения, ударная сжатая фраза внутри этого повествования, связанная с речевой зоной Германна, ведет к подтексту: *Германн вздрогнул; в самом деле, вместо туза, у него стояла пиковая дама. Он не верил глазам, не понимая, как он мог обдернуться.*

В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— *Старуха!* — *закричал он в ужасе.*

Чекалинский потянул к себе проигранные билеты. Германн стоял неподвижно. Когда отошел от стола, поднялся шумный говор.— Славно спонтировал! — говорили игроки.— Чекалинский снова стасовал карты: игра пошла своим чередом.

Правда, эта лаконичная «ударная фраза» раскрывается в заключении: *Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице...* но в основном тексте о сумасшествии Германна автор предоставляет право догадываться читателю. Таких примеров можно привести много, и они подтверждают высказывания многих исследователей о том, что универсальное свойство поэтики Пушкина — «не называть, а умалчивать» (Н. К. Гей).

Начиная с 30-х гг. в творчестве Пушкина наблюдается сближение языка поэзии и прозы. «Пушкин смело переносит в поэтическую речь новые стилистические нормы языка прозы. Это особенно сказывается на поэтическом синтаксисе Пушкина 30-х годов. Те принципы построения периода и предложения, порядка слов, которые характерны для пушкинской прозы, часто в чистом виде выступают и в его лирике и поэмах» (Ю. С. Сорокин).

В поэме «Медный всадник», последних главах «Евгения Онегина», «Песнях западных славян», стихотворениях 30-х годов тот же лаконизм, динамика действия, строгое соблюдение принципа «соразмерности и сообразности» в отборе традиционно-поэтических средств создания образа, что и в прозе. Например:

- а) *Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела...
Нередко купеческие плети*

*Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда...*

(«Медный всадник»)

<i>б) Панна плачет и тоскует, Он колени ей целует, А сквозь ветви те глядят, Ружья наземь опустили, По патрону откусили, Вбили шомполом заряд...</i>	<i>Выстрел по саду раздался. Хлопец пана не дождался; Воевода закричал, Воевода пошатнулся... Хлопец видно промахнулся: Прямо в лоб ему попал.</i>
--	--

(«Воевода»)

Основные выводы

1. В первой четверти XIX в. (20—30-е гг.) процесс формирования русского литературного национального языка заканчивается.

2. Наиболее полно «единая общенациональная норма литературного выражения» представлена в текстах произведений Пушкина, в связи с чем многие исследователи называют Пушкина родоначальником современного русского языка.

3. Пушкин завершил длительную эволюцию литературного языка, используя все достижения русских писателей XVIII — начала XIX в. в области русского литературного языка и стилистики, совершенствуя все то, что сделали до него Ломоносов, Карамзин, Крылов, Грибоедов, Жуковский, Батюшков.

4. В творчестве Пушкина процесс демократизации русского литературного языка нашел наиболее полное отражение, так как в его произведениях произошло гармоническое слияние всех жизнеспособных элементов русского литературного языка с элементами живой народной речи.

5. Тексты произведений Пушкина являются образцами русского литературного языка в двух его формах: книжной и разговорной.

6. Выход за пределы литературной нормы обусловлен в произведениях Пушкина различными факторами, как и в современных художественных произведениях.

7. Употребление единиц живой народной речи, стилистические функции этих единиц совпадают с функциями, которые они выполняют в современных текстах.

8. Стилистические функции книжной лексики также совпадают в современных текстах и текстах произведений Пушкина.

9. Однако тексты произведений Пушкина воспринимаются как гармоническое целое, гармоническое единство различных языковых единиц: «Пушкин вступил на проложенный романтичными теориями путь свободного объединения русских народных и книжных славянских форм в поэтическом контексте. Но силою своего поэтического гения он показал возможность их органического слияния и сближения и устранил очевидную нарочитость такого соединения. В этих условиях многие обычные народно-разговорные слова и выра-

жения обретали новые поэтические краски, новую выразительную гибкость, а многие славянизмы теряли отпечаток своего особого происхождения и былой жанрово-стилистической обособленности» (В. В. Виноградов).

10. Важную роль в дальнейшем развитии художественной литературы сыграла работа Пушкина над языком прозы, обогатившая стилистику русского языка и стилистику художественной речи.

11. Во второй половине XIX — начале XX в. в литературном языке происходят различные изменения в области словарного состава, грамматического строя, стилистики, но они протекают в границах тех норм, которые сложились в пушкинское время, и не меняют структуры языка в целом.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина.— М., 1974.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика, морфология, ударение, синтаксис.— М., 1954.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге.— 2-е изд.— Киев, 1957.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX в.— М., 1982.— Гл. VI.

Виноградов В. В. Значение А. С. Пушкина в истории русского литературного языка и истории стилей художественной литературы // Русский язык в школе.— 1971.— № 1.

Виноградов В. В. Стил «Пиковой дамы» // Избранные труды: О языке художественной прозы.— М., 1980.

Винокур Г. О. Пушкин и русский язык // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.

Винокур Г. О. Язык «Бориса Годунова» // Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.

Гей Н. К. Проза Пушкина: Поэтика повествования.— М., 1989.

Городецкий Б. П. Лирика Пушкина.— М.; Л., 1962.

Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка.— М., 1983.— С. 145—155.

Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин. Некрасов.— М., 1981.

Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля.— М., 1954.

Ильинская И. С. Лексика стихотворной речи Пушкина.— М., 1970.

Купрянова Е. Н. А. С. Пушкин // История русской литературы.— Л., 1981.— Т. 2.

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь.— М., 1988.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий.— Л., 1980.

Сорокин Ю. С. Значение Пушкина в развитии русского литературного языка // История русской литературы.— М.; Л., 1953.— Т. VI.

Струве П. Дух и слово Пушкина // Пушкин в русской философской критике.— М., 1990.— С. 317—327.

Томашевский Б. В. Вопросы языка в творчестве Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет.— М., 1990.— С. 484—568.

Томашевский Б. В. Пушкин.— М.; Л., 1956.

Тынянов Ю. Н. Пушкин // Пушкин и его современники.— М., 1969.

Чичерин А. В. Ритм и стиль пушкинской прозы / Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы.— 2-е изд., расш.— М., 1980.— С. 174—184.

ГЛАВА VIII.

ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Дальнейшее развитие литературного языка во второй половине XIX — начале XX в. идет по пути обогащения словарного состава новыми русскими и заимствованными словами, устранения дублетных форм, грамматических и произносительных вариантов, закрепления за такими вариантами определенных стилистических функций, по пути укрепления той стилистической системы, тех соотношений между тремя разновидностями русского языка (живая разговорная речь, литературный язык и язык художественной литературы), которые сложились в 30—40-е гг. XIX в.

Наиболее существенные изменения произошли в словаре — самой подвижной части языка, непосредственно связанной с изменениями в экономической, политической и культурной жизни страны, так как внеязыковые социальные условия накладывают свой отпечаток на судьбу многих слов, часто обуславливая их появления в языке, уход из языка, изменения значений слов.

§ 1. ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

1. Продолжается усвоение новых иноязычных слов, как правило, имеющих интернациональный характер. Как свидетельствует Ю. С. Сорокин, «можно смело сказать, что именно в эти годы (1830—1870.— Е. К.) в основном определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, прочно усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему»¹.

Важную роль в усвоении новых терминов сыграли журналы («Московский телеграф» Н. Полевого, «Телескоп» Н. И. Надеждина, «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского, «Отечественные записки» и «Современник»).

¹ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX в.).— М.; Л., 1965.— С. 48. Большая часть материала для этого раздела учебника взята из книги Ю. С. Сорокина.

а) С кружком Станкевича и Белинского связано распространение ряда философских терминов, уже встречающихся в отдельных русских текстах или совершенно новых: *абсолютный, абстрактный, индивидуальный, индивидуальность, конкретный, концепция, принцип, прогресс, рефлексия, эклектизм, эмпиризм*. Например, у Белинского: *Нравственность есть понятие общемировое, непреходящее, безусловное (абсолютное), Грамматика есть абстракция языка, существующего в созданиях литературы*, у А. И. Кошелева: *Люди в России совершенно не ценят индивидуальность... Это есть не что иное, как следствие прежней, далеко еще не исчезнувшей крепостной зависимости*. Ср. в фельетоне И. И. Панаева: — ...С этим так называемым просвещением, развитием, или, как это нынче у вас модное слово, — с этим прогрессом (и, произнеся это, он улыбнулся иронически) искореняются новые правила.

б) Пополняется состав общественно-политической лексики: *агитатор, агитация, буржуа, буржуазия, интеллигент, интеллигентный, интеллигенция, коммунизм, коммунист, конспирация, легальный, нелегальный, митинг, пресса, пролетарий, пролетариат, солидарный, солидарность, социальный, социализм, социалист*.

Например, слова *интеллигент, интеллигентный, интеллигенция* распространяются в России в 60—70-е гг. В «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» (1863) Ф. Толля слову *интеллигенция* дано следующее толкование: «Мыслительная сила, степень мыслительной силы», в соответствии со значением латинского существительного *intelligentia* — 'разумение, познавательная сила' и французского слова *intelligence* — 'ум, разум, способность мыслить'.

Во втором издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля существительное *интеллигенция* рассматривается как собирательное и толкуется так же, как в современных словарях: *разумная, образованная, умственно развитая часть жителей*.

В новом значении слово *интеллигенция* вошло из русского языка в западноевропейские языки¹.

Весьма показательна статья Н. Р. Шелгунова «Теперешний интеллигент» (1875), где весьма своеобразно толкуются слова *интеллигент* и *интеллигенция*: «*Интеллигенция* есть коллективная сила, поэтому для нее требуется известное множество. Если в стране это множество достигает такого размера, что является влиятельным в общественных делах, то говорят, что у страны есть интеллигенция. Пока же такого множества нет, пока мыслящие люди составляют небольшую кучку, эту небольшую кучку нельзя назвать *интеллигенцией*. Но этого мало. Кроме известного влиятельного большинства, *интеллигенция* должна состоять из *интеллигентов*».

¹ Ср. у И. Эренбурга: «Это не определение рода занятий, а историческое явление; недаром в западные языки вошло русское слово *интеллигенция* в отличие от имевшегося понятия 'работники умственного труда'» («Люди, годы, жизнь»).

А *интеллигент* — не всякий, кто думает. Надо знать, что думать, надо уметь думать».

Слово *пресса* укореняется на русской почве в 60-е гг. («Северная почта», «Дело», «Русская мысль», «Современник», «Северный вестник» и другие журналы), но впервые это слово приводит и объясняет Белинский в статье 1844 г.: «Публичность так важна для литературы, что теперь во Франции вошло в употребление слово *пресса* (*la presse* — книгопечатание), как выражающее более общее и обширное понятие, нежели слово *литература*. Вся сфера современного общественного движения теперь выражается словом *пресса*: это живой пульс общества, по биению которого вернее, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состоянии общества в отношениях: политическом, административном, ученом, литературном, эстетическом, нравственном, в отношении к народному духу, богатству, промышленности, ремеслам и пр. и пр. Нет стороны в обществе, которое бы теперь не выражалось *прессою*, не жила в ней и ею».

в) С развитием капитализма в России, с переходом капиталистического общества на новую ступень развития — империализм, с развитием двух антагонистических классов в России: рабочего класса и буржуазии, с ростом революционно-освободительного движения в стране словарный состав русского языка пополняется большим количеством новых социальных и экономических терминов: *акция, бюджет, дефицит, индустрия, индустриальный, конкурент, конкуренция, концерн, кредит, рента, синдикат, трест, финансист* и др.

г) Происходит изменение в кругу технических терминов: *вагон, локомотив, рельс, тоннель, цистерна, шпала* и др.

д) Расширяется круг предметно-бытовой лексики: *бар, бидон, бульдог, бутерброд, винегрет, кафе, клякса, макинтош, одеколон, пальто, портсигар, пенсне, плед, портьера, флакон* и др.

е) В XIX в. в словарный состав русского языка входит слово *спорт* и различные спортивные термины: *бокс, баскетбол, волейбол, спортсмен, теннис, тренер, футбол, чемпион* и др. Например, у А. С. Хомякова: *Кулачный бой и скороходство, борьба и плавание, состязание между скакунами, рысаками, петухами, лодками, яхтами и др.* — *все это у англичан предмет спорта*, в романе И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»»: *Англичане здоровы... от упражнений спорта, который входит у них в систему воспитания юношества*, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: *Безобразный спорт кулачного боя или испанских тореадоров есть признак варварства*.

Многие из перечисленных слов французского происхождения (*аванс, апломб, афера, локомотив, меню, портсигар, флакон* и др.), из немецкого языка пришли слова *абзац, бутерброд, гастроль, клякса, циферблат, штамп, шулер* и др., к заимствованиям из английского языка относятся: *бокс, бульдог, вагон, вокзал, жюри, комфорт, лидер, рельс, тоннель, чемпион* и др. Многие из слов, заимствованных из западноевропейских языков, восходят к латинскому или греческому языкам, являются *интернациональными*.

Расширяется круг заимствованных глаголов с суффиксом *-ировать*: агитировать, апеллировать, ассимилировать, демонстрировать, иронизировать, популяризировать, пропагандировать, редактировать, цитировать и др.

II. Словарный состав русского языка продолжает пополняться лексическими, семантическими и фразеологическими к а л ь к а м и.

а) Особенно многочисленны кальки немецких сложных слов: *взаимодействие* (*Wechselwirkung*), *жизнедеятельный* (*lebensstätig*), *жизнерадостный* (*lebensfroh*), *закономерный* (*gesetzmäßig*), *здоровоохранение* (*Gesundheitsschutz*), *зубоврачебный* (*zahnärztlich*), *конькобежец* (*Schlittschuhläufer*), *миросозерцание* (*Weltanschauung*).

б) Семантические кальки менее характерны для этого периода. Ср., однако, изменение значений русских слов под влиянием французских аналогов: *положительный* (*позитивный*), *отрицательный* (*негативный*), *левый*, *правый*, *сливки* (*общества*), *гвоздь* (*программы*), *ясли* (*crèche*), *утка* (*canard*), *лев* (*светский лев*) и др.

в) Закрепляется в русском языке ряд фразеологических калек: *детский сад* (*jardin d'enfants*), *железная дорога* (*chemin de fer*), *сестра милосердия* (*sœur de charité*), *синий чулок* (*Blaustrumpf*) и др.

III. 30—90-е гг. — время интенсивного пополнения словарного состава русского литературного языка лексическими н о в о о б р а з о в а н и я м и.

1) Первое место среди них занимают имена существительные, образованные суффиксацией, сложением, префиксально-суффиксальным способом.

а) Суффиксальные и префиксально-суффиксальные существительные мотивированы глаголами, прилагательными и существительными: *возбудимость*, *впечатлительность*, *гласность*, *грамотность*, *заболеваемость*, *закаленность*, *замкнутость*, *преступность*, *производительность*, *современность*; *возникновение*, *голосование*, *заболевание*, *замалчивание*, *объединение*, *освоение*, *торможение*, *чередование*; *бомбардировка*, *забастовка*, *зарисовка*, *прививка*, *расклейка*; *верхоглядство*, *вмешательство*, *жюльничество*, *крохоборство*, *материнство*, *надувательство*, *самодурство*, *хамство*; *предприниматель*, *представитель*; *железнодорожник*, *лыжник*, *народник* и др.

Приведем примеры. В газете «Санктпетербургские ведомости» 1862 г. так толкуется слово *гласность*: «Право каждого выражать свои мнения относительно разных правительственных мер и учреждений». У Чернышевского: *Часто предприниматель занимает на ведение дела капитал у другого капиталиста*. У Мамина-Сибиряка: *За каждую женщиной остается будущее, купленное муками материнства*.

Интересный материал приводит Ю. С. Сорокин, рассматривая заимствования XIX в. с суффиксами *-изм* и *-ист*. Большое количество новых слов подобной структуры, их частая употребительность в газетах и журналах способствовали лексикализации морфем *-изм* (в значении 'какое-либо направление, течение') и *-ист* (в значении 'последователь, сторонник кого-, чего-либо').

Например, у Белинского: *Газетеры, журналисты, фельетонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другие «исты», в журнале «Дело»; В тех случаях, когда автор не является пасквильянт-сочинителем «Некуда», с пеною у рта накидывающимся на всевозможные «измы», ему нельзя отказать даже в... теплом отношении к выводимым им личностям.*

В 30—40-е гг. XIX в. в литературное употребление вошло много слов с этими суффиксами: байронизм — байронист, гуманизм — гуманист, материализм — материалист, нигилизм — нигилист, реализм — реалист, туризм — турист и др.; в 50—90-е гг.: дарвинизм — дарвинист, милитаризм — милитарист, субъективизм — субъективист, централизм — централист и др. На русской почве образованы слова декабрист, службист, славист, царизм, в XX в. — большевизм, меньшевизм, уклонизм, хвостизм, уклонист, хвостист.

б) Развитие книжных стилей литературного языка, формирование терминологических систем обусловили появление различных типов сложных слов: *громоотвод, животновод, кругооборот, законпроект, мирозерцание, мировоззрение, паровоз, пароход, первопричина, пищеvod, разночтение, сердцебиение* и др. Приведем примеры. У Белинского: *мирозерцание* всякого народа есть зерно, сущность (субстанция) его духа, тот инстинктивный внутренний взгляд на мир, с которым он родится, как с непосредственным откровением истины; у М. А. Антоновича: *Они взяли у немца целую философскую систему, позаимствовали от него самую сущность всего своего мировоззрения; в журнале «Северная пчела» за 1836 г. (год открытия царскосельской железной дороги): Немецленно по прибытии паровых машин (locomotive), которые для отличия от водяных пароходов можно было бы назвать паровозами, последуют опыты употребления их.*

2) Можно отметить целый ряд новообразований — прилагательных, мотивированных существительными (иноязычными и русскими): *бытовой, вкусовой, деловитый, жилищный, идейный, интеллектуальный, имущественный, классовый, колоритный, любительский, массовый, научный, правовой, смысловой, традиционный, юридический* и др. Ср. у Булгарина: *Что это за слова научный, научно е? Это новое изобретение новых кователей русских слов и пришло к нам от московских философов.*

Начиная с 30-х гг. XIX в. в русских текстах стали употребляться прилагательные с заимствованными префиксами *а-, анти-,* словоэлементами *псевдо-, ультра-, экстра-:* *антиисторический, антиобщественный, антинациональный, псевдопатриотический, псевдонародный, ультрамещанский, ультрасолидный* и др. Появляются новые сложные прилагательные: *болеутоляющий, душевнобольной, закономерный, железнодорожный, злободневный, мелкобуржуазный, первоортный, равноправный* и др.

3) Расширяется круг глаголов: *безобразничать, деликатничать, жульничать, кокетничать, либеральничать, нервничать, оригинальничать, откровенничать, сотрудничать; бродяжить, глупить, конфу-*

зять, рулить, стеклить, холодить, чудить; обобществить, обособить, обусловить, заглавить; оздоровить, осложнить; бастовать, бинтовать, голосовать, практиковать, трактовать и др.

Обогащается система служебных слов, образуются новые отыменные предлоги: *в лице, в смысле, вроде, в области, в деле, ввиду, путем, в противоположность, на протяжении, в сторону* и т. п.

Появляются сложносоставные отыменные предлоги с общеупотребительным предлогом *по*: *по отношению к, по направлению к, по сравнению с*¹; образуются новые союзы относительного типа: *вследствие того что, в силу того, благодаря тому что, из-за того что, ввиду того что*, употребляемые преимущественно в научных и публицистических стилях литературного языка, а также и в языке художественной литературы.

III. Происходят семантические изменения в лексической системе русского литературного языка: сужение значений одних слов (*нарочитый, произвол, расправа*), расширение объема значений других (*кризис, среда, фаза, фактор*).

Развитие точных и естественных наук в XIX в. обусловило широкое распространение терминов этих наук в публицистических и художественных текстах, в результате чего происходит детерминологизация — появление переносных значений у терминов математики, физики, химии, медицины и т. п. Например, расширяет объем значения ряд математических терминов, в новом значении они переходят из специальной речи в общее употребление: *несоизмеримый, показатель, периферия, сумма, масштаб, процент, цифра, прямолинейный, единица*. У И. А. Крамского: ... *Каждый из нас, художников, дорого бы дал, чтобы знать, какую сумму впечатлени и зритель выносит, смотря на произведение живописи*, у А. П. Чехова: *Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека*.

На основе математических терминов создается ряд фразеологических сочетаний: *привести к одному знаменателю, сделать поворот на 180 градусов, равно нулю или свести к нулю, в квадрате, уравнение с двумя неизвестными, ноль внимания, катиться по наклонной плоскости*. См. у А. П. Чехова: *Медик пьян, как сапожник. На сцену — ноль внимания. Знай себе дремлет да носом клюет*.

Начинают употребляться термины астрономии, химии, физики в расширенном значении: *атмосфера, в зените, кристаллизация, разлагаться, улетучиваться, испаряться, фаза, барометр, инерция, фокус, орбита* (подобное словоупотребление намечается уже в 30-е гг.). У И. А. Гончарова: *Агафья Матвеевна была в зените своей жизни*, у Ю. М. Юрьева: *Александринский театр отнюдь не был в фокусе внимания избранной... столичной публики*.

¹ См. об этом: Черкасова Е. Т. Изменения в составе предлогов // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. — М., 1964.

На основе этих терминов формируется ряд фразеологических сочетаний: *безвоздушное пространство, звезда первой величины, торричеллиева пустота* (в значении: 'полное отсутствие чего-либо где-либо'), *точка замерзания* ('без движения вперед, на одном месте'), *точка опоры, удельный вес, центр тяжести*. Например, у Шелгунова: *Ц е н т р т я ж е с т и русской жизни не в городе, а в деревне*, у Н. Д. Телешова: *К главному столу... подходит со стаканом в руке сам Плевако, знаменитый адвокат, несравненный оратор, звезда первой величины*.

Особенно широко, начиная с 30-х гг. XIX в., употребляются в переносном значении термины биологии и медицины: *симптом, специфический, хронический, доза, микроскопический, парализовать, агония, ампутация, микроб, эпидемия, лихорадка*. Например, у А. И. Герцена: *Постоянная лихорадка, в которой они жили, не позволяла им думать о хозяйстве*; у Н. Г. Чернышевского: *В самом энергичном человеке есть своя доза апатии*.

IV. Другой процесс, показательный для изменений в словарном составе литературного языка послепушкинской поры, ведущий свое начало с 20-х гг. XIX в., — вовлечение в литературный язык слов из живой народной речи, областных и широкого распространения: *бубнить, выкрутасы, головотяп, голодовка, детвора, ерунда, живоглот, жулик, жуть, взятый, завсегда, задира, закуток, заскорузный, занятый, заядлый, злюка, зубрить, мальчуган, молодожен, настил, несусветный, неудачник, нытик, оборванец, подсолнух, подхалим, ругань, рыбалка, самодур, уйма, умелый, шуришь*. У Лейкина: *Драку начинали мальчишки, которые назывались «задирами»*. У Тургенева: *Камыши, точно раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас*.

Слово *неудачник* зарегистрировано «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля (3-е изд.). В художественной литературе оно впервые употреблено И. А. Гончаровым в романе «Обрыв» (с указанием на местное употребление слова) в диалоге Волохова и Райского: *«Я согласен с вами, что я принадлежу к числу тех художников, которых вы назвали... «Как?» — «Неудачники и камы»*. — *«Ну, очень хорошо, и слово хорошее, меткое»*. — *«Здесьнего изделия: чем богаты, тем и рады!»* — сказал, кланяясь, Марк.

Большинство названных слов относится к оценочной лексике, широко употребительной в современной разговорной речи (*бубнить, выкрутасы, головотяп, ерунда, жуть* и др.).

Например, оценочное слово *ерунда* впервые зафиксировано В. И. Далем с указанием: «симбирское», однако Н. А. Некрасов относит его к городскому просторечию: «лакейское слово, равнозначительное слову *дрянь*». Д. Зеленин — к жаргону бурсаков: «Едва ли можно отделять слово от термина ненавистной для бурсаков латинской грамматики *gegundium*», как и Помяловский: «Попробуйте выучить наизусть слово в слово, буква в букву, всю *ерунду* бурсацкую». Ср. шутивное объяснение происхождения неологизма *головотяп* в «Истории одного города» Салтыкова-Щед-

рина: *Был, говорит он, в древности народ, головоотяпами именуемый... Головоотяпами же назывались эти люди оттого, что имели привычку «т я п а т ь» г о л о в а м и обо все, что бы не встретилось на пути.*

Использование других слов не имеет в современном языке стилистического ограничения (*завсегдатай, молодожен, настил, неудачник, подсолнух, шуршать*).

В литературный язык входит ряд слов, обозначающих предметы и явления животного и растительного мира, относящиеся к деревне, к сфере сельского хозяйства: *гадюка, жнивье, заповедник, зеления, зябрь, зяблевый, копнить, коренник, хутор, тайга* и др.

В текстах произведений писателей XIX в.: Н. В. Гоголя, Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого и др.— широко употребляются слова и словосочетания живой народной речи, называющие растения, предметы сельскохозяйственного труда, сельскохозяйственные процессы, продукты сельскохозяйственного труда. Например: *подготовка семян, переборка хлеба, пересушка, сев, посева, покосы, жатва, молотба, запашка, метать стога, класть клади, рожь, пшеница, ячмень, овес, амбар, рига, скотный двор, гумно* и т. п.

Например, у Гоголя в романе «Мертвые души»: *У мужиков уже давно колосилась рожь, высыпался овес, кустилось просо, а у него едва начинал только идти хлеб в трубку, пятак колоса еще не завязывалась.* У Некрасова:

*Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.
А на гумне только руки мелькают,
Да высоко молотила взлетают.*

У Л. Н. Толстого: *Было то время года, перевал лета, когда урожай нынешнего года уже определился; когда начинаются заботы о посевах будущего года и подошли покосы: когда рожь вся выколосилась и серо-зеления, неналитым, еще легким колосом волнуется по ветру; когда зеленые овсы с раскиданными по ним кустами желтой травы неровно выкидываются по поздним посевам; когда ранняя гречиха уже лопушится, скрывая землю; когда убитые в камень скотиной пары с оставленными дорогами, которые не берет соха, вспаханы до половины; когда присохшие вывезенные кучи навоза пахнут по зорям вместе с медовыми травами, и на низах, ожидая косы, стоят сплошным морем береженные луга с чернеющими кучами стеблей выполонного щавельника.*

В текстах произведений писателей XIX в. большой удельный вес имеет бытовая лексика, слова, называющие предметы деревенского и городского быта. Например: *Опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоянного двора с овсом*

в руке, пешеход в протертых лаптях, плетущийся за 800 верст; городишки, выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные, и по ту сторону, и по другую, помещицы рыдваны, солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батарее, зеленые, желтые и свежеразрытые полосы, мелькающие по степям, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далеке колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца... (Гоголь)

И житье хорошо... место хорошее, смотри! И он быстрым, невольным жестом руки указал мне на туманную перспективу улицы, освещенную слабо мерцающими в сырой мгле фонарями, на грязные дома, на сверкающие от сырости плиты тротуаров, на угрюмых, сердитых и промокших прохожих, на всю эту картину, которую обхватывал черный, как будто залитый тушью, купол петербургского неба. Мы выходили уже на площадь; перед нами во мраке вставал памятник, освещенный снизу газовыми рожками, и еще далее подымалась темная, огромная масса Исакия, неясно отделявшаяся от мрачного колорита неба (Достоевский).

Ряд слов, употреблявшихся в произведениях простого слога XVIII в., помещенных в Словарь Академии российской и Словарь 1847 г. с пометами «простонародное» и «просторечное», уходит из литературы в первой половине XIX в.: *брязги, бутор, вдугорядь, назола, собить, сочить* ('ловить') и др.

Многие слова живой народной речи (диалектные, простонародные, просторечные) употребляются в художественной литературе в авторском повествовательном тексте для создания местного колорита, в речи персонажей определенной социальной среды, в произведениях, стилизованных под фольклор, но не являются литературными. У Гоголя: *чапоруха* — стопка, *порхлица* — часть мельницы, *пришипился* — притаился, присмирел, *заклекнуть* — завязнуть, засохнуть; у Григоровича в рассказе «Деревня» *нахлобучник* — удар, затрещина, *ахаверница* — забияка, *пройдоха, засидки* — посиделки, *превзорный* — сильный, плечистый; у Некрасова: *плетюх* — большая корзина, *очеп* — деревенский колодец, *ухаб* — могила, *серебрянки* — обоз с серебром (примечание к стихотворениям самого поэта); у Тургенева в «Записках охотника»: *площади* — сплошные массы кустов, *дворец* — место, по которому бежит вода на колесо у плотины, *казюли* — змеи, *осечка* — срубленное место в лесу, *верх* — овраг, *сугибель* — крутой поворот в овраге, *бучило* — яма с весенней водой.

С новым переносным значением входят в литературный язык некоторые профессионализмы: *доморощенный* (доморощенные утки, но *доморощенные остроты*), *животрепещущий* (животрепещущая рыба, но *животрепещущие темы, новости*), *отпетый* (отпетый в церкви, но *отпетый* — отъявленный), *подголосок* («подголосок в хоре», но «царские подголоски»), *приспешник* (помощник, подготовщик и соучастник в каком-либо дурном деле), *пустопорожний*

(пустопорожняя земля, но пустопорожние слухи), разношерстный (первоначально только о животных, но «разношерстная компания»), стушеваться (первоначально в среде чертежников и художников в значении 'образовать в результате тушевки постепенный и незаметный переход от темного к светлому', затем в общем употреблении в значении 'сделаться незаметным или незаметно исчезнуть'); у Ф. М. Достоевского: *Ему пришло было на мысль как-нибудь втихомолку улизнуть от греха, этак взять — да и стушеваться.*

Ряд существительных конкретно-предметного значения начинают употребляться в переносном смысле в роли оценочных слов: *бойня, винегрет, крошка, стряпня, кухня, лавочка, лакей* и др. Например, у Г. Е. Благовещова: *Положим, ...что мы выиграем в солидности фактов, в основательности мнений, если поручим Костомарову разбирать историю Соловьева, Пыпину — Домострой, Кавелину — гражданские законы, Прыжову — оружие Грановитой палаты, но черт ли в этой солидности? Ведь это будет концерт из кастрюль, сковород, ухватов и кухонной посуды, это будет ученая крошка, приготовленная на филистерском бульоне.*

В литературе этого времени распространяются фразеологические сочетания: *валять дурака, закусить удила, мертвая хватка, ставить вопрос ребром, вылететь в трубу, играть первую скрипку* и др. Например, у М. Е. Салтыкова-Щедрина: *Затем я закусывал удила и начинал доказывать. Доказывал горячо, с огоньком и в то же время основательно.*

Изменения в словарном составе литературного языка вызвали к жизни целый ряд словарей: «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Кириллова (1845—1846), «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847), «Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленный по словарю Гейзе» (1861), «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» Ф. Толля и В. Р. Зотова (1863—1864), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (первое издание 1863—1866), «Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского словаря» И. Ф. Бурдона (1865), «Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов» А. И. Маркова (1865), «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» А. Д. Михельсона (1865), «Словарь русского языка, составленный вторым отделением Академии наук» (1891—1929) и др.

§ 2. ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.

В литературном языке второй половины XIX — начала XX вв. не произошло изменений, затрагивающих основы синтаксического строя, сложившегося к началу XIX в. Как уже отмечалось, в «Рус-

ской грамматике» 1980 г. при характеристике основных понятий синтаксиса, описании структурных типов предложений, выявлении признаков предложений нерасчлененной структуры и предложений расчлененной структуры, выявлении закономерностей функционирования простых и сложных предложений (с союзной и бессоюзной связью) наряду с текстами современными в узком понимании этого определения рассматриваются тексты писателей XIX в.: Грибоедова, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Л. Н. Толстого, Чехова и др.

В этот период почти не появилось новых синтаксических конструкций, почти ничего из существующих синтаксических конструкций не ушло из языка. Основные изменения происходили в плане устранения вариантов, активизации одних моделей и ограничения других, закрепления стилистических функций за определенными синтаксическими единицами.

1. Произошли некоторые изменения в системе простого предложения¹.

В первой половине XIX в. нормой становится употребление простого предложения с составным именным сказуемым с нулевой связкой, местоимением *это* и частицей *вот* в роли связки (*Хотя певец земли родной не раз уж пел об нем, Но песнь — все песнь, а жизнь — все жизнь! Он — спит последним сном; Нравиться — это дело юношей; Ученье — вот чума, ученость — вот причина, что нынче пуще, чем когда, Безумных развелось людей, и дел, и мнений*).

Конструкции с материально выраженными связками *есть* и *суть* начинают восприниматься как архаические, но на протяжении XIX в. характерны для книжных стилей речи (научного, делового, публицистического). Например, у Писарева: *Труд есть борьба человека с природою; Эти слова суть имена* (Потебня); *Большинство тел ... суть тела сложные* (Менделеев); *В ожидании чумы Боткин все присматривался к опуханию лимфатических желез ... и предположил, что количественное развитие этих опухолей есть патологическая основа для возможности занесения чумы в Петербург* (Ю. Герман).

Употребление связки *есть* остается обязательным в предложениях тождества. У Чехова: *Жена есть жена; Меня теперь сильно занимает вопрос: насколько изображенный вами сон есть сон; Лень и есть лень, слабость есть слабость*.

Конструкции со связкой *есть* долго сохранялись в просторечии, что нашло отражение в текстах художественной литературы. У Гоголя: [Кочкарев:] *Брак это есть такое дело...*; у Тургенева: *... — А ты ей есть муж и наставник*; у Чехова: *— Мы ... сейчас вам покажем, какой вы человек есть*.

¹ См. об этом: Шведова Н. Ю. Изменения в системе простого предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. — М., 1964.

Распространяются конструкции со связочным глаголом *значит* и сочетанием местоимения *это* и связочным глаголом *значит*, осуществляющими связь подлежащего и сказуемого. У Короленко: *Сказать слишком — иногда значит не сказать ничего*; у Писарева: *... Не видеть в жизни ничего выше и обаятельнее взаимной любви... это значит не иметь понятия о настоящей жизни*.

В конце XVIII в. происходит активизация творительного предикативного в структуре составного именного сказуемого со значением временного признака, вытесняющего собою именительный предикативный. В текстах первой половины XIX в.: *чтоб кроме вас ему мир целый казался прах и суета* (Грибоедов); *...коим я был свидетель; В то время был еще жених Ее супруг; Она казалась хладный идеал тщеславья* (Пушкин). В текстах второй половины XIX в.: *Был я в то время студентом...* (Л. Толстой); *Вы богатый человек, будете скоро миллионером* (Чехов), в современных текстах: *За открытым окном блистала звезда. Она была туманной, очень большой...* (Паустовский); *Улыбка была просительной, но в то же время насмешливой* (Федин); *А у нашего солдата адресатом целый свет* (Твардовский).

Крошится употребление предложений с краткими страдательными причастиями в роли сказуемого типа *Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат* (Пушкин); *Я солнцем любима, цвети для него...* (Лермонтов); *Все один за другим были вводимы ... в кабинет к князю* (Л. Толстой).

Наиболее распространены предложения с краткими причастиями в роли сказуемого в поэтической речи, как и конструкции с краткими прилагательными в составе сказуемого: *А ныне утренним морозом Они стоят опалены* (Фет); *Что было любимо, — все мимо, мимо ... Впереди — неизвестность пути...; Да, слепы люди, низки тучи, Осенний день высок и тих* (Блок); *Она туманна, как осенней ночью Туманны Патриаршие пруды; Мальчишка этот стар. Таким он рано стал* (Евтушенко).

Можно отметить ряд изменений в системе безличных предложений: уходят некоторые устаревшие конструкции (*Этому статься нельзя; Свадьбе положено быть; Этому уже очень давно, стоял здесь замок; Иначе и быть нельзя* и т. п.), активизируется употребление новых конструкций.

Так, глаголы *вечереть, смеркаться, темнеть, везти, светать* и др. употреблялись прежде как личные глаголы (*Надо признаться, что ему везло-таки счастье* — Ф. М. Достоевский; *С темнело небо* — Н. А. Некрасов; *Чуть вечеряют небеса* — А. А. Блок), личные глаголы типа *веять, застучать, загреметь, зашуметь* начинают употребляться в значении безличных (*Оттепель... Поле чернеет; Кровля на церкви обмочла; Так вот и веет, и веет — Пахнет весной сквозь стекла* — А. Л. Мей), в качестве глагольного члена безличного предложения выступают личные глаголы с пофлексийным суффиксом *-ся* (у А. А. Блока: *И каждый год, как*

желтый лист кружится, все кажется, и помнится, и мнится, что осень прошлых лет была не так грустна).

Некоторые отрицательные безличные предложения (*Но Максима Петровича не отыскивалось; Его теперь здесь не находилось; При обыске этого сюртука не найдено* и т. п.) уступают место двусоставным предложениям.

Активизируются безличные предложения с именительным падежом существительного в роли главного члена (*Всем не мед,— говорит он.— Не одним господам — И. А. Бунин*), инфинитивные предложения с различными частицами (*Хоть убежать; Вот бы поймать* и т. п.).

2. Изменения произошли в системе осложненного предложения¹.

Утрачиваются деепричастные обороты, совпадающие по значению с придаточными предложениями, заменяясь придаточными предложениями (*Винюсь перед вами..., не писав так давно — Что не писал так давно; Игрушка ... должна быть забавна, вскруживши голову англичанам — Если вскружила голову англичанам; Душою черной зло любя, колдунья старая, конечно, возненавидит и тебя — так как любит зло душою черной*).

Сокращается употребительность деепричастных оборотов с деепричастием *будучи* (у М. Ю. Лермонтова: *Будучи эгоист в высшей степени, он, однако, слыл всегда добрым малым*), именная часть при сохранении такого оборота выражается формой творительного падежа.

Во второй половине XIX в. распространяются деепричастные обороты со сравнительным значением (*На поверхности озера вздувались и бежали, будто торопясь, мелкие, короткие волны — Куприн*).

Активизируется употребление обособленных прилагательных, полных и кратких, имеющих значение дополнительной качественной характеристики кого-либо (у Бунина: *Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи,— молодой, одинокий; Из-за стены же дивным самоцветом глядела невысокая зеленая звезда, лучистая, как та, прежняя, но немая, неподвижная*).

Обособленные группы с прилагательными в краткой форме остаются достоянием поэтической речи (у Анненского: *Гляди, уж поток бурливый Желтеет, покорен и вял*; у Ахматовой: *Одинок и часто недоволен, С нетерпеньем торопил судьбу, Знал, что скоро выйдешь, весел, волен, На свою великую борьбу*).

3. Изменения произошли в системе сложноподчиненного предложения².

¹ См. об этом: Ковтунова И. И. Изменения в системе осложненного предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.— М., 1964.

² См. об этом: Поспелов Н. С. Основные направления в развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в., а также: Развитие предложений «одночленной» структуры // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.— М., 1964.

Во второй половине XIX в. ряд синтаксических конструкций сужает сферу употребления, другие конструкции совсем уходят из языка, проявляется стремление к наиболее тесному объединению частей каждой конструкции, происходит укрепление подчинительной связи и усиление роли подчинительных союзов как средств выражения тех или иных отношений.

В составе определительных придаточных предложений относительное местоимение занимает место, свойственное современному словорасположению, т. е. становится в начале придаточного предложения, если оно является подлежащим или членом предложения, зависящим от глагола, если же местоимение зависит от существительного, то оно становится после главного слова того словосочетания, в состав которого оно входит.

В определительных предложениях местоимение *самый* начинает употребляться в главном предложении только в сочетании с указательным местоимением *тот* (у Толстого: *Даша играла ту самую у сонату, которую разучивала, когда три года тому назад готовилась к экзаменам*), в то время как в литературе первой половины XIX в. можно еще встретить употребление одиночного местоимения *самый* (у А. С. Пушкина: *То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани..., отец ее останавливал ее*).

При сочетании двух местоимений устанавливается определенный порядок словорасположения: *тот самый* (у Н. В. Гоголя: *Погляди, какие я тебе принес черевички! — сказал Вакула, — те самые, которые носит царица*), в то время как раньше было возможно и иное словорасположение (*... с самой той минуты, когда она ... прочла записку...*).

Начиная с XIX в. получают распространение предложения с соотносительными местоимениями *такой — какой* (А если даже ты придуман мной, такой, Какого встретить мне хотелось, Я не хочу встречать тебя зимой, Чтоб выдумка моя не разлетелась).

Со второй половины XIX в. активизируется употребление определительных придаточных предложений с относительным местоимением *что* и указательным местоимением *тот же* в главном предложении (у Чехова: *Мысли были все те же, что в прошлую ночь*).

Местоименные сочетания *таков — какой* заменяются сочетанием *такой — какой* (у Чехова: *Как и е мысли были у мужа, так и е и у нее*).

В составе предложений, выражающих временные отношения, выходит из употребления союз *доколе* (ср. у А. С. Пушкина: *И, все на свете презирая, доколе борода цела — изменник не страшится зла*), сокращается употребительность союзов *покамест* и *покуда*, хотя до сих пор мы встречаем их в текстах художественной литературы, отражающих особенности живой разговорной речи (у Куприна: *Я до тех пор не знал, что люблю тебя, покамест не расстался с тобой*; у Горького: *Покуда будут богатые — ничего не добьется народ, ни правды, ни радости, ничего!*), при этом союз *покуда* более употребителен (у А. Н. Толстого: *Покуда она стлавала лодку в воду, подбежал запыхавшийся Говядин*), но аб-

солютно преобладающим оказывается в этих ситуациях союз *пока*.

Наиболее употребительным временным союзом становится союз *когда*, союз как употребляется лишь в разговорной речи (у И. А. Гончарова: *Проказник ты, Борюшка! И не написал, нагрязнул! ведь ты перепугал меня, как вошел*).

В предложениях, выражающих условные отношения, основным союзом остается *если*, союз *когда* употребляется реже, обычно в придаточных предложениях условно-временного характера, которые соотносятся с сочетаниями главного предложения: *при условии, в случае* (такие сочетания могут только подразумеваться, например в учебнике «Из курса общей физики»: *Тело движется прямолинейно и равномерно, когда внешняя сила уравновешивает ... силу трения*).

Союзы *ежели, коли, коль, кабы* перестают употребляться в текстах литературного языка. В художественной литературе они встречаются в речи персонажей, в произведениях, стилизованных под фольклор, в поэтической речи (у А. К. Толстого: *Коль любить, так без рассудку, коль грозить, так не на шутку, коль рубнуть, так сгоряча, коль рубнуть, так уж с плеча*; у Чехова: *Коль бы не ты, я, может, за купца бы вышла*; у Мамина-Сибиряка: *Кабы я злой человек был, так разве бы выпустил добычу из рук?*).

Союз *буде* ушел из литературного языка. Изредка его можно встретить лишь в художественной литературе с характерологическими целями (ср. использование этого союза в романе Ю. Германа «Дело, которому ты служишь» в тексте, иронически воспроизводящем официально-деловую речь: *Было решено побеседовать с товарищем Устименко Афанасием Петровичем, а буде он в отъезде — с товарищем Устименко Аглаей Петровной*).

В составе предложений, выражающих причинные отношения, перестали употребляться союзы *понеже* и *поелику*, сохраняясь лишь в отдельных текстах художественной литературы (ср. у Ю. Германа: *Я полагал, что нам — поелику мы, врачи, работаем в полную меру своих сил и способностей..., в такую же полную меру сыплются добрые слова*).

Во второй половине XIX в. союз *потому что* вытеснил из употребления союз *для того что*. Союз *затем что*, уступая место целевому союзу *затем чтобы*, становится достоянием поэтической речи (у В. А. Брюсова: *И снова я с людьми, — затем, что я поэт, затем, что молнии сверкали*. Ср. у Ф. М. Достоевского: *Сказал, что он очень полюбил меня затем, что я честная и благородная девушка*).

В научных и публицистических стилях с конца XIX в. начинают широко употребляться союзы *ввиду того что*, *вследствие того что*, *в силу того что*, *благодаря тому что*, *в связи с тем что*.

4. Происходят изменения в системе словосочетаний: одни типы словосочетаний уходят из языка (*наскучить жизнью*), другие появляются в нем (*дети с улицы, бутылка из-под вина, прогулка верхом, человек так себе, свободный от работы*), третьи — заменяются

новыми (*учитель в красноречии — учитель красноречия, урок из географии — урок географии, не проехать за дождями — не проехать из-за дождей* и т. п.)¹.

Сокращается употребление сочетаний с предлогами *по, за, через, по причине*, вытесняемых сочетаниями с предлогами *из-за, в силу, ввиду, в результате, в связи с, благодаря*. Самым употребительным становится сочетание с предлогом *из-за*, в состав которого могут входить различные существительные для выражения различных оттенков причинных отношений.

Уменьшается возможность дублетного употребления словосочетаний, выражающих целевые отношения с предлогами *в, на, к* (*трудиться на общую пользу — трудиться к общей пользе, отправиться в поиски — отправиться на поиски*). Образуются устойчивые сочетания, в пределах которых употребляется или предлог *в* (*в доказательство, в оправдание*), или предлог *к* (*к распространению, к устранению*), или предлог *на* (*на рассмотрение, на съезде*).

Основные выводы

1. В литературном языке послепушкинской поры наиболее существенные изменения происходят в словарном составе. В грамматическом строе литературного языка этого периода больших изменений не произошло: дальнейшее развитие грамматической системы шло по пути устранения грамматических вариантных, дублетных форм, закрепления за такими формами определенных стилистических функций.

2. XIX век — это век расцвета русской литературы. В 30—40-е гг. язык художественной литературы оказывает влияние на развитие публицистических стилей. В 60-е и 70-е гг. публицистические стили, испытавшие влияние научной прозы, воздействуют на язык художественной литературы. Возрастает роль писателя в процессе дальнейшего развития языка художественной литературы, ее взаимодействия с литературным языком и живой народной речью. Лермонтов, Гоголь и другие писатели XIX—XX вв. развивают пушкинские традиции в отборе языковых средств из литературного языка и живой речи.

3. С середины XIX в. формируются стили современного русского литературного языка. Важную роль в формировании публицистического стиля сыграли Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов. Формирование стилей научной прозы связано с именами Лобачевского, Тимирязева, Сеченова, Менделеева и др.

4. В конце XIX в. в России формируется терминология, связанная с изучением экономической и общественно-политической жизни; в конце XIX — начале XX в. появляется много новых фило-

¹ См.: Белошаркова В. А., Золотова Г. А., Прокопович Н. Н., Филиппова В. М. Изменения в системе словосочетаний // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. — М., 1964.

софских терминов в связи с интенсивным развитием философии в этот период (выходят в свет труды В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, П. А. Кропоткина, Н. К. Михайловского, К. Н. Леонтьева, Г. В. Плеханова, Н. Ф. Федорова и др.).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бельчиков Ю. А. Русский литературный язык во второй половине XIX в.— М., 1974.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в.— М., 1954.— Гл. 2.— § 12—30; Гл. 3.— § 13—17.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.— М., 1982.— Гл. VIII и X.

Виноградов В. В. Язык Гоголя // Избранные труды: Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя.— М., 1990.

Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века.— М., 1981.— Гл. II.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.— М., 1964.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв.— М., 1990.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка XIX в. (30—90-е гг.).— М.; Л., 1965.

Чичерин А. В. Стиль народных рассказов Льва Толстого // Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы.— 2-е изд., расш.— М., 1980.— С. 304—319.

Шкляревский Г. И. История русского литературного языка (вторая половина XVIII—XIX в.).— Харьков, 1967.— Раздел 3.

ГЛАВА IX.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XX в. (ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ — 80-е ГОДЫ)

Выше неоднократно говорилось о том, что период формирования русского литературного национального языка: конец XVII — первая четверть XIX в., однако язык не может не изменяться в последующее время. И бесспорно, особенно большие изменения произошли в русском литературном языке в XX в. Эти изменения получили отражение и в лексическом составе, и в грамматике, и в стилистике. Можно отметить ряд особенностей, характерных для русского литературного языка второй половины XX в. (современного литературного языка в узком значении этого слова).

1. С одной стороны, в грамматической системе литературного языка 10—80-х гг. XX в. не произошло существенных изменений по сравнению с грамматической системой литературного языка конца XIX — начала XX вв. С другой стороны, произошли большие изменения в лексической системе (появление огромного числа неологизмов на протяжении 70 лет, превращение целого ряда общеупотребительных слов в архаизмы, изменение семантической структуры лексических единиц и т. п.), в с и с т е

ме функциональных и экспрессивно-речевых стилей.

2. С одной стороны, активным носителем литературного языка по-прежнему является интеллигенция, хотя в ее составе в силу различных социально-политических причин произошли большие изменения. С другой стороны, резко увеличилось количество новых носителей литературного языка, что обусловило различные процессы, последовательно происходящие в языке: влияние на литературный язык живой народной речи (1917—20-е годы), стабилизация литературной нормы (30-е — первая половина 50-х гг.), сложное взаимодействие литературного языка и живой народной речи, языка художественной литературы и литературного языка (первая половина 50-х — 80-е гг.).

3. Изменились функции литературного языка. С одной стороны, он по-прежнему является высшей формой национального языка русского народа, важнейшим элементом русской культуры. С другой стороны, русский литературный язык стал средством межнационального и международного общения.

4. История русского литературного языка указанного периода позволяет особенно четко показать обусловленность языковых изменений экстралингвистическими факторами, взаимосвязь истории языка и истории его носителей.

В наши дни перестал существовать Советский Союз, дав начало многим суверенным государствам. Как будет дальше развиваться русский литературный язык в России и какое положение он займет в мире, покажет будущее. Но при этом нужно учитывать, что хотя в жизни носителей русского языка в XX в. произошло много социально-культурных изменений, повлиявших на язык, в целом они не затронули его сущность.

Необходимо подчеркнуть, что изменения в литературном языке, обусловленные влиянием на язык социальных факторов, «не отменяют действия внутренних законов языка», но способны «ускорить или замедлить действие отдельных тенденций развития языковой системы или же представить новый материал, подлежащий воздействию этих законов» (М. В. Панов).

§ 1. ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Лексика, как известно, самая подвижная часть любого языка, поскольку именно в ней наиболее ощутимо влияние экстралингвистических факторов, тех изменений, которые происходят в жизни носителей языка (мир слов тесно связан с миром идей), поскольку основная функция слов номинативная и значение слова изменяется вместе с денотатом.

Словарный состав русского литературного языка претерпевает следующие изменения: 1) происходит интенсификация образования новых слов по продуктивным моделям XIX—XX вв. и по моделям, ставшим продуктивными в XX в.; 2) активизируется способ образования новых слов, появившийся в системе рус-

ского словообразования в конце XIX — начале XX в., — аббревиация; 3) словарный состав русского языка пополняется иноязычной лексикой, происходит адаптация заимствований, на их базе создаются новые русские слова; 4) в связи с процессом демократизации литературного языка лексика и фразеология внелитературная: просторечная, диалектная, профессиональная, жаргонная — входит в состав нормативной лексики и фразеологии; 5) под влиянием внутриязыковых процессов и экстралингвистических факторов происходят изменения в семантической структуре целого ряда слов; 6) лексические и фразеологические единицы, называющие понятия, связанные со старым укладом жизни, уходят из языка.

I. В связи с коренными изменениями в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны появилось много новых слов, устойчивых словосочетаний для обозначения новых понятий, наименования новых предметов.

В 1917—20-е годы расширился круг общественно-политической и социальной лексики: *ревком, Советы, советский, Красная гвардия, красноармеец, Красная Армия, комсомол, комсомольский, пионер, пионерский* и т. п. Из политических документов, декретов, газет и журналов эти слова проникают в тексты художественной литературы, разговорную речь (*Советы, ВКП(б)*) или из разговорной речи в письменные тексты различной жанрово-стилистической принадлежности (*красные, белые*).

Многие неологизмы появились в связи с изменением в экономической жизни страны, развитием науки, техники (конец 20-х — 40-е гг.). Ср. в поэме А. А. Блока: *Как пошли наши ребята в красной гвардии служить — В красной гвардии служить — Буйну голову сложить!* («Двенадцать»), в романе И. Г. Эренбурга «День второй», посвященном строительству Кузбасса: *Каждое утро газета печатала сводки о победах и о прорывах, о пуске домы, о новых залежах руды, о подземном туннеле, о мощи моровского крана. Люди глядели на кран, который шутя подхватывал огромные болванки, и они понимали, что победа обеспечена. Он приехал на стройку. Он должен сразу понять, что такое болымысы, фуры, деррики, грейдеры, скрубберы.*

Расширяется круг промышленной, сельскохозяйственной, транспортно-технической лексики: *пятилетка, Днепрогэс, колхоз, совхоз, птицеферма, теплоход*; военной лексики: *дот* — долговременная огневая точка, *дзот* — дерево-земляная огневая точка, *зажигалка, миномет, катюша, зенитка, замполит, плащ-палатка* и др.

В 50—70-е гг. появились слова *КамАЗ, БАМ, целинник, термоядерный, атомоход, землянин* и др.

Показательна история слов, связанных с эпохой НТР, развитием науки и техники в 60-е гг., освоением космоса.

Все словари помещают слово *космос* — 'мир, вселенная'. Нельзя сказать, что значение этого слова изменилось, однако в связи с

изучением и освоением межпланетных и межзвездных пространств слово *космос* получило новый оттенок значений — 'неисследованные просторы вселенной, мирового пространства' и стало употребляться в составе новых словосочетаний: *покорение космоса, полеты в космос, человек в космосе, выход человека в космос*.

Прилагательное *космический* также стало употребляться в составе новых словосочетаний: *космические полеты, космические исследования, космический корабль, космический аппарат, космическая лаборатория, космическая станция, космическое устройство*.

Для обозначения науки о полете летательных аппаратов в космосе стали употребляться три термина: *астронавтика, звездоплавание* и *космонавтика*. Неологизмом нашего времени явилось слово *космонавт*, образованное по типу существительного *астронавт*, в значении 1) поднимающийся в космос; 2) изучающий космос. Показательно, что в поэме О. Сулейменова, написанной во время полета Ю. Гагарина, нет еще слова *космонавт*. В словаре «Новые слова и значения» есть не только это слово, но и слово *космонавтика*, а также *космик* — 'ученый, занимающийся изучением космических лучей' (разг.), *космовидение, космодром, космодромный, космолет, космолетчик, космоплавание, космоплаватель, космопорт* — 'место взлета космических кораблей', *космопроходец, космопсихолог, космофизик, космофизический, космохимик, космохимия, космоцентр* — 'научный центр подготовки и проведения космических полетов'. Например: *Чем дальше отважные космопроходцы будут находиться вне нашей планеты и чем дальше они будут проникать в космические просторы, тем чаще им придется сталкиваться с непредвиденными ситуациями и явлениями, требующими достаточно быстрой и правильной реакции, в том числе и в области управления космической техникой* (А. Леонов, В. Лебедев. Восприятие пространства и времени в космосе).

В связи с полетами на Луну появились слова: *лунник, луноход, лунодром, прилунение, лунит* — лунное вещество. *Лунное вещество по своим физическим свойствам — продукт истинно лунный, и его имя, конечно, должно отражать его сугубо лунную сущность. Горьковчане устроили настоящий конкурс, чтобы дать имя своему детищу. Победило нежное «лунит», писала И. Радунская в статье «Безумные идеи».*

В 60—70-е гг. в словарном составе появилось много слов и устойчивых словосочетаний, называющих предметы и понятия, связанные с освоением и использованием атомной энергии: *атомный реактор, атомная энергия, атомная электростанция, борьба за запрещение атомного оружия*. На базе слова *атом* в русском языке были образованы новые слова: *атомоход, атомоледокол, атомник, атомщик, атоمیфикация*. От прилагательного *атомный* образовались слова: *внутриатомный, межатомный, субатомный* — более мелкий, чем атом'.

Появились новые словосочетания с опорным словом *ядерный*: *ядерная ракета, ядерное оружие, ядерная политика, ядерная катастрофа, ядерные испытания, ядерное вооружение* в значении 'от-

носящийся к ядерному оружию, связанный с его применением'.

Текст любого памятника, произведения любой жанрово-стилистической закреплённости по языковым элементам, его составляющим, позволяет определить время его создания, даёт возможность установить, когда появился тот или иной текст: в 20-е, 30-е, начале 50-х, 70—80-е гг., в новое время — конец 80-х гг. Например, в тексте беседы одного из руководителей крупного города России представлены слова и словосочетания, характеризующие наше время: *перестройка, некомплексное развитие, экстенсивный, общепит, социальная инфраструктура, производственное объединение, генеральный директор, лесопарковая зона, экологические субботники, экологическая обстановка, бытового комплекс, хозрасчет, закон о государственном предприятии, диспансеризация, ЭВМ* и др.

II. Образование новых слов происходило и продолжает происходить в основном традиционными словообразовательными способами: аффиксальным и словосложением.

1) В словарном составе русского языка появилось много слов, которые называют людей по месту жительства, профессии, принадлежности к какой-либо социальной группе, роду занятий. Эти слова образованы с помощью продуктивных суффиксов лица *-ец, -ник, -ик, -тель, -ист, -щик, -льщик, -чик*: *комсомолец, метростроевец; производственник, передовик, фронтовик, хозяйственник, физкультурник, общественник, выпускник, вечерник, заочник, дипломник, целинник, дружинник; активист, моторист, очеркист, бульдозерист, программист; гандболист, аккордеонист, автоматчик, наладчик, ракетчик, перехватчик; регулировщик, подборщик, табуляторщик, тральщик, нагнетальщик, трубопрокатчик.*

В книге «Словообразование современного русского литературного языка» (1968) самыми продуктивными аффиксальными средствами, служащими для обозначения лиц по профессии и занятию, названы суффиксы *-щик* и *-льщик* (производящая глагольная основа): *спускальщик, пропускальщик, сметальщик, зачищальщик, дудувальщик, закантовщик, обмеловщик, окантовщик, отмывщик* и др.

В «Русской грамматике» 1980 г. зафиксированы существительные с суффиксами *-ант/-ент*: *репатриант, адресант, референт, информант*; *-ист*: *танкист, паспортист, чекист, значкист, самбист, пародист*; *-ик*: *отставник, подсобник, международник*; *-ец*: *рабфаковец, партиец, студиец, орудовец, огоньковец*; *-атор/-итор*: *рационализатор, классификатор, эвакуатор, дешифратор, мультипликатор* и др.

Женское равноправие, возможность работать на производстве, в различных научных учреждениях, заниматься общественной работой обусловили появление новообразований, обозначающих лиц женского пола, — существительных с суффиксами *-к(а), -ниц(а), -щиц(а)*: *рабфаковка, выдвиженка, активистка, партизанка, чемпионка, корреспондентка; прокатчица, автоматчица, стерженщица, нормировщица, зенитчица, крановщица, заочница, программистка* и др. Ср. в «Русской грамматике» 1980 г.: *активистка, фронтовичка, космонавтка, юниорка, дружинница* и др.

Новые слова быстро осваивались, проникали из специальной литературы в публицистику и художественные произведения. Например: *Она обдула воздухом форму, посыпала тальком и быстрыми движениями заправской стерженицы стала насыпать состав и уминать его* (Г. Е. Николаева. Битва в пути); *Целый день он стучал топором: строил нары в пожарном сарае, поскольку зеницы на постой к хозяйкам становиться не согласились* (Б. Л. Васильев. А зори здесь тихие).

Появилось много новых слов, называющих конкретные предметы. Эти слова образованы с помощью суффиксов *-ик, -ник, -щик, -чик, -тель, -к*: *грузовик, лунник, бомбардировщик, тральщик, передатчик, предохранитель, копнитель, путевка, курсовка, спецовка, зажигалка, фугаска* и др.

Образуется ряд новых отглагольных имен с суффиксами *-ени-, -ани-, -к-*, с нулевым суффиксом (безаффиксный способ образования): *бурение, вождение, обводнение, прилунение, приводнение; зачистка, заточка, заливка, задувка, штамповка; промыв, начес, перехват, запуск, облет* и др. Например: *Мы с волнением следили за полетом очередной автоматической станции, направленной к Луне. И вот наконец сообщение об успешном прилунении станции «Луна-9». Свершилось* (А. Николаев. Жди нас, Луна!).

В рассматриваемый период появилось много имен прилагательных: *совхозный, капроновый, ползунковый, мальчиковый, октябрятский; скоростной, вероятностный, контекстный, авиационный, телевизионный, рентабельный, коммуникательный* и др.

В «Русской грамматике» 1980 г. отмечено: *лавсановый, мохеровый, кемпинговый, грейпфрутовый, стрессовый, джерсовый; детсадовский, уралмашевский, каустический* и др.

Класс глаголов пополнился новыми словами с суффиксами *-рова-, -изирова-*: *акклиматизировать, военизировать, газифицировать, интервьюировать, кинофицировать, микрофильмировать, программировать, экранизировать* и т. п.

2) Новые слова создаются префиксальным и префиксально-суффиксальным путем: *пересменка, подфарник, подследник, надбытовой, завысить, озвучить* и т. п.

Особенно активизируется создание новых слов с помощью приставок: *анти-* (*антивещество, антимир, античастица, антифашист, антидиктаторский, антимилитаристский*), *де-* (*демонтаж, демилитаризация, деqualификация, декомпрессия, дегазировать, демаскировать*), *сверх-* (*сверхскорость, сверхпроводимость, сверхпамять, сверхэнтузиазм, сверхдальний, сверхпрочный, сверхнизкий, сверхдальнобойный, сверхбыстродействующий*), *супер-* (*суперавиация, суперфильтр, суперцентрифуга, суперэкспресс, супертанкер*).

Показательно употребление прилагательных, образованных по одной из указанных моделей, в стихотворении Е. А. Евтушенко «Старухи»:

*Страна сверхскоростей и сверхнаук,
Сверхфизиков, сверхлириков, сверхстроек,*

*Россия, ты еще страна старух,
Быть может, с верх прощающих их, но строгих.*

3) Новые слова создаются сложением двух основ (с помощью соединительных гласных или без них: *самолет, домоуправление, Днепрострой, взрывостойкость, миноискатель, бронетранспортер, новостройка, снегозадержание, свеклоуборочный, звукоулавливатель, луноход, ракетоплан, вездеход, всесоюзный, сеноподъемник* и др.).

Начиная с конца 20-х гг. появляются составные слова: *избачитальня, вагон-аптека, телефон-автомат, плащ-палатка, платье-костюм, школа-интернат* и др. Например, в газетной статье 1925 г.: *У нас теперь сделались центрами политико-просветительной работы в рабочих районах — клубы, в деревне — избачитальни*; в романе В. Ф. Пановой «Спутники»: *За вагонами для легкораненных шел вагон-аптека. Почему он так назван — неизвестно. Аптека занимала в нем маленькое купе*; в поэме В. М. Инбер «Пулковский меридиан»:

*И Муза, на сияние лампадки
Протянутая нитью лучевой,
Являлась ночью, под сирены вой,
В исхлестанной ветрами плащ-палатке.*

В «Словарных материалах» 1977—1979 гг. под ред. Н. З. Котеловой представлен целый ряд составных слов: *справка-автомат, пилот-монтажник, поход-кросс* и др. («Новое в русской лексике», 1980); *вагон-столовая, почта-автомат, блок-гараж* («Новое в русской лексике», 1971), *брелок-термометр, график-календарь, область-побратим, счетчик-датчик* («Новое в русской лексике», 1982).

4) Как уже отмечалось, в XX в. активно создаются новые слова способом аббревиации. «Аббревиатуры — это существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусеченным словом» (Русская грамматика. — Т. I. — С. 225).

Образование новых слов путем слоговой аббревиации (объединения в один состав слогов двух или нескольких слов) или инициальной аббревиации (объединения в один состав первых букв или первых звуков объединяемых слов) относится к концу XIX — началу XX вв.: *РОПИТ* (Российское общество пароходства и торговли), *эсдек, эсер, Центробалт* и др.

Французский исследователь А. Мазон приводит ряд сложносокращенных слов, возникших в период первой мировой войны: *комарм, комкор, комполк, наштаверх, наштадив, главковерх, главксоюз* и др.¹

В 20-е годы новый словообразовательный способ активизирует-

¹ М а з о н А. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie. — Paris, 1920. — P. 54.

ся, на что обращают внимание Л. В. Щерба, Г. О. Винокур¹, А. М. Селищев, Е. Д. Поливанов² и др.

«Сокращенные слова стали чуть ли не символами революционного языка», — писал Л. В. Щерба³. «В революционные годы проявилась в крайней форме страсть к образованию слов по произношению начальных слогов или начальных букв нескольких слов», — отмечал А. М. Селищев⁴.

А. М. Селищев в книге «Язык революционной эпохи» дает перечень новых слов, образованных аббревиационным путем: *Агитпром*, *Внешторг* (управление внешней торговли), *Волисполком* (волостной исполнительный комитет), *Военкор* (военный корреспондент), *Госплан*, *Госстрах*, *губисполком* (губернский исполнительный комитет), *исполком*, *ликбез*, *рабфак*, *ВСНХ* (Высший совет народного хозяйства), *ОДВФ* (Общество друзей воздушного флота), *РСФСР*, *СССР*, *ЦК*, *вуз*, *ГИМН* (Государственный институт музыкальной науки), *нэп*, *ЦИК* и др.

Действительно, многие аббревиатуры появились в 1917—20-е гг. (общественно-политическая лексика, военная лексика). Ср. в романе Ю. В. Трифонова «Старик»: *ревком*, *РВС*, *реввоенсовет*, *наркомвоен*, *южфронт*, *начсобкор*, *начдив*: *Телеграмма от Р В С фронта о назначении комиссара пришла накануне: «Р е в в о е н с о в е т не видит причин замены комиссара»; По последнему донесению на ч д и в а - 2, в бригадах осталось не более 150 штыков в каждой. Н а ч о с о б к о р Мигулин».*

20—30-е гг. дают огромное количество сложносокращенных слов, образованных путем сложения начальных частей или слогов слов: *совдеп* (совет депутатов), *совнарком* (совет народных комиссаров), *колхоз*, *рабфак*, *местком*, *продмаг*; полного слова и части слова: *парторганизация*, *партактив*, *профорганизация*, *стенгазета*, *зарплата*, *запчасти*, *роддом* и др.

С течением времени первая часть многих сложносокращенных слов перестает восприниматься как одна из основ данного сложносокращенного слова, становится регулярным компонентом слов, превращается в служебный аффикс, напоминающий по функции префикс, с помощью которого свободно образуется целая группа лексических единиц: *сов-* (советский), *гос-* (государственный), *парт-* (партийный), *воен-* (военный), *рай-* (районный) и т. п.

В «Русской грамматике» 1980 г. приведены повторяющиеся компоненты сложений, сращений, аббревиатур, предшествующие опорному компоненту: *авиа-*, *авто-*, *аэро-*, *био-*, *видео-*, *гео-*, *гидро-*, *кино-*, *космо-*, *макро-*, *макси-*, *микро-*, *мини-*, *нео-*, *полу-*, *само-*,

¹ Винокур Г. О. Язык нашей газеты // «Лепф». — 1924. — № 2.

² Поливанов Е. Д. О литературном (стандартном) языке современности. // Родной язык в школе. — 1927. — № 2.

³ Щерба Л. В. Культура языка // «Журналист». — 1925. — С. 5.

⁴ Селищев А. М. Революция и язык // «На путях к педагогическому самообразованию». — М., 1925. — С. 214.

теле-, электро- и другие повторяющиеся опорные компоненты сложений и аббревиатур: *-вед, -граф, -дром, -лет, -лог, -ман, -навт, -строение, -ход, -хоз* и др. Ср. в шутовском тексте в повести В. Ф. Пановой «Ясный берег»: *Все в городе начинается со слова «рай»: рай-исполком, рай-собес, рай-финотдел. Самый город называют: рай-центр. И весной, когда улицы заносит белыми лепестками и пухом и воробьиным чириканьем заглушено щелканье счетов в рай-заготконторе, — кажется, что это действительно «рай»; в стихотворении Б. А. Ахмадулиной:*

<i>Я пред бумагой не робею</i>	<i>Литературой мы дышали,</i>
<i>И опишу одну из сред,</i>	<i>Пока хозяин вел нас в зал</i>
<i>Когда меня позвал к обеду</i>	<i>И говорил о Мандельштаме,</i>
<i>Сосед — литературовед...</i>	<i>Цветаву он тоже знал.</i>

(«Как долго я не высыпалась»)

В нашей стране в 20—30-е годы появилось много слов этой структуры, называющих понятия, связанные с культурой: *культработа, культмассовый, культпоход, культотдел* и др.; *радиовещание, радиоцентр, радиокомментатор, радиопилот* и др.; *киноведение, киножурнал, кинопрокат, кинофестиваль, киноэкран; телеобозрение, телекомпания, телесериал, телебалет, телекомментатор*. Как отмечает Т. Х. Каде, в современном русском языке насчитывается более 300 слов с первой частью теле¹: *телезритель, телекамера, телелюбитель, телепередатчик, телеприемник, телестанция, телестудия, телефильм, телеантенна, телеаппаратура, телекомитет, телепомехи, телевещание, телевидение, телевизор, телесериал, телепередача, телеканал, телеспутник* и др.

Продуктивными являются модели с первой частью *видео-* (*видеоскоп, видеозапись, видеоманитофон*), *фото-* (*фотоателье, фотоживопись, фотофизика*), *мини-* (усечение прилагательного *минимальный*) и *макси-* (усечение прилагательного *максимальный*): *мини-кар, мини-кинескоп, мини-мобиль, минитермоядерный, мини-функция*.

В период Великой Отечественной войны были созданы слоговые аббревиатуры: *медсанбат, замполит, санпоезд* и др. Ряд из них имеет подвижную первую часть: *арт-, бое-, ком-, зам-, сан-* (*сандружинник, санпоезд, санбат, санобработка, санпропускник*), *эвако-* (*эвакопункт, эвакогоспиталь, эвакоприемник*) и др.

Например, в поэме А. Т. Твардовского «Василий Теркин»:

1) <i>Я дорогою постылой</i>	<i>Был там как бы политрук.</i>
<i>Пробирался не один.</i>	<i>Шли бойцы за нами следом,</i>
<i>Человек нас десять было,</i>	<i>Покидая пленный край.</i>
<i>Был у нас и командир.</i>	<i>Я одну политеседу</i>
<i>Из бойцов. Мужчина дельный.</i>	<i>Повторял:</i>
<i>Местность эту знал вокруг.</i>	<i>— Не унывай.</i>
<i>Я ж, как более идейный,</i>	

¹ Каде Т. Х. Русская телевизионная терминология // Формирование и функционирование социальной лексики в русском языке. — Днепропетровск, 1978.

- 2) *Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный, наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в с а н б а т.*

В повести Г. Я. Бакланова «Южнее главного удара»: *Второй особенностью плана было решение Щербатова начать атаку внезапно, без а р т п о д г о т о в к и; Батарейю принял новый к о м б а т капитан Беличенко; в повести В. В. Быкова «Карьер»: — Да, Енакиев... Старшина р а з в е д р о т ы. Ничего старшина был, исправный; в повести К. Д. Воробьева «Убиты под Москвой»: Для Алексея курсанты оборудовали что-то похожее на землянку..., п о м к о м в з в о д а разложил там гранаты; Из строя вышел маленький боец, увешанный по бокам в е щ м е ш к о м и противогазной сумкой.*

Появляется ряд инициальных аббревиатур буквенного типа: ЦК, ВКП (б), КПСС, ВЛКСМ, РСФСР, СССР, ВЦСПС; инициальные сокращения звукового типа: ЦИК, ГУМ, ЗИЛ, дот, дзот, КП и т. п. Например, в поэме А. Т. Твардовского «Василий Теркин»:

*Он сидит за стенкой д з о т а,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.*

В повести В. В. Быкова «Карьер»: *Командир полка вызвал его на КП... Командный пункт майора Попова располагался на той стороне; в повести Г. Я. Бакланова «Южнее главного удара»: На КП вдруг все затряслось, задрожало, с брустверов потек песок... Это был тот самый момент, когда немцы обрушили огонь на наблюдательный пункт Беличенко.*

Инициальные аббревиатуры создаются и в послевоенное время: ООН, ПАЗ — противоатомная защита, АУОС — автоматическая универсально-орбитальная станция, ВИА — вокально-инструментальный ансамбль, ВОК — Всесоюзное общество книголюбов, КВН, АМС — автоматическая межпланетная станция, АЭС — атомная электрическая станция и др.

III. В XX в., особенно в последние десятилетия, словарный состав литературного языка пополняется н о в ы м и з а и м с т в о в а н н ы м и словами.

Из английского языка были заимствованы слова: автокар, акваланг, бизнес, блайзер, блюминг, демпинг, детектив, диспетчер, джемпер, джинсы, комикс, комбайн, круиз, лазер, лайнер, миксер, пикап, радар, рок, свитер, сервис, снайпер, спининг, троллейбус, фильм, хобби и др.; из французского языка: авангардизм, ас, демарш, демонтаж, диспансер, диспропорция; дубль, комбинезон, метро, метрополитен, пике, призер, репортаж, табло, торшер, шезлонг и др.; из немецкого языка: автобус, агрессор, диктат, кино, оккупант, приоритет, радио и др.

На сравнительно быструю адаптацию иноязычных слов указы-

вает их возможность становиться базой образования новых русских слов: *комбайн — комбайновый, комбайнерка, комбайнерша, комбайнирование, комбайнерский, комбайностроение, комбайностроительный, зернокомбайн, льнокомбайн, кухонный комбайн; метро — метростроенец, метростроевский, метрострой, метромост, метровокзал; экскаватор — экскаваторщик, экскаваторщица, экскаваторный, экскаваторщицкий* и т. п.

В послевоенные годы, особенно в 60—80-е и в настоящее время, появилось в русском литературном языке много интернациональных научных терминов, связанных с развитием техники, экономических наук: *электроника, кибернетика, циклотрон, лазер, мазер, нейтрон, радар, компьютер, синхрофазотрон, приватизация, индексация* и др.

Например, в МАС²: *компьютер* — одно из названий электронной вычислительной машины (англ. computer), *лазер* — оптический генератор-источник очень узкого и мощного пучка света, имеющего строго определенную длину волны (англ. laser), *нейтрино* — электрически нейтральная элементарная частица с весьма малой массой покоя, нулевым магнитным моментом (итал. neutrino, 1982. — Т. II). В словаре-справочнике «Новые слова и значения» (1971): *лазер* — генератор индуцированного излучения световых волн, создающий чрезвычайно интенсивный и узкий пучок света (от англ. laser, сокращение слова light amplification by stimulated emission of radiation — усиление света посредством стимулированного излучения (с. 250); *мазер* — генератор индуцированного электромагнитного излучения в диапазоне коротких радиоволн (maser — microwave amplification by stimulated emission of radiation — усиление микроволн с помощью индуцированного излучения (с. 264).

Постоянно изменяется быт людей, поэтому появляются в устной и письменной речи носителей русского языка такие слова иноязычного происхождения, как *шорты, пуловер, блейзер, джинсы, пустер, кемпинг, тостер, кашпо, круиз, лосьон, мопед*; в молодежной речи: *транзистор, битл, трейк, диско, дискотека, рок, рокер, панк, хиппи* и др.

Но большинство заимствованных слов — это интернациональные термины, которые употребляются в речи специалистов и научной литературе: *агрофон, аденовирусы, кварк, мутаген, денотат* и др.

Тексты произведений различных жанров дают возможность будущему читателю с помощью неологизмов воспринять особенности той или иной эпохи. Например, в произведениях А. А. Вознесенского «Реплика в экологической дискуссии»: *локация, авиакасса, биокраска, аквалангист, лазер, вертолет* и т. п.; Б. А. Ахмадулиной: *метро, автомат, мотороллер, магнитофон, диск, дом отдыха, диктор, дом творчества* и т. п.; В. С. Высоцкого: *микрон, райвоенкомат, медсанбат, минометный, автомат, КП, ДЗОТ, истребитель, «ЯК», бомбардировщик, аэродром, стабилизатор, ас, комбат, аккордеон, радиосигнал, дискоспектакль, стюардесса, лайнер, турбина, ТУ, магнитофон, анабиоз, гид, кибернетический, бюллетень, ОРУД, фото-*

камера, фоторепортер, телевизор, МАЗ, космос, стройотряд и др. В повести Д. А. Гранина «Зубр»: *Ждали, что последуют новые и новые головокружительные открытия физиков, а тут еще подоспела к и б е р н е т и к а, все зачитывались книгами Винера... Шли кинокартины о физиках, со сцены слышалось: «Эйнштейн», «протон», «кванты», «цепная реакция».*

IV. В связи с демократизацией русского литературного языка, расширением круга носителей литературного языка произошли изменения «в жанрах и типах общественно-речевой практики, в характере и организационных формах социально-речевого общения»¹.

Крестьяне, рабочие, ремесленники становятся корреспондентами газет, журналов, выступают на собраниях, что оказывает влияние на язык газет и журналов, на язык устной ораторской речи, находит отражение в текстах художественной литературы.

«Литературный язык 20-х гг., — справедливо пишет М. В. Панов, — можно представить в виде двух концентрических окружностей. Меньшая — это строго нормативная речь, продолжающая традиции XIX — начала XX в. Большая — это пестрая и неустойчивая речь, которую только в потенции можно было назвать литературной. Через условную границу, разделявшую эти два типа речи, шло интенсивное перемещение конструкций и моделей. Строго литературная речь поглощала полулитературную, ассимилировала ее, сама обогащаясь и внутренне преобразуясь»².

В результате влияния живой разговорной речи в литературный язык вошли слова: *авоська, балка* ('овраг'), *бахча, баянист, безотцовщина, блокадник, блокадница, бомбежка, бурки, буханка, ватник, времянка, девчата, зажигалка, нехватка, проработать кого-либо, прослойка, ребята, труженик, учеба, хлеботор, электрочка* и др.

Показательно, что все эти слова или отсутствуют в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940) (*авоська, безотцовщина, бурки, буханка, ватник, зажигалка* — 'зажигательная бомба'), или имеют помету «новое» (*баянист, бомбежка* — новое, авиационное аргю, *времянка, девчата* — комсомольское, школьно-вузовское аргю), «областное» (*баклага, баклажка, бочка, бахча*).

В «Словаре русского языка» АН СССР (1957—1961) перечисленные слова квалифицируются как нейтральные или разговорные, что подтверждается примерами из публицистических текстов, текстов художественной литературы, а также примерами из литературной разговорной речи. Например, в романе Н. К. Чуковского «Балтийское небо»: *Торопливо он вытаскивал все, что у него было в мешках, и раскладывал на газетах. Вот еще буханка хлеба, еще полбуханки, обрезки, ломти, сухари;* в поэме «Василий Теркин»:

¹ Виноградов В. В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // «ВЯ». — 1961. — № 4. — С. 4.

² Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе // «ВЯ». — 1962. — № 3. — С. 4.

*Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой.*

В поэме О. Ф. Берггольц «Февральский дневник»:

*Мы выйдем без цветов, в помятых касках,
В тяжелых ватниках, в промерзших полумасках,
Как равные — приветствуя войска.*

Многие слова живой разговорной речи пополняют группы специальной лексики. Так, слова *клещи*, *клин*, *котел*, *мешок* в годы Великой Отечественной войны употреблялись в особом терминологическом значении, относились к тематической группе «военная лексика».

Показательно, что в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940) перечисленные слова рассматриваются как принадлежность разговорной или технической бытовой речи: *загнать клин в бревно*, *вставить клин*, *столярные клещи*, *котел кипит*, *паровой котел* и т. п. В «Словаре русского языка» АН СССР (1957—1961) и во втором издании МАС (1981—1984), кроме указанных, отмечаются значения, которые дают основание относить слова *клещи*, *клин*, *котел*, *мешок* к военной лексике. Например: *Клещи*. 2) *Воен.* Охват противника с двух сторон; *Котел*. 3) *Воен.* Полное окружение (больших групп войск); *Мешок*. 4) *Воен.* Полное окружение (больших групп войск).

Ряд слов разговорно-бытовой речи пополняет состав технической специальной лексики: *палец*, *стакан*, *стрелка*, *рама*, *дворник* и т. п. Например, в МАС: *Стакан*. 3) Гильза, в которой заключен заряд артиллерийского снаряда.

Наблюдается и противоположное явление: слова и словосочетания профессиональной речи входят в широкое употребление: *загрузка*, *замес*, *задел*, *отдача*, *сработать*, *отснять*, *зеленая улица*, *ЧП* и др.

Терминологическая лексика с измененным кругом лексической сочетаемости входит во всеобщее употребление: *единица (единица оборудования)*, *точка (торговые точки)*, *объект (объект строительства)*, *линия*, *крус*, *плоскость* и т. п.

V. Многие слова уходят из активного запаса носителей языка, употребляясь лишь в речи специалистов-историков или в художественной литературе, выполняя функцию исторической стилизации: *фрейлина*, *синод*, *сенат*, *столоначальник*, *земский*, *урядник*, *барин*, *городовой*, *полиция*, *полицмейстер*, *камердинер*, *камеристка*, *придворные* и др. Например, в романе Ю. П. Германа «Дорогой мой человек»: — ... и прямо из Сорбонны приехала в Мордовию — земским врачом. Урядник говорил ей «ты», потому что она была под надзором; в романе о народовольцах Ю. Трифонова «Нетерпение»: *помещик*, *царь*, *господин*, *городская дума*, *гласный*,

денщик, земство, крепостник, управляющий, жандарм, сенатор, мировой судья, градоначальник, полицейский и др.; Отец — влиятельный господин, сахарозаводчик, гласный городской думы; Караул внизу проорал свое оглушительно ретивое: «Здравие желаем, ваше императорское величество!»; Полицмейстер Дворжицкий поехал у кареты. Его собственные сани, на которых он с двумя полицейскими чинами должен следовать за каретой царя.

В течение 70 лет существования Советского государства многие неологизмы стали историзмами: *женотдел, красноармеец, трибуналец, назначенец, обновленец, синемблузник, комбед, продналог, нэпман, смычка, военспец* и др., поскольку неологизмы существуют сравнительно недолго, а затем или переходят в разряд общеупотребительных слов или уходят из языка, превращаются в историзмы. Перечисленные слова и подобные им в исторических сочинениях и художественных произведениях служат для создания исторического колорита. Например, в повести Д. А. Гранина «Зубр»: *Даже на кадре плохо снятой кинохроники 1918 его можно узнать в строю красноармейцев. День всеобща в Москве 28 мая 1918 года. Красная площадь. У Исторического музея стоят в вольном строю красноармейцы. Над ними бархатные знамена-хоругви. «Да здравствует союз рабочих и крестьян» и прочие надписи, уже плохо различимые.*

Изменилось стилистическое значение ряда слов: лексемы *барин, барыня, бюрократ, вельможа, лакей, чиновник* стали употребляться с негативной оценкой. Например, в МАС²: «*Бюрократ*. 2) Неодобр. Должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу; формалист, буквоед»; «*Барин*. 4) Разг. О человеке, который уклоняется от труда, перекладывает свою работу на других» (1981.— Т. I); в статье Б. Можаяева: *Ах, дорогой читатель! Если бы негодовали только одни архангельские! Ведь что беспокоит чиновников? Дай самостоятельность этому звену, оно сразу становится непослушным и высокие предписания чиновников — что и где сеять, когда пахать, когда косой махать и прочее — бросает в мусорное ведро... Потому как сами знают лучше всех чиновников на свете, что им, звеньевым, делать надо.*

§ 2. ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Морфологический строй менее «других ярусов» языка подвержен влиянию социальных факторов, поэтому коренных изменений в морфологической системе русского литературного языка в XX в. не произошло. Исследователи отмечают лишь некоторые изменения в пределах частей речи, лексико-грамматических и морфологических разрядов, в системе форм слова, то есть в пределах его парадигмы.

В кругу имен существительных обращает на себя внимание способность существительных мужского рода, обозначающих лиц мужского пола, называть лиц женского пола: *врач пришел и врач*

пришла, секретарь сказал и секретарь сказала, балетмейстер поставил и балетмейстер поставила, что обусловлено выдвижением женщин «на всех поприщах, доступных раньше только мужчинам»¹.

В род. п. с количественным значением формы слов с флексией *-у* вытесняются формами с флексией *-а*: *чашка чая, много снега, мало дыма, нет клея* (варианты: *чашка чаю, много снегу, нет клею*).

В именительном падеже множественного числа существительных мужского рода I склонения формы с флексией *-а* становятся более употребительными: *трактора, катера, крейсера, цеха, слесаря, токаря* (однако до сих пор нормативными являются формы слов: *договоры, коллекторы, компрессоры, офицеры, инженеры, лекторы, снайперы* и многие другие); в родительном падеже множественного числа увеличивается употребительность нулевых флексий: *абрикос, мандарин, апельсин, баклажан, помидор, грамм, килограмм, рентген, микрон, комментарий*.

В кругу имен прилагательных наблюдается пополнение группы аналитических (несклоняемых) прилагательных типа *беж, хаки; коми (коми язык, коми литература), пик (часы пик), модерн (стиль модерн, модерн-балет), экспресс (экспресс-информация), гала (гала-представление), джерси, люкс, макси, миди, мини*, развитие качественного значения у некоторых имен прилагательных: *большевистский, астрономический, космический (космические планы, задачи, космический размах)*.

В классе глаголов видим увеличение групп двувидовых глаголов: *военизировать, газифицировать, кинофицировать, схематизировать, электрифицировать, радировать, интенсифицировать, госпитализировать, транслировать*.

Синтаксический строй русского литературного языка также не изменился. Однако в связи с демократизацией литературного языка наблюдается интенсивное проникновение в письменные тексты синтаксических моделей живой разговорной речи. Например, О. Б. Сиротинина, исследовавшая специфику публицистического стиля, отмечает «экспансию разговорной речи в книжные функциональные стили» начиная с 20-х гг.: увеличение в текстах газетных статей количества простых предложений, вопросно-ответное построение текста, широкое употребление присоединительных конструкций, упрощение структуры предложения (сокращение длины предложения), уменьшение употребительности предложений с обособлениями и т. п.²

Н. Ю. Шведова приводит примеры широкого использования в письменных текстах конструкций диалогической устной речи: включение в текст вопросно-ответных единств, вопросительных конструк-

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.— М., 1938.— С. 192.

² Сиротинина О. Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики // Развитие функциональных стилей современного русского языка.— М., 1968.

ций¹. Ср. у Н. С. Тихонова: *Неужели это в центре города? Да, вот видна статуя римского воина.., вот изогнулся Кировский мост («Город-фронт»); у В. Вишневого: Но что можно сделать против блокады, голода, арктической зимы? Хватит ли у Ленинграда физических, нервных и духовных сил? Об этом думали миллионы людей («Нам светит солнце победы»).*

Лингвисты фиксируют распространение в языке публицистики нашего времени императивных конструкций в виде падежных форм существительных с предлогами или словосочетаний с именем существительным в роли опорного слова: *«За работу! Под знамя Труда! В поход за химический всеобуч!»* Ср. у В. Вишневого: *«Больше орудий, мин, снарядов, пулеметов, автоматов, гранат, больше боеприпасов!..*

Больше рейсов по железной дороге! Больше рейсов на Ладужской автодороге! Больше рейсов трамвая, автотранспорта!» («Нам светит солнце победы»).

Многие исследователи указывают на широкое употребление в современной письменной и устной речи конструкций с отыменными предлогами: *в области, по линии, в смысле, по пути, в сторону, в направлении, по направлению к, в связи с тем что, в результате того что, в свете того что, в условиях, в ходе, в свете, с учетом, во избежание* и др.

В современном русском литературном языке активизируется употребление парциллированных конструкций, т. е. присоединительных конструкций различного типа. Ср. в рассказе К. Г. Паустовского «Дождливый рассвет»: *На скатерти лежали ножницы и отрезанные ими лишние стебли цветов. И рядом — раскрытая книга Блока. «Дорога дальняя легка...» И черная маленькая женская шляпа на рояле, на синем плюшевом альбоме для фотографий. Совсем не старинная, а очень современная шляпа. И небрежно брошенные на столе часики в никелевом браслете. Они шли бесшумно и показывали половину второго. И всегда немного печальный, особенно в такую позднюю ночь, запах духов.*

Активизируется также употребление предложений с именительным темой². Например, у Н. С. Тихонова: *Вода! Вы открываете кран, и льется белая струя, льется без конца. Вы открываете кран, горячий и холодный, и ванна наполняется голубоватым сумраком, который пьянит вас теплотой... И вот ничего этого нет. Умерли все краны, все трубы мертвы... Но каждый день целые процессии шли по городу за водой, жуткие, длинные,— это шли непобедимые ленинградцы, которых ничто не могло сломить.*

Г. Н. Акимова в книге «Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка» (1982) отмечает: 1) употребление изолированного им. падежа, совпадающего по форме с номинативным предложением (*И вот к нему пришла маленькая женщина с мальчи-*

¹ Шведова Н. Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе // «ВЯ». — 1964. — № 2.

² См. об этом: Иванникова Е. А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху // Развитие синтаксиса современного русского языка. — М., 1966.

шеским лицом, задумчиво-плутоватым и смешливым. Голубая майка. Стриженные волосы. В. Панова. Спутники); 2) увеличение в текстах числа вставных конструкций (*Мамы — папы — бабушки пишут письма, шлют посылки и деньги (нормированная десятка — «на кафетерий», «на мороженое»), даже приезжают по возможности*); 3) расширение круга так называемых несогласованных сказуемых в форме косвенных падежей имен (*Он, как говорит Лешка, без чувства юмора. В. Быков. Третья ракета; Парень ты с головой. В. Быков. Сотников*); 4) интенсивное употребление сегментированных конструкций (*Он вообще нравился Нине, этот друг Павла Васильевича. Ю. Нагибин. Берендеев лес; Игра и сказка! Одно время педагоги относились к ним подозрительно*), в том числе сегментированных конструкций с местоимениями *вот что, вот кто, вот каков* и т. п. (*Мы его притянули, наладили трап, и вот кто по нему сошел собственной персоной. Г. Владимов. Три минуты молчания; Но это еще не все. Петр Иванович был под хмельком — вот что особенно удивило Пелагею. Ф. Абрамов. Пелагея*); 5) широко представлены в современных текстах цепочки номинативных предложений (*Лица. Портреты. Девочка. Не сказочная Аленушка, не литературная Наташа Ростова в детстве... — просто ребенок. Дитя. Женщина. Просто пожилая женщина над веткой расцветшего багульника. Кто они? Мы не знаем их имен*) и др.¹

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в XX в. в грамматическом строе русского литературного языка происходят различные изменения, в основном обусловленные сближением литературного языка с живой разговорной речью², но коренных, существенных изменений в грамматическом строе в этот период не происходит, так как современный русский литературный язык формируется в первой половине XIX в.

§ 3. БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Новые носители литературного языка после Октябрьской революции не могли за короткий период времени усвоить нормы литературного языка. Поэтому они вносили опыт своей речевой практики в привычную сферу бытования литературного языка: статьи газет, журналов, тексты художественной литературы, ораторскую, публичную речь.

В газетах, журналах (статьях рабкоров и селкоров), произведениях молодых писателей, в выступлениях на митингах, собраниях той части рабочих, которая была далека от культурной жизни страны, ремесленников, крестьян постоянно употреблялись разноstileвые

¹ Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. — Л., 1980.

² См. об этом: Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. — М., 1968.

элементы: книжная лексика, книжные синтаксические конструкции, усваиваемые ими, и привычные слова, формы слов, синтаксические конструкции нелитературной устной речи. Например: *Социал-демократические фальсификаторы германского рабочего движения работали на ять* («Правда», 1925); *И на собрании на том встает дорогой наш товарищ Никанор Кудыкин и говорит свое веское слово: «Довольно, товарищи, будет. П о п р о п а г а н д и л и у п о п а п о д к р ы л ь ц о м... и хватит... Теперь наша задача на другой фронт поворачивается. Наше дело теперь авторитет поднимать при помощи практической работы* («Комсомольская правда», 1925).

А. М. Селищев в книге «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)» (М., 1928) приводит большое количество таких примеров, указывая при этом на то, что в названные годы стали раздаваться «голоса осуждения языковой невразумительности», использования «птичьего языка», призывы «к борьбе за культуру речи. Например, в одной из пермских газет: «Необходимо начать решительную борьбу за культурность речи — ее чистоплотность, четкость, грамотность». Действительно, «языковая смута» беспокоила общественность, так как под угрозой оказались языковые традиции, создаваемые веками в процессе развития русской культуры, стабильные нормы русского литературного национального языка.

В 20-е гг. появляются специальные терминологические словари, словари иностранных слов, предназначенные для новых носителей литературного языка: «Популярный политический словарь» (1922), карманный словарь «Помощь читателю газеты» (1922), «Словарь советских терминов» под ред. П. Х. Спасского (1924), «Краткий советский словарь общеупотребительных сокращений» (1924), «Полный иллюстрированный словарь иностранных слов» (1926) и др.

Началась борьба общественных деятелей, писателей, ученых, учителей с теориями РАППА и Пролеткульта, призывавших создать новый язык, язык революции, пролетариата, борьба за сохранение русского литературного языка как неотъемлемой части русской культуры, формировавшегося в течение столетий.

Например, А. В. Луначарский писал: «Так же глупо начинать сейчас выдумывать свой язык для будущей литературы вместо усовершенствования старого, как глупо было бы взорвать все паровозы и начать выдумывать свои собственные, новые, на том основании, что это — паровозы буржуазные»; К. Федин подчеркивал: «Постоянная требовательность наша к чистоте речи стала ничтожной, мы «используем» (о господи!) в литературе всякий словесный шлак, пуще всего боясь оказаться зачисленными в консерваторы на том основании, что сторонимся языковых новшеств. Новшество, конечно, сторониться не следует, но хорошо бы почаще срамить грамотеев, выдающих косноязычие за новаторство».

На страницах газет появляются статьи Е. Д. Поливанова,

А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура, Д. Н. Ушакова и других лингвистов, которые объясняют читателям сущность языковых процессов, пропагандируя традиционные стабильные нормы русского литературного языка.

С защитой традиционных норм русского литературного языка выступают в печати журналисты (Н. Марковский, Д. Рязанов, С. Кренев, Ю. Яснопольский, М. Рыбникова и др.). Например, Н. Марковский в статье 1926 г. «За культуру комсомольского языка» писал: «Всякий комсомолец, всякий молодой рабочий должен говорить на своем, культурном языке, а не на каком-то блатном. Наш язык — наше достижение, наша культура. Не нужно бояться интеллигентности» (Молодой большевик.— 1926.— № 15).

В начале 30-х годов борьбу за чистоту русского литературного языка возглавил А. М. Горький. В борьбе с засорением русского литературного языка он видел свой долг писателя и общественного деятеля. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка,— писал он,— есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней» («О языке»).

В статьях, письмах к молодым писателям, в беседах с рабочими, журналистами, читателями А. М. Горький неустанно противопоставлял литературный язык, живую разговорную речь и язык художественной литературы, требуя от писателей соблюдения пушкинского принципа «соразмерности и сообразности» в употреблении внелитературных языковых единиц. После выхода в свет романа Ф. И. Панферова «Бруски» Горький выступил инициатором дискуссии о нормах литературного языка, о границах использования диалектизмов, о функциях диалектизмов в тексте художественного произведения. В статьях «О прозе» (1933), «По поводу одной дискуссии», «О бойкости», в «Открытом письме А. С. Серафимовичу» (1934) Горький осуждает пристрастие молодых писателей (таких, как Л. Сейфуллина, А. Караваева, Ф. Панферов) к местным речениям (*пыжжай* вместо *поезжай*, *подъялдыкивать* вместо *поддакивать*, *скукожился* вместо *сжался*, *дефти* вместо *девки*, *поедим* вместо *поедем*). «Почему «пыжжай»? — спрашивает М. Горький. — У нас есть области, где миллионы произносят правильно — «поезжай», есть области, где говорят «паезжай», говорят и с «апострофом» «п'езжай». Речевые капризы нашей страны весьма многообразны. Задача серьезного литератора сводится к тому, чтобы отобрать из этого хаоса наиболее точные, емкие, звучные слова, а не увлекаться хламом вроде таких бессмысленных словечек, как «подъялдыкивать», «базынить», «скукоживаться» и т. д.»¹.

В статье «О прозе» М. Горький указывает: «Местные речения, «провинциализмы», очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя нехарактерные, непонятные слова». В статье «О бойкости» читаем: «Нельзя ссылаться на то, что «в нашей области так говорят», — книги пишутся не для одной какой-то области».

¹ Горький М. Собр. соч.— Т.25.— С. 134.

«Литератор должен писать по-русски, не по-вятски, по-балахонски».

Горький восстает против натуралистического воспроизведения в литературе речи малограмотных рабочих, против засорения литературного языка жаргонными, профессиональными и просторечными словами. Например: «*Взбрыкнул, трушилось, встопорцил, грякнул, буруздил*» и десятки таких плохо выдуманных словечек, все это — даже не мякина, не солома, а вредный сорняк... Автор может возразить: «Такие слова — говорят, я их слышал!» Мало ли что и мало ли как говорят в нашей огромной стране, — литератор должен уметь отобрать для работы изобращения словом наиболее живучие, четкие, простые и ясные слова» («По поводу одной полемики», 1932).

30—60-е гг. знаменательны развитием лексикографии в нашей стране. Выходят в свет четыре толковых словаря различного объема: «Толковый словарь русского языка» в четырех томах под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940), где представлено 85 289 слов (почти 10 тысяч — неологизмы советской эпохи), однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, выдержавший 22 издания, «Словарь русского языка» в четырех томах [редакция] (1957—1961) под ред. А. П. Евгеньевой, где зафиксировано 22 тысячи новых слов (в 1981—1984 гг. вышло второе издание этого словаря). В течение 17 лет выходит «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в семнадцати томах (1948—1965) (под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина), включающий в свой состав свыше 120 тысяч слов. Словарный сектор в Санкт-Петербурге начиная с 1971 г., выпускает справочники, где зафиксированы новые слова и значения слов, появившиеся в русском языке за последние 20—25 лет, специальные слова и термины, вошедшие в более широкое употребление, разговорно-просторечную лексику, представленную в литературе 60—80-х гг.

Первая книга «Новые слова и значения» («Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.») вышла в 1971 г. под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. Она включает в свой состав такие слова, как *околоземный, окно* в значении 'вынужденный перерыв в чем-либо', *землянин, неотложка, запрограммировать, античастица, безъядерный, биатлон, битл, блокадник, декодирование, джинсы, жэк, канцероген, кварк, кибернетика, киновед, кинопанорама, космодром, космолетчик, космопорт, кофеварка, кофемолка, макси, мини, нарколог, поп-арт* и др.

С 1980 г. выходит серия словарных материалов под ред. Н. З. Котеловой, которая называется «Новое в русской лексике», куда включены слова, появляющиеся в печати начиная с 1977 г.

В 1984 г. эти материалы составили новый том словаря-справочника «Новые слова и значения», куда вошли слова *бамовец, луноход, дискотека, вецизм, акселерат, БАМ, биоритм, бит-ансамбль, блейзер, блузон, кассета, видеокамера, видеопленка, видеофильм, гриль-бар, икебана* (японское *ikebana* — искусство составлять букет), *КРУ, кроссовки, миди, мини-лодка, нонконформизм* и др.

В 1970 г. выходит «Словарь синонимов русского языка» под

ред. А. П. Евгеньевой, в 1973 г.— словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного русского языка» под ред. К. С. Горбачевича, в 1974 г.— «Обратный словарь русского языка», в 1976 г.— «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, в 1977 г.— второе издание «Словаря сокращений русского языка», в 1978 г.— третье издание «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова, пятнадцатое издание «Орфографического словаря русского языка» под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова и многие, многие другие словари и словари-справочники.

В 1952 г. ~~издается~~ издает нормативно-описательную «Граматику русского языка», в предисловии к которой акцентируется предназначенность грамматики для широких кругов говорящих и пишущих.

В 1970 г. издана однотомная «Грамматика современного русского литературного языка» ~~издается~~ (под ред. Н. Ю. Шведовой). В 1980 г. выходит двухтомная «Русская грамматика» АН СССР (под ред. Н. Ю. Шведовой; редакционная коллегия: Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, В. В. Иванов, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, Ф. П. Филин), в которой сказано: «Издаваемая сейчас «Русская грамматика» является описательной и нормативной. Она ставит своей задачей совместить научное описание грамматического строя современного русского литературного языка с нормативными рекомендациями и оценками... Книга содержит сведения о том, какие возможности словообразования, формы слов, их акцентные характеристики, синтаксические конструкции являются для современного состояния русского литературного языка исключительно правильными и какие вариативными (допускаемыми в употреблении наряду с другими, равнозначными или близкими по значениям). С решением нормативных задач связано введение во все разделы «Русской грамматики» стилистических и других специализирующих характеристик. Таким образом, эта книга обращена одновременно как к широкому кругу читателей, которые интересуются русским языком или стремятся к углублению своих знаний о нем, так и к специалистам-языковедам¹. Следовательно, «Русская грамматика» 1980 г.— это книга, где зафиксированы нормы русского литературного языка конца XX в.

Л и т е р а т у р н ы й язык, функциональные стили литературного языка оказывают сильное влияние на живую разговорную речь различных социальных групп населения нашей страны.

Перемещение книжной лексики и фразеологии из текстов специальных, научных в газетно-публицистический стиль и в живую разговорную речь, выход терминов за пределы узкоспециальной сферы употребления, проникновение их в широкую сферу неспециалистов, в язык художественной литературы — одна из самых характерных особенностей литературного языка наших дней.

¹ Русская грамматика.— М., 1980.— Т. I.— С. 3.

60—80-е гг. характеризуются противоречивыми процессами: освоением норм литературного языка широкими массами жителей нашей страны и влиянием речи жителей деревни, переселившихся в большие промышленные города, на устную речь рабочих и учащихся, распространением сленга в речи молодежи и в более общем плане — интенсивным влиянием живой разговорной речи нелитературного характера на разговорную форму литературного языка. В связи с этим до сих пор актуальна борьба с засорением устной литературной речи, которую ведут учителя школы, преподаватели вузов и различные общественные организации нашей страны, одновременно с глубоким изучением закономерностей современной живой разговорной речи.

Основные выводы

1. В XX в. произошли коренные изменения во всех областях жизни России: в политическом строе, экономике, социальных отношениях людей, в науке, литературе, искусстве, в быту носителей языка, но в литературном языке изменений, затрагивающих основу его структуры, не произошло.

2. Литературный язык этого времени унаследовал богатство русского языка предшествующего периода развития; язык художественной литературы развивается на базе языка русской классической литературы XIX — начала XX в.

3. Изменилась роль литературного языка в общественной жизни страны; значительно расширился круг носителей русского литературного языка.

4. Новые носители русского литературного языка не только усваивают его нормы, но и сами оказывают влияние на развитие литературного языка.

5. Различные взаимоотношения между литературным языком и живой разговорной речью дают основание выделить в языке XX в. (послереволюционного периода) три периода: 20-е гг.; 30-е гг. — первая половина 50-х; вторая половина 50-х — 80-е гг. В 20-е гг. особенно интенсивным было влияние живой народной речи на литературный язык. В 30—50-е гг. ведется борьба за чистоту русского литературного языка, стабилизируются нормы литературного языка. 50—80-е гг. — освоение норм литературного языка широким кругом носителей языка и влияние живой разговорной речи на различные стили литературного языка, проницаемость стилей (например, взаимовлияние разговорно-бытового и газетного стилей) и замкнутость стилей (например, строго очерченные контуры делового и научного стилей), укрепление норм литературного языка и рост индивидуальных отклонений от норм литературного языка в разговорной речи лиц различных социальных групп, а также в текстах художественных произведений.

6. Под влиянием социальных факторов происходят изменения в словарном составе русского литературного языка: появляются но-

вые слова, образованные традиционными словообразовательными способами (аффиксацией, словосложением), активизируется аббревиатурное образование новых слов; продолжается заимствование иноязычных слов; словарный состав литературного языка пополняется просторечной, диалектной, профессиональной лексикой; изменяется стилистическая и экспрессивно-эмоциональная окраска многих слов; слова, связанные со старым укладом жизни, уходят из языка.

7. Изменения в словарном составе русского литературного языка обусловили интенсивное развитие лексикографии в нашей стране в 30—70-е гг.

8. Грамматический строй менее словарного состава подвержен влиянию социальных факторов, поэтому существенных изменений в морфологии и синтаксической структуре русского литературного языка в советскую эпоху не произошло.

Исследователи отмечают лишь частные изменения в грамматическом строе литературного языка, в большинстве своем обусловленные сближением литературного языка с живой разговорной речью.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка.— Л., 1980.

Виноградов В. В. Русская речь; ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания.— 1961.— № 4.

Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи // Развитие функциональных стилей современного русского языка.— М., 1968.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц.— М., 1980.

Горбачевич К. С. Русский язык: Прошлое. Настоящее. Будущее.— М., 1984.

Иванчикова Е. А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху // Развитие синтаксиса современного русского языка.— М., 1966.

Кожин А. Н. Лексико-семантические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны.— М., 1985.

Левашев Е. В., Петушков В. П. У истоков советской лексикографии // Известия АН СССР. Серия литер. и языка.— 1970.— Т. 29.— Вып. 2.

Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания.— 1962.— № 2.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв.— М., 1990.

Развитие функциональных стилей современного русского языка.— М., 1980.

Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка.— М., 1968.

Шведова Н. Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе // Вопросы языкознания.— 1964.— № 2.

От автора 3

Введение

§ 1. Предмет изучения истории русского литературного языка	6
§ 2. «История русского литературного языка» и ее изучение	18
§ 3. Периодизация истории русского литературного языка	24
<i>Дополнительная литература</i>	25

**Русский литературный язык
донационального периода**

Глава I. Литературный язык древнерусской народности (XI — начало XIV в.)	—
§ 1. Вопрос об истоках русского литературного языка	26
§ 2. Язык древнерусских деловых памятников	—
§ 3. Язык древнерусских церковных памятников	35
§ 4. Язык древнерусских светских памятников	39
§ 5. Язык и стиль «Слова о полку Игореве»	44
Основные выводы	50
<i>Дополнительная литература</i>	59
Глава II. Литературный язык московского государства	60
§ 1. Язык великорусской народности	—
§ 2. Второе южнославянское влияние, архаизация русского литературного языка книжниками XV—XVII вв.	69
§ 3. Стиль «плетение словес»	81
§ 4. Демократизация русского литературного языка во второй половине XVII в. Предпосылки для образования русского литературного национального языка	84
Основные выводы	89
<i>Дополнительная литература</i>	90

**Формирование русского литературного
национального языка**

Глава III. Русский литературный язык Петровской эпохи	92
§ 1. Принципы разграничения литературного языка донациональной эпохи и литературного национального языка	—
§ 2. «Славянороссийский язык» и «гражданское посредственное наречие» в Петровскую эпоху	95
§ 3. Иноязычные заимствования Петровской эпохи	100
§ 4. Отсутствие единых языковых и стилистических норм в памятниках конца XVII — первой четверти XVIII в.	105
Основные выводы	110
<i>Дополнительная литература</i>	111

Глава IV. Русский литературный язык второй половины XVIII в. (40—70-е гг.)	112
§ 1. Формирование морфологических норм русского литературного национального языка. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова	113
§ 2. Теория трех стилей М. В. Ломоносова	117
§ 3. Стилистическая теория М. В. Ломоносова и литература классицизма	121
§ 4. Дальнейшая судьба системы трех стилей	137
§ 5. Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева	140
Основные выводы	145
Дополнительная литература	146
Глава V. Русский литературный язык конца XVIII — начала XIX в.	—
§ 1. Формирование синтаксических норм русского литературного национального языка	147
§ 2. Изменение в словарном составе русского литературного языка второй половины XVIII — начала XIX в.	153
§ 3. Роль Н. М. Карамзина в истории русского литературного языка	163
§ 4. Полемика защитников старого слога и сторонников нового слога	176
Основные выводы	184
Дополнительная литература	185
Глава VI. Русский литературный язык первой четверти XIX в. (10—30-е гг.)	186
§ 1. Романтизм и развитие русской художественной речи в первой четверти XIX в.	187
§ 2. Роль И. А. Крылова в истории русского литературного языка	203
§ 3. Роль А. С. Грибоедова в истории русского литературного языка	209
Основные выводы	218
Дополнительная литература	219
Современный русский литературный язык	
Глава VII. Роль А. С. Пушкина в истории русского литературного языка	220
§ 1. Эволюция языка произведений Пушкина	222
§ 2. Структура текстов произведений Пушкина середины 20—30-х гг.	232
§ 3. Стилистические функции слов в текстах произведений Пушкина середины 20—30-х гг.	238
§ 4. Работа Пушкина над языком прозы	252
Основные выводы	261
Дополнительная литература	262
Глава VIII. Изменения в русском литературном языке середины XIX — начала XX вв.	263
§ 1. Изменения в словарном составе русского литературного языка середины XIX — начала XX вв.	272
§ 2. Изменения в грамматическом строе русского литературного языка середины XIX — начала XX вв.	272
Основные выводы	278
Дополнительная литература	279
Глава IX. Русский литературный язык XX в. (второе десятилетие — 80-е годы)	—
§ 1. Изменения в словарном составе русского литературного языка	280
§ 2. Изменения в грамматическом строе русского литературного языка	293
§ 3. Борьба за чистоту русского литературного языка	296
Основные выводы	300
Дополнительная литература	301

Учебное издание

Ковалевская Евгения Григорьевна

ИСТОРИЯ

РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Зав. редакцией *В. Л. Склярова*

Редактор *Г. В. Карлюк*

Художественный редактор *И. В. Короткова*

Технический редактор *Н. Н. Бажанова*

Корректоры *Л. Г. Новожилова, Н. Д. Цухай*

ИБ № 12404

Сдано в набор 28.08.91. Подписано к печати 19.05.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсетн. № 2. Гарнит. Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19+0,25 форз. Усл. кр.-отт. 19,50. Уч.-изд. л. 21,80+0,34 форз. Тираж 25 300 экз. Заказ 122.

~~Саратовский~~ издательство «Просвещение» Министерства печати и информации Российской Федерации. 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Саратовский ордена ~~Красного Знамени~~ полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.